

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД АЛЕКСАНДРА КНЯЗЕВА
ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КAVKAZA

**ПРОЕКТЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕГРАЦИИ
ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ,
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы международной конференции.
Худжанд, 26-28 июня 2007 года

Бишкек 2007

УДК 327
ББК 66.4
П 79

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Киргизско-Российского
Славянского университета А.А. Князева

П 79 Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной
Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/
Под ред. А.А. Князева. – Бишкек, 2007. – 296 с.
ISBN 978-9967-24-358-3

Международная конференция «Интеграционные проекты для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы» проходила 26-28 июня 2007 года в городе Худжанде, Таджикистан.

В сборнике помещены подготовленные участниками конференции из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, России, Великобритании, Италии, Франции доклады, статьи и тезисы, а также ряд статей экспертов, не принимавших непосредственного участия в работе конференции, но занимающихся в своих исследованиях данной проблематикой. В сборник включены также наиболее значительные из публикаций о конференции в средствах массовой информации.

Издание предназначено для специалистов по международным отношениям, историков, политологов и всех, интересующихся современными политическими процессами и новейшей историей стран Центральной и Южной Азии и проблемами региональной интеграции.

П 0802000000-07

ISBN 978-9967-24-358-3

УДК 327

ББК 66.4

© Общественный фонд
Александра Князева, 2007 г.
© Институт Центральной Азии
и Кавказа, 2007 г.

Центральная Азия — регион, исторически и цивилизационно сложившийся как этнокультурное и конфессиональное сообщество и совокупность политических образований в географическом пространстве между славяно-христианским, южноазиатским, восточноазиатским и арабским мирами. В конце XX в. концепция Центральной Азии стала трактоваться в зависимости от геополитических соображений — в наиболее узком виде она сводится к формуле пяти постсоветских республик; в расширенном варианте выглядит как регион, включающий и территории ряда других государств, «интерферирующих» или близких по этническим или другим характеристикам. Появляются и иные по пространственно-политическому формату интегральные схемы, предусматривающие решение конкретных задач, соответствующих интересам находящихся за пределами региона геополитических центров силы.

Создание аналитических проектов сопровождается и практически действиями, создавая в регионе конкурентную обстановку, актуализируя как естественные внутрирегиональные противоречия, так и целый ряд угроз региональной безопасности.

Оценка данной ситуации экспертными кругами, включающими представителей различных академических школ и аналитических институтов как из стран региона, так и из-за его пределов, являлась задачей конференции «Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы», прошедшей в Худжанде 26-28 июня 2007 года, в которой приняли участие эксперты из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, России, Великобритании, Италии, Франции и Пакистана.

Организаторами конференции стали Институт Центральной Азии и Кавказа (г. Москва), Общественный фонд Александра Князева (г. Бишкек), Центр геополитических исследований Российско-Таджикского Славянского университета (г. Душанбе), Лаборатория «Россия и Восток» (г. Барнаул).¹

¹ Институт Центральной Азии и Кавказа (ИЦАИК) учрежден Международным общественным фондом «Фонд национальной и международной безопасности» (Фонд НИМБ) 1 марта 2005 г. в г. Москве. Институт работает как информационно-аналитический и научно-практический центр, специализирующийся на организации и проведении различного рода исследований, выработке предложений и оказании услуг в области расширения и углубления международных связей в регионе. Главной целью Института является содействие укреплению и развитию международных отношений в области экономики, политики, культуры и науки между Россией, странами Центральной Азии и Кавказа, а также Шанхайской организации сотрудничества и другими субъектами отношений, заинтересованными в развитии данных региональных связей. WEB-site: <http://www.fnimb.org/icaik.htm>
Общественный фонд Александра Князева создан в 2002 г. в г. Бишкеке (Киргизия) и занимается проведением научных исследований по проблематике региональной безопасности и социальных и иных конфликтов, распространением результатов исследований. С 2004 г. фондом выпускается ежегодный сборник статей «Афганистан и безопасность Центральной Азии» с участием ведущих ученых и экспертов из разных стран. С 2006 г. издается книжная серия «Россия и русские в Центральной Азии». За время работы фонд издал еще ряд публикаций, выступил учредителем и организатором нескольких международных общественно-политических и научных форумов, соавтором ряда документальных фильмов. WEB-site: <http://www.knyazev.org>

Главный информационный партнер конференции – Информационное агентство «Фергана.Ру», среди партнеров конференции также душанбинская газета «Бизнес и политика, Таджикский государственный институт языков, Центр поддержки СМИ (г. Душанбе).

Центр геополитических исследований (ЦГИ) РТСУ организован в декабре 2002 г. ЦГИ является одним из структурных звеньев университета. ЦГИ – творческое объединение ученых и специалистов в области гуманитарных наук (геополитики, этнополитики, истории, политологии, культурологии и т.д.). В своей деятельности ЦГИ акцентирует внимание на фундаментальных геополитических исследованиях, выработке рекомендаций, разработке геостратегических прогнозов развития государств на евразийском пространстве, политических процессов, проблемах геополитики в государствах Евразии. WEB-site: <http://www.rtsu.tj/sinse/geo.html>

Лаборатория «Россия и Восток» исторического факультета Барнаульского государственного педагогического университета была создана 22 апреля 1996 г. Раз в два года лабораторией организуются Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица, а также проводятся международные конференции «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур». Новой формой работы лаборатории становятся межведомственные семинары «Азиатский фронт России». WEB-site: <http://www.bspu.secna.ru/Faculty/History/orient/labor/index.html>

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОСЛА РОССИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Р.Г. АБДУЛАТИПОВА

28 июня 2007 г.

Российско-таджикские отношения имеют глубокие исторические корни и можно с уверенностью сказать, что в современных условиях отношения России и Таджикистана обрели качественную динамику. За эти годы пройден большой путь в двусторонних отношениях, которые строятся на союзнических принципах стратегического партнерства. В наших отношениях определяющими являются доверительность, искренность и взаимопонимание — это создает хорошую базу для обсуждения и решения самых важных вопросов. И самое главное, то, что саму модель доброжелательных, доверительных и деловых отношений задают нам президенты России и Таджикистана В.В. Путин и Э. Рахмон.

При всех трудностях и сложностях исторических реалий в условиях различных политических режимов мы можем сделать главный вывод: несмотря на все и вопреки многим трудностям, русский и таджикский народы, Россия и Таджикистан, сблизившись духовно, стали союзниками и братскими народами и государствами. Российская Федерация одной из первых признала независимость Таджикистана, что говорит об отказе в своих отношениях от всяких пережитков имперской политики. Более того, в самые трудные годы, в период вооруженного противостояния именно Россия была главным гарантом межтаджикского примирения и мирного урегулирования ситуации в Таджикистане. Примечателен и исторически значим тот факт, что подписание мирных соглашений произошло в Георгиевском зале Московского Кремля. Около 200 наших военных и пограничников отдали свою жизнь за свободу и независимость Таджикистана. Это напоминание тем, кто в последнее время раскручивает старую и «дохлую» идею об имперской роли России в Центральной Азии.

После развала Советского Союза в центральноазиатском регионе действуют новые силы влияния, но именно Россия является сегодня инициатором восстановления многополярного мира — мира без чьего-либо диктата и при равенстве всех мировых держав. Мюнхенская речь Президента Российской Федерации В.В. Путина обозначила позицию нашей страны в этом направлении. И это доказательство того, что у России открытая, продуманная стратегия в международных делах и, особенно, в Центральной Азии. Россия не участвует здесь в разных «играх», а развивает свои отношения, исходя из потенциала общности интересов стран региона и Российской Федерации. Россия в регионе ни с кем не конфликтует, а ведет прагматическую политику учета своих интересов и в равной мере интересов своих союзников. Важно сказать, что политика России в Центральной Азии четко обозначена. И эту политику мы реализуем, прежде всего, в рамках структур СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, т.е. вместе со своими союзниками. И если мы сегодня говорим о региональной интеграции, то без этих орга-

низаций наладить интеграционные процессы в Центральной Азии будет трудно. Кто бы как не критиковал Россию, но в Таджикистане именно Россия реализует наиболее значимые экономические и военно-политические проекты. Кроме того, у России добрые отношения с Казахстаном, Узбекистаном, Киргизстаном, Туркменистаном. Россия и Китай объединяют свои усилия в Центральной Азии и существенно влияют на стабильность в регионе.

Возрождение России, рост ее авторитета в мировой политике вызывает неоднозначную оценку со стороны определенных политических сил. Но Россия и Центральная Азия связаны цивилизационно. Россия, в отличие от Запада или Востока, против цивилизационного раскола Центральной Азии. Мы против деления мира на так называемое цивилизованное человечество, и на ту его часть, которая находится лишь в начале пути приобщения к тем благам, которые несет с собой научный и технический прогресс современности. Восток, Таджикистан демонстрируют глубокие цивилизационные корни. Оценить вклад в мировую цивилизацию таких духовных гигантов, как Фирдоуси, Рудаки, Руми, Авиценна не представляется возможным. Не менее великим будет вклад Таджикистана и в мировую цивилизацию в XXI веке. И на этом пути Россия находится рядом с Таджикистаном. Такова воля наших народов и наших президентов. И это важный фактор участия России в цивилизационных и интеграционных процессах в Центральной Азии.

Россия не стремится быть ведущей в Центральной Азии. Мы за равноправие не только в анализе угроз и новых вызовов, но и за паритет в принятии решений. Центральная Азия тысячами нитей тесно связана с Россией, и поэтому наша страна больше всех заинтересована в мире и стабильности в регионе, в благополучном развитии стран и народов Центральной Азии. И эти задачи, исходя, прежде всего, из интересов народов и государств региона, мы готовы решать вместе с Китаем, США, Евросоюзом, Индией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном и другими государствами. Мы против политики по принципу «свой-чужой» и поддерживаем Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона, который, провозгласив «политику открытых дверей», демонстрирует готовность сотрудничать со всеми странами. Но нельзя допускать в Центральной Азии господства инструментов блоковой политики прошлого, которую пытаются внести сюда сегодня НАТО, ОБСЕ и другие «игроки».

Такие «игры» не в интересах народов региона. На нашей конференции есть попытки свести роль тех или иных стран к оказываемой ими помощи, хотя и в этом плане Россия никому не уступает. Главную роль в успешном развитии интеграционных тенденций стран и народов Центральной Азии играют слияние и использование их внутреннего потенциала. И здесь неизбежно основные факторы интеграции будут задействованы на Россию. Повторяю, Россия имеет добрые отношения со всеми странами региона и это не означает, что мы за кого-то или против кого-то. У некоторых

из выступавших на конференции (Искандар Асадуллаев)¹ получается, что если успешно строится Сангтудинская ГЭС — значит, мы за Таджикистан, а если Правительство Таджикистана не смогло договориться с компанией «РУСАЛ» по Рогунской ГЭС — значит, мы за Узбекистан. Это очень примитивный подход. Мы — за скорейшее разрешение спорных вопросов внутри стран региона, вопросов, которые мешают разворачиванию здесь полноценного интеграционного процесса. Нередко обвиняют Россию и в том, что она не играет в регионе посреднической роли. Для примера: я выступил с инициативой ко Дню Победы в Великой Отечественной войне открыть авиарейсы между Душанбе и Ташкентом. В Советское время здесь ежедневно было более десяти рейсов, а сейчас люди мучаются, добираются «на перекладных». И никакой реакции.

Если близкие, соседние страны не способны даже к таким мерам интеграции, то о чем вести речь по-крупному? Надо уметь делать шаги навстречу друг другу. Повторяю, Россия в этом заинтересована как никто другой. Россия хотела бы видеть страны региона более открытыми друг другу.

Тот же Искандар Асадуллаев, как и многие другие, приписывает США роль единственного борца за демократию и права человека в регионе. Для России эти ценности тоже являются основополагающими, но мы против экспорта, как демократии, так и революций. Все эти ценности имеют глубокие корни в духовной культуре народов Центральной Азии и оттуда они и должны прирастать, обогащая политические интересы стран и межгосударственные отношения.

На конференции рассматривались разные варианты интеграции Центральной Азии. Не хочу умалять чью-то роль, как говорится «дай-то Бог», но ни один из этих вариантов невозможен на ближайшую перспективу без России. И это не амбиции России, а ее историческое положение и тесная связь с культурой и экономикой народов и стран региона.

Должен заметить, что к российской внешней политике в регионе всегда предъявляются завышенные, а порой и явно тенденциозные требования. Внешняя политика определяется возможностями и потенциалом страны. Россия сама выходит из тяжелого периода развала Советского Союза. Не могу судить обо всех, но в Таджикистане как нигде понимают положение и роль России, ибо сама республика находится в переходном периоде. Наша политика в Таджикистане, да и во всей Центральной Азии отвечает здравому смыслу, историческому наследию и общим перспективам. Мы не должны терять достигнутую динамику и доверительность наших отношений, необходимо сохранить и нарастить достигнутый позитив, но при этом видеть спорные моменты и противоречия, неизбежные в таком большом деле, как наша общая вовлеченность в международные и региональные дела. Как посол России в Таджикистане хочу отметить, что мы с Таджикистаном — стратегические партнеры. Это великая ответственность.

¹ Выступление Р.Г. Абдулатипова состоялось 28 июня, в последний день работы конференции.

С российской стороны я могу заверить, что наша политика в Таджикистане была и будет предсказуемой, учитывающей законные интересы Таджикистана, нацеленной на братское сотрудничество и на поиск совместных решений по всем злободневным вопросам жизни наших народов и государств. В итоге своего выступления хотелось бы выделить приоритетные задачи наших двусторонних отношений и политики в центральноазиатском регионе.

1. Выполнение всех договоренностей, достигнутых между нашими президентами и правительствами в ходе официального визита В.В. Путина в Душанбе в октябре 2004 года.

2. Обеспечение стабильности и безопасности в Центральной Азии и вокруг нее. Отсюда — взаимодействие и сотрудничество со всеми странами, которые действуют в регионе, способствуя, тем самым, интеграционным процессам.

3. Максимальная интеграционный потенциал стран и народов Центральной Азии и минимизация конфронтационного потенциала внутри региона.

4. Самостоятельный выбор странами региона своей политики, своего будущего и своих партнеров для сотрудничества и развития.

5. Демократизация государственной и общественной жизни на основе укрепления прав и свобод граждан, повышение открытости стран региона друг другу.

Для решения этих и других задач необходимо тесно сотрудничать со всеми государствами Центральной Азии. Мы против жалобных стонов о том, что нас кто-то вытесняет из центральноазиатского региона. Никто на это не способен, ибо мы по всем параметрам взаимосвязаны. Кроме того, мы за то, чтобы сочетать конкуренцию с партнерством.

Мы за честную, открытую и прагматическую политику в Центральной Азии. И мы будем работать в этом направлении, пользуясь возрастающей ролью России в международных делах, а также исторически накопленным потенциалом дружбы и сотрудничества со странами Центральной Азии.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*А.А. Князев,
докт. ист. наук, профессор Киргизско-
Российского Славянского университета*

С момента распада СССР на постсоветском пространстве было образовано множество интеграционных объединений как военно-политического, так и экономического характера. Однако большинство из них оказывались ареной выяснения отношений между государствами-участниками и фактически не оправдали возложенных на них надежд. В первую очередь это относится к наспех созданному Содружеству независимых государств, чьей главной и основной функцией было, как теперь уже вполне очевидно, обеспечение цивилизованного характера постсоветского «развода» и условий для возникновения новых конфигураций взаимодействия на пространстве бывшего СССР. Можно согласиться в этом с президентом России В.В. Путиным: «СНГ создавалось, чтобы процесс распада СССР проходил более цивилизованно, с меньшими потерями в экономической и гуманитарной сферах. С этим СНГ справилось... Но у СНГ никогда не было сверхзадачи в экономической интеграции. Если в Европе страны ЕС совместно работали для объединения, то СНГ создавалось для цивилизованного развода. Все остальное — политическая шелуха и болтовня».¹

Единого политического вектора развития стран СНГ не существует, да и существовать не могло. Сохранение некоего политического единства могло бы состояться в том случае, если бы распад СССР стал результатом одного лишь системного кризиса в позднем СССР плюс политического авантюризма тогдашних политических элит. Но распад СССР являлся и результатом глобального геополитического процесса, состоявшего, прежде всего, в геополитической борьбе двух мировых центров силы — США и СССР.

Наивно было бы полагать, что с подписанием беловежских, а затем алма-атинских соглашений роль внешнего фактора на политически обновленном пространстве бывшего СССР будет сведена к нулю и все начнется с чистого листа. Новые государства с момента своего возникновения, прежде всего, стремились состояться в государственном качестве, сначала — в том, что касалось государственной атрибутики, внешних признаков суверенитета, затем — в укреплении собственных властных «вертикалей». Еще одной из задач руководства практически всех новых государств стало утверждение новых внешнеполитических ориентаций, получившее мощную поддержку победителей «холодной войны». И это имело успех, учитывая, что политические ценности, как и идеологическая сфера вообще, были и остаются одной из наиболее слабых сторон постсоветской внешней политики России. Учитывая историческое наследие в высокой степени идеологизированной имперской и советской дипломатии, странным выглядит категорический отказ российской политики в СНГ от какого-либо ценност-

¹ Прайм-ТАСС. — М., 2005. — 4 апреля.

ного содержания. Миссия России в СНГ с момента распада СССР и до настоящего времени не ясна и не определена.

Зато поддержка новых политических элит со стороны США и ряда других внешних акторов имела немалый и политический, и идеологический потенциал. В СНГ приходят заинтересованные политические игроки, имеющие задачей вовсе не филантропическое содействие становлению новых государств. Исходя из собственных геополитических построений, они, помимо иного, инициируют и возникновение новых интеграционных объединений или, как минимум, проектов таковых. В чем-то эти проекты оказываются более или менее жизнеспособны — когда основываются на действительных общих интересах стран. В чем-то — оказываются обречены на существование в качестве всего лишь проектов. Вполне характерным примером такого рода развития является и Центральная Азия.

В исследовании, подготовленном для американских ВВС, известный функционер республиканской администрации З. Хализзад анализирует три возможных стратегии для Америки в период после окончания «холодной войны»: отказ от империализма, возврат к многополярному миру и мировая гегемония (для благозвучия — «американское руководство миром»).¹ Вряд ли есть особая необходимость обосновывать вывод о том, что именно последняя из названных стратегий последовательно реализуется администрацией США на протяжении всего периода после 1991 г. Приоритетной среднесрочной задачей США в Центральной Азии сразу стала борьба за обеспечение как можно более дистанцированной от России внешнеполитической линии со стороны республик региона. Уже в 2000-х гг. с американской стороны более акцентировано озвучиваются инициативы, направленные на сферу экономики. Уничтожив в первые годы независимости собственную экономическую базу, созданную в советское время, местные политические элиты уже во второй половине 1990-х гг. находятся в судорожном поиске ресурсов для выживания.² Этот поиск синхронизи-

¹ US Grand Strategies: Implications for the United States and the World// Strategic Appraisal 1996. — RAND Corporation 1996. Основываясь на тезисах З. Бжезинского и аналитиков RAND Corporation, У. Пфафф полагает, что стержнем американской геостратегии является так называемая «новая атлантическая инициатива», которая должна создать американскую атлантическую империю, причем НАТО отводится роль основного инструмента. — *Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America// World Policy Journal. — 1998/99. — Vol. XV, № 4, Winter. — P. 2.* В контексте нынешнего стремительного и целенаправленного вовлечения НАТО в афганскую ситуацию уже недостаточно объяснять его стремлением американской администрации переложить на альянс ответственность за Афганистан (см.: *Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 549, 585-586.* НАТО становится инструментом экспансии США на всем евразийском пространстве, что и было формализовано на саммите НАТО в Риге в ноябре 2006 г. Афганистану и постсоветским республикам региона в этой ситуации отводится роль своего рода плацдарма.

² Местные политические элиты ряда стран оставили себе только одну возможность для поддержания собственного благополучия — воспользоваться более или менее благоприятным географическим расположением и получать дивиденды от транзита. Поскольку же производимые товары на мировом рынке не востребованы, остается одно — транспортировка чужих товаров, среди которых важное место занимает транспортировка углеводородов. Эта ситуация попросту эксплуатируется, используется внешними политическими центрами в своих — не столько, может быть, экономических, сколько военно-политических, — целях. Именно из этого обстоятельства проистекает несоразмерно высокая актуализация вопроса о транспортных коридорах в конце 1990-х гг.

руется с планомерной работой разнообразных американских государственных и неправительственных институтов по установлению влияния и контроля над государствами региона. И идеи интеграционного характера играют в этом процессе далеко не последнюю роль.

Наиболее масштабный из американских евразийских проектов — «The Greater Middle East», «Большой Ближний Восток». Это амбициозный проект по «демократизации» (включая, естественно, внешнее воздействие на «демократизируемый» объект) огромного «макрорегиона», объединяющего, согласно американскому видению, Египет, Израиль, арабские страны Ближнего Востока, Турцию, Южный Кавказ и Центральную Азию, Иран, Афганистан и Пакистан. Систему контроля за макрорегионом изначально предполагалось создать в тесном взаимодействии с ближайшими союзниками США — Турцией, Пакистаном и Израилем. По замыслам разработчиков, реализация программы «Большого Ближнего Востока» позволила бы решить целый комплекс задач, включая установление контроля над основными коммуникациями и энергетическими ресурсами региона. Проект «Большой Центральной Азии», критика которого чрезвычайно актуальна сегодня в регионе, является составным компонентом этого плана.

Региональные объединения играют важную роль в процессе утверждения США в Евразии. В контексте центральноазиатской политики, выход Узбекистана из Договора о коллективной безопасности СНГ, как и его присоединение к объединению ГУУАМ, были лишь некоторыми из этапов региональной стратегии США. Существует точка зрения, согласно которой главной причиной решения президента РУ И.А. Каримова выйти из ДКБ было недовольство политикой руководства Таджикистана, «неспособного контролировать» ситуацию в своей стране и поддержка режима Э.Ш. Рахмонова Москвой. Выход Грузии из ДКБ объясняется грузино-российскими противоречиями по «абхазскому» вопросу, Азербайджана — несогласием с политикой России в карабахском конфликте.¹ Однако эти мотивы представляются все-таки не самыми главными. В подобном контексте не вполне ясными представляются мотивы Украины или Молдавии, вместе с названными странами, создавшими объединение ГУУАМ в 1996 г., задолго до выхода Узбекистана, Азербайджана и Грузии из ДКБ.

Создание ГУАМ в 1996 г. (с 1999 г. — ГУУАМ) с самого начала представляло собой альтернативу интеграционным процессам в постсоветском пространстве, связанным с российским участием. Среди главных мотивов, приведших к решению об отказе в членстве в ДКБ СНГ Азербайджана, были обвинения в адрес России в поставках ракет и военных самолетов Армении. Но одновременно имело место предложение руководству Азербайджана со стороны НАТО и Турции о размещении на азербайджанской территории части сил, дислоцировавшихся на турецкой базе Инджирлик. С этими событиями совпадает во времени выход из ДКБ и Узбекистана, и Грузии, что

¹ **Ашимбаев М., Лаумулин М.** Трудный путь к региональной безопасности// Континент. — Алма-Ата, 2002. — № 10, 15-28 мая. — С. 20.

свидетельствует, по мнению турецкого политолога Ерхана Буюкакинджи, о вероятности предварительного согласования этих действий. С другой стороны, выход Узбекистана, Азербайджана и Грузии из ДКБ совпадает с решением Украины об открытии полигона Явир в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира». Примерно в это же время Грузия ужесточила предъявляемые России требования о выводе российских вооруженных сил с грузинской территории.¹ Созданию ГУУАМ предшествовали и другие объединительные инициативы для постсоветских государств, игнорировавшие Россию. Во всех этих инициативах заметными были если не прямое участие самих США, то присутствие их интересов в действиях Турции или НАТО. С конца 1990-х гг. большинство серьезных внешнеполитических акций стран-членов ГУУАМ (прежде всего, на российскийском направлении) в буквальном смысле слова определялись Вашингтоном.

Положение начало меняться после избрания президентом России В.В. Путина. СНГ было объявлено важнейшим приоритетом российской внешней политики. Россия начала проводить более четкую и продуманную политику на постсоветском пространстве. Все это привело к тому, что антироссийская и проамериканская направленность некоторых членов блока ГУУАМ начала становиться менее выраженной. Такая эволюция произошла с Узбекистаном, который приостановил, а затем и прекратил свое членство в ГУУАМ и вступил в ШОС и ОДКБ, и, в определенной степени, с Азербайджаном. С другой стороны, ряд членов ГУАМ решил избрать путь еще большей радикализации своего антироссийского и проамериканского курса.

К 2003-2004 гг. становится очевидным, что реализация американской стратегии ведет, прежде всего, к перераспределению сложившихся зон влияния мировых держав и межгосударственных объединений в центре евразийского пространства. Конечным итогом этого геополитического процесса должно стать коренное изменение баланса сил в Евразии в пользу США и установление нового миропорядка в его американской версии. Но логичным результатом такой политики уже становится качественно новое столкновение интересов мировых центров силы в регионе, чреватое и качественно новыми дестабилизационными процессами. Проявлений этого конфликта, позволяющих, в частности, говорить о чрезмерной милитаризации региона, уже немало.²

Создание региональных межгосударственных блоков и организаций всегда было одним из приемов в борьбе великих держав за свои интересы. Активное блокотворчество, происходящее вне зависимости от объективных причин и потребностей, в высокой степени характерно для постсоветского и постсоциалистического пространства. Эта активность лишь подтверждает несоответствие объективно обусловленных систем двус-

¹ **Буюкакинджи Ерхан.** Вопросы безопасности и примеры сотрудничества в Черноморском регионе// ГУУАМ — миф или реальность в аспекте региональной безопасности Черноморья. — Симферополь, 2001. — С. 41-42.

² См. подробнее: **Князев А.А.** Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 522-549.

торонних и многосторонних отношений (например, на пространстве бывшего СССР) и политической реальности, связанной с новой активностью внешних центров силы, каковым в нашем случае выступают США. Происходит объединение несовместимых между собой партнеров по правилам, так или иначе навязанным со стороны и не имеющим под собой реальных оснований для экономического и политического сотрудничества. Идет перестановка субъектов региональной политики без учета их истинной значимости и действительной роли в региональных процессах. В конечном итоге, это создает дополнительную конфликтность. История малых стран, имеющих опыт партнерства с великими державами в условиях жесткой геополитической конкуренции, показывает, что эта категория «карликовых» союзников чаще всего становится разменной пешкой в шахматной игре ведущих игроков.

В целом, политика администрации США, все менее и менее учитывающая интересы евразийских держав, все более и более ведет к тому, о чем когда-то предупреждал З. Бжезинский: «коалиция России одновременно с Китаем и Ираном может возникнуть только в том случае, если Соединенные Штаты окажутся настолько недальновидными, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно».¹ Проводимая США политика нейтрализации и ослабления России и Ирана – стран, которые в течение столетий имели влияние в регионе, – наивна и не приведет к мирному урегулированию. «Недальновидность» американской политики в Евразии постепенно ведет к тому, что Китай наращивает активность в Центральной Азии и Прикаспии, стремясь защитить интересы собственной национальной безопасности, а заодно и обеспечить надежные поставки энергоносителей для своей развивающейся экономики. Характерно, что все государства положительно воспринимают укрепление китайского влияния в регионе, поскольку Китай предлагает альтернативный вариант экспорта энергоносителей, а ситуация, сложившаяся вокруг проектов их транспортировки по западному и южному маршрутам, остается неясной. Центральная Азия рассматривается руководством КНР как жизненно важный источник энергоресурсов. Такой подход удовлетворяет интересам Казахстана, Туркмении, Азербайджана и не противоречит интересам других стран региона. Устанавливая продуктивные отношения с Китаем, центральноазиатские государства получают дополнительные аргументы в отстаивании своих национальных интересов во взаимоотношениях с США. «Китайский фактор» позволяет странам региона и конструктивно сбалансировать свои отношения с Россией.

В отдаленной перспективе геополитические успехи Китая в Центральной Азии будут зависеть от того, насколько его политика позволит сохранить в регионе обстановку доброжелательного сотрудничества, исключить какую-либо конфронтацию со странами региона. Это, в свою очередь, обуславливает потребность в укреплении многосторонней правовой базы

¹ **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 140.

во взаимоотношениях со странами региона и Россией по обеспечению безопасности. В XXI в. без активного вовлечения Китая в процессы, связанные с обеспечением безопасности в Центральной Азии, обеспечивать относительно стабильное положение как в центральноазиатском регионе, так и в более широком измерении невозможно. Без активного участия Китая или, по крайней мере, без учета его интересов, ни одна система региональной безопасности в регионе не будет действенной и перспективной. Для выполнения же всех этих условий существуют вполне конкретные механизмы, важнейшим из которых, без сомнения, является Шанхайская организация сотрудничества.

В отличие от блоковой структуры, предполагающей воздействие в определенной ситуации на противную сторону военной силой, страны-участницы ШОС создали механизм такого взаимодействия, который предусматривает неприменение силы или угрозы силы друг против друга, воспрещает ведение военной деятельности, нарушающей стабильность в регионе. Ведущую роль в организации играют Китай и Россия, и характер их двусторонних отношений является определяющим для всей организации.

«Он [проект ШОС – **А.К.**] свидетельствует о намерении Москвы и Пекина устанавливать в Средней Азии свои собственные правила, невзирая на роль Запада. Однако чтобы этого добиться, Россия и Китай должны подняться над своим вечным соперничеством в Азии. Обладая весьма ограниченными ресурсами, Путин стремится обратить процесс десятилетнего стратегического отступления России из Средней Азии... По-видимому, Москва права в своих расчетах на то, что у Пекина не так много средств, чтобы оказать существенное влияние на этот регион, что Пекин не бросится сломя голову в открытую дверь. Несмотря на это общий эффект состоит в относительном уменьшении российского влияния в Средней Азии и приводит к осторожной попытке Китая выйти за свои западные границы. Шанхайская организация является совместной российско-китайской инициативой. Маленьким государствам ничего не остается, кроме как присоединиться и надеяться, что им удастся использовать этот союз в собственных интересах.... Россия и Китай отвечают на растущее влияние Запада в Средней Азии».¹

Вряд ли в общем обзоре интеграционных проектов имеет большой смысл подробно останавливаться на тех из них, которые не имеют даже минимальных шансов на реализацию: будь то японские планы по возрождению «Великого шелкового пути», турецкие инициативы для тюркских стран региона, включая и миф о «Великом Туране», или столь же мифическое «Арийское единства» Ирана, Афганистана и Таджикистана.

На этом фоне российский постимперский проект в его самом широком понимании имеет полное право на полноценное существование. При всех издержках транзитного и для самой России времени, в основе разного рода российских интеграционных инициатив – как институциали-

¹ Wall Street Journal. – New York, 2001. – July, 20.

зированных, так и нет – лежит экономическая, цивилизационно-культурная привлекательность России, ее готовность и способность выступать не только в качестве инвестора или эксплуататора ресурсов, но и как гаранта безопасности и лидера процесса модернизации для стран, которые будут готовы поддержать ее лидерство. Континентальный профиль России как государства не оставляет ей возможности существовать иначе, нежели в качестве великой державы, к которому она стремительно возвращается.

Поэтому без России и вопреки России уже невозможно решить ни одной сколько-нибудь значимой международной проблемы, тем более – в регионе, объективно представляющем для России сферу национальных интересов, где, несмотря на все потери постсоветского времени, Россия сохранила наибольшее число определяющих факторов влияния.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОБЩИЕ КОНЦЕПЦИИ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ТУПИКИ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*А.В. Малашенко,
докт. ист. наук, профессор МГИМО (У) МИД
РФ, член Научного совета Московского
центра Карнеги*

1. Необходимость интеграции Центральной Азии никогда и никем под сомнение не ставилась. На вербальном уровне эта идея — аксиоматична. Тем не менее, на практике решение этой проблемы оказывается все более и более отдаленным, если вообще возможным.

2. Для начала отметим возникающую неясность в самом понятии «центральноазиатский регион». Во-первых, его восприятие как общности скорее имеет отношение к истории, как к давней, так и к недавней советской. Показательно, что в советские времена регион назывался более пространно «Средняя Азия и Казахстан», что само собой означало его подразделение как минимум на две неоднородные части. Во-вторых, ранее на этой территории не существовало такого количества государств, с границами, консолидированными властными структурами. Нынешние национальные государства — принципиально новый феномен здешней истории.

В-третьих, вряд ли следует абсолютизировать этно- и социокультурную гомогенность региона. Недаром при строительстве национальных государств, одни напоминают о «кочевой демократии», а другие — о развитой городской культуре. Тюркская же доминанта иногда воспринимается как потенциальная угроза со стороны ираноязычных таджиков.

В-четвертых, происходит «размывание региона». С одной стороны, это — объективный процесс. Например, политическая ситуация в некоторых странах может определяться коллизиями, происходящими за рамками региона; также за его абрис выходят и их экономические интересы.

Формируется идея о необходимости переоценки, переосмысления Центральной Азии как уже сложившегося ареала, о расширении ее границ в южном направлении, о включении в это понятие Афганистана, Ирана и даже Пакистана. При всей конъюнктурности такого подхода, а он разрабатывается в Соединенных Штатах — нельзя не признать того обстоятельства, что анализ происходящих в регионе процессов давно невозможен хотя бы без учета афганской составляющей, а, следовательно, событий в Пакистане и т.д. Происходящее в «дальнем зарубежье» имеет, например, для Таджикистана куда больше значение, чем борьба внутри правящей элиты Казахстана.

3. Остаются нерешенными главные проблемы межгосударственных отношений. Одна из них — государственные границы, которые на ряде

участков вообще остаются заминированными, формально строг пропускной режим. Плюс наличие этнических анклавов, существование которых — один из непосредственных источников нестабильности.

Не поддается скорому решению водная проблема. Теоретически водопользование могло бы явиться основой для постоянного продуктивного диалога, поводом для координации общих усилий и, в конечном счете, базой для бесконфликтного существования. Однако именно распределение и регулирование водных ресурсов оказывается объектом противоречий и используется в качестве средства давления на соседа.

Символами взаимного неверия в продуктивную интеграцию по-прежнему являются такие «мелочи», как отсутствие прямых рейсов между Ташкентом и Душанбе и напоминающие блокпосты пограничные пункты.

4. Национально-государственные интересы однозначно преобладают над интересами региональной интеграции. В этом, разумеется, нет ничего исключительного. Достаточно вспомнить, как развивается интеграция в Европейском сообществе. Однако там общая тенденция такова, что в конечном итоге европейцы осознают даже не столько неизбежность интеграционного процесса, сколь его взаимную выгоду.

В Центральной же Азии и на уровне обществ, и на уровне элит, польза от интеграции выглядит достаточно спорной. Отсутствует сама модель интеграции, и пока что не видно особого стремления ее создать. Причем для кого-то эта модель вольно или невольно ассоциируется с советской эпохой; кому-то — навевает горькие, не в пользу Центральной Азии, сравнения с ЕС. Таджикский исследователь Рашид Абдулло, отмечая, что страны региона «находятся лишь в начале пути становления в качестве национальных государств», пессимистически заключает, что «до создания условий для интеграции «по-европейски» пройдет еще немало лет».¹

Правящие элиты центральноазиатских государств часто отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными. Это обстоятельство также затрудняет поиск общего языка. Отношения между государствами зачастую напрямую зависят от отношений между их лидерами. Взаимная настороженность и просто недоверие между ними очень часто осложняли межгосударственные отношения. Это вообще типично для авторитарных режимов, тем более — для режимов традиционного и полутрадиционного типа со слабо развитым гражданским обществом.

4. Хорошо известно, что бедным странам и обществам интеграция дается труднее, нежели богатым. К тому же, среди «бедняков» ярче проявляют свои амбиции те из них, кто на фоне всех прочих является относительно преуспевающим. Такие страны претендуют на роль лидера интеграционного процесса и стремятся занять доминирующую роль. В Центральной Азии на

¹ **Рашид Абдулло.** Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 2 (50). — С. 75.

эту роль претендуют Казахстан и Узбекистан, для которых она означала бы повышение не только регионального, но и международного статуса.

В 1990-е и в начале 2000-х гг. предпочтительнее смотрелись позиции Узбекистана, который, по словам его президента Ислама Каримова, «по всем своим показателям может достичь в мире высокого положения в культуре, науке, технологии и экономике и стать интеграционным центром в Центральной Азии».¹ Однако после мощного экономического рывка, предпринятого в последние годы Казахстаном, больше оснований заявлять о своих претензиях появилось у Астаны. В 2007 г. Казахстан предпринял несколько шагов по сближению с Киргизстаном, а также с вышедшим после смерти в 2006 г. Сапармурада Ниязова из изоляции Туркменистаном. И теперь президент Нурсултан Назарбаев говорит о том, что «именно Казахстан может стать экономическим и финансовым центром Средней Азии» и о возможности создать Союз среднеазиатских государств.²

Однако вряд ли это означает какой-то исключительный шанс для общерегиональной интеграции.

Нужен ли лидер, который возьмет на себя функции локомотива, вопрос спорный. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы Таджикистан или Киргизстан чувствовали бы себя уютно «под крылом» Узбекистана, или последний смирился бы с казахстанским доминированием. И уж, конечно, с ролью младшего брата никогда не согласится туркменская элита, расправившая плечи после многолетнего смирения перед великим сердаром. Так что «зонтичный вариант» интеграции представляется нереальным.

5. Не стали исключительным стимулом для региональной интеграции безопасность, внутренние и внешние угрозы. Вербальная активность, великое множество переговоров, визитов, симпозиумов и семинаров на эту тематику существуют параллельно реальному положению дел. Проблема безопасности для каждой страны решается почти исключительно на национальном уровне.

В случае угрозы правящему режиму в той или иной стране вряд ли можно предположить, что соседи придут на помощь, мотивируя это необходимостью поддерживать стабильность. Пример тому – гражданская война в Таджикистане и затянувшаяся на целый год «цветочная революция» в Киргизстане. Скорее всего, этого не произойдет даже при попытке совершения «исламской революции».

Вряд ли центральноазиатское сообщество объединится ради консолидированного противостояния внешней, пока еще отдаленной угрозе, например, со стороны возрождающихся афганских талибов. На память невольно приходит позиция Туркменистана, который поддерживал с ними весьма дружественные отношения. И если предположить, что со временем

¹ Каримов И. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. Доклад на первой сессии Олий Маджлиса Республики Узбекистан 23 февраля 1995 г. // Ислам Каримов. Вожди народов, XX век. – Москва: Палея, 1996. – С. 436

² Коммерсантъ-власть. – М., 2007. – 28 мая.

талибы (правда до того им придется восстановить контроль над Афганистаном) дерзнут возобновить экспансию на Север, то их соседям придется искать союзников за пределами региона. Тем более что внутри его у талибов найдутся союзники из числа местных исламистов. Слава Богу, такой ход событий все же маловероятен.

Что касается наркотрафика, то и здесь региональная интеграция окажется хоть сколько-нибудь эффективной лишь при сотрудничестве с внешними партнерами. Самостоятельно эффективно бороться с этим вызовом центральноазиатские государства просто-напросто не в состоянии, особенно если учесть, что многие члены местного истеблишмента и делового мира сами активно задействованы в наркотранзите (кстати, эта категория дельцов уже давно осуществила плодотворную интеграцию в масштабах всего региона.)

6. Насколько заинтересованы в центральноазиатской интеграции внешние «экторы»? На словах — разумеется все. На деле же стремление укрепиться в регионе предполагает на этот счет различные взгляды. Похоже, что искренне на интеграцию в Центральной Азии надеются только в Европе, а точнее в Германии.

Осторожный оптимизм на сей счет выражают в Пекине, хотя там отдают себе отчет в том, что интеграционный процесс будет продвигаться, только если его участников слегка подталкивать друг к другу извне. Недаром в патронируемой китайцами Шанхайской организации сотрудничества все большее внимание уделяют водной проблеме.

Россия, похоже, разуверилась в интеграционном потенциале региона и основную ставку сделала на двусторонние отношения. При этом в Москве не оставляют попыток проинтегрировать Центральную Азию в рамках постсоветского пространства. Свидетельство тому — Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство (ЕЭП), и даже СНГ.

С другой стороны, Москву беспокоит и то обстоятельство, что инициатива в области интеграции может перейти к Китаю и даже к Казахстану, хотя последний заинтересован более всего в сотрудничестве в области энергетики и энерготранзита.

О позиции США уже говорилось выше. Концепт «Большой Центральной Азии» предполагает переосмысление интеграционного фактора. Во всяком случае, искусственно сближать страны региона в Вашингтоне не стремятся. С этой точки зрения ситуация отличается от конца 1990-х — начала 2000-х гг., когда многие эксперты полагали, что «военно-политическая интеграция в Центральной Азии с помощью Запада будет идти также стремительно, как экономическое сближение стран-членов Центральноазиатского Союза».¹

¹ **Мехман Гафарлы.** Центральноазиатский Союз превращается в военный блок// Независимая газета. — М., 1997. — 20 декабря.

Надо глядеть правде в глаза: отмеченные выше «немало лет» до реальной интеграции следует переформулировать иначе: возможна ли вообще такая интеграция и останется ли в ней потребность для стран Центральной Азии?

И здесь видятся три сценария:

Первый — нестыковка национальных интересов будет приводить к систематическому обострению отношений между бывшими советскими республиками, которые все интенсивнее закрепляют свои отношения с различными внешними партнерами.

Такой сценарий предполагает возможность межгосударственных конфликтов на границах с целью их перекройки и высокий уровень нестабильности. Про интеграцию можно забыть.

Второй — внезапное, а главное — единогласное, решение всех национальных элит объединить экономические и политические усилия, создать общий рынок, в том числе — рабочей силы и капиталов, начать практическое воплощение проекта «Шелковый путь». Как результат такого единодушия — формирование некоей общерегиональной организации, с делегированием ей наднациональных (пусть и незначительных) полномочий. Начальным этапом осуществления этого сценария становится урегулирование основных спорных вопросов.

Объяснять нереальность такого сценария нет особой необходимости, хотя, как известно, подобное прожектерство имело место в 1990-е гг.

Третий сценарий предполагает трех-четырёхстороннее сотрудничество на постоянной основе по ключевым проблемам — прежде всего, водной и пограничной. Причем, речь идет не об унифицированной, всеобъемлющей программе, но о частных аспектах. Эти проекты могут существовать как в рамках только центральноазиатского диалога, так и с привлечением внешних субъектов или под эгидой ныне существующих международных организаций, например ШОС или ЕврАзЭС. Такое взаимодействие уже имеет место, хотя отдача от него не слишком велика.

Наконец, большое значение имеет сотрудничество в энергетической сфере, в том числе в области энергетического транзита.

Такой сценарий возможен и реален, да к тому же ему не требуется идеологическая мишура. Совершенно необязательно, что он приведет к полной интеграции, востребованность которой, с нашей точки зрения, сильно преувеличена, а призывы к которой носят характер ритуальных заклинаний.

Только в качестве постскрипума можно упомянуть исламскую компоненту региональной интеграции. Перспективы подобного рода объединения равны нулю, равно как и разговоры о создании в Ферганской долине халифата. Да и вообще в силу этнокультурных различий местных народов ислам не может стать фактором их консолидации. А вызовы радикалов, несмотря на общую фразеологию, ограничиваются локальными, в лучшем — для них, разумеется — случае национально-государственными рамками.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СЛОЖНЫЙ ПУТЬ ОТ ДЕКЛАРАЦИЙ К РЕАЛИЯМ

*Р.Ш. Сайфулин,
докт. ист. наук, эксперт,
Узбекистан*

Проблемы интеграции в Центральной Азии стали актуальными практически сразу же после возникновения в регионе новых независимых государств. Достигнув суверенности, политические элиты в этих странах достаточно быстро осознали необходимость поиска новых и рационализации прежних связей в политической, экономической, гуманитарной и иных сферах взаимодействия.

Вслед за многочисленными заявлениями и декларациями политических лидеров новых независимых государств Центральной Азии наступил период концептуального осмысления перспектив интеграционных усилий в регионе. На данном этапе возникли первые сложности этого процесса, которые даже в условиях сохранявшейся пока схожести политических и экономических систем привели к возникновению первых разногласий, споров и даже противоречий.

В дальнейшем, с учетом очевидных различий в избранных моделях осуществления реформ на национальных уровнях, эти тенденции только усилились. Ситуация усугублялась разновекторностью внешних ориентаций новых независимых государств, а также субъективными обстоятельствами, связанными с конкуренцией за региональное лидерство. Понимая потребности развития своих стран, а также принимая во внимание общественное мнение, лидеры стран региона постоянно подтверждали свое стремление к интеграции, которое представляется весьма искренним, однако носило в большинстве своем лозунговый и декларативный характер. Постепенно снизили свою эффективность и ссылки на историческую, культурную, этническую и религиозную общность, как основы интеграции.

На современном этапе наиболее актуальны прагматические поиски совместного решения накопившихся проблем, прежде всего с позиций защиты собственных национальных интересов, которые, как представляется, в последнее время приобрели более конкретные очертания.

Изложенное носит общеизвестный характер, поэтому **как же можно оценить нынешнее состояние интеграционных процессов в Центральной Азии?**

Эта тема сегодня уже настолько избита, что вопросов по ней скопилось гораздо больше, чем вразумительных ответов. Попробуем ответить на наиболее общие из них. Прежде всего, можно ли говорить об устоявшемся формате интеграционных процессов? **Скорее нет, чем да.** В качестве аргументов можно привести следующие.

(1) Многочисленные интеграционные идеи и концепции пока не материализовались в устоявшиеся прочные структуры. (2) Зачастую срабатывает стереотип, по которому превалирует не стремление к разумному и продуктивному компромиссу, а попытка «переиграть друг друга». (3) Еще чувствительно дают о себе знать: рецидивы «детской болезни суверенности», известная расплывчатость в определении национальной идентичности, а также неустойчивость в определении внешних стратегических приоритетов. (4) Кроме того, политические и бизнес-элиты в ННГ Центральной Азии уже привыкли к вкусу собственной независимости и в полной мере не готовы принести часть ее в жертву интересам интеграции.

Означает ли сказанное, что в современных условиях интеграционные усилия непродуктивны и уж тем более бесперспективны?

Очевидно, что нет.

Надо признать, что созданы весьма благоприятные предпосылки, в том числе и на международно-правовом уровне, в рамках которых развивается многоаспектное сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе. Можно привести позитивные примеры сотрудничества в рамках таких организаций как СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС. Похоже, что период, когда «прежде, чем объединяться, необходимо решительно размежеваться» завершается, и это служит объективной основой для ускорения интеграционных процессов.

А нужна ли вообще интеграция в центральноазиатском регионе или это только дань популистской моде?

Вне сомнений, да.

Во-первых, это соответствие общемировым интеграционным тенденциям на фоне глобализации, а **во-вторых**, объективная потребность в региональной интеграции все более осознанно воспринимается властью и обществом в странах региона. Дискуссии, в основном развиваются вокруг будущих форм, темпов и участников интеграционных процессов.

В этой связи, видимо, уместно напомнить распространенную дефиницию интеграции (от лат. *integratio* – восстановление, восполнение целого), которая означает **состояние связанности отдельных частей и функций системы, а также процесс, ведущий к такому состоянию.**

Исходя из этого классического определения, кого можно считать частями интеграционной системы в Центральной Азии? На нынешнем этапе, как представляется, это, прежде всего и главным образом, новые независимые государства Центральной Азии на постсоветском пространстве. И дело даже не только в общем историческом прошлом. Новые независимые государства Центральной Азии располагают объективными предпосылками, чтобы стать ядром интеграционных процессов вокруг Центральной Азии:

1. Все пять стран региона сталкиваются с очень схожими проблемами: привлечение инвестиций, решение транспортных задач, преодоление

бедности, модернизация социально-политических и экономических систем и высвобождение их от советских рудиментов, рациональное использование невозобновляемых природно-энергетических ресурсов, проблемы экологии.

2. Все пять стран региона располагают подавляющим в количественном отношении мусульманским населением, но при этом демонстрируют твердую приверженность развитию светской государственности, и с этой точки зрения представляют собой единый уникальный фрагмент мусульманского мира.

3. Все пять стран региона однозначно подтверждают свой приоритет во внешних ориентациях на Россию и развивают с ней сотрудничество в самых различных политических, торгово-экономических, военных и иных сферах.

4. Наконец, все пять стран региона сохраняют необходимую для интеграционных процессов языковую инфраструктуру (русский язык).

На этом фоне выдвигаемые **идеи Большой Центральной Азии** представляются очень преждевременными. Расширение состава участников Центральной Азии (не с географической точки зрения) чрезвычайно усложнит и без того пеструю региональную мозаику. Кроме того, процесс становления институтов региональной интеграции еще далек от завершения и чрезмерное расширение состава его участников не только усложнит процесс, но и принесет угрозу подрыва многих перспективных проектов, а также ненужных политических осложнений. Даже такое мощное интеграционное объединение как ЕС, после его форсированного расширения столкнулось с труднопреодолимыми последствиями, принимая во внимание ситуацию, которая сложилась вокруг принятия Европейской Конституции и даже ее усеченного варианта.

Таким образом, представляется, что на нынешнем этапе наиболее действенными участниками интеграционных процессов в Центральной Азии можно считать **Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан**. В то же время, последние известные события в **Туркменистане** обнажили определенную готовность нового туркменского руководства активизировать свое участие в некоторых региональных интеграционных проектах.

Исходя из упомянутого определения интеграции, можно сделать вывод о том, что в настоящее время новые независимые государства Центральной Азии пока не достигли состояния связанности, поэтому интеграцию в Центральной Азии на нынешнем этапе можно рассматривать лишь как процесс. Пока более целесообразно рассматривать отношения между странами региона лишь как поиск новых форм сотрудничества в традиционных и новых областях взаимоотношений. По мере накопления опыта сотрудничества в новых условиях процесс интеграции в Центральной Азии сам проявит наиболее устойчивые и эффективные интеграционные струк-

туры, а их дальнейшее развитие неизбежно должно привести к их превращению в наднациональные. Но это пока весьма отдаленная перспектива и реализовывать ее, скорее всего, будут уже новые, будущие политические и бизнес-элиты новых независимых государств Центральной Азии.

Оценивая нынешнее состояние интеграционного процесса, необходимо особо выделить что, ни одна из стран региона не располагает необходимым ресурсом, чтобы продуктивно исполнить роль лидера региональной интеграции. В этой связи закономерно возникает ключевой вопрос о том, кто способен и готов выступить «локомотивом» реализации интеграционных проектов в Центральной Азии. Это предполагает очертить круг внешних партнеров, воспринимающих Центральную Азию как единый регион и готовых «играть на этом поле» в качестве системообразующего стержня.

Последние годы наглядно продемонстрировали, что в «гонке» за Центральную Азию в большей и решающей степени демонстрируют свои амбиции **Россия, США, КНР, ЕС и Япония**.

Очевидно, что **Россия** не только восстанавливает свое присутствие в регионе, но и существенно наращивает его. Более того, сегодня пока только Россия реализует многосторонние проекты (кооперация в разработке, добыче и транспортировке углеводородов, расширение военно-технического сотрудничества и др.), которые создают реальную основу для региональной интеграции.

Москва постоянно демонстрирует свое уважение суверенности новых независимых государств Центральной Азии и их признание в качестве равноправных партнеров, а также учет их национальных интересов и потребностей. Вместе с тем, времена «пролетарского интернационализма» давно остались в прошлом и Россия, очевидно, выстраивает свою стратегию в регионе, прежде всего, отстаивая и защищая свои собственные интересы.

Нет сомнений, что в ближайшей и долгосрочной перспективе Россия способна сохранить за собой роль ключевого внешнего фактора, оказывающего влияние на ЦА регион. Можно предположить, что Россия и в дальнейшем будет стимулировать процессы региональной интеграции, но под «зонтиком» Москвы и использовать для этого свои лидирующие позиции в таких организациях как СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ.

США являются принципиально новым игроком в новых независимых государствах ЦА, как и в других постсоветских республиках. В отличие от России США не имеют жизненно важных интересов в странах региона. Во многом по этой причине вначале отношения США с новыми независимыми государствами Центральной Азии носили вялотекущий характер, США не имели четко разработанной стратегии в отношении стран региона и компенсировали это возможностью лавировать, используя традиционные рычаги влияния, связанные с развитием демократии, соблюдения прав че-

ловека и т.п. Регион в целом воспринимался в качестве зоны соприкосновения с зонами жизненно важных интересов США.

После трагедии 11 сентября ситуация радикально изменилась. США получили реальную возможность для своего военно-политического присутствия в странах региона за счет снижения уровня традиционной критики. Это дало основания администрации США для попыток использования региона в качестве плацдарма для реализации своих стратегических задач. Однако, как представляется, в США был допущен ряд просчетов, что не позволило им глубоко закрепиться в Центральной Азии. Прежде всего, (1) в Вашингтоне не почувствовали разочарования в новых независимых государствах Центральной Азии по поводу несбывшихся надежд на масштабную материально-финансовую помощь из США. (2) В Вашингтоне переоценили степень зависимости стран региона от политической воли США, командный стиль которых периодически вызывал явное и скрытое раздражение в новых независимых государствах Центральной Азии. (3) Война в Ираке также оказала негативное влияние на имидж американцев. (4) Как показала практика, сформированные связи между бывшими советскими республиками оказались не только не утраченными, но, напротив, востребованными и требующими лишь модернизации.

По этим объективным причинам США оказались не в состоянии выполнить роль регионального интегратора. Более того, США и не стремились признавать регион как единое целое, не обременяли себя многосторонними проектами, отдавая предпочтение участию в отдельных проектах в отдельных странах, руководствуясь при этом собственными порой чрезмерно эгоистическими интересами.

Тем не менее, никто из стран региона не отказывается от сотрудничества с США, равно как и в Вашингтоне в возрастающей степени воспринимают страны Центральной Азии в качестве серьезных и сложных партнеров. Можно предположить, что в ближайшей перспективе отношения между США и новыми независимыми государствами Центральной Азии должны пройти этап критического переосмысления на основе взаимного отказа от стереотипов и претензий.

КНР также можно признать новым игроком на «центральноазиатском поле» (разумеется, в период новейшей истории). Примечательно, что Китай демонстрирует целостное восприятие центральноазиатского региона, признаком чему может служить активное стремление вовлечь в структуру ШОС Узбекистана, хотя поначалу Пекин принципиально выстраивал свои отношения в рамках усиления доверия между КНР и приграничными странами СНГ.

Очевидно, что для Китая развитие отношений с Центральной Азией вписывается в стратегию борьбы за жизненное пространство. В этой связи практически все интеграционные инициативы и усилия КНР в центральноазиатском регионе, по сути, нацелены на достижение собственных стратегических интересов, прежде всего свободного и в известной степени

льготного доступа к источникам сырья в Центральной Азии и выхода на рынки стран региона.

Вместе с тем, интеграционный потенциал Китая в Центральной Азии по-прежнему носит ограниченный характер, что связано с отсутствием опыта и традиций долгосрочной работы КНР в Центральной Азии, равно, как и стран Центральной Азии в Китае. Кроме того, в Пекине понимают, что попытки форсирования своего присутствия в Центральной Азии столкнутся с противодействием со стороны России и не только.

Тем не менее, можно предположить, что КНР продолжит свою стратегию расширения вовлеченности в Центральной Азии, в том числе с использованием возможностей ШОС (даже на уровне заявлений о намерениях и т.п.). Маловероятно, что такая позиция станет основой для стимулирования региональной интеграции, однако она в известной степени удобна странам Центральной Азии, которые, за редким исключением, остаются приверженными политике сдержек и противовесов на внешнем поле.

Весьма специфичной представляется роль **Европейского Союза** в Центральной Азии. Вплоть до 2007 г. ЕС традиционно исходил из необходимости признания странами Центральной Азии европейских ценностей демократии и либерализма. Отношения ЕС со странами Центральной Азии выстраивались прямо пропорционально тому, насколько адекватно отвечают страны региона соответствующим требованиям и нормам. В конечном итоге все более очевидным становилось то, что многолетние попытки «втаскать» страны Центральной Азии в устоявшиеся европейские схемы и модели не только бесперспективны, но и во многом контрпродуктивны.

Это понимание возросло особенно в период председательства в ЕС Германии, где в последнее время, по сути, сформировалась влиятельная инициативная группа, которая стремится убедить ведущих членов ЕС в необходимости разработки и принятия «новой стратегии в отношении Центральной Азии».

Особенность данной инициативы примечательна тем, что впервые предпринимается попытка со стороны отдельных ведущих стран ЕС отказаться от традиционного принципа «навязывания» собственных подходов и оценок странам Центральной Азии. В нынешнем случае демонстрируется стремление разрабатывать свою стратегию, основываясь на принципе учета интересов, потребностей и возможностей самих новых независимых государств Центральной Азии и их адаптации к европейским долгосрочным целям в регионе.

Пока преждевременно говорить о том, что «новая стратегия» быстро найдет понимание и поддержку в ЕС в целом, но тенденция налицо, и в случае ее дальнейшего развития могут сложиться весьма благоприятные условия для повышения роли ЕС как интегратора Центральной Азии. Однако, многое и в решающей степени в данном случае будет зависеть и от самих стран региона, насколько они смогут (и желательно коллективно)

убедить ЕС в необходимости более активно участвовать в интеграционных процессах в Центральной Азии и какие при этом реальные дивиденды сможет извлечь для себя Европейское сообщество.

Особый интерес представляет роль **Японии** в развитии центрально-азиатского региона. Как известно, Япония еще в 1996 г. открыто обозначила свои стратегические интересы в регионе Центральной Азии и Закавказья, провозгласив политику в отношении стран «Зоны Шелкового пути». При всей неопределенности и романтичности (на тот период) этого лозунга, стало очевидным, что Токио по многим причинам придает большое значение центральноазиатскому региону в рамках глобализации своей внешне-политической стратегии в целом.

Как известно, затем в течение нескольких лет в Токио шли дискуссии по поводу того, как строить отношения в этом регионе – на двусторонней основе или на базе признания Центральной Азии в качестве единого целого. В конечном итоге возобладали концепция «Центральная Азия + Япония», в рамках которой можно осуществлять сотрудничество как с одной, так и с несколькими странами региона в рамках того или иного проекта.

В любом случае такой подход удобен и устраивает заинтересованных субъектов в самой Японии и в странах Центральной Азии. Однако утверждать, что предложенная формула «Центральная Азия + Япония» при всей своей привлекательности может стать интеграционной базой для региона, пока нет оснований, хотя она и представляется весьма перспективной.

На этом фоне вызывает интерес и перспектива интеграции стран центральноазиатского региона с **мусульманским миром**. Сегодня можно утверждать, что подобная перспектива, очевидно, не устраивает ни правящие элиты, ни большинство общественного мнения в новых независимых государствах Центральной Азии. Это связано, главным образом с тем, что страны региона заинтересованы в развитии отношений с теми государствами, которые располагают не только привлекательными финансовыми ресурсами, но и возможностями и желанием оказания технологического прорыва странам Центральной Азии.

Вне сомнений, даже ведущие страны мусульманского мира не способны решить эту задачу, а все вопросы, связанные с мусульманской солидарностью (пресловутые идеи восстановления Халифата и т.п.), построены на радикальных и экстремистских методах, которые жестко осуждаются и пресекаются в новых независимых государствах Центральной Азии.

Подводя итоги этому краткому анализу, можно сделать некоторые выводы:

Во-первых, идеи региональной интеграции не только не утрачивают своей актуальности, но напротив получают свое развитие на базе осмысления накопленного опыта, в том числе и отрицательного. В странах центральноазиатского региона усиливается понимание того, что на ны-

нешнем этапе различные интеграционные концепции и схемы должны реализовываться в конкретных проектах.

Во-вторых, сегодня в большей степени можно говорить лишь о тех формах сотрудничества, которые выбирают для себя страны региона в рамках сформированных организаций, ни одна из которых, однако, пока не может претендовать на роль структурирующего каркаса региональной интеграции. Подобная ситуация не должна вызывать скептицизм, поскольку происходит естественный процесс накопления и осмысления опыта.

В-третьих, специфика центральноазиатского региона не позволяет механически экстраполировать интеграционный опыт других регионов мира, однако предполагает необходимость его изучения и возможной адаптации его элементов к собственным реалиям.

В-четвертых, известны основные участники процесса региональной интеграции в Центральной Азии. На нынешнем этапе представляются бесперспективными попытки их расширения, равно, как и попытки вычленения из этого списка узкого интеграционного ядра.

В-пятых, из внешних партнеров Центральной Азии никто, включая Россию, пока не готов взять на себя бремя ответственности за интеграцию стран Центральной Азии, даже если это сулит серьезные экономические и политические дивиденды.

В-шестых, на современном этапе речь может идти исключительно об интеграционных тенденциях в сфере торгово-экономических отношений. Только конкретные результаты в этой области дадут возможность дискутировать о приемлемых контурах политической интеграции. А это, очевидно, задача будущих политических элит в новых независимых государствах Центральной Азии.

В-седьмых, в условиях абсолютного превалирования национальных интересов над потребностями интеграции нет никакой необходимости в форсированном создании наднациональных структур. Существующие организации в лице СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС создают вполне удобные и достаточные рамочные условия для поиска оптимальных партнеров и форм сотрудничества.

Можно предположить, что эти факторы принимаются во внимание всеми странами Центральной Азии. Это может служить признаком тому, что декларативно-лозунговый этап в процессе интеграции в Центральной Азии закончился и наступил длительный и не менее сложный период реализации конкретных проектов на основе здорового прагматизма.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

*М.А. Олимов,
докт. истор. наук, директор научно-
исследовательского Центра «Шарк»,
Таджикистан*

Проблема интерпретации истории является одной из важнейших проблем гуманитарных наук в современном мире. Особое значение она имеет в странах Центральной Азии, поскольку «архитекторы» постсоветского раздела региона обосновывают свои действия историко-культурными причинами. К этому можно было бы отнести как к неизбежной болезни роста новых независимых государств, если бы не ее исключительно серьезные последствия, в том числе рост напряженности во взаимоотношениях между государствами, нарастание конфликтного потенциала внутри региона, торможение региональной интеграции во всех ее аспектах.

Формирование национальных государств после распада СССР сопровождается коренным пересмотром истории, в ходе которого происходит отказ от коммунистической интерпретации истории, замена державно-имперской модели на модель «национальной концепции» истории.

Становление национальных историй связано с ревизией истории, разделом общего исторического наследия и появлением множества конфликтующих между собой интерпретаций личностей, событий и явлений. В результате, историки в Узбекистане утверждают, что предки узбеков — турки были самой древней этнической общностью Центральной Азии, и что греки называли их скифами,¹ что таджики появились в Мавераннахре значительно позже, чем узбеки. В свою очередь, таджикские историки доказывают, что ираноязычные таджики — самый древний этнос в регионе, так как они — прямые наследники арийцев.² Удивительные метаморфозы происходят с историческими личностями, городами и территориями. В Узбекистане Тамерлан является культурным героем, основателем узбекской государственности, в Таджикистане, Иране, Индии, Грузии, Армении он известен как жестокий завоеватель, тиран, уничтожавший культурные ценности и осуществлявший геноцид. И в Таджикистане, и в Узбекистане на картах в школьных и университетских учебниках Бухара и Самарканд обозначены в качестве столиц собственных древних и средневековых государств.

В целом, следует отметить, что современную историю отличает явное усиление этноцентризма — исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть

¹ *Хидоятов Г.* Крушение Саманидов. — Ташкент, 2005. — С. 52.

² *Негматов Н.* Государство Саманидов. — Душанбе, 1977. Масов Р. Арии: история и современность. — Душанбе, 2006. .

до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания.¹

Впервые, как явление, этноцентризм исторического познания появился в виде европоцентризма. Он создавал почву для конструирования наций в эпоху перехода европейских сообществ от традиционализма к индустриальному обществу. Этноцентризм является сердцевинной всей национально-государственной историографии. Он явственно обнаруживает себя в школьных и вузовских учебниках, энциклопедической и справочной литературе.² Сейчас, так же как и тогда, национальные историки в формирующихся национальных государствах в первую очередь решают задачи идейно-политического обоснования процессов нациестроительства.³

Говоря о проблеме интерпретации национальных историй и связанных с этим конфликтах в странах Центральной Азии надо кратко затронуть вопрос о национальных историографиях.

В настоящее время существуют различные точки зрения на то, были ли в СССР национальные школы историографии или нет. Одни (А. Каппелер) считают, что национальные историографические школы сохранялись и развивались в отдельных советских республиках. После сталинских времен они пережили период институционального оформления, разветвления и профессионализации, оставаясь при этом под контролем союзного центра. А. Каппелер отмечает, что историки были вынуждены избегать острых тем, связанных с завоеванием, колонизацией, включением в состав Российской империи, с национальными движениями и национальной политикой. В то же время они имели значительные достижения в социальной и экономической истории.⁴

Г. Бордюгов и В. Бухараев считают, что локальные историографии вообще не имели возможности создать национальные школы, так как находились под сильным прессом официальной советской идеологии.⁵

Ряд исследователей считает, что национальные историографические школы, которые наследовали традиции дореволюционных национальных историографий, существовали до середины 1920-х гг., после чего в результате репрессий прекратили свое существование и возродились вновь лишь в эпоху перестройки. Так, историки из Узбекистана считают, что говорить о

¹ **Бордюгов Г., Бухараев В.** Национальная идея в историческом познании// Национальные истории в советском и постсоветских государствах/ Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — С. 21.

² **Марк Ферро.** Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992. — С. 10.

³ **Бордюгов Г., Бухараев В.** Национальная идея в историческом познании// Национальные истории в советском и постсоветских государствах/ Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — С. 22.

⁴ **Каппелер А.** Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. — М., 1997. — С. 15.

⁵ **Бордюгов Г., Бухараев В.** Национальная идея в историческом познании// Национальные истории в советском и постсоветских государствах/ Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — С. 24-25

среднеазиатской историографии можно лишь в рамках 1917-1923 гг., потому что к середине 1923 г. окончательно устанавливается партийный контроль «над идеологией, над умами людей, над научными оценками происходивших в Туркестане событий».¹

После распада СССР и образования новых независимых государств отказ от идеологического диктата, снятие «железного занавеса» сопровождалось интенсивным пересмотром истории. В ходе этого процесса очень быстро сформировались национальные исторические школы, а национальные истории обрели статус официальных историографий. Однако большинство историков, сформировавшихся в советское время, по-прежнему рассматривают историю как идеологический инструмент, направляемый властями. Поэтому они без возражений стали обслуживать потребности новых властвующих элит, озабоченных легитимацией своего правления. В результате в середине 1990-х гг. появилось множество конфликтных ситуаций, связанных с этнократической интерпретацией войн и колонизаций, с разделом исторического и культурного наследия.

Кроме того, обозначился комплекс проблем, связанных с формированием национальных историй в Центральной Азии. Это следующие основные проблемы.

1. История рассматривается, прежде всего, как национальная идеология или национальная идея, а исторический опыт истолковывается исключительно с этнонациональных позиций. В результате теряется научность, история перестает быть наукой, превращаясь в искусство, политику, публицистику.

2. Имеются серьезные методологические трудности при формировании национальных историй в странах Центральной Азии. К ним относятся следующие:

А. Необходимость модернизации и искажений в интерпретации истории, так как в Центральной Азии до СССР не было национальных государств, а этнический компонент идентичности населения был значительно менее важен, чем конфессиональный, региональный или профессиональный компонент идентичности. Практика показала, что невозможно написать этноориентированную историю Таджикистана или Узбекистана, не прибегая к искажению, модернизации или фальсификации исторических событий и явлений.

Б. Различия методологических подходов историков в разных странах Центральной Азии. В странах с тюркским населением — Казахстане, Киргизстане, Узбекистане, Туркменистане национальные истории разрабатываются как истории территорий. Это подход, при котором культурным наследием того или иного этноса признаются все исторические имена и

¹ **Касымов Ф.Х., Эргашев Э.Б.** Неофициальная среднеазиатская историография Октябрьской революции (1917-1923)// Россия в XX веке: судьбы исторической науки. — М., 1996. — С.241.

артефакты, имеющие отношение к территории его расселения.¹ «Территориальный» критерий в конструировании этнического прошлого впервые оформился в зрелую методологическую доктрину в турецкой исторической науке в первой половине XX в., что, судя по всему, серьезно повлияло на концепцию истории в других странах с тюркской культурой.

В противоположность «истории территорий» историческая концепция таджиков основана на языке, культуре и литературе. История прошлого для таджика — это по преимуществу история фарси-дари-таджикского языка и литературы. Связь истории с филологическими науками — важная особенность исторического знания в Таджикистане.²

Разность методологических подходов в исторической науке наряду с национализмом создают почву для конфликтов. В качестве примеров можно назвать проблему Бухары и Самарканда, прямо противоположные взгляды историков стран региона на этногенез народов Центральной Азии, на взаимоотношения кочевников и земледельцев, на арийскую цивилизацию. Представление о процессе трансформирующейся исторической мысли в странах Центральной Азии будет неполным, если забыть о всеобщей для истории проблеме герменевтического круга, т.е. невозможности отделить субъект исследования от объекта, а также о проблеме внесения исследуемой культуры в культуру исследуемую.

Итак, подводя итоги, следует признать, что современные геополитические события часто детерминируют изучение прошлого. Но они не должны диктовать историкам условия работы. Учебная литература по истории не должна превращаться в политический инструмент для правящих элит. История регионов, история народов, входящих в состав различных государств, история эмиграции и диаспоры, интернациональная история должны дополнять традиционную историю наций и государств. Это тем более важно в эпоху глобализации. Широкий исторический контекст подразумевает необходимость определенного дистанцирования историков от национальной идеи. Однако надо отдавать отчет в том, что наивно призывать к объективности, соблюдению научной этики тех специалистов, которые формируют новые мифологемы, создают новые образы истории, исходя из «национальных идей». Они делают это сознательно, в соответствии с социальным и политическим заказом. Признавая это, нужно иметь в виду, что есть обстоятельства, которые препятствуют безудержному превращению исторической науки в служанку идеологии:

К этим обстоятельствам можно отнести два основных: 1) превращение историков в группу, непосредственно обслуживающих националистические режимы, ведет к утрате научности в их работах, превращению

¹ **Шукуров Р.** Таджикистан. Муки воспоминания// Национальные истории в советском и постсоветских государствах/ Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — С. 235.

² **Шукуров Р.** Таджикистан. Муки воспоминания// Национальные истории в советском и постсоветских государствах/ Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — С. 236.

истории в фикцию; 2) потребности современного образования заставляют решать чисто научные задачи.

Что немаловажно, опасность конфликтов, связанных с национализацией истории, осознают в политических кругах наших стран. В 2005 г. президенты стран СНГ подписали Декларацию «О формировании и развитии единого научно-образовательного пространства стран СНГ». В конце 2005 г. в Москве состоялось СовеЩание руководителей исторических учреждений стран СНГ, на котором обсуждались проблемы учебников и учебной литературы, вызванные пересмотром истории в постсоветских странах. Было рекомендовано усилить роль сообщества академических историков в подготовке учебников, создавать экспертные советы из числа наиболее авторитетных ученых, преподавателей школ и университетов, было принято также решение о создании Ассоциации исторических институтов стран СНГ, о проведении семинаров молодых историков, программ обмена и стажировок историков. Эта работа недавно была продолжена в Душанбе.

Итак, необходимость развивать историческую науку как отрасль знания, а не как форму национальной идеологии, ставит перед сообществом ученых-историков серьезные задачи. Чтобы решить их, необходимы встречи и диалог между историками различных стран, активизация международного сотрудничества исторических институтов и центров. Важен не только анализ создания множества интерпретаций прошлого, но и форм влияния ученых на создание «понимающей», а не разъединяющей историографии.

А.Е. СНЕСАРЕВ О «ТРЕТЬЕМ ФАКТОРЕ» И МИРОЛЮБИИ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ВОПРОСЕ

*Л.И. Сумароков,
канд. ист. наук, офицер по связям
с общественностью Оперативной
пограничной группы ФСБ России в
Киргизской Республике*

2007 г. отмечен двумя датами, весьма важными в контексте судебных центральноазиатских государств и для понимания условий их самостоятельного включения в процессы, происходящие в этом специфическом, ярком и до сих пор не до конца понятом регионе.

100 лет назад – в августе 1907 г., в Санкт-Петербурге в условиях строжайшей секретности российским министром иностранных дел графом Александром Извольским и британским послом сэром Артуром Никольсоном было подписано историческое англо-российское соглашение.

Вторая дата связана с жизнью и деятельностью человека, попытавшегося найти свои разгадки на загадки Востока – этого сверхдискретного мозаичного объекта. В декабре 1937 г. перестало биться сердце Андрея Евгеньевича Снесарева. Печальный, но все же повод возвратиться к наследию одного из самых ярких геополитиков России, дабы оценить нынешнюю центральноазиатскую действительность с исторических позиций, ведь «история есть единственный путь, ведущий к цели».¹

В декабре 1905 г. новый кабинет министров Британии, сформированный либералами, возглавил сэр Генри Кемпбелл-Беннермен, заявивший о своем желании улучшить отношения с русскими в среднеазиатском вопросе. В Британии были серьезно обеспокоены неожиданным усилением Германии, которая уже в конце XIX в. готовилась вступить в борьбу за мировое лидерство. Это пугало. И историки именно это обстоятельство относят к числу первопричин, побудивших англичан изменить свою тактику по отношению к русским, в то время как в соглашении Германия даже не упоминается.

Но существует и другое мнение, утверждающее, что англичан больше беспокоили непредсказуемые действия России, своего вероятного противника в Средней Азии, после его поражения в русско-японской войне 1904 г. Англичане прекрасно помнили лихих русских генералов, которые на свой страх и риск, без оглядки «на верх», но «с верой в царя и Отечество», завоевывали среднеазиатские города и целые регионы. В России многие русские генералы требовали реванша, помня подвиги Черняева, Скобелева, Ионова. В российских высших военных кругах велись бурные дебаты насчет вторжения в Индию, видя в том единственный способ, чтобы стереть позор поражения в войне с Японией и заодно расквитаться с англича-

¹ **Снесарев А.Е.** Введение в военную географию. – М., 1924. – С. 250-251.

нами за англо-японский союз 1902 г., отвлекший силы России на Дальний Восток.

Англичан не на шутку волновали подобные выступления, угроза британским владениям как всегда исходила с севера. По подсчетам историков, именно с севера испытала Индия всю тяжесть почти 20 вражеских вторжений. Все они происходили через индо-персидский коридор, стержневую территорию, расположенную в узловой точке Центральной Азии между Гураном, Персией и Хиндом, известную с XVIII в. как Афганистан. К этому времени русско-английское соперничество из-за индо-персидского коридора уже получило название «Большой Игры».

А.Е. Снесарев позднее скажет о важности для англичан данного направления в обороне Индии: «Вы знаете из истории, что Александр Македонский отступал из Индии вдоль морского берега, и это стоило ему больших трудов и лишений. Первое арабское завоевание, относящееся к концу VII века, тоже направлялось этим путем, но эти два частных случая мы вправе рассматривать, как исторические исключения, не более; притом в них сухопутные операции комбинировались с морскими, т. е. это были, как определяет стратегия, сложные операции. Очевидно, Белуджистан не приведет завоевателя к Индии. Через Памир пробраться в Индию крайне трудно, перевалить через Гималаи еще труднее. В свое время я уже говорил, насколько трудно движение отрядов Памирским направлением. Говоря о Гималаях, вам пришлось бы только сгустить краски. Отсюда единственным плацдармом для проникновения в Индию остается Афганистан. Строго говоря, все попытки захвата Афганистана обычно были только подготовкой захвата Индии, но это всегда скрывалось и по политическим, и по военным расчетам; стараются указанную роль Афганистана и смысл подготовленных в нем работ скрыть и англичане. В свое время, когда я читал в 1908 году публичную лекцию в Петрограде относительно русско-английского соглашения 1907 года, в котором говорилось и о Тибете, и о Туркестане, и о Персии, но ничего не было сказано об Индии, я подчеркивал эту манеру британского политического лицемерия. Эту же мысль я провел также в моем труде «Индия, как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе».¹

Действительно на горизонте в 1907 г. уже маячила первая мировая война и А.Е. Снесарев, понимая это, укоряет англичан за «манеру британского политического лицемерия» в защите своих корыстных интересов. Он еще раз, вслед за генералом Терентьевым,² объясняет, что завоевание Средней Азии было вынужденным для России, спровоцированным плохим поведением кокандцев, бухарцев, а также интригами Англии, которую беспокоило приближение России к Индии. Об Индии же «никто не думал; ее никто не знал.... В завоевании нами Средней Азии было достаточно своего политического смысла, чтобы навязать еще какой-то иной»³.

¹ **Снесарев А.Е.** Афганистан. — М.: Русская панорама, 2002. — С. 202-203.

² См.: **Терентьев М.А.** Россия и Англия в Средней Азии. — СПб., 1875. — С.271-272.

³ **Снесарев А.Е.** Англо-русское соглашение 1907 года. — СПб., 1908. — С.13.

С этими словами А.Е. Снесарев выступил 24 января 1908 г. на общем собрании членов «Общества ревнителей военных знаний». Поводом послужила, подписанная несколькими месяцами раньше — 18 августа 1907 г., в Санкт-Петербурге, англо-русская конвенция, состоявшая из трех частей: соглашений по Ирану, Афганистану и Тибету. Для Англии все эти страны являлись важнейшими в создании обороны Индии.

Кстати, лорд Керзон комментировал оборонительную проблему следующим образом: «Но если честолюбие России не направлено на покорение Индии, то это еще не значит, что русские дипломаты и генералы не имеют никаких видов на эту страну. Цель их ясна: предметом желаний служит не Калькутта и Константинополь: русские думают добыть ключи к Босфору легче на берегах Гильменда, чем на высотах Плевны. Русская дипломатия стремится занять Англию работой в Средней Азии, чтобы сделать ее безвредной в Европе».¹

В процессе подготовки англо-российского соглашения некоторые военно-политические деятели России протестовали против признания полного внешнеполитического суверенитета Англии над Афганистаном, что являлось основой документа, и указывали на опасность такого положения. Так, туркестанский генерал-губернатор Гродеков в письме начальнику Главного штаба Эверту от 26 мая (8 июня) 1907 г. подчеркивал: «Англия желает получить от нас согласие на полную свободу действий в Афганистане. Для этого Англия, прежде всего, просит признания ее суверенитета над Афганистаном и руководства его политикой. Признав это, мы всецело отдаем Афганистан во власть Англии... Закрытый для нас Афганистан, занятый Англией, будет представлять базу наступления против нас...».²

Последняя мысль, как свидетельствует история, оказалась пророческой.

Конвенция урегулировала наиболее острые — средневосточные — проблемы в англо-русских взаимоотношениях того периода и явилась одним из краеугольных камней создания Антанты.³ Документ формально означал не только раздел сфер влияния двух величайших империй, но и завершение Большой Игры, которая являлась первым в истории примером ширококомасштабного противостояния государств.⁴

В отношении Тибета обе страны согласились воздерживаться от любого вмешательства в его внутренние дела, не искать никаких концессий

¹ **Грулев М.** Соперничество России и Англии в Средней Азии. — СПб., 1909. — С.357-358.

² Цит. по **Халфин Н.А.** Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. — С.51.

³ Франц. *entente cordiale* — «сердечное согласие».

⁴ Представляя собой, с организационной точки зрения, совокупность разведывательных, дипломатических и военных мероприятий (иначе говоря, спецопераций), направленных на прямое установление контроля над странами среднеазиатского региона или на приобретение в нем союзников, «Большая Игра» поглотила ресурсы, силы и людей обоих государств, сформировав при этом неповторимый опыт борьбы, который был использован англичанами после установления Советской власти в Средней Азии.

для железных и шоссейных дорог, шахт или линий телеграфа, не посылать туда никаких представителей, а вести дела с Лхасой только через верховные власти Китая.

Соглашение относительно Персии было гораздо сложнее. В то время как обе стороны заверяли, что уважают ее независимость и позволят третьим странам свободно там торговать, они согласились разделить ее на две сферы влияния нейтральной зоной. России достались север и центр, включая Тегеран, Тебриз и Исфахан, Англии же оставался юг, включая жизненно важный проход в Персидский залив. Как выразился британский министр иностранных дел сэр Эдвард Грей: «На бумаге это была равноценная сделка. Часть Персии, прилегающая к Индии, защищена от российского проникновения. Часть Персии, доступная России, защищена от британского проникновения». Тем не менее, он убеждал, что для Британии сделка выгоднее. «Практически, — писал он, — мы не уступили ничего. Мы не собирались проводить в Персии наступательную политику. Но британское продвижение в Персии так же точно угрожало России, как российское продвижение в Персии могло стать угрозой Индии». Не удивительно, добавлял он, что министру иностранных дел России графу Александру Извольскому трудно было убеждать российских генералов, «сдающих» так много, «в то время как мы уступили то, что имело большое или вообще не имело для нас никакого практического значения».¹

Для понимания сути достигнутых договоренностей по Афганистану обратимся к тексту конвенции, выделив наиболее яркие на наш взгляд моменты.

«Высокие договаривающиеся стороны, в видах обеспечения совершенной безопасности на обоюдных границах в Средней Азии и поддержания в этих областях прочного и продолжительного мира, заключили следующую конвенцию:

Статья I. Правительство его британского величества объявляет, что **оно не имеет намерения изменять политического положения Афганистана.**

Правительство его британского величества обязуется, кроме того, **осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле** и оно не примет само в Афганистане и **не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.**

Со стороны своей российское императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния, и оно **обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредством правительства его британского величества; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.**

¹Цит. по: **Хопкирк П.** Большая Игра против России: Азиатский синдром. — М.; 2004.— С.256.

Статья II. Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдуррахманом и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и **не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет выполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества** в силу вышеупомянутого договора.

Статья III. Русские и афганские власти, особо к тому назначенные, на границе или в пограничных провинциях, могут впредь установить непосредственные взаимные сношения, чтобы улаживать местные вопросы не политического характера.

Статья IV. Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства, условятся о мерах, какие следует принять, принимая, конечно, во внимание верховные права эмира.

Статья V. **Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше постановленные»** [выделено мною — Л.С.].¹

Примечательны оговорки, дающие привилегии Великобритании в осуществлении своих контактов с Афганистаном. Например, «Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет выполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества». А если не будет?

Конвенцией этой Россия окончательно признала Афганистан находящимся вне сферы русского влияния и обязалась для всех своих политических сношений с ним пользоваться посредством британского правительства; она обязалась также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Признавая обоснованность беспокойства российского правительства, что Британия и Афганистан выступят совместно против русского правления в Средней Азии, англичане торжественно обещали, что подобного никогда не произойдет, а поэтому будут приняты меры сдерживания афганцев от любого проявления ими враждебности.

¹ Цит. по: **Снесарев А.Е.** Афганистан. — М.: Русская панорама, 2002. — С. 227-228.

Таким образом, британцам удалось добиться со стороны русских четкого признания своего господства над Афганистаном в области внешней политики и зафиксировать в международном документе зависимое положение Афганского государства. Россия признала факт политического господства Англии в Афганистане, добившись для себя лишь права вести здесь торговлю и вступать в случае необходимости в переговоры с афганскими пограничными властями, «чтобы улаживать местные вопросы неполитического характера».¹

Ситуацией были возмущены сами персы и афганцы, ведь их разделили между Лондоном и Санкт-Петербургом, даже не посоветовавшись с ними. Правительство Хабибуллы-хана, в котором играл видную роль министр финансов Мухаммед Хусейн-хан – взяточник и казнокрад, подкупленный английскими колонизаторами, стремилось при помощи репрессий подавить оппозиционное течение. Вместе с тем, даже оно оказалось вынужденным заявить Англии протест в связи с заключением конвенции 1907 г. Этот протест не был принят во внимание.

Неизвестно, как восприняли весть тибетцы, их мнение никого не интересовало. Принцип «разделяй и властвуй» нашел свое яркое проявление. Среднеазиатские народы были исключены из процесса решения собственной судьбы, что и привлекло внимание А.Е. Снесарева. Он характеризует подписанное соглашение как «один из важнейших актов, которые когда-либо видела среднеазиатская обстановка», при этом замечает, что «характерной особенностью, основным недостатком англо-русского соглашения является его неискренность. Все это соглашение не искренно. Люди собираются наладить мировую обстановку, и ни та, ни другая сторона не говорят, по поводу чего же они решаются быть миролюбивыми».² Мало того, при разработке соглашения проявлены «неискренность и пренебрежение к азиатским государствам».

Рассматривая проблемы Востока, на фоне противоборства Англии и России Снесарев и раньше выделял «третью силу», непризнанную раньше и незамеченную двумя державами в августе 1907 г. «Азиатский мир» – вот та сила, мнение которой оказалось не учтенным при стремлении к желаемому равновесию и стабильности. В среднеазиатском вопросе его надо считать третьим фактором, усиление которого и будущая роль должны быть признаны несомненными», – подчеркивал А.Е. Снесарев.³ Касаясь исторических предпосылок появления соглашения, А.Е. Снесарев указывает на провокационный характер политики державы-лидера в установлении мирового господства, по отношению к азиатским странам, приводя яркий пример вторжения британских войск на Тибет в 1903-1904 гг., как раз в период отвлечения главных военных сил России на Дальний Восток:

¹ См. также: Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 390.

² **Снесарев А.Е.** Англо-русское соглашение 1907 года. – СПб., 1908. – С.1.

³ **Снесарев А.Е.** Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление, – СПб., 1906. – С.3

«Под разными предложениями, а эти предлоги, заметим, между прочим, придумать нетрудно для того государства, у которого имеются всюду интересы («Швырнули в миссионерку картошкой на базаре, вот и предлог для сего хотите», — говорит по этому поводу один остроумный наблюдатель»), содалась более настойчивая и притязательная политика со стороны Англии. На сцене появились даже мнимые угрозы со стороны России, какие-то ее политические козни. Вся длинная паутина интриг завершилась известной экспедицией».¹ Экспедиция, как и все предыдущие, погрязла в «расстрелах безоружных и глубоко мирных по природе людей с расстояния немногих сотен шагов».² О «миролюбии» британцев можно было только мечтать. Впрочем, «пренебрежение» в рассуждениях о борьбе за мировое лидерство, понятие — кажущееся более приемлемым.

М. Грулев в 1909 г., подмечая «народившуюся новую обстановку в Средней Азии», в своем фундаментальном труде «Соперничество России и Англии в Средней Азии» назовет англо-русское соглашение «поворотным пунктом, указывающим новое направление», но опять же только для двух «сил». По его мнению, «новое направление» «дает возможность обеим враждовавшим сторонам осмотреться и оценить свои владения с новой точки зрения в виду народившейся новой обстановки в Средней Азии».³ Поэтому государствам предлагалось Азию рассматривать с точки зрения экономической полезности, а не только с позиции «ценности в стратегическом отношении».

Спустя годы А.Е. Снесарев даст оценку полезности самого англо-русского соглашения, как не имеющего «никакого удельного веса»: «В своей публичной лекции в Петрограде я в свое время подробно останавливался на этом акте, и желающие могут найти его в моей брошюре «Англо-русское соглашение 1907 года...». Этот акт по его существу я отношу ко второму периоду наших среднеазиатских сношений с Англией, не признаю за ними никакого удельного веса и могу допустить его разумность (для Англии) только лишь с точки зрения каких-то европейских, теперь после мировой войны понятных, достижений. Новым в нем, на первый взгляд, кажется допущение непосредственных приграничных сношений неполитического характера, но практически этим не введено чего-либо нового. Такие сношения всегда были, они слишком неизбежны, чтобы их можно было бы устранить какими-либо путями. Как можно было провести такую обособленность приграничного населения, например, у берегов Пянджа, где на одной стороне живет один брат, на другой — другой брат, где жену себе бухарский таджик берет с «афганской стороны», где ишан в духовном отношении правит целым рядом кишлаков, независимо от их расположения на левой — или на правой стороне Пянджа. Затем, как курьез, все ста-

¹ **Снесарев А.Е.** Англо-русское соглашение 1907 года. — СПб., 1908. — С.5.

² **Снесарев А.Е.** Англо-русское соглашение 1907 года. — СПб., 1908. — С.30.

³ **Грулев М.** Соперничество России и Англии в Средней Азии. — СПб., 1909. — С.364-365.

ты были поставлены в зависимость от согласия на них афганского эмира, и я не слышал, чтобы он и до сих пор оповестил мир о своем согласии...».¹

Прошел век. Несмотря на попытки новых лидеров нового этапа «Большой Игры» реализовать политику приобщения отдельных азиатских регионов к демократии путем «установления демократического порядка» «третий фактор» заявляет о себе в полную силу. Помня историю, Азия уже не терпит намеков на чью-то исключительность. Главная особенность процесса выстраивания новой структуры отношений в XXI в. проявляется в том, что азиатские страны справедливо отстаивают взаимодействие, не ведущее к подрыву их суверенитета.

Отличительной чертой нынешней Азии стало бурное развитие интеграционных процессов как в субрегиональном, так и общеазиатском форматах. Но здесь в отличие, скажем, от Европы, далеко не гомогенное в культурно-историческом и политическом плане пространство. Различные субрегионы имеют свою специфику. Рост числа и активности действующих в регионе многосторонних объединений — яркое отражение этой тенденции к многосторонности и коллективной выработке решений. Деятельность таких авторитетных структур, как АТЭС, АСЕАН, а для центрально-азиатских стран — СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, говорят об уверенных шагах «третьего фактора».²

Естественно, что ответственных политиков региона должно заботить, чтобы, эксплуатируя идею развития «третьего фактора», пытаясь вклиниться в интеграционные процессы, проигрывающие внерегиональные игроки в экстазе «политического лицемерия» не баловались зачатием организаций альтернативных в противовес успешно действующим.

А вот глобализация НАТО? С ее стремлением к увеличению членов альянса и с лозунгом угрозы с Востока, пожалуй, ее продвижение напоминает способ вновь поиграть с «третьим фактором». Другое дело, что, например, работа в сфере глобализации задач по пресечению терроризма, экстремизма, наркотрафика, торговли людьми, незаконной торговли оружием или борьбе с эпидемиями, природными катаклизмами отвечает

¹ **Снесарев А.Е.** Афганистан. — М.: Русская панорама, 2002. — С. 228.

² Говоря о А.Е. Снесареве — наиболее колоритной фигуре из числа, тех, кто участвовал в становлении охраны среднеазиатских границ на переломе XIX-XX вв., стоит привести современный опыт пограничного сотрудничества государств Центральной Азии с российской Пограничной службой. В системе своевременного и адекватного реагирования на вызовы и угрозы безопасности и стабильности в регионе Оперативные пограничные группы ФСБ России, действующие на территориях Казахстана, Киргизии и Таджикистана, во взаимодействии с пограничными структурами данных стран имеют все основания стать силами, способствующими формированию здесь надежных пограничных заслонов. Совершенствование практики их деятельности является превентивным средством в борьбе с международным терроризмом и трансграничной преступностью. Естественно, форма участия Пограничной службы России в интеграционных процессах в сфере пограничной безопасности региона подлежит динамичному обновлению на концептуальной основе. Это потребует комплексного подхода, исходя из понимания, что пограничная безопасность, наряду с экономической, политической, духовной, военной, информационной, есть лишь вид единой и неразделимой системы безопасности.

интересам азиатских стран в сотрудничестве с другими государствами и региональными организациями. Возможно, выживаемости НАТО в новых условиях способствовала бы ее трансформация именно в направлении поиска ответов на новые угрозы и вызовы при параллельном налаживании контактов с другими региональными организациями, действующими в сфере обеспечения безопасности – такими, как ОДКБ, то есть там, где их усилия объективно вполне способны сопрягаться, например, на афганском направлении.

Азиатские государства в подавляющем большинстве продолжают курс на постепенную экономическую модернизацию при сохранении социальной и политической стабильности в качестве важнейшего условия национального бытия. Сегодня Восток в отношениях с Западом рассматривает каждого партнера, каждое государство с позиций его способности установить культурно-цивилизационный мост и продемонстрировать свое миролюбие. Вспомним А.Е. Снесарева: «Экономические завоевания идут теперь впереди военных. Не та нация сильна, которая завалила всю страну штыками, а та, которая держит в своих руках сети экономических завоеваний!».¹

Однозначно, тенденция к расширению и углублению интеграционных процессов в Азии будет усиливаться, а значит, многосторонность в центральноазиатском регионе будет оставаться доминирующей. Соответствующие механизмы будут брать на себя все большее бремя по решению актуальных региональных проблем, создавать оптимальные схемы кооперации между собой, а также с внерегиональными игроками.

Для последних необходимым было бы чтить известные уроки истории Центральной Азии: «миролюбие» на большом и ярком азиатском игровом поле есть такая же необходимость, как участие его хозяина – «третьего фактора», а играть здесь следует без «политического лицемерия».

¹ Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003. (Российский военный сборник). – С. 102.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ, ПРЕДЕЛОВ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ И НЕОДНОМЕРНОСТИ ЕЕ ПРОЦЕССА

*М.Н. Суюмбаев,
канд. геол.-минер. наук,
эксперт (Бишкек)*

Если нас спросить, в каком регионе мы живем, – большинство ответит в Центральной Азии. Но так ли это?

Вошедшее в российско-советскую литературу физико-географическое понятие «Центральная Азия» в первую очередь было связано с отсутствием стока рек региона в океаны как основным свойством данной территории. Академик В.А.Обручев относил к Центральной Азии территории **Монголии, провинций Ганьсу, Цинхай и автономных районов Синьцзян и Внутренняя Монголия КНР**. Бессточность означает, что ни одна река региона не впадает в мировой океан. Таковы Тарим, Селенга, Керулен.

Наш регион в российско-советской литературе всегда назывался «**Средняя Азия и Казахстан**», что отражало физико-географическую разницу между первым и вторым. Если Юг Казахстана относится к Средней Азии, то его север относится к Южной Сибири.

В постсоветский период этот регион, исходя из конъюнктурных политических соображений, назвали «Центральной Азией», что географически просто абсурдно. Понятие «Центральная Азия» в отношении нашего региона несет в себе большую геополитическую и цивилизационную неточность в силу следующих причин.

1. Регион географически расположен не только в Азии, но и в Европе (территория Казахстана западнее р. Эмба).

2. Страны региона участвуют и в европейских структурах – ОБСЕ, EuropeAID/TACIS, ЕБРР.

3. Страны региона участвуют и в евроазиатских структурах – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС, ОИК, СВМДА, ЕЭП.

4. Страны региона не входят ни в одну чисто азиатскую структуру. В Азиатский банк развития входят Австралия, страны Океании и евроазиатский Казахстан. В Исламский банк развития входят европейская Албания, исламские страны Африки, евроазиатские Казахстан и Турция.

5. В культурологическом отношении наш регион есть и Азия, и Европа, свидетельством тому хотя бы европейский стиль образования.¹

Как видим, **Киргизстан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан в физико-географическое понятие «Центральная**

¹ Кто сомневается, пусть попробует с ходу назвать пять великих китайских художников, пять великих индийских писателей и пять великих японских композиторов. Уверен, что, например, с немецкими композиторами, французскими писателями и итальянскими художниками у местного читателя проблем будет меньше.

Азия» не входят. Таким образом, **политическое содержание понятия «Центральная Азия» (Средняя Азия + Казахстан) некорректно и неадекватно физико-географическому содержанию.** В то же время физико-географические и политические контуры «Центральной Евразии» адекватны друг другу. Название «Центральная Евразия» отвечает как географической, так и цивилизационной идентичности.

Центр континента Евразия находится в Киргизстане, поэтому правильно называть регион не «Центральная Азия», а «Центральная Евразия». Центр континента — в районе перевала Торугарт (малоизвестный географический факт). Это нетрудно проверить: сложить широту юга и севера Евразии, разделить пополам, на этой широте (примерно 40° с.ш.) сложить долготу западной Испании и восточной части Японии и также сложить пополам. Большинство видов картографических проекций на плоскость дают искажения: то, что ближе к полюсам «растягивается», то, что ближе к экватору «сжимается». Поэтому визуально кажется, что центр Евразии находится на северо-востоке Казахстана.

Попробуем разобраться с другими названиями, связанными с регионом в понятиях пространства.

Средняя Азия (без Казахстана): смысл — **середина по одной оси координат (пусть «х»),** в данном случае долготы местности. Азия наиболее протяженна на широте 40° с.ш. от западной части полуострова Малая Азия (26° в.д.) до восточной части острова Хоккайдо (146° в.д.). Середина Азии, таким образом, находится в точке с координатами 40° с.ш. и 60° в.д. — в Заунгузских Каракумах, точно на границе Туркмении и Узбекистана.

Центральная Азия: смысл понятия «центр» — **середина по двум осям координат («х» и «у»).** **Центр Азии находится в Синьцзяне, в районе Турфанской впадины — за пределами региона, называемого сейчас Центральной Азией!** Согласно советским политизированным данным, центр Азии находится в г. Кызыл, столице Тувы. Это не соответствует действительности, но не соответствует и нынешнему ложному пониманию «Центральной Азии». Это опять же **за пределами** ложной «Центральной Азии» — в 600 км восточнее самой восточной точки территории Казахстана.

Давая региону искаженное название «Центральная Азия», мы можем, в конечном итоге, потерять в регионе его европейскую составляющую. И уже ее теряем.

Откуда же эта путаница? Наряду с естественным геологическим делением суши земного шара на континенты (материки) существует **условное** ее деление на части света. Деление на части света сложилось исторически и отличается от деления на континенты. Древнегреческие географы различали три части света — западнее и севернее Эгейского моря — Европа, восточнее — Азия, а южнее Средиземного моря — Африка. К Европе (от финикийского «эреб» — закат) они относили страны, лежащие к западу и

северу от мест поселения греков, а к Азии (от финикийского «асу» — восход) — страны, расположенные к востоку. В эпоху Великих географических открытий эта условность стала очевидной, но сохраняется и через пятьсот лет. Понятие «Европа» впервые приобрело специфическое не географическое (геолого-геофизическое), а расово/религиозно/цивилизационное содержание в контексте конфронтации греков с персами. Полтысячелетия попыток «демаркации на местности» границы между «Азией» и «Европой» доказали изначальную выморочность концепции «частей света». Совершенно неубедительны демаркаторы, такие как Уральские горы (почему не Гималаи?), р. Эмба (эта речонка видна не на всякой карте); Кумо-Маньчская впадина (а почему не водораздел Кавказского хребта?) западное побережье Каспия (а почему не восточное?).

В результате этой надуманной границы, татары, башкиры, калмыки и часть казахов оказались в Европе, а христиане — грузины и армяне — в Азии. Эта идея-фикс (части света) отражает факт громадного авторитета древних греков у древних римлян, а затем у европейцев. И попытки последних защитить авторитет своих учителей, показать: выделение частей света было-де правильным.

Таким образом, концепция «частей света» уже давно должна занять достойное место в музее науки, наряду с концепцией плоской Земли и т.п. Понятия «части света», а, следовательно, и понятия «Азия» или «Европа» являются рудиментами архаичных грекоцентрических моделей мира. И опираться на них в третьем тысячелетии новой эры при определении того или иного региона более чем странно. Особенно в Евразии, где в отличие от, например, Африки и Австралии, содержание понятий «континент» и «часть света» не совпадают. Называйте себя как хотите — «Средняя Азия», «Средняя Азия и Казахстан», «Центральная Евразия», но только не «Центральная Азия».

Коренным жителям Америки ее нынешние обитатели навязали название «индейцы», хотя живут они отнюдь не в Индии. Они же десятилетиями называли Карибский бассейн «Вест-Индией». В первой половине XX в. мы сами называли себя «кара-киргизами», а казахов — «киргизами». А кто мы сейчас, если, продолжаем сами себя называть «Центральной Азией?»

Кроме глупостей с нашей стороны здесь просматривается и определенный умысел со стороны наших западных друзей. Усложнив, запутав идентичность региона, проще переориентировать его в другую, нужную сторону — противоположную евразийскому пространству. Именно таким шагом, уводящим нас в ненужную нам сторону, является проект «Большая Центральная Азия». В этом проекте умудрились добавить в «Центральную Азию» еще и Афганистан, хот от него до южной окраины континента всего-то 300-400 километров. Были и еще проекты, в которые нас хотели бы включить — «ГУАМ», «Большой Ближний Восток».

Госдепартамент США объединяет пять постсоветских республик в одну группу с Россией (т.е. в евразийское пространство), а Афганистан счи-

тается частью **Юго-Западной Азии**. Центральное командование Министерства обороны США рассматривает эти шесть стран как одно целое. Т.е., здесь мы имеем дело не с самоидентификацией, а с внешней, навязываемой идентификацией. Но ведь удобство для Центрального командования Пентагона не обязательно означает удобство для самих этих стран, и еще не означает необходимость подобной интеграции. Логика военного управления имеет иную природу (воздушные мосты), нежели логика экономической интеграции (наземные коридоры). **Возможность торговли** вовсе не означает **необходимость интеграции**.

У международных организаций, работающих в регионе, целостного подхода к идентификации региона также нет.

Все вышеизложенное говорит о том, что страны региона **не достигли интеллектуального суверенитета, не готовы к самоидентификации**.

Проблемы интеграционной идентичности

Коренное население региона всегда делилось на **горных** (киргизы и таджики) и **равнинных** (казахи, туркмены и узбеки), а также на **кочевников** (киргизы, казахи и туркмены) и **оседлых** (таджики и узбеки).

Категории частной собственности, а тем более, на землю, были чужды кочевникам. Это исторически предопределило их потенциал бедности по сравнению с оседлыми соседями, у которых право частной собственности на землю было.

Основные коренные **этнические группы региона** – **тюрки и персы**. Персы (таджики, афганцы и иранцы) разобщены границами бывшего СССР. Заметим, что разобщенность границами бывшего СССР означает и цивилизационную разобщенность. Население бывшего СССР больше вестернизировано, чем их собратья в СУАР, Афганистане и Иране.

Тюрки также делятся на подгруппы. Огузы (туркмены и азербайджанцы) разобщены границами бывшего СССР, Копетдагом и Каспийским морем. Карлуки (узбеки и уйгуры) разобщены границами бывшего СССР и территорией Киргизстана. И только кыпчаки (казахи и киргизы) не разобщены.

Суверенизация привела к росту национализма, культивированию национальных мифов (созданию «микроцивилизаций»). Национальные идеологии стран региона объективно выступают как дезинтегрирующие факторы. Интеграция и подразумеваемая ею открытость могут привести к столкновению «микроцивилизаций» и разрушению этих мифов. Поэтому режимы, для которых эти мифы являются важным условием собственной консервации, самосохранения, стремятся к еще большей герметизации, несмотря на экономические издержки для себя, а это прямо препятствует интеграции.

Низкий уровень идентичности народов и региона в целом затрудняет процессы региональной интеграции. Региональная идентичность – это осознание себя группой стран и/или исторических провинций как опре-

деленной исторической и/или текущей общности. Проблема идентификации названия региона – это пример осмысления кризиса региональной идентичности.

Необходимо рассматривать идентичность не только народов, но и политических элит. Например: если и население, и политики КР и Туркмении весьма и весьма далеки друг от друга, то от проамериканского пуштуна Карзая тем более далеки и те, и другие.

По критериям региональной идентичности ближе всего к усредненному «фотороботу» региона находится Киргизстан. Афганистан же пока по большинству критериев вообще выпадает из региона. Экономика региона разделена оттого, что разделены правительства и сообщества региона. Они разделены и продолжают разделяться «войной алфавитов»: Туркмения и Узбекистан перешли на латиницу, Казахстан объявил о таком же намерении, а Киргизстан и Таджикистан продолжают пользоваться кириллицей. Таджикистан в последние годы всерьез изучает возможность перехода (возврата) на арабицу.

Афганистану как форма сотрудничества и взаимодействия больше подходит Организация экономического сотрудничества (Economic Cooperation Organisation – ECO), куда входят не только страны нашего региона, но и Пакистан с Ираном. А также Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC), куда Афганистан входит вместе с Пакистаном.

Постсоветские страны региона получают колоссальные риски в интеграции по модели «Большой Центральной Азии» – не столько с экономикой Афганистана, сколько с его наркотрафиком и терроризмом. И вообще, регион вряд ли нуждается в необходимости ассоциироваться еще и с «афганским брэндом». Ему хватает и своих негативных «брэндов»: гражданской войны в Таджикистане, Баткенских событий и «революции тюльпанов» в Киргизстане, терактов и Андижанских событий в Узбекистане.

Действительная интеграция, на наш взгляд, возможна только при превышении некоторого порогового уровня экономической плотности территории стран-партнеров. Экономическая плотность территории Киргизстана в среднем в 102,2 раза меньше чем в малых развитых странах ЕС (смотри таблицу), а Афганистана – меньше в 1037 раз.

Страна	ВВП, млрд. USD по ППС (2002)	Площадь (S), тыс. км ²	Экономическая плотность, ВВП/S, млн. USD/ км ²
Бельгия	295,8	30,5	9,7
Нидерланды	432,8	40,8	10,6
Португалия	182	92,0	1,98
Швейцария	228	41,3	5,5
Среднее	–	–	6,95
Киргизстан	13,6	199,5	0,068
Афганистан	4,4	652	0,0067

Таким образом, имея экономическую плотность территории меньше, чем в ЕС на 2-3 порядка, трудно рассчитывать на сколько-нибудь внятные интеграционные процессы.

Естественным геоэкономическим регионом являются территории (страны, части стран), с которыми возможны торгово-экономические связи с минимальным транспортным сопротивлением. Транспортное сопротивление между Афганистаном и постсоветскими странами региона достаточно велико.

«Большая интеграция» для региона затрудняется также тем, что и Таджикистан, и Узбекистан, и Туркмения, и сам Афганистан граничат друг с другом своими не самыми развитыми частями. Вектора основной экономической активности в них всех направлены в абсолютно разные стороны.

В постсоветский период регион уже пережил неудачи следующих интеграторских проектов:

- «Большой тюркский мир» (Турецкий проект) – начало 1990-х гг.;
- ЦАС/ЦАЭС/ЦАФ/ОЦАС – 1993-2005 гг.;
- «Большой Ближний Восток» и ГУУАМ/ ГУАМ (по соседству с регионом) – 1995-2005 гг.;
- Проект «Большая Центральная Азия» (ПБЦА) – 2006 г.;
- Союз центральноазиатских государств Нурсултана Назарбаева;
- простое повторение пройденного.

В итоге, в регионе сегодня весьма высока «усталость» от интеграционных ожиданий. Крах еще одного интеграционного проекта способен вызвать стойкую аллергию к самому понятию интеграции. Да и вообще, в настоящий момент говорить о региональной интеграции в условиях заминированных границ Узбекистана и «железного занавеса» (на узбекско-таджикской границе) все равно, что рассуждать в 1939 г. об интеграции между Францией и Германией на «Линии Мажино».

Существует нижний предел целесообразности создания интеграционных объединений: общий рынок должен быть не меньше 50 млн. человек, иначе в интеграции нет особого смысла. Заметим, что население региона составляет 1,15% населения Земли. Территория – 3,3% территории суши, а ВВП – всего 0,12% мирового.

Но кроме интеграции существует экономическая интернационализация – процесс экономического взаимодействия, главным образом, в сфере торговли с окружающими партнерами. В регионе отношения могут быть интернационализированы, но вряд ли интегрированы в обозримом будущем.

В этом смысле наблюдается одномерный подход к интеграции в регионе. Есть такое понятие как «комплексные числа», которые состоят из действительных и мнимых чисел (i). Можно выделить следующие эшелоны интеграционных процессов.

В первый эшелон входят следующие три страны: **Казахстан, Киргизстан, Таджикистан.**

Узбекистан пока сюда не входит, потому что у него сейчас нет действительного желания интегрироваться. Интеграция означает разгерметизацию границ. А разгерметизация границ Узбекистана приведет к внутриполитической дестабилизации.

Интегрироваться могут только страны с примерно одинаковым внутриполитическим режимом или страны, которые не боятся разгерметизации своего внутриполитического режима. СССР распался так быстро, в том числе и в результате разгерметизации страны (гласность и перестройка).

Туркмения. После смены лидера появился шанс на то, что в будущем Туркмения может стать членом интеграции. Хотя если он сейчас изъявит такое желание, в реальности это будет пока невозможно по тем же, что и у Узбекистана причинам.

Кроме того, существует **Азербайджан**, у которого есть проблемы во взаимоотношениях с окружением: Армения (проблема Нагорного Карабаха), Грузия, Иран (проблема Иранского Азербайджана).

СУАР (Восточный Туркестан). Он никогда не сможет стать участником интеграции в силу того, что не является субъектом международного права. Но СУАР может стать эффективным субъектом региональной кооперации.

Таким образом: формула комплексного числа региона выглядит как $3 + 4i$. Это конечно меньше, чем 4 или 5, но больше, чем 3.

В принципе, Узбекистан вместе с «тройкой» мог бы уже сейчас составить некую **модульную организацию** в рамках СНГ, ЕврАзЭС и ШОС. После самоликвидации ОЦАС в регионе не осталось своей «кухонной» организации, где можно было бы решать вопросы воды, газа, электроэнергии.

И, на мой взгляд, назвать эту организацию следует не Союз центральноазиатских государств, а **«Центральная Евразия».**

БОЛЬШАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И РОССИЯ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО–ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*В.С.Бойко,
канд. истор. наук, руководитель
лаборатории «Россия и Восток»
Барнаульского государственного
педагогического университета и кафедры
регионоведения Алтайского государственного
технического университета*

Алтайская школа исследования Центральной Азии в последние 15 лет сформировалась в ряде учебно-научных центров российского приграничья, прежде всего — г. Барнаула, административно-культурного центра Российского Алтая. Ее инфраструктура включает лабораторию «Россия и Восток» Барнаульского государственного педагогического университета (создана в 1996 г.), кафедру востоковедения Алтайского государственного университета,¹ общественную организацию «Алтайский центр востоковедческих исследований», объединяющую в своих рядах около 40 преподавателей, экспертов, специалистов-практиков, студентов и всех тех, кто интересуется Востоком и, прежде всего Центральной Азией.

Для нас и понятие «Центральная Азия», и сам этот регион имеют совершенно конкретное значение — мы сами находимся на его северной окраине, непосредственно примыкающей сразу к трем государствам Центральной Азии — Казахстану, Монголии и Китаю, точнее, к территориям этих государств, наряду с другими составляющим по своим историко-цивилизационным и прочим признакам пространство, за которым закрепилось понятие Центральной Азии. Именно поэтому для нас смехотворно и научно неверно ограничение этого региона только пятью недавно возникшими республиками бывшего СССР — Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизстаном и Туркменистаном. Иногда этот список высокопарно именуется «геополитической» Центральной Азией.² Чаще всего такой подход навязывается как бесспорный, что недостойно даже возражения, так как в течение длительного времени существовали и продолжают существовать области и государства действительной Центральной Азии (в которую, без сомнения, входят и вышеназванные республики), как, прочем, и солидные университетские и академические школы в Туве, Бурятии, Горном Алтае, Алтайском крае и т.д., десятилетиями производящие

¹ 17 июня 2007 г. ушел из жизни ее создатель и заведующий, д.и.н., проф. В.А. Моисеев, один из ведущих российских специалистов по истории международных отношений в Центральной Азии.

² Казахстанский автор К. Шерьязданова называет этот подход к определению границ Центральной Азии «минималистским», а его авторство она фактически приписывает главам пяти постсоветских государств, заявившим в 1993 г. о таком понимании пространства данного региона. — См.: *Шерьязданова К.* Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы развития// URL: <http://www.kisi.kz/site.html?id=4748>

высококачественную научную продукцию по этой проблематике. Другое дело, что о них и их деятельности мало знают или даже не подозревают коллеги в столичных (московских и петербургских) центрах, учебно-научных подразделениях зарубежного Востока и Запада, но это уже вопрос их профессиональной добросовестности и состоятельности, ибо мы, со своей стороны, проводим немалую организационную и информационную работу в этом направлении. Лаборатория «Россия и Восток» БГПУ регулярно проводит международные научно-практические конференции «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур»¹ и Востковедческие чтения памяти С.Г. Лившица, в АГУ столь же регулярны научные чтения памяти известного востоковеда Е.М. Залкинда.²

Понятие Центральное Азии, ключевое для проблематики и задач данной конференции, менялось на протяжении длительного времени, но в своем «классическом» варианте, предложенном одним из ведущих востоковедов XX – начала XXI вв., профессором Гарвардского университета Р. Фраем, оно обозначает некое культурное единство, противоречивую дихотомию кочевых и оседлых народов и государств. По Р. Фраю, предпочитающему говорить о так называемой Большой Центральной Азии, все составляющие этого гигантского региона, будь то Восточная Персия, Восточный (Китайский) Туркестан или Алтай – не что иное, как «пограничные» зоны культуры между главными оседлыми областями России, Китая, Индии и семитского Ближнего Востока. Будучи таковыми, они обладают рядом специфических черт, – одним из немногих системообразующих (необязательно – скрепляющих) элементов этой гигантской и достаточно эфемерной общности стал ислам, хотя здесь сохранились и прежние духовно-культурные ценности. К числу «сквозных» осевых линий (черт) центральноазиатского феномена Р. Фрай относит особые формы ирригации, торговли и коммерческой деятельности как способы выживания тамошнего социума.³ Проще говоря, это то пространство и тот многообразный социум, который располагается между славяно-христианским, южноазиатским (преимущественно индуистским), восточноазиатским (преимущественно конфуцианским) мирами, хотя частично оно включает столь же специфические по отношению к этим мирам кочевые области с буддистским (ламаистским) элементом, прежде всего Монголию – именно монгольский феномен определял в течение нескольких веков социально-политическое развитие исторической Центральной Азии, в дальнейшем его влияние

¹ См., например: Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Вып. 5. – Барнаул, 2005.

² См., например: Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. – Барнаул, 2005. Среди новейших изданий – Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник статей памяти Б.П. Гуревича. – Барнаул, 2006.

³ **Frye Richard N.** The Meaning of Central Asia, in: Conference on the Study of Central Asia, March 10 – 11, 1983, Woodrow Wilson International Center for Scholars. – Washington, 1983. – P. 11-13. См. также конспект его доклада «Pre-Islamic and Early Islamic Cultures in Greater Central Asia» на семинаре «Central Asia as a Cultural Area». – Papers of Richard Frye. – Harvard University Archives, box 12933.

предельно ослабло, хоть и не сошло на нет. Говоря о Центральной Азии, приходится всякий раз иметь в виду громадные размеры этой территории, или исторической единицы, в которой, в частности, выделяется *Западная Центральная Азия*, простирающаяся от Иртыша до Хорасана и представляющая собой «обширную систему, включающую в себя множество субрегионов, охватывающую огромное множество исторических ситуаций и субрегионов: центральную часть нынешнего Казахстана, Семиречье, высокогорье Тянь-Шаня и Памира, Трансоксиану, Хорезм и т. д.»¹ Существует также традиция выделения *Восточной Центральной Азии* — с конца 1990-х гг. она внедряется в исследовательскую практику экспертами из КНР.

Так или иначе, значительная часть исследователей различных школ склоняется к действительно научному определению рамок региона Центральной Азии. Как отмечает директор института истории АН РУ Д.А. Алимова, «при определении понятия «пространства Центральной Азии» после бурных и длительных споров во время создания ... шеститомника [«Истории народов Центральной Азии» — **Б.В.**] было решено считать таковыми территории не только Средней Азии и Казахстана, но и части Индии, Афганистана, Пакистана, Ирана, Китая, Монголии, России, в частности, Алтайский край и др.»²

Утверждение о принадлежности некоторых частей России к Центральной Азии в определенной степени верно — такое положение обусловлено длительными этносоциальными процессами в рамках самого российского государства и на его рубежах.³ Россия в процессе своего хозяйственно-экономического и политического становления в XVI-XVIII вв. неуклонно укрепляла связи с сопредельными областями степного мира, являвшимися, в свою очередь, частями суверенных по тогдашним меркам государств или квази-государственных образований.

С середины 1-го тысячелетия Сибирь была населена тюркскими народами, которые пришли сюда за столетие до того, как славяне поселились на верхнем Днепре и основали свое государство в Киеве. Московское государство и Сибирское ханство были продуктами распада тюрко-монгольской Золотой Орды. Русские достигли Сибири в XVI-XVII вв. и мирно усваивали местные формы жизни. Гораздо сложнее развивались на гигантских

¹ **Фурнье, Винсент (Fourniau, Vincent)**. Семиречье и Трансоксиана (Мавераннахр): их связи в истории тюркизаций и седентеризаций нижней Центральной Азии. Рукопись перевода статьи с англ.

² **Алимова Д.А.** О задачах освещения совместной истории в центральноазиатских исследованиях // К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. — Алма-Ата, 2006. — С. 21. С ней солидаризуется и зав. отделом историографии и источниковедения Института истории и этнологии МОН РК Б. Сужиков. — см. **Сужиков Б.** Некоторые проблемы центрально-азиатской идентификации в контексте советской и постсоветской истории региона // Историческая наука постсоветской Центральной Азии: обретения и проблемы. Материалы Международной научно-теоретической конференции. — Алма-Ата, 2007. — С. 156.

³ **Моисеев В.А.** Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.). — Барнаул, 2003. — С. 5. В.А. Моисеев, вслед за Н.М. Шукиной, под Центральной Азией подразумевает и территорию Южной Сибири. См.: **Шукина Н.М.** Как создавалась карта Центральной Азии. — М., 1955.

просторах Сибири этнокультурные отношения — сибирский этнолог Л.И. Шерстова пришла к заключению, что с течением времени русифицированные группы тюрко-сибирского происхождения развили новое «азиатское» региональное самосознание, а мигранты сформировали новый русский субэтнос.¹ Таким образом, Западная Сибирь, ранее — периферийная часть тюркского мира, — стала главной базой российского влияния в Азии, мостом для поступления российских товаров к кочевым казахам, монголам и другим народам центральноазиатских степей. Сибирские города стали в то же время центрами торговли и переработки продукции кочевников. Как утверждает другой сибирский исследователь, В.П. Зиновьев, именно поэтому некоторые сибирские города в 1920-е гг. тяготели к только что созданной Казахской республике, поскольку они составляли единое экономическое целое с казахскими кочевниками.² В советское время (1917-1991 гг.) экономические системы азиатских республик и других субъектов союзной федерации были жестко интегрированы в подобие единого народнохозяйственного комплекса,³ активно происходил обмен кадрами, культурой, образовательными услугами, что привело к определенной взаимной ассимиляции азиатских и неазиатских этносов, в том числе в так называемой Средней Азии, хотя местный этнокультурный субстрат все же сохранил немалую социальную и иную автономность, выражавшуюся в соблюдении культурно-религиозных обрядов, наличии особых социально-демографических (поло-возрастных и пр.) объединений производственного, досугового и иного характера.

Сегодня одной из наиболее дискуссионных является концепция *Большой Центральной Азии*, как и практические программы сотрудничества в ее пределах, охватывающие области торговли, инфраструктуры и др. Почему-то они приписываются исключительно американцам, и конкретно — директору Института Центральной Азии и Кавказа университета Дж. Гопкинса профессору Ф. Старру. Правда же состоит в том, что именно этот институт и созданная на его базе евроатлантическая программа междисциплинарных исследований «Великий шелковый путь» стали ведущим научно-аналитическим комплексом, разрабатывающим научные и прикладные проекты для высшего политического руководства и корпораций США, локализованные Центральной Азией, а в последнее время — расширенным регионом, включающим ряд государств Южной Азии и др. — так называемой «Большой/Расширенной Центральной Азией — БЦА».⁴ Новейшим по времени прикладным проектом, предложенным САСИ, стала програм-

¹ **Шерстова Л.И.** Тюрки и русские в Южной Сибири: этнические процессы и этнокультурная динамика в XVII — начале XX вв. Новосибирск, 2005.

² **Зиновьев В.П.** Товарооборот Сибири и Центральной Азии в начале XX века//*Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII — XX. Томск, 1999, с. 119.*

³ См., например: **Абдусаламов М.А.** Проблемы экономической интеграции Средней Азии и Сибири. Ташкент, 1982.

⁴ Основными партнерами которой с европейской стороны стали несколько шведских исследователей — специалистов по Центральной Азии, Кавказу и Китаю (Сванте Корнелл, Николас Сванстрем и др.).

ма развития трансконтинентальной торговли и инфраструктуры в рамках пространства, включающего пять постсоветских республик Центральной Азии и Афганистан, как мост сотрудничества с Южной Азией, прежде всего с Индией, а также с Пакистаном и некоторыми другими, в том числе вне-региональными государствами. США в этой схеме мыслятся как главный фасилитатор-менеджер, отчасти — и инвестор.

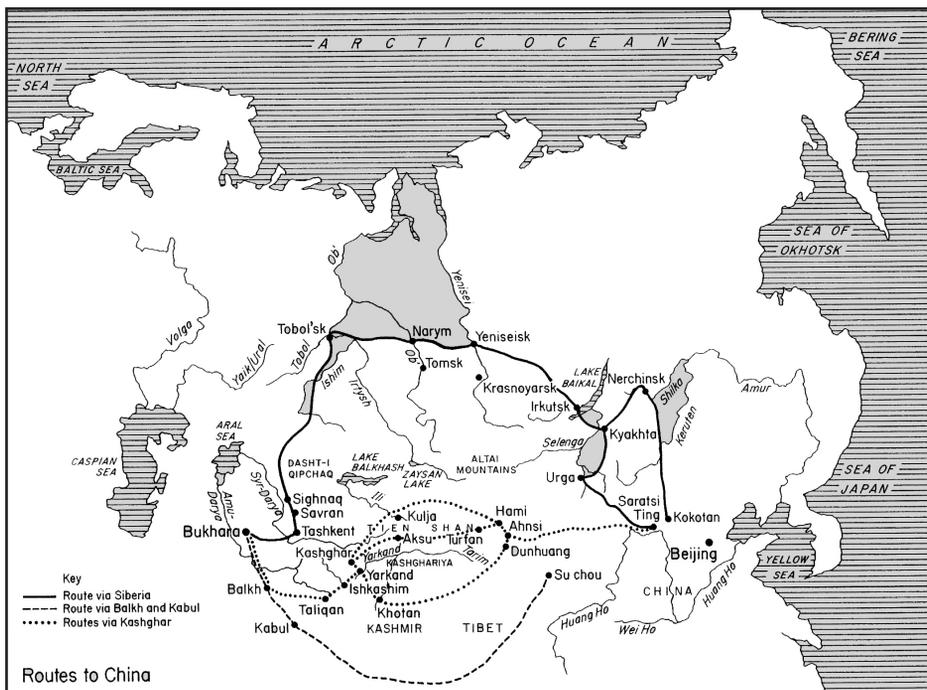
Программа партнерства в Большой Центральной Азии была обнаружена для обсуждения на страницах американской академической печати в 2005 г., а весной 2006 г. в Кабуле состоялась международная научно-практическая конференция, призванная одобрить ее основные положения авторитетными представителями политико-дипломатической элиты США, Афганистана, некоторых государств Центральной Азии и научно-экспертного сообщества.¹ Фактически, этот проект представляет собой попытку «вытягивания» Афганистана из состояния вялотекущей гражданской войны за счет его вовлечения в разноуровневые программы экономического развития Центральной и Южной Азии и ликвидации очагов сопротивления проамериканскому режиму Х. Карзая в афганско-пакистанском приграничье, вплоть до постепенной ликвидации экономическими и иными средствами автономии зоны племен в Пакистане. Летом 2007 г. материалы конференции были изданы в виде фундаментальной книги «Новые шелковые пути: транспорт и торговля в Большой Центральной Азии».²

Появление научно-теоретических взглядов такого рода — результат осмысления как давних исторических, так и новых взаимосвязей народов Центральной Азии и их соседей. Этот подход стал утверждаться в начале 1990-х гг. — одними из первых эту формулу обосновали известные российские востоковеды В. Наумкин и В. Белокреницкий, а также американский афганист Р. Кэнфилд.³ При этом многие аналитики **не без оснований указывают на антироссийский подтекст** практически-политических и экономических проектов развития Центральной Азии в ее расширенном формате, включающем Афганистан как некий мост между Центральной и Южной Азией. В этом проявляется как соревновательность действий основных игроков международной политики, так и низкий уровень их сотрудничества в данном регионе. Нет сомнений, что вектор кооперационных и интеграционных проектов американского, европейского или иного происхождения должен быть направлен не только на юг, но и на север (Россия), запад (Иран) и т.п. Наивно считать, что ведущие региональные державы, не говоря уже о таких государствах, как Россия, не будут продвигать свои интересы на экономическом, политическом, культурно-образовательном

¹ Казахстан был позиционирован как сопредседатель конференции, что, предположительно, стало причиной демарша и неявки на конференцию представителей узбекской стороны.

² The New Silk Roads: Transportation and Trade in Greater Central Asia. Ed. by F. Frederic Starr. — Washington., 2007.

³ Canfield, Robert L. Restructuring in Greater Central Asia: Changing Political Configuration// Asian Survey. — 1992. — October, 32:10. — P. 875-887; Belokrenitsky V.Y. Russia and Greater Central Asia. — Asian Survey. — 1993. — December, 33:12. — P. 1093-1108; Наумкин В.В. (ред.) Центральноазиатский макрорегион и Россия. — Москва, 1993.

Burton, Audrey. *Bukharan trade 1558-1718. Papers on Inner Asia # 23, Bloomington, Indiana, 1993.*

пространстве бывших советских республик, как, впрочем, и Афганистана, Индии, Пакистана и др. И уж совсем абсурдным представляется тезис о некоем комплексе «вины» России и русских за многочисленные промахи и перегибы в период существования империи и союзного государства, который-де не позволяет ей (и им) на равных участвовать во всех центральноазиатских делах. Внутренний колониализм, будь то социальные и иные диспропорции, пренебрежение центра к периферии и пр. – не в меньшей, а подчас еще и в большей степени испытывали на себе и миллионы российских/советских граждан – этнических русских. Таким образом, участие России в центральноазиатской политике и экономике на макро-, региональном и микрорегиональном (сотрудничество краев, областей, бизнес-структур, научно-образовательных институтов и др.) уровнях – один из важнейших императивов создания нового климата и возможностей сотрудничества, а может быть, и интеграции на двусторонней либо многосторонней основе. Причем, интересы России могут при этом вполне гармонизироваться с интересами США, действия которых уже в течение ряда лет вызывают критику не только ура-патриотов, но и прагматиков. Как пишет один из наиболее оригинальных современных российских аналитиков А.Д. Богатуров, «вопрос о приобретении Россией более заметной роли в обеспечении энергетических потребностей США уже перестал быть только теоретическим. Правда, до сих пор больше пишут и говорят о возможнос-

ти поставок в США российских энергоносителей северным путем — через Мурманск. Южный (точнее, южносибирский) сценарий в этом контексте особого внимания не привлекает. Однако, если в самом деле усилия США по формированию пути вывода энергоносителей из материковой части Центральной Евразии к югу начнут себя оправдывать, то приобщение России к подобному коридору может оказаться важной задачей».¹

Стремление России и русских в Азию вообще, и в Центральную Азию, в особенности — только отчасти проявление старых и новых философско-политических и конкретно-политических идей, вроде *азиатства* Э. Ухтомского или *евразийства* и *неоевразийства* образца 1920-х и 1990-х гг.²

Но этот процесс происходит и в силу действия более императивных факторов — миграционных, экономических и др., хотя он и не есть простое выражение глобализации. Нельзя не отметить подвижности границ Центральной Азии — как это было и в прошлом, они не совпадают с государственными, а носят скорее *фронтальный* характер, то есть служат некой линией культурно-цивилизационного рубежа, где, в случае с Россией, встретились и до сих пор взаимодействуют славянско-христианский и (преимущественно) тюрко-мусульманский миры. Фактом является и то, что Центральная Азия, даже в самом утрированном ее понимании образца 1990-х гг., сама перемещается в Россию — миллионы этнических узбеков, таджиков и представителей других этносов на многие годы, нередко навсегда, переселяются в Россию, либо, как сезонная рабочая сила, выступают связующим, часто спасительным, звеном между родиной и Россией. В России, особенно в краях и областях южного приграничного пояса, диаспоры азиатского происхождения постепенно перерастают в устойчивые национальные сообщества местного социума, в том числе в статусно-правовом отношении. Национально-культурные центры стремятся обрести статус национально-культурных автономий, ведут активную работу в сфере культуры, международного сотрудничества. Таким образом, в Азиатской части России и ряде ее центральных областей, прежде всего в крупных городах и столичных мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге, возникает новая этнонациональная структура, обладающая очевидными чертами центральноазиатского содержания и форм жизни, остаточных, обновленческих или конвергентных. Но, разумеется, эти процессы, во многом сохраняющие стихийный характер, не отменяют необходимости проведения специальной работы по развитию межрегиональных, трансграничных и иных связей, призванных сохранить и приумножить сотрудничество России и ее соседей.

Признавая чрезвычайную важность проблем, связанных с развитием Центральной Азии в различных ее форматах, искусственно ограниченном пятью постсоветскими республиками или расширенном по научно-исто-

¹ **Богатуров А.** Индо-сибирский коридор в стратегии контртерроризма// Независимая газета. — М., 2005. — 24 октября. — С. 14.

² **Схиммельпенник ван дер Ойе. Д.** Азиатский соблазн России// Космополис. 2002/2003. № 2. — URL: <http://risa.ru/cosmopolis/archives/2/shimmelpennik.htm>

рическим или геополитическим соображениям, следует все же признать, что этот регион будет играть подчиненную роль в более масштабных процессах, которые разворачиваются на пространстве так называемой «Большой Восточной Азии». Следует целиком согласиться с видным российским востоковедом А.Д. Воскресенским в том, что в современном мире резко повысилась изменчивость политико-географического пространства, возросла взаимозависимость государств и территорий. В силу этих изменений активным игроком той же Северо-Восточной Азии, а более широко — Азии вообще, становятся США, причем не только в качестве глобального, но и регионального игрока.

В связи с этим, плодотворным для объяснения новых тенденций в развитии международных отношений, в том числе в Центральной Азии, выглядит предложенное А.Д. Воскресенским понятие «сопряженных» территорий и/или зон. К таковым относится, например, Монголия, а также вся Центральная Азия. Результатом этих тенденций может стать «стягивание» «старых» регионов — Центральной, Южной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии в единый региональный комплекс безопасности — «*Большую Восточную Азию*».¹ Конечно, Центральная Азия, или Большая Центральная Азия (в чем-то совпадающая с Центральной Евразией) сохранит в нем свою определенную роль и даже идентичность, но все же процесс «стяжения» будет императивным, и в нем по ряду объективных причин важную роль будут играть Китай, США и Россия. Ресурсный (в основном энергетический) потенциал России, а в России — Сибири и Дальнего Востока, а также позитивный исторический опыт взаимодействия в пределах Евразии, Большой и собственно Центральной Азии, станет основой этого нового феномена международных отношений.

Что объективно же определяет высочайшую перспективность России как партнера в сотрудничестве и интеграционных проектах приемлемого для всех сторон формата.

¹ Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник статей памяти Б.П. Гуревича. — Барнаул, 2006. — С. 393-399.

ВНЕШНИЕ ИГРОКИ И МОТИВАЦИЯ ИХ ИНТЕРЕСОВ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ИНТЕГРАЦИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ

*В. Н. Пластун,
докт. ист. наук, профессор кафедры
востоковедения Новосибирского
государственного университета*

После распада СССР, оправившись от шока и сменив президента, Москва приступила к восстановлению всесторонних отношений на новой основе, которая учитывает максимум взаимной выгоды и доброжелательства. Как известно, в буквальном переводе с латинского языка слово *integratio* означает «восстановление» и, на мой взгляд, перевод именно в таком смысле представляется наиболее приемлемым с точки зрения понимания сущности того, чего может (и должна) добиваться Россия, развивая отношения с независимыми государствами Центральной Азии.

Что такое Центральная Азия?

На международной конференции «Афганистан и региональная безопасность: пять лет после «Талибана» в декабре 2006 г. в г. Душанбе один из участников¹ говорил, что в Великобритании знают о существовании таких независимых государств как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Таджикистан. Известен и термин «Средняя Азия», но вряд ли простые англичане осведомлены о существовании такого понятия как «Центральная Азия».

Раньше в исторической литературе к его определению подходили и с точки зрения географических критериев, и климатических условий, и исходя из этнического состава населения. В постсоветское время геополитическое понятие региона впервые было применено на встрече лидеров среднеазиатских государств в 1993 г. в Ашхабаде, когда участники решили вместо термина «Средняя Азия и Казахстан» ввести термин «Центральная Азия», обозначив, таким образом, территорию существования и взаимодействия пяти самоопределившихся государств — Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Туркменистана и Таджикистана.²

Выступая в лондонском «Chatem-House»³ 22 марта 1994 г., президент Казахстана Н. Назарбаев говорил: « ... СНГ — это не государство, не национальное образование, а естественный в сложившихся условиях механизм регионального взаимодействия. Сравнить его можно с Европейским Сою-

¹ Старший аналитик Академии обороны Великобритании Генри Платер-Зиберк.

² Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. — М.: Наука, 2007. — С. 12.

³ British Royal Institute of Foreign Relations, Королевский институт международных отношений.

зом. Разница в том, что ваши страны пришли к идее интеграции уже будучи зрелыми государствами. Содружество же — неизбежная альтернатива, совершенно сознательно избранная странами, каждая из которых была частью империи... Мы опираемся, прежде всего, на развитие традиционных вековых связей с соседними нам республиками Центральной Азии — Узбекистаном, Киргизией, Туркменистаном и Таджикистаном. И, разумеется, важнейшее значение мы придаем сотрудничеству с Россией».¹

9 апреля 2007 г., через 13 с лишним лет после лондонской речи, Н. Назарбаев заявляет о целесообразности создания Союза центрально-азиатских государств: «Самым лучшим был бы Союз центральноазиатских государств, в которые я включаю Казахстан и Среднюю Азию.... Нам сам Бог велел: 55 млн. населения, нет барьера по языку, взаимодополняемая экономика, на одном пространстве, транспортные, энергетические связи. Этот регион может полностью обеспечить себя продовольствием, полностью может обеспечить себя энергетикой и так далее. Даже рынок самодостаточный был бы. Спрашивается, чего еще надо?». А далее задает риторический вопрос: «Почему не получается у нас такого союза, я до сих пор понять просто не могу»,² добавляя, что «интеграция экономически была бы выгодна и работала бы на нашу безопасность в целом».

Со времени образования СНГ прошло более 15 лет, продолжают пространные и многозначительные разговоры о необходимости взаимовыгодной интеграции, но только в последние годы среднеазиатские государства СНГ стали ощущать конкретные результаты интеграционных процессов. Впрочем, этот срок оказался явно недостаточным для закрепления стабильного, устойчивого социально-политического развития в этом регионе. И причины тому известны: резкий подъем национального самосознания, вызвавший, в свою очередь, миграцию русскоязычного населения, активизацию религиозного фактора, а также беспокойная обстановка в связи с продолжающейся войной в Афганистане. Период трудностей экономических и социально-политических преобразований, отсутствие идеологических программ в рамках государств создали тот вакуум, которым воспользовались религиозные объединения, претендовавшие на политическую власть, и местные элиты. Такие процессы, как очевидно для всех, наблюдались практически на всем постсоветском пространстве. Стоит напомнить и о том, что Центральную Азию со времен Редьярда Киплинга называли ареной «Большой игры», а теперь соперничество «внерегиональных игроков за влияние» все чаще называют «Новой Большой игрой».

«Игра» продолжается теперь уже с подачи США. В 2004 г. Дж. Буш выступил с проектом выстраивания стратегии «Большого Ближнего Востока» (ББВ), которая предусматривала поиск возможностей для стран исла-

¹ **Назарбаев Н.А.** Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. — М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. — С. 31.

² *Kazakhstan Today*. — **Алма-Ата, 2007. — 9 апреля.**

ма «для контроля за их деятельностью со стороны Соединенных Штатов».¹ Регион Центральной Азии тогда рассматривался Вашингтоном в качестве периферии ББВ. После «тюльпановой революции» в Киргизстане весной 2005 г. американцы озаботились проблемой сохранения своего военно-политического присутствия в регионе и в конце года госсекретарь США К. Райс, предварительно совершив турне по странам Центральной Азии и Афганистану, объявила о проекте «Большая Центральная Азия» (БЦА). Предполагалось объединить государства Центральной Азии и Афганистан «в единый военно-стратегический и экономический регион. Конечная цель — вывести новые независимые страны из-под влияния России и Китая, ослабить зависимость Афганистан от Пакистана и отдалить Кабул от Тегерана. Главная задача — установление жесткого влияния США в регионе БЦА.

По меньшей мере, странно было читать в письме в комитет конгресса США от 26 апреля 2006 г. такие слова помощника госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Ричарда Баучера: «Демократизация Афганистана превратила его из препятствия, отделявшего Среднюю Азию от Южной Азии, в мост, который их соединяет. И это, в свою очередь, открывает замечательные новые возможности».² О какой «демократизации» Афганистана ведет речь лицо, «приближенное» ко второму по влиянию человеку в государстве?

В Вашингтоне отрицают наличие геостратегической борьбы между США, Россией и Китаем за влияние в Центральной Азии. Они всего лишь «считают необходимым ориентировать регион в южном направлении с целью диверсификации». Баучер писал: «Нет никакой конкуренции между Соединенными Штатами, Россией и Китаем. По большей части то, что мы там делаем, сводится к предоставлению странам региона возможностей для выбора... и недопущению того, чтобы они оказались зажатыми между двумя великими державами — Россией и Китаем». Баучер рисует картину пяти независимых государств Центральной Азии, изнемогающих в тисках РФ и КНР, которым США совершенно бескорыстно предлагают выход на Юг — в мир, где уже процветает «демократический» Афганистан и «задемократизированный», обладающий «исламской» ядерной бомбой Пакистан под руководством генерала П. Мушаррафа. В выступлении Баучера рисуется идиллическая картинка: «Студенты и профессора из Бишкека и Алма-Ата смогут сотрудничать с партнерами в Карачи и Кабуле и учиться у них, законная торговля может свободно осуществляться на всей территории от Астаны до Исламабада, чему будут способствовать современные средства пограничного контроля, а разветвленная региональная энергосистема от Алма-Ата до Нью-Дели будет пополняться нефтью и газом из Казахстана и Туркменистана и электроэнергией из ГЭС в Таджикистане и Киргизстане».³

¹ Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. — М.: Наука, 2007. — С. 81.

² Eurasianet. — 2007. — 9 мая (на русском языке).

³ Eurasianet. — 2007. — 9 мая (на русском языке).

По мнению некоторых казахстанских экспертов, цель реализации проекта заключается в постепенной переориентации «политически и ментально элиты стран Центральной Азии с России и Китая на новое направление».¹ Подразумевается, что вслед за «элитой» туда же повернутся нефте- и газопроводы из Казахстана, Туркменистана. Конечная цель — поддержка союзнических режимов в Исламабаде и Кабуле, и осторожный разворот в «нужном направлении» политического курса Индии.

Но речь идет не просто и не только о нефти. В октябре 2005 г. госсекретарь США К. Райс высказалась в том смысле, что ядро БЦА составит свободный, безопасный и процветающий Афганистан, который скрепляет Центральную Азию и связывает ее с Южной Азией. При взгляде на политическую карту становится ясно, что к БЦА, кроме среднеазиатских стран, привязываются два исламских государства — Иран и Афганистан, а также Индия. Для полноты картины надо помнить, что у РФ особые отношения с Индией, а у КНР — с Пакистаном. Из этого расклада, по мнению директора Казахстанского института стратегических исследований Булата Султанова, следует: 1) первоначальная цель «сотворения» БЦА — создание антироссийской и антикитайской энергетической системы; 2) направить нефть Казахстана и газ Туркмении, гидроэнергоресурсы Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в сторону Афганистана, Индии, Пакистана. Претензии США на особые отношения с Казахстаном, конечно, могут обосновываться тем, что Вашингтон вложил в развитие нефтегазовой системы Казахстана 10 млрд. долларов. Нельзя, естественно, не учитывать и огромную роль Китая в развитии отношений с Казахстаном. Но, как отмечает Б. Султанов, «отношения России и Казахстана являются примером того, как нужно и как важно сейчас развивать наши отношения в целях безопасности», так как нефть, экспортируемая из Казахстана, идет через Россию.

Если придерживаться тенденции на современное геополитическое и региональное развитие по американским стандартам, то мы неизбежно скатимся к однополярному миру, что будет означать потерю позиций любой страны в международном масштабе. А ведь игроков на центрально-азиатском поле становится все больше. Попробуем разобраться, хотя бы схематично, кому и что надо. Действительно, государства этого региона объединяет географическая близость, некоторая историческая и культурная общность, относительная общность языков — только таджики говорят на фарси, а остальные — на тюркских языках. Но, учитывая большую смешанность населения, соседи, в принципе, могут поддерживать отношения свободно. Важный элемент — практически всех объединяет единая религия — ислам. Однако на вопрос, заданный президентом Назарбаевым, у каждого из его соседей есть свои вопросы и ответы.

Представители Казахстана считают, что политико-экономическая интеграция с другими государствами Центральной Азии дает их стране

¹ См.: **Михайлов Е.** Не нужен нам «берег» Большой центральной Азии // *Gazeta.kz.* — Алма-Ата, 2006. — 2 июня.

больше преимуществ. Но не со всеми, а выборочно. Если у Казахстана богатая топливно-сырьевая база, то Киргизстан и Таджикистан имеют гидроэнергетику, что позволяет взаимно дополнять друг друга. Казахстану требуется рабочая сила, которую можно пригласить из того же Таджикистана, Узбекистана и Киргизстана. Но всех ли устраивает оплата труда и условия работы в Казахстане? Видимо, нет, так как сотни тысяч таджиков и узбеков предпочитают лететь на заработки в российские города за тысячи километров от родных мест. Еще одно обстоятельство не совсем устраивает самих казахов: «гастарбайтеры из сопредельных стран имеют более высокий уровень исламизации и не горят желанием смешиваться с казахским населением». В то же время, как заявляют казахстанские экономисты, «это лучше, чем замещать недостающую рабочую силу китайцами».¹ Следовательно, Астане выгоднее усовершенствовать иммиграционные правила с целью интеграции узбеков, киргизов и таджиков в свое общество. С Ташкентом у казахстанцев проблемы возникают в банковском секторе, не упорядочен пограничный и таможенный режим, высокий уровень коррупции породил расширение масштабов контрабанды. Внутриполитическая ситуация в Узбекистане также не позволяет развернуть работы по полнокровному политико-экономическому сотрудничеству.

У идеи предельно тесной интеграции Казахстана с Киргизстаном в Бишкеке есть противники и сторонники. Во время визита Н. Назарбаева в Бишкек 26 апреля 2007 г. руководители двух стран договорились создать Высший Межгосударственный Совет во главе с президентами, который должен координировать развитие сотрудничества между двумя странами в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной сферах, в области обеспечения региональной и глобальной международной безопасности.

Президенты считают первым шагом в процессе формирования Центральноазиатского союзного государства заявление, проект которого был, как говорилось выше, предложен Н. Назарбаевым в апреле 2007 г. В пункте 7 общего заявления президентов говорится: «Стороны признают важность обеспечения региональной стабильности, развития интеграционных процессов в Центральной Азии в контексте продвижения инициативы по созданию Союза Центральноазиатских государств, в котором Киргизстан, в силу своего геополитического положения, призван сыграть одну из ключевых ролей».²

Киргизстанский профессор З. Курманов заявляет: «Со странами СНГ нас многое объединяет — русский язык, общая история, советское наследие. Мы прекрасно знаем, что нас не ждут ни на Западе, ни на Востоке, зато мы можем быть весьма полезны на постсоветском пространстве, и, прежде всего, в Центральной Азии». В Киргизстане казахстанский бизнес также имеет свою значительную долю, но у киргизов, кажется, это не

¹ Независимая газета. — М., 2007. — 18 мая.

² URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1136>

вызывает опасений. Если Бишкеку и придется слегка урезать свой национальный суверенитет в пользу наднациональных органов, которые могут быть созданы в случае реализации плана Назарбаева по созданию нового союза центрально-азиатских государств, то большого ущерба Киргизстану это не нанесет. Как считает Курманов, «мы уже сделали это, когда вступили в ООН. Являясь членами Шанхайской организации сотрудничества и ОДКБ, мы также делегируем часть своих суверенных прав наднациональным органам ради достижения определенных национальных целей».¹ В то же время сейчас между странами Центральной Азии, как отмечают многие эксперты, еще живуча и сильна, видимо, унаследованная от советских времен, такая черта как покровительственно-патронажные отношения, признаков которых в Евросоюзе не наблюдается. Некоторые эксперты признают: в проектируемом тандеме «безусловным лидером будет Казахстан, что приведет к частичному ограничению суверенитета Киргизии. При этом ослабленная центральная власть последнего даже заинтересована в продвижении данной интеграционной инициативы, поскольку это на данный момент больше укрепит, чем ослабит ее позиции как внутри страны, так и вне государства — в постоянных противоречиях с Узбекистаном». И вообще, если рассматривать реализацию интеграционных проектов на деле, то почти все наблюдатели отмечают, что их осуществление «тормозится из-за взаимного недоверия и конкуренции, в первую очередь, между Казахстаном и Узбекистаном, который также претендует на лидерство в регионе». При этом казахстанская элита уже пользуется возможностью «проводить политику экономической экспансии в отношении своих более слабых экономически соседей». Уже сейчас ее представители активно занимаются приобретением собственности в Киргизии и даже в Узбекистане, в Таджикистане казахстанская бизнес-элита ищет подходы к местным запасам серебра и свинца, к предприятиям цементной и пищевой промышленности и т. д.² Судя по некоторым материалам таджикских СМИ, в республике проявляют заметное недовольство наступлением казахстанского капитала и с осторожностью относятся к проекту Союза центральноазиатских государств. Как сообщается, «эксперты Центра стратегических исследований Таджикистана считают, что в современных экономических условиях коммерческие банки РТ и местный рынок не выдержат конкуренции и подпадут под влияние Казахстана». Выражаются опасения того, что «казахские инвесторы, путем «выкручивания рук», захватят под свой контроль финансовый сектор Таджикистана и скупят дешевую недвижимость».³

Видимо, основываясь именно на таких подсчетах, аналитики Таджикистана делают вывод о неготовности всех центральноазиатских республик к тесному сотрудничеству по единому стандарту. Директор ЦСИ при президенте Таджикистана Сухроб Шарипов предпочитает делать акцент на развитии двухсторонних отношений, а в деле широкой интеграции, по

¹ Независимая газета. — М., 2007. — 18 мая.

² URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1136>

³ URL: <http://forum.msk.ru/material/economic/350655/html>, 15 июня 2007.

его мнению, «больше вопросов, чем ответов». Трудности он видит, например, в противоречиях с Узбекистаном (проблемы границ, таможенного режима, использования водных ресурсов. Мешает сохранение визового режима, обижаются таджики и на факт одностороннего минирования своим соседом границы.¹

Не совсем пока ясна позиция Туркменистана. Одни полагают, что новый президент намерен продолжать «ниязовскую внешнюю политику, ориентированную на развитие только двусторонних отношений». Другие вообще стараются воздержаться от прогнозов. Однако подписание соглашения о Прикаспийском трубопроводе совместно с Россией, Казахстаном и Узбекистаном позволяет надеяться на прогресс в этом направлении.

Узбекские эксперты высказываются в том смысле, что и возможности для интеграционных процессов есть, и препятствия налицо, хотя последние носят «субъективный характер». Субъективность, пишет «Независимая газета», заключается в том, что «идею интеграции Ташкент отложил на неопределенное будущее, занявшись завершением государственного строительства. При этом средний и малый узбекский бизнес объективно заинтересован в свободном передвижении товаров и капитала между центрально-азиатскими странами. В то же время крупный олигархический капитал, напротив, противится открытию границ, стремясь таким образом сохранить свои монопольные позиции на узбекском рынке».²

Из содержания приведенных выше мнений следует, что предпосылки к образованию общего рынка и более тесного политического союза центральноазиатских государств существуют, но называть конкретные сроки воплощения некоторых идей было бы рискованно, так как для устранения разногласий по целому ряду проблем требуется время и, конечно, желание.

События последних полутора десятков лет подтверждают факт становления центральноазиатского региона как центра политической и экономической активности с некоторым оттенком военной напряженности, возникающей под внешним влиянием. В этой связи стоит вспомнить известную теорию Х. Маккиндера, изложенную в его труде «Географическая ось истории». Именно на Центральную Азию, выступающую в качестве сердцевины Евразии, возлагается мировая ответственность стать «осевым регионом/хартлендом», на страны которого должна лечь и основная тяжесть противостояния попыткам европейских стран и США установить свое доминирующее влияние в этом регионе.³ Страны НАТО во главе с США испытывают острую необходимость в постоянном расширении своего влияния, в том числе на государства евразийского материка. После развала Советского Союза, когда США идеологически и экономически окончатель-

¹ Независимая газета. — М., 2007. — 18 мая.

² Независимая газета. — М., 2007. — 18 мая.

³ Дискуссионные материалы по теории Х. Маккиндера см. в специальном выпуске (2005 г., № 4) журнала «Центральная Азия и Кавказ».

но утвердились в Центральной и Восточной Европе, Вашингтон обратил свои взгляды на Центральную Азию.¹

Каким этот регион представлялся и представляется в глазах американских политологов?

В 1990-х гг. З. Бжезинский считал, что Евразия — слишком «большой кусок». Его смущало то обстоятельство, что «размеры и многообразие Евразии, а также могущество некоторых из ее государств ограничивают глубину американского влияния и масштабы контроля над ходом событий. Этот мегаконтинент просто слишком велик, слишком густо населен, разнообразен в культурном отношении и включает слишком много исторически амбициозных и политически энергичных государств, чтобы подчиниться самой успешной в экономическом и выдающейся в политическом отношении державе».² Еще одно признание З. Бжезинского: «В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское... **К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении** [выделено мной — В. П.]».³

Законный вопрос: а где же место России в этом раскладе, какова ее роль? Ей ведь нельзя отказать в принадлежности к «евразийской зоне». Очевидно, что США предлагаются лозунги «за Евразию без России», или «за Евразию», которая признает доминирующую роль в регионе интересов Америки. Уже напрямую продолжаются попытки «вбивать клинья» между Россией и бывшими советскими республиками на Востоке. Рассматривая геополитические последствия новой расстановки сил в Центральной Азии, З. Бжезинский самонадеянно заявлял: «Все государства данного региона рассматривают американское участие как необходимое для своего выживания».⁴ Проще говоря, речь шла о том, что порядок в Центральной Азии возможен только при условии присутствия здесь Соединенных Штатов. И не только в Центральной Азии. Кондолиза Райс еще в 2000 г. утверждала, что осуществление **национальных интересов Соединенных Штатов** «способствует укреплению свободы, рыночной экономики и мира **во всем мире** [выделено мной — В. П.]».⁵

Сегодня мы становимся свидетелями смещения центра международной напряженности в центральноазиатский регион, смещения, происходящего под влиянием внешнеполитических сил, пытающихся реализовать этот «новый мировой порядок». К такому выводу можно прийти, приняв во внимание и следующие цифры: «на беднейшие 20% мирового

¹ **Борисова Е.** Оценка значимости идей Маккиндера в сегодняшних реалиях // Центральная Азия и Кавказ. — 2005. — № 4. — С. 25.

² **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 48-49.

³ **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 44.

⁴ **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 178.

⁵ **Райс К.** Во имя национальных интересов // Pro et Contra. — М., 2000, весна. — С. 105.

населения приходится лишь 1% внутреннего валового продукта мира, ... соотношение между богатой 1/5 мирового населения и 1/5 беднейшего населения Земли достигло 1:75». А. Уткин убежден: «Критическая степень неравенства в мире не может обещать ничего другого, как массовое стремление изменить статус-кво, то положение, которое ведет к глобальным катаклизмам».¹

Одновременно в качестве источника наблюдаемого хаоса в международных отношениях ведущие эксперты называют прогрессирующую нестабильность в сообществе суверенных государств. Профессор М. Ван Кревельд по этому поводу пишет: «От Индонезии до Шотландии, от прежнего Советского Союза до Южной Африки наиболее характерным процессом нашего времени является политическое расщепление, децентрализация и даже дезинтеграция современных государств. Едва ли месяц проходит без того, чтобы новое государство появилось на карте. И политические трансформации происходят помимо воли государств: каждый раз, когда новой пользователь покупает телевизионную тарелку или подключается к Интернету, природа политики подвергается изменению. Каждый раз, когда возникает новая международная организация, все большее число государств чувствуют себя попавшими в тенета этих организаций. Процесс расщепления идет в ущерб государственным структурам, способствуя огромному росту значимости этих организаций — многонациональных корпораций, неправительственных организаций и средств массовых коммуникаций.... Этот процесс отбрасывает нас в Средние века. Место императора начинает занимать президент США, а место римского папы — генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. Как и в Средние века, президент владеет военной силой, а секретарь желает властвовать над общественным мнением».²

В 1990-х гг. в Вашингтоне задача установления контроля над центральноазиатскими ресурсами решалась больше в теоретическом плане, но события сентября 2001 г. позволили приступить к ее практической реализации. Наступило время, по словам З. Бжезинского, «тщательно избранного и очень взвешенного размещения американских ресурсов на огромной евразийской шахматной доске».³

Шесть лет прошло после начала «антитеррористической операции», к осуществлению которой США и их союзники приступили в октябре 2001 г., и сегодня можно с уверенностью говорить о том, что основной целью Вашингтона было именно как раз «взвешенное размещение американских ресурсов», то есть американской военной мощи, в этом регионе. В связи с этим, нельзя не согласиться с мнением таджикского политолога С. Дустова о том, что активизация США в Афганистане и Центральной Азии будет «на-

¹ Уткин А. Новый мировой порядок. — М., Алгоритм, 2006. — С. 11.

² Цит. по: Уткин А. Новый мировой порядок. — М., Алгоритм, 2006. — С. 11-12.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 49.

растать и нарастать».¹ Обстановка в Афганистане остается крайне нестабильной, на юге страны продолжаются бои между коалиционными войсками и отрядами движения «Талибан». В натовской коалиции нет единого мнения о перспективах вооруженного противостояния: США не добились от союзников согласия на увеличение своих воинских контингентов. Откликнулась только Франция, на несколько боевых самолетов увеличившая свой контингент, базирующийся в Таджикистане. Некоторую активность согласилась проявить Германия. Американская стратегия всегда предпочитает использовать чужой человеческий потенциал, нежели свой.

Очевидно, что американцы застряли в Афганистане надолго. Этого можно было ожидать, поскольку долгосрочные интересы США осуществляются в соответствии с планами реализации программы обеспечения своих национальных интересов, а также с линией противостояния с Китаем и планами США в отношении стран Центральной Азии. «В задачу США также входит ослабление позиций России в Центральной Азии посредством комплекса военно-дипломатических мер, а это удобнее всего осуществить, контролируя Афганистан. Эта задача стоит перед любым правительством США и в среднесрочной перспективе, т.е. 12-15 лет эта задача останется для США актуальной».²

Возникает естественный вопрос об отношении к сложившейся ситуации России, Китая и, вообще, стран региона, входящих в ШОС. Стратегия военно-политического руководства Китая, в том числе и в рамках ШОС, не предполагает каких-либо активных действий против кого-либо. Внешне- и внутривнутриполитическая деятельность КНР сосредоточена на выполнении собственных государственных задач. Они хорошо понимают смысл американской стратегии в Афганистане и в Центральной Азии, уяснили для себя смысл «Новой Большой Игры» и цели разработанного в Вашингтоне проекта БЦА. И, тем не менее (или, может быть, как раз в силу этого), Пекин не намерен «выкладываться» в противостоянии чьему-либо влиянию в регионе, а займет позицию стороннего, но заинтересованного наблюдателя за развитием событий.

Что касается позиции России, то она лишь два-три года тому назад с трудом оправилась от шока последствий распада Советского Союза и вновь приступила к активным политическим акциям в регионе. В то же время, в Москве понимают, что дело придется иметь с «новыми азиатами» – представителями молодых политических элит, которые по нарастающей нарабатывают опыт поведения в изменившихся условиях на фоне нового баланса сил в мире. При этом нельзя не заметить того факта, что при постепенном вытеснении постсоветских политических элит и замене их новой генерацией политиков, явно просматривается намерение США ориентировать их на Запад, с использованием доказавших уже свою эффективность рычагов. Не лишним в подобных попытках будет и навязывание проведения более

¹ Regnum. – М., 2007. – 26 апреля.

² Regnum. – М., 2007. – 26 апреля.

глубоких политических реформ, формирование новых и совершенствование сети уже созданных «демократических общественно-политических организаций и движений». К подобным мерам можно отнести и расширение военных контактов всех уровней, навязывание любой помощи, которая обеспечивала бы американское военное присутствие в регионе на постоянной основе.

Опыт свидетельствует, что для достижения своих целей США обращают первостепенное внимание на возвращение западноориентированной политэлиты, прежде всего, из молодежи, создание сети НПО для усиления влияния оппозиционных сил, применение, в случае необходимости, тактики экономических санкций и бойкотов. Однако этот же опыт показывает опасность «американизации» региона, которая может надолго лишить бывшие советские республики полноправного членства в мировой политической и экономической системе.

В отношении ШОС при реализации своих устремлений по блокированию интеграционных процессов и противодействию усилиям по превращению ее во влиятельную международную организацию США намерены уделить внимание «точной работе» с политическими элитами стран центральноазиатского региона, увеличению безвозмездной финансовой помощи государствам, увязывая это напрямую с пересмотром их внешнеполитических ориентиров. Большие средства будут вкладываться в создание независимых СМИ, деятельность НПО и различных фондов, ориентированных на западные структуры.

США, закладывая и укрепляя основы для длительного пребывания в Центральной Азии, всерьез намерены включить Афганистан в свой проект БЦА. Именно в этом разрезе необходимо рассматривать содействие и поддержку «приграничных интеграционных процессов», в которые входят такие мероприятия как строительство мостов, расширение масштабов приграничной торговли, облегчение визового режима между странами и т. д. На это же направлена активизация военно-дипломатического сотрудничества США, например, с Таджикистаном и Киргизией.

На недавней встрече в Нью-Дели министров иностранных дел России, Китая и Индии обсуждался вопрос об установлении «максимально приемлемых отношений с США» каждой из сторон. Однако суть идеи «стоит в том, чтобы противостоять американскому однополярному миру через свободную трехстороннюю договоренность о стремлении создания многополярного мирового порядка. На территории этих трех стран проживают две пятых населения планеты, двадцать процентов мировой экономики приходится на эти страны и через десять лет эта доля достигнет сорока процентов, эти страны обладают самыми большими армиями в мире и самыми крупными арсеналами ядерных вооружений». Индийские политологи считают, что изменение «стратегической диспозиции вполне возможно».¹ Однако пока трудно усмотреть в политических и дипломати-

¹ Hindustan Times. — New Delhi, 2007. — February, 8.

ческих шагах Вашингтона желание выработать совместно эти «приемлемые отношения».

В реальности мы, скорее всего, столкнемся с тем, что в процессе продвижения проекта БЦА страны региона будут подталкиваться к реформированию правительственных структур, стимулированию развития по западному образцу парламентской системы и политических партий, к изменению, в конечном итоге, действующего государственного строя. При этом Вашингтон рассчитывает, что путем подключения стран Центральной Азии к экономическим, общественно-политическим и культурным программам в рамках БЦА будут создаваться помехи на пути расширения сотрудничества региональных государств с РФ и КНР.

События показывают, что ШОС, ориентированная на поддержание в регионе мира и стабильности и развитие широкого международного сотрудничества, подтверждает свою жизнеспособность и становится эффективной организацией, деятельность которой не направлена против интересов третьих стран. Участники ШОС видят в ней не только структуру региональной безопасности, но и площадку для налаживания экономического сотрудничества. Члены организации осознают, что наращивание многостороннего взаимодействия, в т.ч. путем реализации совместных энергетических и инфраструктурных проектов, могло бы способствовать укреплению ШОС и постепенному выравниванию уровней экономического развития государств.

В регионе, где проявляют себя национальный сепаратизм, экстремизм и международный терроризм, представляющие собой угрозу конституционному строю и территориальной целостности государств, приобретает значимость военная составляющая сотрудничества в рамках ШОС. Подобное взаимодействие обеспечивает дополнительные гарантии безопасности и стабильности, повышает ценность организации, создавая благоприятные перспективы развития и совершенствования ШОС как международной структуры безопасности и сотрудничества. Планы ШОС по активизации усилий в сфере безопасности вызваны, о чем говорилось выше, политикой США в регионе, нацеленной вроде бы на объединение государств, но при обязательном условии доминирования Вашингтона, что фактически превращает страны региона в пешки в геополитической игре, правила в которой диктуются внерегиональными силами.

А относительно российской внешней политики в Азии еще в давние времена вполне определенно в назидание современным политическим деятелям высказался русский князь Александр Невский: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке».¹

¹ Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. ...А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или содружество. — М.: Вагриус, 2001. — С. 62.

HOW THE SO CALLED WEST SEES SO CALLED CENTRAL ASIA

КАК ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ЗАПАД» ВИДИТ ТАК НАЗЫВАЕМУЮ «ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ»

Генри Платер-Зибек,
старший аналитик Академии Министерства
обороны Великобритании (Henry Plater-Zyberk,
CSRC, Defence Academy of the United Kingdom)

Выраженные в докладе мнения и оценки полностью и исключительно являются личным мнением автора и не отражают официальную позицию или Правительства Ее Величества или Министерства обороны.

Центральная Азия для Запада означает пять прежних республик Советского Союза. Общая история обусловила определенные общие политические, административные и лингвистические особенности, которые не могут игнорироваться или быть устранены. Такое представление – результат неведения и связанной с ним тенденции к упрощению отношения и политики в этой части мира. Ни одна из этих пяти стран не может утверждать, что была современным государством прежде, и когда Советский Союз исчез, мы не имели фактически никого, кто понимал бы эту часть мира. Сегодня есть только три страны с долгосрочной политикой в Центральной Азии: Россия, Китай и США. Страны ЕС имеют каждая собственную политику, которая характеризуется нехваткой стратегического размышления. И они не собираются изменяться в обозримом будущем.

Есть три главных причины, почему Запад интересуется Средней Азией: 1. Природные ресурсы, главным образом нефть и газ. Эта тенденция будет продолжена. 2. Борьба с терроризмом. 3. Незаконный оборот наркотиков.

Эти три проблемы доминируют в наших отношениях с каждым центрально-азиатским государством. Мы уже ваши партнеры, но можем добиваться большего успеха. Более продуктивно может использоваться и ваше членство в ШОС. Эта организация имеет большой потенциал.

* * *

I have to start by saying that the views expressed by me are entirely and solely mine and do not reflect official thinking and policy either of Her Majesty's Government or the Ministry of Defence.

I realise that the title of my presentation may sound slightly confusing, or even provocative, but it allows me to clarify several issues which I thought are not always sufficiently appreciated in this part of the global village.

The so called West has always been a political concept and usually means industrialised democratic countries. The West is about values and politics, not about geography.

Central Asia for us, the West, means five former republics of the Soviet Union. What they have in common is history. Afghanistan may share a border and the language with Tajikistan but it is not part of Central Asia. On the other

hand, Tajikistan has no common border or a language with Turkmenistan but it has the common Soviet history. This “qualifies” both countries to be members of what we describe as Central Asia. Admittedly, this common history brought certain common political, administrative and linguistic features which cannot be ignored or erased. The other reason why only Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Kazakhstan are still called by many people in the West, Central Asia is our ignorance, occasional arrogance and the related tendency to simplify relations and policies in this part of the world.

To better understand this phenomenon we must return to the not very distant past when the Soviet Union was falling apart. You may have heard from Western journalist and some scholars that no one in the West imagined that the USSR could fall apart. That is not true. Admittedly when the various government analysts debated the possible dissolution of the USSR, journalists were not invited. Some of us envisaged such a possibility and the issue had been discussed by various governments and at NATO.

It is true however, that the West was not prepared for this, undoubtedly the greatest peaceful, well, almost, event of the 20th Century.

For the European powers, and to some extent for the USA, what was happening in Central Asia was at the beginning of the 1990s of secondary importance. We knew very little about the region and we were not really that interested. There were several reasons for this state of affairs. We were concerned about the reunification of Germany, the new freedoms for non-Soviet Warsaw Pact members and then the European republics of the former USSR.

During the long Soviet era we had reasonably good knowledge of the European part of the Warsaw Pact, not only because of its geographic proximity but also because we had good relations with some of these countries before they were taken over by the USSR. Some of their former officials and ordinary citizens lived in London, New York or Paris. We had scholars and lobbies representing Ukrainians, Latvians, Czechs, Poles or Lithuanians – by the way, they weren’t all Nazi collaborators or lost souls, as they were always represented by the Soviet propaganda. Many of them were exceptionally gifted, hard working and honest individuals who were victims of either Hitler or Stalin and sometimes of both. We had newspapers and books published by these minorities. We had influential individuals, lobbies and educational programs covering many of these countries.

This was not the case for Central Asia. None of the five countries could claim to have been a modern state before. The Central Asian minorities in the West were insignificant and they had no political lobbies in our state institutions or the media. Most of the books we had about this region were about the Silk Route, the Great Game era or were published in the USSR. The latter were of some use but there were not many people able to read them as they were all in Russian. During the Soviet era it was not easy to travel around the USSR. If you had a choice going to Moscow or Dushanbe you would go to Moscow, not only because that’s where all strategic decisions were made but it was not easy to get a visa to Dushanbe. It had to be issued in Moscow anyway. No one would make

a career by studying Central Asia then. When I was a student at the Department of Russian Studies of the University of London, probably the best place in the UK to study Soviet affairs, there was no one who could tell us about Central Asia and there was no one who was interested in the area.

When the Soviet Union collapsed, we had practically no one who understood this part of the world. If I can paraphrase a US official who testified in late 2001 in the US Congress about the operations against Iraq, I could count the number experts on Central Asia in my country on the fingers of one hand and I could still pick my nose.

The world was changing very fast and we were not ready to invest in learning about new independent states of Central Asia. By the mid 1990s we had to find more than 20 new ambassadors, new embassies and the necessary personnel, both ours and locally recruited. Most of our diplomats were good, although there were some bad apples. There were no high ranking diplomats in Central Asia and the region was sometimes treated as a diplomatic test range. Those countries with more rigid diplomatic structures conducted their "safe" policies from their capitals. The ambassadors from the countries with more flexible administrative systems had much more freedom and could influence the attitudes of their capitals. In some cases the results were disastrous. I think that Uzbekistan was particularly unfairly treated by one of our ambassadors who saw it as a target of his "democratisation" campaign, a cover for his personal problems. I regret to say that the residues of his "policies" are still there. The Western interest in "democratic reforms" was in inverse proportion to their oil and gas exports. We saw Central Asia, and unfortunately we still do, only as a source of raw materials in the post-Soviet space.

Some foreign officials and the media expected rapid changes in Central Asia and the new countries were supposed to become like us, instantly. The events of 9/11 did not change our policies in the region as much as was originally expected. Today there are only three countries with long-term policies in Central Asia and these are: Russia, China and the USA. The individual members of the EU have their own policies which they conduct differently with individual countries of the region. These policies conducted sometimes by relatively young officials are often characterised by short-termism and lack of strategic thinking. They are not going to change in the foreseeable future. We still want to know only where our partners and enemies are and what they do, without trying to understand them, because that costs time and money. The differences of policies conducted by London, Berlin or Paris in Central Asia are considerable, although all three capitals try to downplay them. If you talk to the Brits or the Germans or the French working for the EU, they will flatly deny that there are any differences between the three capitals, when it comes to their policies in Central Asia, but when you ask their countrymen working for the national ministries of foreign affairs, they will either downplay the difference or change the subject.

There are three main reasons why the West is interested in Central Asia:

1. The natural resources, mainly oil and gas. This trend is going to continue as we are addicted to both and haven't done enough, if anything, to kick the habit. The other resources may be important but are not absolutely vital, at least for the time being. On the whole, the trade relations between the West and Central Asia are not made easier by the administrative and legal procedures of the Central Asian states – admittedly they differ in each country of the region – their emphasis on personalities rather than issues, related operational inefficiency and occasionally corruption.
2. Fighting terrorism. Fortunately, we are all interested in fighting terrorists and the differences here are relatively insignificant although that depends on individual countries. Our main enemy are the radicals misinterpreting and misrepresenting Islam. Our differences become public when the West, relying sometimes on unreliable sources, accuses individual countries of the Central Asia of being heavy handed, and Central Asian countries, and not only them, regarding our liberal tolerant legal practices towards some of radical movements and individuals as bordering on criminal negligence. These differences are going to be with us for many years. They will require us to learn about you and to listen and hear what you have to say. Unfortunately, this is not always the case. On the other hand, you will have to learn much more about us, the point with which I would like to conclude my presentation in a couple of minutes, and not to incorporate small policy differences into your strategic policies aimed at individual Western countries.
3. Drug trafficking is another issues which brings us closer together. Unfortunately we are not able to tackle drug problems in our countries because of the hyper-tolerant attitude towards just about everything. It is politically much easier to combat drug producers and traffickers abroad than deal with consumers and distributors at home. To deal with the latter we would have to change our laws and our parliament, politicians and the influential media are not ready to do that.

These three issues will dominate our relationship with every Central Asian state. We can probably add to these problems illegal migration, which is not yet a serious issue when we look at Central Asia but it is in several other countries of the region. You are our potential allies.

Conclusion

Our interest in the region will continue to be driven by the three or four issues mentioned above. You can expect from us many positive initiatives and policies but also short-termism, lack of understanding and occasional outburst of arrogance.

As much as we are failing to learn about you and therefore understand you better, you fail to learn about us and therefore understand us better. You should not expect that your problems and challenges will be solved only by NGOs and international organisations. Even if we all accept that we live in a global village you

have to recognise which “farms” in that village are rich, powerful and influential and you have to develop corresponding, viable bilateral relations. Tajikistan has an embassy in Vienna because that’s where the OSCE is but it has no embassies in Paris or London.

You have to invest in your foreign policy establishment but at the same time remember that Karl Marx was wrong – quantity will not change into quality. You have to invest in your foreign service if you want to understand us and the Germans and the French and the Italians or if you want to understand the EU. You cannot expect that someone is going to do it for you. To learn about us you will have to educate and train a whole generation of diplomats and specialists (by the way, I don’t suggest that you should get rid of your older diplomats and experts). It is not cheap but it is not complicated and, I am sure, many countries would be happy to assist you. The process of learning about us is a permanent task, although you may change and readjust your priorities as time goes by. It is mainly about acquiring information from open sources (even the heads of the intelligence services of rich countries admit publicly that 70 to 95% of the information used by their organisations is from open sources) mainly because they are relatively cheap and you won’t make enemies when acquiring the information. You have to be able to retrieve the information, analyse it and create the system of distribution to those who need it. For all that you need qualified, dynamic personnel rewarded sufficiently well, either with appropriate salaries or with salaries, housing or other benefits, which prevent the private companies stealing your best people. We spend plenty of money, especially after 9/11 investigating our enemies or potential enemies. We also have to invest in understanding our allies and potential partners. We are already your partners. Can we do better... of course we can.

Even your membership of the SCO can be used more productively. This organisation has great potential. The SCO will grow and every member state will need qualified people to run the organisation and to represent it and to defend its national interest within.

I would like to finish my presentation with an unusual appeal to my colleagues-lecturers from four Central Asian states present here. Ask your students how they rate a sense of humour in international relations and diplomacy. I am serious. Thank you for listening.

РОЛЬ РОССИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Фабрицио Виельмини,
ассоциированный эксперт Института
исследований международной политики
(ISPI), Алма-Ата — Турин

Вот уже больше десятилетия ЕС присутствует на самом большом геополитическом рынке, оказавшемся открытым с развалом СССР — в Центральной Азии. С какими результатами?

Любой анализ постсоветского опыта ЕС в центральноазиатском регионе должен, прежде всего, определить сам характер этого участия через рассмотрение общих проблем европейского подхода к региону.

Несмотря на риторику связанную, например, с пресловутым «Великим шелковым путем», очевидно, что по большому счету Европа не имеет никакого опыта прямых контактов с регионом, за исключением агрессивных действий Англии в период первой «Большой Игры».

Но, несмотря на это отсутствие прямого и непосредственного опыта, европейцы после 1991 г. приблизились к региону **с нормативным подходом, основанным на ценностях, которые вообще характеризуют внешнюю деятельность ЕС, европейскую политику на мировой арене. Как часть бывшего коммунистического блока, республики региона рассматривались сквозь призму так называемой парадигмы перехода (*transition to democracy*)¹.**

Главной и характерной чертой этого видения является превалирование убеждения в том, что решения местных проблем любой страны можно добиться механическим применением в любом регионе мира стандартизированных схем и рецептов, соответствующих потребностям так называемого «западного мира», без какого-либо особого внимания к стартовым условиям и специфике внутренней структуры различных местных обществ. Далеко не в полной мере при этом были рассмотрены и, тем более, учтены способности «переваривать» предлагаемые рецепты со стороны народов региона. Европейцы искали здесь мифическое «гражданское общество», но, убедившись в его отсутствии в странах Центральной Азии, начали пытаться создавать его искусственно. Ресурсы пошли в этом направлении, в то время как центральноазиатские республики в наибольшей степени нуждались в укреплении своих государственных институтов, чтобы адекватно ответить на вызовы независимости.

Очень хорошо это было видно на примере деятельности ОБСЕ, организации, через которую, в силу ее присутствия на центральноазиатском пространстве и возможностей прямого доступа к местным элитам, осу-

¹ Carothers T. The end of the Transition Paradigm// Journal of Democracy. — 2002. — Vol. XIII, N.1. — P. 6.

ществлялась значительная часть европейской деятельности в регионе. Организация столкнулась с серьезными препятствиями в понимании местных реалий, так как долго не могла отойти от своего всеобщего представления о правах человека и выработать стратегию, способную поддерживать межцивилизационный диалог, а также решиться на признание стандартов, основанных на ином, отличающемся от средневропейского мировоззрения.¹ Подобные контрасты более чем реальны и очевидны в спорах вокруг казахстанской заявки на председательство в ОБСЕ, которые во многом усугубляют внутренние линии разлома в самой организации. К настоящему моменту, после волны, т. н. «цветных революций», ОБСЕ все больше воспринимается в регионе как инструмент США по реализации их геополитического плана, в котором центральноазиатские процессы демократизации просто используются для достижения внешнеполитических целей США.²

Европейское дипломатическое присутствие в регионе отличается непостоянством, узостью представлений и охвата местной проблематики. Малочисленные кадры, отправленные в регион, не имели и не имеют в абсолютном большинстве никакого предварительного специального образования, знаний о регионе, не владеют русским и местными языками, в силу чего оказываются в отчуждении от окружающего их общества. Данное отчуждение усугубляется практикуемыми способами выделения помощи через разного рода гипербюрократические заявки, обременительные и непонятные для местного населения.

Все это привело к запутанности и непоследовательности в действиях³ ЕС в регионе в целом, теряющихся в широком контексте общерегиональных процессов, заодно результативность данных действий оказалась потерянной.

Еще с конца 1990-х гг. европейская приближенность к центральноазиатскому региону была серьезно искажена постепенным возрастанием озабоченности ресурсами региона (а также преувеличением их масштабов). Это не только поставило под вопрос искренность «высокоморального подхода» европейцев к региону, но и, прежде всего, способствовало потере общей картины геополитики и безопасности Центральной Азии, включая и недооценку реальных динамик, подрывающих региональную стабильность.

После 11 сентября 2001 г., европейцы стали навязчиво повторять, и, к сожалению, в этом они не были одиноки, мантру «войны против террора». Через механизмы НАТО значительная часть ресурсов помощи была перенаправлена от сектора развития к военному сектору. Таким образом, ЕС принял участие в подрыве общей региональной стабильности, что спо-

¹ **Kreikemeyer A.** Learning by Doing – the OSCE in Central Asia// NIASnytt. – 2004. – N. 2. URL: <http://nias.ku.dk/nytt>.

² **Dunay P.** The OSCE in crisis// Chaillot Paper. – 2006. – April, № 88. – URL: <http://www.iss.europa.eu/public/content/chaile.html>

³ International Crisis Group, Central Asia: What Role for the European Union?// **Asia Report.** – 2006. – № 113, April, 10.

собствовало дальнейшей милитаризации национальной политики и снижению социальной политики в странах региона, а так же привело к укрупнению авторитарных начал местных режимов, которые, в результате, активно используют призрак исламизма для оправдания своих внутренних репрессий.

Все это свидетельствует о том, что европейский подход к проблемам безопасности центральноазиатского региона является техническим, бессистемным, тогда как эти проблемы по своей сути являются долговременными и требующими систематических и комплексных подходов.

В силу всего этого результаты налицо. Прежде всего, в плане «посадки» семян демократии в регионе.¹ Повсюду в регионе в отношении оценок европейской активности возрастают отторжение и фрустрация. **Европейский подход к вопросам прав человека все более и более воспринимается как «большевистский»**, в силу того, что европейские представители продолжают настаивать на безоговорочном принятии навязываемых ими стандартов, также из-за демонстрируемой при этом снисходительности к местным народам. Для некоторых местных жителей **«демократия» уже почти превратилась в ругательное понятие**, что ярко иллюстрирует существующий уровень отчуждения.

Очевидным это стало особенно в результате объявления атлантическим лагерем «войны против террора». Резко снизилось внимание к регрессу в сфере соблюдения фундаментальных прав. В этом же контексте нужно рассматривать и широко распространенное представление о том, что европейцы готовы закрыть глаза на ситуацию в Туркмении ради подключения ресурсов этой страны к схемам трубопроводов в обход России. Европейцы уже не могут претендовать ни на какое-либо свое (якобы) моральное превосходство. Патерналистское поведение и практика двойных стандартов внедрило разочарование как среди элит, так и среди массы центральноазиатского населения, а местные режимы стали все больше закрываться от влияния извне, дабы противостоять любому внешнему нажиму в области внутренней политики.²

Окончательным результатом этого неуместного столкновения европейской «универсальных ценностей» с местной реальностью стимулирует разворот центральноазиатских обществ и государств в сторону Китая и предъявления своих прав на превалирование неких «азиатских ценностей». Регион превращается в яблоко раздора между Европой и Россией с одновременным возрождением ряда проблем, которые еще недавно казались исчерпанными с окончанием «холодной войны».

Как еще объяснить подобный провал европейской программы действий в регионе?

¹ Автор анализировал недавно данную проблематику более подробно в работе: *Continuità post-sovietica, autoritarismo politico e diritti umani in Asia Centrale*. ISPI, Milan, 2007.

² **Matveeva A.** EU stakes in Central Asia// Chaillot Paper. — 2006. — № 91, July. URL: <http://www.iss.europa.eu>.

Возвращая внимание к вышеуказанным факторам, важно отметить, что все проблемы взаимоотношений ЕС, как и отдельных стран Европы, и стран Центральной Азии во многом порождаются и усугубляются тем, что европейский подход к региону формируется не на основе собственных исследований и соображений, а через призму англосаксонских исследовательских структур, в которых во многом продолжают господствовать идеологические установки времен межблоковой конфронтации, а рекомендуемые векторы активности нацелены на противостояние, где роль России в центральноазиатском регионе не признается или занижается.

Самый главный компонент европейской стратегии для региона — программа по созданию транспортных инфраструктур (TRACECA) финансирующейся ЕС с 1993 г. Это мероприятие также оказалось в итоге серьезно деформированным, так как изначально отсутствовал широкий взгляд, который был бы нацелен на достижение реального экономического подъема пространства южной Евразии. Существовавшие экономические связи стран региона с российскими предприятиями были проигнорированы ради внедрения концепции перестройки экономического строя постсоветского юга по направлению «Восток-Запад», чтобы, соединяя кавказские государства с центральноазиатскими, отделить регион от России и Ирана. Данное намерение афишировалось под лозунгом возрождения «Великого шелкового пути XXI века», при всем том, что предлагаемый транскавказский маршрут не только исторически никогда не существовал,¹ но и с экономической точки зрения также не имеет никакого смысла. Если сравнить этот маршрут с обходящими Каспий по северу или югу путями, то стоимость и время перевозок будут в 1,5–2 раза больше. Не говоря уже о многочисленных трудностях, связанных с переходом десятка разных границ и зависимости использования магистрали «Восток-Запад» от непредсказуемой воли множества враждебных авторитарных режимов с различными законодательствами и налогами и при существовании жесткой напряженности в отношениях между ними.

ЕС пошла по пути геополитического авантюризма, проект TRACECA совпадал с задачами американской стратегии в регионе (создание т. н. Евразийского коридора от восточной Европы до Центральной Азии через Кавказ и Причерноморье).² Многосторонний проект включал в себя создание «Независимой Ичкерии», возрождение пантюркизма, формирование группы ГУАМ (ГУУАМ) и так далее, но самой главной его задачей являлось создание предпосылок для дальнейшего существования и расширения исторически исчерпавшего себя блока НАТО. В проекте сооружения Евразийского коридора присутствует акцент на энергоре-

¹ **Зардарян М.О.** Великий шелковый путь: история, конъюнктура, перспективы// Центральная Азия и Кавказ. — 1999. — № 4 (5). — С. 175-183. См. также: **Djalili M., Kellner T.** *Moyen Orient, Caucase et Asie centrale: des concepts géopolitiques à construire et à reconstruire?*// *Central Asian Survey*. — 2000. — Vol., № 1. — P. 117-140.

² **Chossudovsky M.** *War and Globalization. The truth behind September 11th*. — Montréal: Editions Ecosociété, 2002.

сурсы, довольно искусственно сформулированный госдепартаментом США. В нем — еле-еле скрываемая задумка, имеющая военно-политическую подоплеку: строительство трубопроводов через самый нестабильный регион мира должно создать спрос на безопасность, гарантируемую, естественно, НАТО.¹ Тем самым достигается создание «санитарного кордона» вокруг России и Ирана, и, самое главное, отделение Европы от них.

Слепое следование стратегии, формируемой на другом берегу Атлантики, говорит о серьезной проблеме Европы в построении модели своего собственного рационального поведения в международном плане. Единые европейские структуры в Брюсселе, которые формируются из **аполитичной бюрократии**, до сих пор легко соглашаются с правилами «Большой Игры» США. Необходимо отметить *активное участие британских чиновников* в проведении осознанной политики подрыва и торможения любой автономной от атлантического блока линии европейского поведения. Не случайно, комиссарами Еврокомиссии по внешним отношениям долгие годы были два англичанина (Крис Паттен и Алистер Макдональд), которые, как и все слуги ее величества, оказались (случайно!?) значительными персонами присутствия ЕС на центральноазиатском дипломатическом поле — в Делегации Еврокомиссии в Алма-Ате.²

Поражает то, как эти чиновники продолжают упорно следовать одним и тем же рецептам, даже когда они уже несколько раз привели к поражениям. Например, если посмотреть с точки зрения геополитики на вопрос транспортировки энергоресурсов. Обстановка заключения российско-казахстанско-туркменского договора о Прикаспийском газопроводе в мае 2007 г. точно повторяет ситуацию, когда имел место отказ Туркмении участвовать в Транскаспийском проекте в начале 2000 г., продемонстрировавший эффект «возвращения» России к политике, отвечающий ее национальным интересам с приходом В.В. Путина.³

Меньше чем когда-либо раньше, эта Европа оказалась неспособна действовать в международном плане и, особенно, на жизненно важном для ее будущего евразийском пространстве, **после расширения ЕС**. С принятием в ЕС восточноевропейских стран, откровенно нарушающих ос-

¹ Уже с середины 1990-х гг., как только постсоветские государства стали присоединяться к программе НАТО «Партнерство во имя мира», многие англо-американские офицеры в составе штаба альянса начали настаивать на том, что альянсу необходима «новая южная стратегия». *Binnendijk H.*, Next, NATO needs to give itself a southern strategy// *International Herald Tribune*. — 1998. — March, 17.

² Здесь в первой половине 2000-х гг. британские паспорта имели одновременно глава делегации, его заместитель (First Counsellor, ответственный за политическую работу), начальник отдела технической содействия (курировавший программу TACIS, главный распределитель денежных ресурсов ЕС для региона) и начальник отдела финансов и контрактов.

³ Central Asia Shuns U.S. Hegemony// *Stratfor*. — 2000. — April, 28, 1700 GMT. URL: <http://www.stratfor.com>

новы союзного договора,¹ ЕС оказался лишен всякой возможности действовать в своих собственных интересах в геополитическом плане, а наоборот, продолжает ухудшать отношения с Россией. Фактически, начиная с непродуманного, инспирированного Польшей и странами Прибалтики, вмешательства в выборный процесс на Украине в конце 2004 г., ЕС стала проводить политику сдерживания России. Эта политика естественным образом распространяется и на центральноазиатский театр.

Оказавшись недееспособным в ситуации распространения «цветных революции» на страны Центральной Азии, не владея ситуацией в Киргизии и Узбекистане весной 2005 г., ЕС еще больше потерял свои позиции в регионе. Восточноевропейские режимы не смогли выдвинуть никаких стратегических программ кроме антироссийских попыток привлечь своих центральноазиатских коллег в сторону запада, обнаружив лишь склонность к примитивному национализму и поведение по указаниям своего «нового хозяина». Идея ориентировать НАТО на обеспечение энергетической безопасности была выдвинута Польшей, ей же принадлежит предложение приравнять энергетическую угрозу к угрозе военной и изучить меры, которые НАТО могла бы применить, чтобы с помощью уже военных средств наращивать конфликтный потенциал дальнейшего обострения ситуации вокруг неопределенного статуса Каспия.

При этом наиболее проникательные европейские наблюдатели постоянно указывают, что вытеснение России из европейской политики может иметь фатальные последствия для собственной безопасности континента.²

Результат такой политики — провал большинства европейских начинаний в регионе. Особенно обидно, что когда Брюссель уже пошел на смягчение своей принципиальности по вопросам демократизации ради укрепления своих позиций на рынке энергоресурсов, было уже поздно: Россия по полной программе сумела провести свою собственную линию. Провал становится особенно очевидным к 2005 г., когда США начали реагировать на него с помощью проекта Большой Центральной Азии, который также представляется обреченным на неудачу в силу окончательной потери инициативы со стороны США, как и следующей в русле их политики Европы.³

¹ «Member States shall support the Union's external and security policy actively and unreservedly in a spirit of loyalty and mutual solidarity... shall work together to enhance and develop their mutual political solidarity. They shall refrain from any action which is contrary to the interests of the Union or likely to impair its effectiveness as a cohesive force in international relations». Article 11 (Provisions on a Common Foreign and Security Policy) of Treaty of Maastricht on European Union (TEU). Все эти положения были нарушены восточноевропейскими режимами когда они поддерживали англосакское вторжение в Ирак весной 2003 г.

² Interview with A. Rahr. Russia Profile Weekly Experts Panel: Another New Year's Gas War// Russia Profile. — 2007. — January 12.

³ Villier Cfr. F. (pseud. de F. Vielmini), Les États-Unis en Asie centrale: Chronique d'une défaite annoncée// Outre-terre — Revue française de géopolitique. — 2006. — 17.

Общие интересы России и Европы в регионе

Осознание того, что ситуация зашла в тупик, могло бы стать стимулом для проявления озабоченности в Брюсселе, а значит, и для рассмотрения альтернативных вариантов присутствия Евросоюза в Центральной Азии. Таким вариантом является партнерство с Россией. При этом логическое обоснование выбора в пользу России как главного партнера можно найти во многих областях взаимодействия и сотрудничества с Центральной Азией.

Общая геополитическая обстановка в центральноазиатском регионе характеризуется ростом **критических ситуации в ряде районов. Очевидно, что речь идет, прежде всего, о Ферганской долине**, но вместе с ней есть еще немало территорий, где идет повышение влияния криминальных авторитетов. Данные процессы приводят к подрыву авторитета официальных властей. Можно вспомнить о том, что полный провал киргизской государственности — это уже почти неизбежный исход, если внешние силы не будут содействовать Бишкеку в управлении страной. Никто не может сегодня представить, каково будет в ближайшей перспективе состояние Узбекистана, каково будет дальнейшее поведение узбекской политической элиты. А еще есть ситуация в регионах, где общая деградация сферы образования и здравоохранения, созданных **советскими властями**, делает возможными в обозримой перспективе масштабные санитарно-эпидемиологические кризисы и т.д., и многое другое. Есть основания сомневаться, что к моменту проявления этих, пока латентных кризисов, Россия будет в состоянии самостоятельно управлять их разрешением. Не исключено и то, что ситуация подобного кризиса в регионе может совпасть с наличием неразрешимых противоречий между Россией и Китаем, в том числе в рамках ШОС. Эффективное соединение сил могло бы осуществиться по линии Россия-Европа.

Фактор Китая. Избегая синофобии — а автор убежден, что Китай можно и нужно рассматривать, прежде всего, как возможность для стабильности и благополучия Центральной Азии XXI в. и системы международных отношений, формирующейся вокруг нее — необходимо признать тот факт, что большая стратегия «освоения запада», предпринятая Пекином, содержит в себе потенциал нестабильности.¹ Этим конфликтным потенциалом также можно было бы эффективно управлять через совместные европейско-российские усилия в частности. Россия и Европа могут вместе рассматривать Центральную Азию как общее преддверие китайского мира, как большое приграничье, которым нужно вместе управлять не только в части охраны границ, но и добиваясь сбалансированного освоения этого пространства посредством реализации больших инфраструктурных проектов, адекватных тем, которые инициированы Китаем в его части Центральной Азии.

¹ См.: **Сыроежкин К.Л.** Проблемы современного Китая и безопасность Центральной Азии. — Алма-Ата: КИСИ, 2006.

Культурные и цивилизационные вопросы. История распространения российского влияния в глубине Азии является и историей присутствия некоторых элементов европейской цивилизации. В этом процессе важную, если не ключевую, роль играл немецкий компонент, так что открытие Центральной Азии можно изначально рассматривать как совместное российско-европейское предприятие.¹

Есть очевидный общий интерес в сохранении русского языка как универсального инструмента для доступа региона к мировой культуре.² Сегодня этот язык не только сохраняет свое значение как элемент сближения и общения местных народов. Как показывает практика новейшей истории, с исчезновением системы образования на русском языке, народы региона оказались явно неспособны ответить на вызовы глобализации. С потерей русского языка прямо связаны деградация центральноазиатских обществ, распространение примитивного исламизма, и, во всяком случае, происходящий дрейф Центральной Азии в сторону, противоположную каким-либо европейским принципам.

Европейцам пора воспринимать роль России в Центральной Азии как системообразующую, как некий регулятор основных механизмов внутрирегионального равновесия. Кроме выполнения этой системообразующей и регулятивной роли, Россия является, по большому счету, самым эффективным, даже если в последние годы и больше потенциальным, вектором для модернизации центральноазиатских политических систем, как это и было исторически. Россия представляет собой наиболее приемлемый образец политической культуры для стран региона – учитывая характерную для политических систем этих стран высокую роль государственных структур. Она есть вектор ориентации стран региона, если не на демократию в классическом понимании этого термина, то, по крайней мере, на обеспечение большего плюрализма внутри центральноазиатских политических систем.

Из всего сказанного понятно, что у Европы есть свои интересы в дальнейшей интеграции региона с Россией, в сохранении и развитии этого единого пространства общих возможностей, открытого для жителей региона. Поток выходцев из Центральной Азии в Россию говорит о том, что сегодня, в отличие от ситуации в XIX и XX вв., демографически Россия не является больше фактором давления, наоборот, она сейчас нуждается в человеческих ресурсах Центральной Азии и Кавказа. Поэтому можно уверенно предполагать, что любой процесс интеграции этих регионов с Россией должен иметь мирный и ненасильственный характер. Европа имела бы только выгоду от соучастия в таком процессе, могла бы использовать это соучастие для распространения своих культурных и цивилизационных

¹ **Sidikov B.** Eine unermessliche Region. Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852-1914)// Berlin: Logos, 2003.

² **Abdullaev E.** Uzbekistan between Traditionalism and Westernization, in B. Rumer (ed.)// **Central Asia at the End of Transition.** – N.Y, London: M. E. Sharpe, 2005. – P. 267-66.

ценностей. И даже в энергетической сфере три стороны – Европа, Россия и Центральная Азия – имеют большой договорной потенциал.

Общий интерес Европы и России состоит в сдерживании унилатерализма. Односторонняя политика США – первый и основной фактор беспорядка в современном мире. В высокой степени это показывает именно американский центральноазиатский опыт, как и хаос в соседнем Афганистане, где европейские солдаты сегодня умирают и убивают без никакой перспективы решения общей ситуации, будучи заложниками большой политики их правительств.

Выводы

Уже в дни проведения данной конференции Евросоюз принял долгожданную новую стратегию для Центральной Азии.¹ Но если попытаться увидеть в нем намерение сформировать более самостоятельный подход, это будет безуспешно. Не похоже, что этот новый план способен уйти от главных недостатков европейской деятельности в регионе. Самое главное с нашей точки зрения, Россия в документе не упомянута вообще.²

Этот документ не приведет к тому, чтобы Европа перестала соревноваться с единственным игроком, который способен создать твердую региональную систему безопасности и который в цивилизационном плане является гарантом того, что огромное пространство на восточном фланге континента будет продолжать функционировать, используя один язык и единую юридическую систему, созвучную европейской культуре.

Европа не в состоянии проводить эффективную политику в регионе без радикального изменения большинства теоретических основ, на которых ее деятельность и все практические начинания держались до сих пор. И без обновленного понимания тревожных тенденций, доминирующих сегодня в регионе Центральной Азии. Если существующая тенденция к фрагментации региона будет продолжена и далее, уже в ближайшей перспективе налицо будут предпосылки для такого кризиса, эффект которого будет ощущаться в масштабе всей Евразии.

Чтобы действовать в нужном направлении, европейцы должны научиться воспринимать центральноазиатский регион в долговременной перспективе. И только во взаимодействии с российскими человеческими и аналитическими ресурсами Европа может перестать быть примитивным грантодателем для осуществления проектов, полезность которых слишком часто ставится под сомнение.

¹ The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership, <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/07/st10/st10113.en07.pdf>

² А это довольно странно имея в виду, что ранее спецпредставитель ЕС по Центральной Азии П. Морель заявлял: «мы рассматриваем вашу страну [Россию] в качестве ключевого партнера стран региона, это прописано в стратегии». — См.: **Искандаров П.** В Центральной Азии без демократии нефть не возьмешь // Время новостей. — М., 2007. — № 94, 1 июня.

Главная предпосылка этого нового взаимодействия заключается в необходимости перестройки европейского восприятия России. Пора отказаться от того, чтобы смотреть на Россию как на неудачную ветвь европейской цивилизации. Россия – это отдельная цивилизация со своими правилами поведения, со своими внутренними и внешними стандартами, это независимый полюс современного мира, без активного участия которого сегодня невозможно урегулировать ни одного из многочисленных кризисов, угрожающих стабильности и Европы, и России. Новый взгляд на Россию позволит воспринимать огромную роль, которую сыграло расширение российской цивилизации в Центральную Азию, и то, что ее влиянию предназначено оставаться решающим фактором в определении геополитики региона.

В конце концов, от возможности найти модель адекватного поведения на таком геополитическом театре как Центральная Азия, зависит и возможность проведения объединенной Европой такой внешней политики, при которой она будет способна внести свой вклад в построение альтернативного миропорядка соответственно ее экономическому и стратегическому весу. Центральноазиатский регион следует рассматривать как основополагающий тест для ЕС в качестве независимого игрока на мировой арене.

Существуют очевидные признаки того, что возможности осуществления такой адекватной европейской внешней политики нужно искать не на уровне всех 27-ми стран, принятых в ЕС. Никакая общая европейская внешняя политика, отвечающая интересам большинства ее жителей, не появится до тех пор, пока в ее создании будут участвовать представители Лондона и Варшавы. Данная политика возможна только как выработка более ограниченной группой стран, считающих интеграцию, а не рынок, главной причиной самого создания ЕС и задачей современной Европы. Именно в подобном формате, во главе с Францией и Германией, восприятие настоящей роли России в центральноазиатском регионе окажется возможным.

Восприятие новой расстановки сил на своей «восточной границе», которое включает преодоление атлантизма и полувекового англосаксонского протектората над континентом, может и должно сыграть решающую роль в определении нового геополитического облика Европы.

ВОЕННО–ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

*Л.М. Бондарец,
эксперт, Бишкек*

Необходимость военно-политической интеграции государств Центральной Евразии возникла практически сразу же после распада СССР. В первую очередь это было вызвано наличием у Китая территориальных претензий. Разрушение единой системы военной безопасности лишило бывшие советские республики весомого аргумента в отстаивании своих национальных интересов. Фрагменты войск Туркестанского военного округа, принятые под юрисдикцию новых независимых государств, не были адаптированы к новым реалиям и не могли эффективно выполнять задачи по предназначению. Исчезновение единого политического пространства лишило их привычного централизованного управления и боевого обеспечения, особенно разведки. Проблема усугублялась отсутствием опыта управления вооруженными силами у политического руководства государств региона, которое при Советском Союзе было отлучено от решения военных вопросов. Кроме того, разрыв экономических связей сделал проблематичным своевременное и в полном объеме техническое и тыловое обеспечение войск.

Во-вторых, в начавшийся в Таджикистане вооруженный конфликт могли быть вовлечены афганские таджики, а при отсутствии реальных границ он мог перекинуться на территорию сопредельных государств Центральной Евразии. Предотвращение подобного развития событий потребовало от государств региона объединения усилий для локализации конфликта, в том числе с использованием военной силы.

Окончание вооруженного конфликта в Таджикистане и урегулирование пограничных проблем с Китаем, завершившееся созданием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), не отменили необходимости военно-политической интеграции в рамках региона. Это обусловлено складывающейся военно-политической обстановкой, формирующей военные угрозы и угрозы военного характера для безопасности Центральной Евразии.

1. Источники угроз, определяющие необходимость военно–политической интеграции Центральной Евразии

В глобальной плоскости источником военных угроз стали процесс формирования нового мирового порядка и новой геополитической конфигурации или передел мира.

Самороспуск Варшавского договора и дезинтеграция СССР привели к разрушению биполярного мира и вместе с ним — факторов, сдерживав-

ших применение силы для достижения внешнеполитических целей. Это породило у США, оставшихся единственной сверхдержавой, стремление к безоговорочному лидерству, основанному на «праве силы» как основе внешней политики. Еще в 1991 г., после завершения военной операции по изгнанию иракских агрессоров из Кувейта, США в одностороннем порядке ввели на севере и юге страны зоны запрета для полетов иракской авиации, которые совместно с Великобританией систематически подвергали ракетно-бомбовым ударам вплоть до начала агрессии 2003 г.. В 1995 г. вооруженные силы США бомбили боснийских сербов. В ответ на взрывы посольств в Танзании и Кении в 1998 г. ракетному обстрелу подверглись Судан и Афганистан. Затем при поддержке части государств мирового сообщества последовали «умиротворение» Югославии, «антитеррористическая» операция в Афганистане, агрессия против Ирака. Политика «с позиции силы» обусловила рост военных расходов США, которые с 288 млрд. долларов в 1994 г. увеличились до 490,7 млрд. долларов в 2006 г.

По инициативе Пентагона Североатлантический альянс расширил зону ответственности за пределы своих границ и создал «Силы быстрого реагирования» численностью в 26 тыс. солдат и офицеров, предназначенные для действий в любой точке земного шара.¹

Агрессивная внешняя политика США и их сателлитов, способствующая повышению вероятности военных угроз, стимулировала стремление многих государств мирового сообщества к увеличению военного потенциала. Это обусловило рост числа ядерных держав и стремление ряда государств к обладанию ядерным оружием; увеличение обычных вооружений неядерных государств; возобновление гонки вооружений. С другой стороны, действия США и их безнаказанность за нарушения Устава ООН, стали примером для подражания, что способствовало росту числа очагов напряженности; увеличению числа новых войн и вооруженных конфликтов; усилению террора и интернационализации террористических организаций.

Процессу формирования нового мирового порядка сопутствует процесс формирования новой геополитической конфигурации или передела мира, сопровождаемый усилением борьбы за сферы влияния и расширение геополитических границ в первую очередь в целях доступа к ресурсам, обеспечивающим более выгодные условия противодействия противнику. Основным средством борьбы становится военная сила в форме войн и вооруженных конфликтов. Бомбардировки Югославии и оккупация Ирака наглядно продемонстрировали, что сегодня любое государство мира может подвергнуться вооруженному насилию. Наиболее вероятными объектами силового воздействия в процессе передела мира являются государства, находящиеся на геополитических рубежах. Это в полной мере относится и к государствам Центральной Евразии. В мае 2003 г. на конференции по проблемам региона в Вашингтоне американские сенаторы при

¹ Григорьев Е. НАТО готова «реагировать» по всему миру// Независимая газета. — М., 2006. — 3 октября. — С. 12.

поддержке представителей некоторых европейских государств позволили себе называть лидеров государств Центральной Евразии диктаторами, а также открыто угрожать применением силы.¹

Обострение противоречий по линии России – США и Запад в целом, обозначившееся после обнародования президентом России В.Путиным (10 февраля 2007 г.) претензий Кремля к Западу и его апрельские обещания приостановить участие в Договоре по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ),² повышает вероятность силового воздействия на государства Центральной Евразии. Регион считается зоной традиционного влияния Москвы, представляет собой геостратегический плацдарм в центре континента, обладает запасами энергоносителей и позволяет создать транспортные коммуникации в обход России.

В региональной плоскости дестабилизирующим фактором стала социально-политическая и социально-экономическая ситуация, а также осознание частью населения и деструктивными силами того факта, что с помощью оружия можно добиться определенных целей, как это было в Таджикистане, где оппозиционерам удалось добиться права участвовать в управлении страной. Это, вероятно, и вдохновило лидеров Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на аналогичные действия против официальных узбекских властей, результатом которых стало вторжение незаконных вооруженных формирований в 1999 и 2000 гг. на территорию Киргизии и Узбекистана.

Политическая и экономическая дезинтеграция государств Центральной Евразии, а также просчеты при проведении политических и экономических преобразований привели к обнищанию основной массы населения, что явилось одной из основных причин активизации деятельности экстремистских и террористических организаций.

Партия «Хизб ут-Тахрир», выступающая за воссоздание халифата, распространила ее на всю территорию Киргизии и активно «осваивает» Казахстан. По имеющимся сведениям под крышей партии нашли прибежище представители радикальных религиозных организаций, ставящих во главу угла насильственные методы завоевания власти. Попытки властей противодействовать распространению экстремистских идей запретительными и силовыми мерами только умножает число их сторонников. Происходит усиленное накопление «критической» массы, о чем свидетельствуют андижанские события в мае 2005 г.

Угрозу военного характера региональной безопасности может представлять и уйгурский сепаратизм. Получение независимости государства

¹ См.: **Михеев С.** Запад все активнее давит и шантажирует Казахстан и Центральную Азию// Политком.Ру. – 2003. – 12 мая.

² В период подготовки публикации Президент России Владимир Путин подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и связанных с ним международных договоров» до тех пор, пока страны НАТО не ратифицируют Соглашение об адаптации и не начнут добросовестно выполнять этот документ.

ми Центральной Евразии способствовало усилению борьбы за восстановление независимого уйгурского государства на территории СУАР Китая. Планы уйгуров распространяются и на Центральную Евразию, которую сепаратисты называют территорией Западного Туркестана, якобы аннексированной Российской империей. На территории региона зафиксирована деятельность несколько уйгурских организаций сепаратистской и террористической направленности.

Оценивая произошедшее в мае 2005 г. в Андижане, все эксперты оставили без внимания тот факт, что в Андижанской области проживает 14 тысяч уйгуров,¹ которые, как и вся остальная примерно 400-тысячная уйгурская диаспора в Центральной Евразии, поддерживают идею создания независимого Уйгурстана. Андижан, Коканд и некоторые населенные пункты Киргизии вместе с южным Синьцзянем относят к западной зоне распространения уйгурского сепаратизма. «Исторически западные и северные территории Таримской впадины от Кашгара до города Куча тяготеют к Западному Туркестану, особенно к народам Ферганской долины, населяющим города Андижан, Коканд, Ош с их окрестностями».² Считается, что эта часть сепаратистов, опирающаяся на идеологию ваххабизма, является наиболее радикальной. Причем выступления в этой части СУАР провоцируются из Ферганской долины.³

Религиозные экстремисты и уйгурские сепаратисты для достижения своих целей широко используют террор, который воспринимается как способ борьбы с противником, обладающим подавляющим превосходством. Сегодня подобное отношение распространяется на США. Однако борьба с ними может вестись опосредованно. Террористическому воздействию, в том числе и вторжению незаконных вооруженных формирований могут подвергнуться союзники США по антитеррористической, антииракской и другими возможными коалициями. В частности, объектами террористических актов могут стать Киргизия и Таджикистан, на территории которых базируются силы антитеррористической коалиции, воспринимаемые массовым сознанием как американские.

Во внутригосударственной плоскости вероятными причинами возникновения войн и вооруженных конфликтов могут стать:

1. Межэтнические проблемы, обусловленные несоответствием существующих границ реальному национально-территориальному размещению населения. Во всех государствах региона существуют значительные по численности диаспоры этнических представителей сопредельных стран.

¹ **Суханов П.** Великое государство Уйгурстан// Независимое военное обозрение. — М., 2001. — 1 июня. — С. 2.

² **Рудельсон Дж.** Уйгуры и будущее Центральной Азии// МЭИМО. — М., 1994. — № 8-9. — С. 103. Цит. по: Абен Е., Карин Е. Национал-сепаратистские тенденции в СУАР КНР и проблема безопасности центральноазиатского региона// Центральная Азия и Кавказ. — 1999. — № 3 (4).

³ См.: Цит. по: **Абен Е., Карин Е.** Национал-сепаратистские тенденции в СУАР КНР и проблема безопасности центральноазиатского региона// Центральная Азия и Кавказ. — 1999. — № 3 (4). — С. 106.

При этом этнические диаспоры сосредоточены главным образом в приграничных районах. Например, 56,2% всех этнических таджиков Узбекистана проживают в приграничных с Таджикистаном и Афганистаном областях (в Сурхандарьинской и Кашкадарьинской – 26,4%, в Ферганской долине – 29,8%). Основная часть казахов, проживающих в Узбекистане, населяет приграничные с Казахстаном районы. 38,2% этнических казахов проживают в Каракалпакстане, 38,6% – в Ташкенте и Ташкентской области. Абсолютное большинство (73,5%) киргизов, населяющих Узбекистан, живет в Ферганской долине (Андижанская, Ферганская и Наманганская области). 49,0% туркмен Узбекистана проживают в Республике Каракалпакстан, а в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Бухарской и Хорезмской областях – соответственно 17,3, 15,9, 6,1 и 5,0%.¹ В приграничных с Узбекистаном областях Киргизии сосредоточено 95% этнических узбеков. Основная часть узбеков Туркменистана проживает по долине Амударьи вблизи туркменско-узбекской границы, а казахи сосредоточены на севере страны.² Поэтому, возникнув в одной стране, межнациональный конфликт легко может спровоцировать межгосударственный и разрастись до масштабов регионального.

2. Сепаратизм на социально-экономической почве. Более низкий по сравнению с соседними государствами жизненный уровень может породить стремление национальных меньшинств в приграничных районах к территориальному воссоединению с этнической родиной или сепаратизм.

3. Сепаратизм вследствие ущемления прав национальных меньшинств. В январе 2006 г. на VII курултае (съезде) Узбекского национально-культурного центра Джалалабадской области Киргизии было принято обращение к президенту страны Курманбеку Бакиеву, в котором выражается обеспокоенность ростом национализма.³

4. Сепаратизм из-за географической разобщенности территорий внутри государств региона. В частности, Ошская и Джалалабадская области Киргизии отделены Ферганским хребтом от остальной части страны. Их территориально-экономическая близость с Узбекистаном усиливается этническим фактором.

5. Борьба за власть между различными политическими силами, имеющая потенциал перерастания в вооруженный конфликт, как это было в Таджикистане. 19 апреля 2007 г. МВД Киргизии разогнало бессрочный митинг оппозиционного Объединенного фронта «За достойное будущее Киргизстана», добивавшегося отставки действующего президента и проведения досрочных парламентских выборов. Действия силовых структур вызвали негативную реакцию оппозиционеров, пообещавших продолжить борьбу за смену власти.

¹ См.: **Мусаев Б.** Узбекистан: региональная безопасность и социально опасные тенденции развития общества// Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3 (9).

² URL: <http://www.upweb.ru/strana.php?n=173>

³ Узбеки Джалалабада просят К. Бакиева защитить их от киргизских националистов (обращение). – URL: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1137090780>

6. Политический экстремизм, обусловленный недовольством населения существующей властью. Наиболее серьезную угрозу политический экстремизм будет представлять при совпадении, даже частичном, целей оппозиционно настроенных масс с целями с целями религиозных экстремистов.

Имеющийся военный потенциал не позволяет государствам Центральной Евразии эффективно противодействовать всему спектру военных угроз и угроз военного характера. Интересы обеспечения безопасности потребовали военно-политической интеграции и объединения усилий государств региона в рамках региональных систем коллективной безопасности.

2. Опыт военно-политической интеграции государств Центральной Евразии

С большей или меньшей степенью активности государства Центральной Евразии решали вопросы совместного обеспечения безопасности со времени своего образования. Недостаточность собственных оборонных возможностей потребовала внешних гарантий их суверенитета и территориальной целостности. Первоначально государства региона главным полем деятельности в области обеспечения безопасности избрали Содружество независимых государств (СНГ). 20 марта 1992 г. в Киеве была подписана Декларация о неприменении силы или угрозы силой во взаимоотношениях между государствами-участниками СНГ. Государства Содружества приняли обязательства решать спорные проблемы исключительно мирными средствами. В дальнейшем эти обязательства закреплялись в двусторонних и многосторонних договорах, а также в Меморандуме о поддержании мира и стабильности в СНГ, подписанном 10 февраля 1995 г. в Алма-Ате, в котором государства Содружества обязались воздерживаться от военного, политического, экономического и иных форм давления друг на друга.

Однако достигнутые соглашения не обеспечивали нейтрализацию внешних по отношению ко всему СНГ угроз. Решить эту проблему был призван Договор о коллективной безопасности (ДКБ) 1992 г., предусматривающий отказ от вступления в военные союзы, участия в группировках государств, а также в действиях, направленных против государства-участника Договора. «В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН».¹

Выделяются два вектора обеспечения безопасности в рамках ДКБ. Во-первых, формирование союзнических отношений и создание механизма предупреждения кризисных явлений внутри Содружества. Во-вторых,

¹ Договор о коллективной безопасности СНГ // **Князев А.** Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов. — Б.: Илим, 2001. — С. 25-26 (ст. 3).

совместное сдерживание агрессивных устремлений и парирование возможных угроз со стороны внешнего окружения объединенными возможностями государств-участников.

Второй вектор привел к созданию военной организации. 6 июля 1992 г. решением Совета глав государств было образовано Главное командование Объединенных вооруженных сил СНГ. В том же 1992 г. было подписано Соглашение о средствах систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства. Участники соглашения обязались обеспечить их эксплуатацию в местах размещения и не допускать действий, препятствующих боевому функционированию этих средств в единых системах.

Но в то время в политических кругах России в вопросах обеспечения безопасности преобладала линия на стратегическое партнерство с США и НАТО. Проводимая в то время Москвой политика «избавления от нахлебников» обусловила провал попыток экономической интеграции в рамках СНГ. Новые независимые государства оказались в положении, когда их основной задачей стала задача физического выживания. Вопрос коллективной безопасности остался за пределами первоочередных интересов истеблишмента новых независимых государств. Кроме того, независимость не явилась следствием вооруженной борьбы, в результате чего возможность внешней опасности воспринималась теоретически. В создавшейся ситуации Главное командование Объединенных вооруженных сил СНГ стало восприниматься как наднациональный орган военного управления, диктующий условия Совету глав государств Содружества. Со временем его заменил Штаб по координации военного сотрудничества (ШКВС) со значительно меньшими полномочиями и возможностями.

Процесс разделился на два параллельных направления: в масштабе всех стран Содружества под эгидой Штаба по координации военного сотрудничества и в более узком составе – среди стран, подписавших Договор о коллективной безопасности. Если в первом случае основу совместной деятельности составило сотрудничество в области обеспечения безопасности, то во втором государства – участники сосредоточили усилия на создании системы коллективной безопасности.

В интересах реализации ДКБ безопасности 10 февраля 1995 г. в Алма-Ате была утверждена Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора. В ней сформулированы основные источники военной опасности и принципы коллективной безопасности, определены приоритетные направления совместной деятельности по предотвращению военной угрозы, пути и методы предотвращения войн и вооруженных конфликтов, а также противодействия агрессии, даны основные направления создания системы коллективной безопасности.

Практическая реализация ДКБ воплотилась в объединенной системе противовоздушной обороны,¹ основные задачи которой заключаются в

¹ На основе Соглашения о создании объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) от 1995 года.

совместной охране государственных границ в воздушном пространстве и ведении согласованных действий войск противовоздушной обороны государств-участников по отражению воздушно-космического нападения. В рамках Объединенной системы ПВО ежегодно проводятся учения «Боевое содружество» по противовоздушной обороне стран-участниц СНГ, осуществляется совместное боевое дежурство. Однако это единственный практический результат, достигнутый на первом этапе создания системы коллективной безопасности в рамках СНГ. В основном взаимоотношения между государствами СНГ — участниками Договора о коллективной безопасности оставались на уровне деклараций и не перешли в практическую плоскость. Это привело к падению популярности ДКБ и сокращению числа членов. В 1999 г. Договор не пролонгировали Узбекистан, Азербайджан и Грузия.

Первой попыткой обеспечить совместными усилиями безопасность непосредственно в Центральной Евразии было создание коллективных миротворческих сил на территории Таджикистана. В соответствии с решением Совета глав государств-участников СНГ о мерах по стабилизации обстановки на участке государственной границы Республики Таджикистан с Афганистаном от 22 января 1993 г. в их состав вошли 201-я мотострелковая дивизия РФ и подразделения вооруженных сил от Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Большую часть коллективных миротворческих сил составлял военный контингент России, которая территориально не относится к региону, что свидетельствует о слабости систем безопасности государств Центральной Евразии.

Коллективные миротворческие силы сыграли важную роль в стабилизации обстановки в Таджикистане и предупреждении распространения внутреннего таджикского конфликта на территорию региона. Однако они не стали основой для создания системы коллективной безопасности в Центральной Евразии. К 1998 г. из Таджикистана вывели свои подразделения Узбекистан, Киргизия и Казахстан. Численность российского контингента была сокращена.¹

Вторая попытка создания региональной системы безопасности осуществлялась в рамках ЦАС/ЦАЭС. Вооруженный конфликт в Таджикистане и раздуваемая при каждом удобном случае афганская угроза стимулировали развитие процесса военно-политической интеграции Казахстана, Киргизии и Узбекистана. В июле 1994 г. было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве этих государств, на основе которого были созданы Совет министров обороны и Комитет начальников главных штабов. Для нейтрализации возможных очагов конфликтов и дестабилизации обстановки в регионе был создан миротворческий батальон «Центразбат». После вступления Таджикистана в ЦАС/ЦАЭС взаимоотношения в области многостороннего военного сотрудничества между его членами были свернуты.

¹ См. подробнее: **Князев А.А.** Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 418-420.

На фоне вышеописанных неудач в коллективном обеспечении региональной безопасности успехи государств Центральной Евразии в формате ШОС¹ выглядели впечатляюще. В двусторонних соглашениях о границе, были достигнуты договоренности по всем спорным территориям. Многосторонние Соглашения по укреплению доверия в военной области в районе границы 1996 г. и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы 1997 г. позволили создать стокилометровую «зону доверия» по обе стороны китайской границы, установить предельные уровни и сократить вооруженные силы и вооружения в районе границы.

Баткенские события 1999 г., вторжение незаконных вооруженных формирований в Киргизию и Узбекистан в 2000 г. сместили направление деятельности ШОС в области безопасности в сторону противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму. Была подписана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2000 г.), создана Региональная антитеррористическая структура (2003 г.). Однако в соответствии с Хартией ШОС приоритетным направлением деятельности Организации является последовательная интенсификация многопрофильного сотрудничества и укрепление экономической составляющей Организации. В связи с этим процесс создания действенной системы коллективной безопасности переместился в формат Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В ее рамках деятельность в области совместного обеспечения безопасности перешла из плоскости деклараций в плоскость практической реализации. Вошли в практику ежегодные учения «Южный щит Содружества», ориентированные на противодействие внутрирегиональным угрозам безопасности. Были созданы Коллективные силы быстрого развертывания в составе боевых подразделений Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана при авиационной поддержке ВВС России. С 2003 г. на территории Киргизии дислоцируется авиационная база Кант.²

Таким образом, процесс военно-политической интеграции государств Центральной Евразии вышел за пределы региона и ориентируется главным образом на ОДКБ. Однако, несмотря на значительные подвижки в деятельности ОДКБ по обеспечению безопасности в Центральной Евразии, военно-политическая интеграция в рамках этой организации пока не обеспечивает эффективную защиту государств региона от военных угроз и угроз военного характера. Система безопасности, создаваемая в формате ОДКБ, ориентируется в первую очередь на обеспечение внутрирегиональной стабильности. Поэтому вопрос военно-политической интеграции, в том числе и непосредственно в рамках региона, продолжает оставаться актуальным. Вместе с тем интенсификация процесса интеграции и, тем самым, повышения эффективности обеспечения безопасности Центральной Евразии представляется проблематичной.

¹ Первоначально «Шанхайская пятёрка», по числу входивших в нее государств: Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан. В 2001 г. к организации присоединился Узбекистан.

² См.: **Князев А.А.** Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). – Душанбе: Дониш, 2004. – С. 430-433.

3. Факторы, сдерживающие процесс военно-политической интеграции

Основными препятствиями для дальнейшего развития процесса военно-политической интеграции в формате ОДКБ и ШОС являются:

1. Главенствующая роль России и Китая в ОДКБ и ШОС. Менее развитые в экономическом, а значит и в военном отношении государства Центральной Евразии, автоматически попадают в политическую, экономическую и военную зависимость от более сильных партнеров, что сдерживает их стремление к упрочению взаимных связей.

2. Отсутствие реальной внешней угрозы. Сегодня ни одно государство или их коалиции не воспринимаются как реальные противники.

3. Отсутствие экономической подоплеки для военно-политической интеграции. Ни ОДКБ, ни ШОС не имеют целостного экономического пространства. Низкий уровень экономической взаимозависимости государств — членов не вызывает необходимость в коллективной защите общих экономических интересов.

Непреодолимыми препятствиями для военно-политической интеграции государств Центральной Евразии стали существующие между ними противоречия и проблемы во взаимоотношениях. Дезинтеграция СССР и процесс национального самоопределения бывших советских республик помимо разрушения территориальной и политической общности и разрыва прежних экономических связей, привели к обособлению государств региона. Гипертрофированное национальное самосознание правящих элит способствовало межгосударственному размежеванию, что породило конкуренцию за завоевание более высокого места в мировом сообществе и, соответственно, различную внешне политическую ориентацию, серьезные политические, экономические и иные претензии. Это способствовало возникновению проблем в их взаимоотношениях, ведущих к межгосударственным конфликтам: например, ноябрьские события в Ленинабадской области в 1998 г. были расценены официальным Душанбе как мятеж, поддержанный сопредельным государством. Душанбе не может простить Ташкенту поддержку полковника Махмуда Худойбердыева, а Ташкент, в свою очередь, обвиняет властные структуры Таджикистана в поддержке боевиков Исламского движения Узбекистана.

Дестабилизирующим фактором в межгосударственных отношениях стала проблема границ. Делимитация границы между Киргизией и Узбекистаном проходит очень сложно. Например, в 2004 г. Узбекистан аннулировал соглашение по 27-километровому спорному участку границы.¹ Делимитация границы между Киргизией и Таджикистаном до сих пор не начата. Камнем преткновения в решении территориально-пограничных вопросов становятся анклав. В сентябре 2004 г. парламент Киргизии при поддержке премьер-министра Н. Танаева заявил о территориальных претензиях на уз-

¹ **Дмитриев А.** Мина на границе// Новые известия. — М., 2004. — 19 февраля.

бекский анклав Шахимардан, расположенный на территории Баткенской области.¹ Тот факт, что по территориально-пограничным спорам достигается обоюдное решение, еще не говорит о разрешении проблемы. В Киргизии периодически ставится под сомнение правомерность соглашения о разделе спорного с Китаем участка в бассейне реки Узенгукууш. В 2003 г. в средствах массовой информации Казахстана высказывались претензии в отношении 105 спорных участков между Казахстаном и Киргизией. Гарантии того, что при смене власти достигнутые договоренности останутся в силе и для восстановления утраченных позиций не будет использована сила, чрезвычайно малы.

Неурегулированность границ порождает территориальную экспансию, провоцируемую депопуляцией населения приграничных районов, и территориальные споры. Ситуация усугубляется периодически вводимыми в одностороннем порядке коммуникационными и таможенными ограничениями. Это способствует нагнетанию атмосферы страха и взаимного недоверия. По периметру границ Узбекистана не редки пограничные инциденты с применением оружия. В 2001 г. ситуация на границе между Узбекистаном и Таджикистаном расценивалась наблюдателями как боевые действия.² С 1998 по 2003 гг. на границе между Узбекистаном и Туркменистаном произошло около двух десятков инцидентов со смертельным исходом.³ 11 декабря 2005 года военнослужащий Комитета охраны государственной границы Узбекистана тяжело ранил гражданина Киргизии.⁴ Подобные случаи неоднократно отмечались на границах с Казахстаном и Киргизией. К сожалению, подобная практика распространяется и на другие государства. На киргизско-таджикской границе в результате применения оружия погиб гражданин Таджикистана. В территориально-земельные споры вовлечены ученые, общественные деятели, местные власти и население приграничных районов. 12 декабря 2005 г. около 20 граждан Узбекистана забросали камнями киргизский погранпост, заявляя, что он находится на их земле.

Для региона характерно неравномерное распределение энергоносителей и водных ресурсов. Это обусловило ресурсную взаимозависимость государств региона. Последний фактор усугубляется зависимостью сельскохозяйственного производства от наличия поливной воды. Однако государства региона не могут найти общий язык и в вопросах водопользования. В 1992 г. в целях сохранения режима регулирования, попусков и распределения воды по рекам Сырдарья и Амударья была создана Межгосударственная Координационная Водная Комиссия. Но, по словам вице-президента Международной Комиссии по ирригации и дренажу В.А.

¹ **Мухин В.** Территориальные противоречия Узбекистана и Киргизии могут перерасти в военное противостояние// НГ – Дипкурьер. – М., 2004. – 25 октября. С. 10.

² **Сабохи З.** Рвутся мины... Действия властей Узбекистана по охране границ приводят к многочисленным трагедиям// НГ – Содружество. – М., 2001. – 28 марта. – С. 3.

³ **Умаров А.** Границы врозь// Новости недели. – Алма-Ата, 2003. – № 43 (159), 29 октября.

⁴ <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1134378240>

Духовного, «последующие действия членов Комиссии по требованиям правительств, которые они представляли, постепенно привели к принципиальному изменению схемы работы комплекса каскадов водохранилищ, построенных на реках Нарын и Сырдарья, с ирригационного на энергетический режим».¹ Существующие разногласия в области вододеления и водопользования все чаще выплескиваются в средства массовой информации в виде взаимных претензий и упреков в попытках решить собственные проблемы за счет соседей. В отношении государств, на территории которых формируются водные источники, государствами-водопользователями применяются (в качестве рычагов давления) ограничения на транзитный проезд по территории автотранспорта и пассажиров, ужесточение тотального контроля над процессом въезда и выезда граждан и др.

Попытки разрешить региональные проблемы коллективными усилиями не увенчались успехом. При отсутствии стремления к компромиссам все создаваемые на государственном уровне региональные союзы и организации оказались недееспособными. Участие в одних и тех же международных организациях не повлекло за собой обязательств распространить их принципы на межгосударственные взаимоотношения в регионе и воздерживаться от недружественных действий в отношении соседей. Претензии в отношении границ, территорий, ресурсов породили недоверие государств региона в отношении друг друга, что послужило поводом для наращивания войск и вооружений в районах границ. Проникновение незаконных вооруженных формирований на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999 и 2000 гг. не только стали весомым аргументом для оправдания милитаризации приграничных территорий под предлогом борьбы с терроризмом и экстремизмом, но и подстегнули этот процесс.

В контексте рассматриваемого вопроса особо внимание обращает на себя внешний фактор, обусловленный деятельностью США в Центральной Евразии. Развитие и рост авторитета ШОС и ОДКБ, усиление их влияния на государства региона поставили под сомнение возможность реализации Вашингтоном геополитических и геостратегических планов в регионе. В целях переломить ситуацию в свою пользу им была выдвинута инициатива создания «регионального форума Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА)»,² предусматривающая объединение под управлением США государств Центральной Евразии и Афганистана без участия России, Китая, Ирана и Пакистана. По замыслу ПБЦА должно способствовать превращению Афганистана и региона в целом в «безопасную зону суверенных государств» на основе «замкнутых на США инфраструктур безопасности», что идеологически обосновывает необходимость военного присутствия США в регионе. Создание ПБЦА позволило бы США не только вырвать государства региона из объятий России и Ки-

¹ **Духовный В.А.** Сырдарья – в чем причина тревоги?.. // Правда Востока. – Ташкент, 2004. – № 21, 30 января.

² **Фредерик Старр.** Партнерство для Центральной Азии// Россия в глобальной политике. – М., 2005. – № 4, июль-август.

тая и окончательно закрепиться в Центральной Евразии, но и превратить регион в свой протекторат. В геостратегическом плане это позволило бы создать стратегический плацдарм за счет продвижения в регион американской военной инфраструктуры, в первую очередь в виде «мобильных» военных баз, благодаря чему «по необходимости можно поддерживать долгосрочное или краткосрочное развертывание, а также небольшие передовые оперативные позиции, дающие возможность нанесения быстрого удара по другим территориям». Специалисты предполагают, что в Вашингтоне уже разработан план ведения военной кампании на территории Ирана, предусматривающей продолжительные по времени бомбардировки всей его территории по югославскому варианту. Кроме того, в США звучат открытые призывы к тому, чтобы вооруженные силы были готовы «как к отражению террористической угрозы, так и к решению задач, возникающих вследствие российско-китайского стратегического партнерства».¹

Нашумевший визит госсекретаря США К. Райс в регион летом 2005 г. многие аналитики связывали именно с продвижением инициативы американской администрации по созданию новой региональной организации. Судя по отсутствию ответной реакции, предложение США не нашло отклика у политического руководства государств региона. Однако двойственный подход Киргизии к американскому военному присутствию на своей территории оставил Вашингтону свободу маневра и возможность переориентироваться на пошаговое достижение своих целей.

В этой связи обращает на себя внимание информация о слушаниях, проведенных в комиссии сената США по международным отношениям с участием помощника госсекретаря США, главы бюро по странам Южной и Центральной Азии Ричарда Баучера, определивших приоритеты американской политики в Центральной Евразии:

- создание устойчивых связей государств региона со странами Южной Азии;
- отрыв их от интеграционных процессов с Россией и Китаем;
- ослабление влияния ШОС и ОДКБ.

Достижение этих целей планируется осуществить посредством:

1. Дозированного допуска государств региона к политическим и экономическим институтам Запада с одновременным усилением финансово-экономической зависимости от международных фондов, находящихся под патронатом США.

2. Расширения взаимодействия с государствами региона в вопросах безопасности, прежде всего, под видом обеспечения стабилизационных мероприятий в Афганистане, охраны границ и борьбы с глобальными вызовами.

3. «Американизации силовых структур» посредством расширения военных контактов всех уровней, навязывания «любой помощи», которая

¹ **Brookes Peter.** An alarming Alliance// New York Post. — New York, 2005. — April, 18.

бы не способствовала усилению военного потенциала стран региона, но «прочно привязывала бы их к Америке» и, кроме того, обеспечивала бы: американское военное присутствие в регионе на постоянной основе; снижение уровня участия государств региона в ШОС и ОДКБ; переориентацию военно-технического сотрудничества на Запад через перевооружение национальных армий на образцы вооружения и военной техники натовского производства.

4. Навязывания проведения более глубоких политических реформ, формирования новых и совершенствование сети уже созданных «демократических общественно-политических организаций и движений».

5. Финансирование экономических проектов, прямо или косвенно противостоящих интересам России и Китая и способствующих переориентации экономических связей государств региона с России и Китая на Южную Азию через перспективные проекты сотрудничества с Пакистаном, Афганистаном, Индией при прямом участии американского капитала.¹

В первую очередь США стали продвигать эти планы в Киргизии, где была создана широкая сеть проамериканских неправительственных организаций, действуют филиалы многочисленных государственных и поддерживаемых государством американских организаций. Кроме того, Киргизия имеет огромный внешний долг, значительную часть которого составляет долг экономическим инструментам американской политики – Международному валютному фонду и Всемирному банку.

США уже сумели, хотя пока и сугубо в политическом плане, добиться некоторых успехов помимо закрепления своего военного присутствия. 6 ноября 2006 г. в Бишкеке состоялась церемония подписания Протокола о намерениях в области энергетики между Правительством КР и американской компанией AES Silk Road, предусматривающего строительство линий электропередачи 500 КВ, связывающих энергосистемы Киргизии с энергосистемами Таджикистана и Казахстана с перспективой выхода на Афганистан.

Аналогичные попытки вовлечения в зону своего притяжения и влияния предпринимаются и в отношении Таджикистана. Активизировалась деятельность по развитию американо-казахстанских связей.

Все это негативно отражается на процессе военно-политической интеграции в формате ОДКБ и ШОС и препятствует региональной интеграции.

4. Краткие обобщения и выводы

1. Наличие потенциальных военных угроз и угроз военного характера, обусловленных глобальными, региональными и внутригосударственными проблемами и противоречиями, имеющих различное содержание и характер диктует необходимость военно-политической интеграции го-

¹ Цит. по: Моисеев Н. Ослабить влияние ШОС и ОДКБ// Военно-промышленный курьер. – М., 2006. – № 32 (151), 13-19 сентября.

сударств Центральной Евразии в целях создания эффективной многопрофильной системы обеспечения региональной и, соответственно, национальной безопасности.

2. Регион представляет собой больше географическое, чем геополитическое образование, которое характеризуется отсутствием политической и экономической целостности. Между государствами региона существуют серьезные политические, экономические и иные противоречия, усугубляемые пограничными, территориальными, ресурсными претензиями и препятствующими процессу военно-политической интеграции.

3. Опасение государств региона попасть в политическую, экономическую и военную зависимость от России и Китая, отсутствие реальной внешней угрозы, потребности в коллективной защите общих экономических интересов тормозит развитие интеграционных процессов в рамках ОДКБ и ШОС.

4. Процессу интеграции активно противодействуют США, добивающиеся ослабления ОДКБ и ШОС и, в дальнейшем, превращения Центральной Евразии в зону своего влияния.

В этих условиях государства региона будут стараться развивать двусторонние отношения с третьими странами, в надежде увеличить гарантии своей безопасности, обеспечить интенсификацию экономического развития и, в свою очередь, стабилизацию внутренней политической и социально-экономической ситуации, что является одним из главных условий сохранения правящими элитами своей власти. На примере Киргизии ясно, что партнерами государств региона в первую очередь станут США и их союзники.

Ставка на внешних партнеров неизменно приведет к росту межгосударственной конкуренции за инвестиции и зарубежную помощь и породит стремление предстать перед партнерами в лучшем свете. Это может усилить взаимные обвинения и упреки и, как следствие, обострить существующие межгосударственные противоречия и претензии. Последнее может повлечь за собой расширение практики силового, экономического и иного давления и способствовать дестабилизации обстановки внутри государств региона.

Исходя из геополитических устремлений США, можно предположить, что сближение с ними государств Центральной Евразии и вызовет негативную реакцию их основных геополитических оппонентов — России и Китая — и соответствующее воздействие на государства, наносящие ущерб основам существования ОДКБ и ШОС.

Предотвращению подобного развития ситуации будет способствовать широкоформатная интеграция государств Центральной Евразии, что позволит избежать зависимости от ведущих союзников по ОДКБ и ШОС и избавит от необходимости искать дополнительные гарантии своей безопасности.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СНГ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ

*С.И. Рева,
руководитель Центральноазиатского
отделения Антитеррористического центра
СНГ (АТЦ СНГ)*

Антитеррористическая политика многих стран мира в настоящее время большей своей частью направлена на ликвидацию угроз национальной безопасности, не будучи детерминирована с проблемами безопасности стран-соседей. Ее содержание чаще всего включает в себя создание возможности применения превентивных мер и позволяет органам исполнительной власти запрещать террористические группировки, объявляя их вне закона, принимать другие запретительные меры. При этом часто не уделяется внимания мерам политического характера, направленным на профилактику и предупреждение терроризма. При этом отчетливо видится, что практически реализовать такого рода политические меры возможно лишь в рамках широкой международной коалиции в области антитеррористического сотрудничества. Это именно та база, с помощью которой можно эффективно ликвидировать все угрозы и вызовы современности. Есть и другие точки зрения, берущие за основу двухсторонние международные отношения как самый результативный путь решения общих проблем. Но одно другому не мешает и у них есть общее. Надо предупреждать терроризм, а не бороться с его последствиями.

Сам по себе антитерроризм не решает проблемы террора, а является только условием его развития. Нет террора, нет и антитеррора. Поэтому устранение террористической угрозы, прежде всего, состоит в изучении ее природы, условий формирования и создания действенных способов ликвидации проблемы, породившей этот террор.

Столкнувшись с широкомасштабным наступлением международно-го терроризма и экстремизма в конце XX в., страны СНГ расценили это зло как глобальную угрозу, от которой невозможно укрыться в «национальных» квартирах и предприняли ряд организационных и практических мер. Правоохранительные органы государств Содружества, не утратив окончательно рабочих контактов после распада СССР, предпринимали ряд усилий по проведению согласованных на двусторонней основе оперативно-профилактических и специальных операций, которые были направлены на принятие превентивных мер и пресечение актов терроризма и деятельности транснациональных группировок, занимающихся незаконным оборотом оружия, наркотиков и нелегальной миграцией.

Начало многосторонних действий в рамках СНГ было положено в июне 1999 г., когда был подписан Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом, который является правовой основой для осуществления взаимодействия компетентных органов стран Содружества в вопросах выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма.

Положениями Договора определены конкретные направления сотрудничества — такие, как обмен информацией, разработка и принятие согласованных антитеррористических мер, участие по согласованию с заинтересованными государствами специальных антитеррористических формирований в совместных операциях, подготовка специалистов, военно-технический обмен современными технологиями обеспечения безопасности, взаимовыгодные поставки единого типа специальных средств, техники и другие. В соответствии с Решением Совета глав государств Содружества от 21 июня 2000 г. «О противодействии международному терроризму в свете итогов Стамбульского саммита ОБСЕ», регулярно раз в два года разрабатывается «Программа государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма». В этих программах преследуется цель скоординировать усилия стран Содружества, направленные на противодействие терроризму и экстремизму. Сотрудничество государств-участников СНГ осуществляется с соблюдением их национальных интересов. Программы имеют комплексный характер и предусматривают проведение организационно-правовых и организационно-практических мероприятий, информационно-аналитическое, научное, кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение. Программы предполагают присоединение государств-участников СНГ к основным международным договорам в сфере борьбы с международным терроризмом, заключенным в рамках ООН и Совета Европы, а также ускоренное осуществление внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу соответствующих договоров, принятых в рамках СНГ.

Следует подчеркнуть, что в государствах-участниках СНГ борьба с терроризмом не рассматривалась и не рассматривается как столкновение цивилизаций, а непосредственно терроризм не отождествляется с какой-либо национальностью, религией или культурой.

Анализ тенденций распространения международного терроризма говорит о том, что его главный очаг сегодня переместился в Центральную Азию и государства юга Содружества, в силу своего геополитического положения, оказались на переднем плане борьбы с этим злом.

Обострение угрозы терроризма сделало совершенно необходимым налаживание международной системы противодействия этому явлению и координацию усилий различных государств на долгосрочной основе на самом высоком уровне. В этой связи 21 июня 2000 г. Советом глав государств Содружества были утверждены программные документы о создании Антитеррористического центра государств-участников СНГ.¹ Вся деятельность

¹ На совещании, посвященном пятилетию со дня образования АТЦ СНГ в 2005 г., генерал-полковник Б.А. Мыльников заявлял: «На сегодня в мире нет другой подобной организации, в которой специалисты по борьбе с терроризмом из спецслужб и правоохранительных органов из 12 государств совместно анализируют информацию различного характера, планируют и оказывают содействие в реализации мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению террористической деятельности на территории государств Содружества». — **Мыльников Б.А.** Объединяя усилия органов безопасности и спецслужб СНГ в борьбе с международным терроризмом//АТЦ СНГ — 5 лет сотрудничества в борьбе с международным терроризмом (Сб. ст.). — М.: КВ Паблишер, 2005. — С.37.

АТЦ СНГ осуществляется в рамках Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств СНГ и в тесном взаимодействии с Советом министров внутренних дел, Советом министров обороны, Координационным совете генеральных прокуроров, Совета командующих пограничными войсками, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений. Решения по принципиальным вопросам принимаются исключительно Советом глав государств Содружества.

АТЦ СНГ в своей деятельности руководствуется основополагающими документами Содружества, решениями Совета глав государств СНГ, Совета глав правительств СНГ, Совета министров иностранных дел СНГ, Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ и «Положением об Антитеррористическом центре государств-участников СНГ», учитывает решения других органов СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также международные обязательства и национальные законодательные акты государств-участников СНГ. АТЦ СНГ осуществляет свою деятельность с использованием возможностей специализированных антитеррористических подразделений органов безопасности и специальных служб государств-участников, других органов, занимающихся борьбой с терроризмом, а также Объединенного банка данных органов безопасности и специальных служб. АТЦ СНГ является постоянно действующим специализированным отраслевым органом и предназначен для координации взаимодействия компетентных органов государств Содружества в области противодействия международному терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма. Антитеррористический центр – это своего рода межгосударственный межведомственный «штаб» по обработке и координации информации о событиях и процессах, обладающих признаками терроризма и экстремизма, получаемой из компетентных органов и органов исполнительной власти государств-участников СНГ.

Основными задачами АТЦ СНГ являются:

- выработка предложений о направлениях развития сотрудничества в борьбе с международным терроризмом;
- обеспечение координации взаимодействия компетентных органов;
- анализ поступающей информации, формирование специализированного банка данных;
- участие в подготовке и проведении антитеррористических учений;
- взаимодействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- разработка моделей согласованных антитеррористических операций.¹

¹ Комплексное оперативно-тактическое учение «Юг-Антитеррор-2002». Под общей редакцией д.ю.н., профессора В.Е. Петрищева. Сборник материалов. – М.: АТЦ СНГ, 2002. – С. 128.

В АТЦ ведется работа по формированию и использованию специализированного банка данных по проблемам борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма, где концентрируется информация: о международных террористических и иных экстремистских организациях, их лидерах, а также причастных к ним лицах; о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлениях экстремизма в государствах-участниках СНГ и других государствах; о неправительственных структурах и лицах, оказывающих поддержку международным террористам¹.

Уверенно можно констатировать, что положительные результаты информационного обмена, зависят от активности в этом вопросе компетентных государственных органов и поддержки укоренившегося общественного мнения о том, что ни одна национальная спецслужба противостоять международному терроризму и экстремизму в одиночку не способна.

На сегодняшний момент отделение АТЦ СНГ по центральноазиатскому региону в Бишкеке является единственной в регионе межведомственной структурой, объединяющей работников спецслужб, милиции, пограничников, министерств обороны и других ведомств Казахстана, Киргизстана, России и Таджикистана.² Опыт работы АТЦ СНГ, в том числе отделения по центральноазиатскому региону показывает, что они не столько решают задачи самостоятельного пресечения конкретных акций терроризма, сколько проблемы предупреждения террора.

Отделением ведется постоянный мониторинг оперативной обстановки в сфере противодействия международному терроризму на южных рубежах Содружества, осуществляя эту работу совместно с компетентными органами Казахстана, Киргизстана, Таджикистана и России. Ежедневно в режиме реального времени отделение в Бишкеке получает необходимую информацию, ведет ее обработку и осуществляет текущее и перспективное прогнозирование. В свое время руководитель АТЦ СНГ Б.А. Мыльников так охарактеризовал этот процесс: «уровень взаимодействия различных стран и его эффективность в борьбе с терроризмом прямо зависят от степени доверия между правительствами, специальными службами и правоохранительными органами. И мы видим нашу задачу в том, чтобы максимально и всесторонне развивать это доверие, искать и осваивать новые формы взаимодействия в данной области».³

Позитивным моментом можно было бы считать, что всему мировому сообществу в кратчайшие сроки необходимо использовать все возможности для активизации практической работы в борьбе с терроризмом. В первую очередь необходимо, в частности, организовать и провести в пол-

¹ Комплексное оперативно-тактическое учение «Юг-Антитеррор-2002». Под общей редакцией д.ю.н., профессора В.Е. Петрищева. Сборник материалов. — М.: АТЦ СНГ, 2002. — С. 127.

² Отделение АТЦ СНГ по ЦАР// АТЦ СНГ — 5 лет сотрудничества в борьбе с международным терроризмом (Сб. ст.). — М.: КВ Паблишер, 2005. — С. 191.

³ **Мыльников Б.А.** Международный терроризм как угроза национальной безопасности// Вестник межпарламентской ассамблеи СНГ. — СПб, 2002. — № 3 (34). — С. 197.

ном объеме все нужные мероприятия по выявлению, пресечению и предупреждению любых попыток, направленных на финансовое обеспечение террористических актов, в том числе актов с использованием оружия массового поражения. Для центральноазиатского региона жизненно важно найти пути и формы взаимодействия как силовой, так и информационно-аналитической составляющих борьбы с терроризмом.

Накопленный за последние годы в компетентных органах государств Содружества опыт оперативно-розыскной деятельности свидетельствует о том, что многие негативные процессы, происходящие в большинстве государств СНГ, напрямую связаны с экспансией международного терроризма. Практические результаты деятельности АТЦ СНГ позволяют сформировать и реализовать по существу единые подходы в обеспечении безопасности государств Содружества и должным образом реагировать на возникающие угрозы террористического характера, организовать информационное взаимодействие Центра с национальными органами безопасности и спецслужбами, а также совместное проведение антитеррористических мероприятий.

Эффективность борьбы с международным терроризмом немыслима без создания международной, региональной в рамках СНГ системы мониторинга терроризма на основе обязательной передачи соответствующей информации от компетентных национальных органов, региональных и международных организаций в специализированный банк данных АТЦ СНГ в целях ее накопления и анализа. При этом государства (их соответствующие органы и структуры) должны иметь равный доступ к информации в условиях реального времени. Проводимая в этом направлении работа в АТЦ СНГ требует поддержки и дальнейшего наращивания.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ СНГ

*В. Ю. Летов,
офицер по связям с общественностью
Оперативной пограничной группы ФСБ
Российской Федерации в Таджикистане*

Одним из первостепенных и основополагающих факторов национальной безопасности, особенно здесь в Центральной Азии, является обеспечение неприкосновенности внешних границ Содружества. Границу можно уподобить фильтру или коже, которая предохраняет государственный организм от проникновения разрушительных вирусов, болезней, агрессивной внешней среды.¹

Поэтому нет ничего удивительного в том, что все эти годы позиции России и постсоветских государств Центральной Азии в вопросах решения проблем национальной безопасности были весьма схожи. Единство национальных интересов автоматически предусматривает и определенные коллективные структуры по их защите, что мы и имеем в формате ОДКБ, Таможенного союза, коллективных миротворческих сил СНГ, Совета командующих пограничными войсками СНГ, ШОС и других структур.

Так в чем же заключается общность национальных интересов России и стран Центральной Азии?

Проблема надежной защиты границ молодых государств встала крайне остро в связи с внезапным распадом СССР в 1991 г. Обретшие независимость страны Центральной Азии тогда попали в крайне сложную ситуацию, большинство из них не были готовы к самостоятельной охране своих границ, особенно это касалось участков афганской границы. Поэтому коллективная защита внешних рубежей СНГ начала осуществляться уже с первых месяцев 1992 г, когда был образован единый координационный орган Совет Командующих Пограничными Войсками стран Содружества. Именно благодаря коллективным усилиям и ведущей роли Российской Федерации, бывшим советским республикам удалось сохранить надежную и устойчивую систему охраны границ, четкое управление и единое планирование действий, которые были традиционно присущи советскому периоду.

В те тяжелые годы Российская Федерация в рамках структур СНГ взяла на себя основной груз обязательств по формированию пограничных структур Таджикистана, Киргизстана и Туркменистана. В Киргизстане и Таджикистане российские пограничники охрану внешней границы взяли полностью на себя с почти полным финансированием за счет федерального бюджета. В Казахстане и Туркменистане с целью подготовки самостоятельных структур национальных пограничных войск были сформированы

¹ Граница России. — М., 2003. — № 3.

оперативные группы советников по вопросам содействия в вопросах охраны границы.

24 декабря 1993 г. Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан был подписан Меморандум о сотрудничестве по охране внешних границ, предусматривающий, что охрана внешних границ является общим делом и должна осуществляться согласованными совместными усилиями.

Следует отметить особую роль российских пограничников в деле стабилизации положения на таджикско-афганской границе. Советом глав государств СНГ 22 января 1993 г. было принято решение о мерах по стабилизации обстановки на участке таджикско-афганской границы, где было предусмотрено усиление Группы пограничных войск РФ силами от Узбекистана, Киргизстана и Казахстана — по одному батальону численностью в 500 человек. Кроме того, решением Совета глав государств СНГ от 24 сентября 1993 г. были сформированы коллективные миротворческие силы (КМС), которые до завершения процесса национального примирения активно проводили миротворческие операции на таджикско-афганской границе.¹

Успешные действия российских пограничников в годы противостояния на таджикско-афганской границе были обусловлены умелым применением разнородных сил, грамотным управлением боевыми подразделениями, своевременным наращиванием сил и средств на опасных направлениях. Во многом благодаря надежно закрытой границе, командование Объединенной таджикской оппозиции так и не смогло в годы гражданского противостояния наладить в достаточной мере снабжение оппозиционных районов Припамирья вооружением, боеприпасами и наемниками с территории Афганистана. Российские пограничники сыграли решающую роль в деле локализации конфликта и, в конечном итоге, сохранения территориального и национального единства молодого таджикского государства.

За 15 лет присутствия российских пограничников в странах Центральной Азии, ими было задержано более 3000 нарушителей границы. За этот период они более 500 раз вступали в боестолкновения с бандитами, в которых погибло более 160 пограничников и более 360 из них получили ранения. За эти годы на границах Центральной Азии было уничтожено в общей сложности более 3000 вооруженных экстремистов и наркоконтрабандистов. Кроме того, российскими пограничниками, охранявшими рубежи суверенных Таджикистана и Киргизии, а так же в процессе оказания помощи в системе организации охраны туркменско-афганской границы, было изъято более 38 тонн наркотических средств, из которых героин составляет порядка 12,5 тонны. Из незаконного оборота было изъято более 1000 единиц огнестрельного оружия и около 500 тысяч различных боеприпасов и взрывчатых веществ.

Присутствие в Таджикистане российских пограничников и 201-й мотострелковой дивизии позволили обеспечить стране гарантированную бе-

¹ Пограничник Содружества. — М., 2001. — № 3.

зопасность от внешнего вторжения и экономию финансовых средств в размере до 150 млн. долларов в год, что по меркам 1990-х гг. равнялось всему годовому бюджету республики. Надо признать, что в самый трудный период становления пограничных войск Таджикистана, западная помощь РТ по сравнению с российской носила весьма скромный характер. К примеру, в ответственный период передачи государственной границы в 2004-2006 гг. страны Запада выделили Таджикистану на обустройство афганской границы в общей сложности 12 млн. долларов США. Это примерно по 4 миллиона долларов в год. В то же самое время на охрану таджикско-афганской границы Россия затрачивала ежегодно не менее 30 млн. долларов США¹ и еще на 30-40 млн. долларов ежегодно осуществлялись поставки различных материально-технических средств.

За годы присутствия российских пограничников только в Таджикистане в российских подразделениях границы прошли службу более 50 тысяч граждан РТ, которые получили здесь боевой опыт, освоили воинские профессии, получили возможность изучать русский язык. Поэтому неслучайно бывшие пограничники имеют большой спрос в силовых и правоохранительных структурах РТ.

Другим наглядным показателем высокой эффективности сотрудничества российских и таджикских пограничников является борьба с международными наркокартелями. В годы охраны таджикско-афганской границы российскими пограничниками на долю Республики Таджикистан приходилось до 82% изъятого в центральноазиатских странах СНГ героина.² Более половины задержанных в РТ наркотических средств изымалось именно российскими пограничниками.³

В качестве еще одного положительного примера можно привести и тесное сотрудничество российских и киргизских пограничников. Внешние границы Киргизстана российские пограничники охраняли до 1999 г. Здесь была успешно реализована программа борьбы с транснациональным наркотрафиком «Ошский узел». Тесным сотрудничеством соответствующих структур России, Таджикистана, Киргизии и ООН по контролю за наркотиками памирское направление международного наркотрафика к концу 1990-х гг. было парализовано. После 1999 г. в Киргизии функционирует оперативная пограничная группа российских советников, которые, так же как и в Таджикистане, на уровне командования пограничных войск и пограничных отрядов активно помогают организовывать и планировать оперативно-служебную деятельность, готовить соответствующую документацию, обучают искусству охраны границы рядовой сержантский и офицер-

¹ **Назаршоев Н.М.** Военная история Таджикистана. – Душанбе 2002. – С. 407.

² Обзор наркоситуации в РТ за 2003 г. – Душанбе, 2004. – С. 4-5.

³ Не менее масштабная борьба с наркоконтрабандистами велась российскими пограничниками и в Туркменистане. К примеру, в 1999 г. (в год вывода из Туркменистана российской Оперативной группы) было изъято 4,6 т опия сырца и 240 кг героина, а в 1997 г. при участии российских пограничников была изъята рекордная для СНГ партия героина общим весом 1948 кг.

ский состав. Кроме того, в Киргизии успешно функционируют организованные российскими офицерами ускоренные курсы подготовки младших офицеров границы. За несколько лет здесь было подготовлено более 100 младших офицеров.¹

Все эти годы аналогичная оперативная группа ведет свою эффективную координационную работу и в Казахстане. Узбекистан в вопросах коллективной охраны границ Содружества занимает, к сожалению, пассивную позицию. С самых первых дней независимости эта страна отказалась от тесного взаимодействия со своими коллегами по СНГ. Однако надо признать, что это не мешало при обострении ситуации быстро и эффективно находить точки взаимопонимания. В 1992 г. именно президент Узбекистана Ислам Каримов первым забил тревогу по поводу ситуации в Таджикистане и первым послал на усиление таджикско-афганской границы в помощь российским пограничникам боевые подразделения.

Присутствие в странах Центральной Азии пограничных войск России и ее военных советников способствовало стабилизации военно-политического положения в регионе. При этом охрана границ дружественных России государств осуществлялась на принципах невмешательства в их внутренние дела. Российские пограничники все эти годы служили гарантом стабильности и надежным заслоном распространению очагов напряженности, террористических и вооруженных действий на территории центральноазиатских стран СНГ.² К сожалению, сейчас приходится констатировать, что напряженность на внутренних границах центральноазиатских стран остается неоправданно высокой. Многие участки границы заминированы, а на контрольно-пропускных пунктах установлен зачастую более жесткий режим пропуска, чем на внешних границах. Все это не способствует экономической, культурной и межнациональной интеграции между странами, о жизненной необходимости которой я говорил в начале своего доклада. Внутренние границы фактически разрывают на части единое геополитическое пространство Центральной Азии.

Уже сейчас можно констатировать, что свою основную историческую миссию в Центральной Азии российские пограничники выполнили с честью. Сейчас военная составляющая региональной интеграции отходит на второй план. Теперь остается слово за политиками, экономистами, дипломатами, бизнесменами, деятелям науки и культуры, которые должны закрепить все то, что было защищено военными.

¹ См. подробнее: **Сумароков Л.И.** История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. (Серия: Россия и русские в Центральной Азии). – Бишкек, 2006.

² **Назаршоев Н.М.** Военная история Таджикистана. – Душанбе 2002. – С. 434.

ОСНОВНЫЕ ПРОЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

КАЗАХСТАН И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*М.Ш. Губайдуллина,
докт. истор. наук,
профессор КазНУ им. аль-Фараби,
Алма-Ата*

Мотивация интеграционного процесса. В различных регионах мира тяготение к интеграции приобрело устойчивую тенденцию современного развития. Глобализация резко обострила конкуренцию экономик, что заставляет национальные силы консолидироваться, чтобы не отстать и не остаться вне этого процесса. От адекватного включения стран и народов в процесс интеграции, независимо от различий социально-экономического уровня, политических систем, степени демократизации, различий в культуре, религии и пр. зависит преодоление многих региональных и даже мировых проблем. Приходит осознание не только экономической, социальной, экологической взаимозависимости, но и политической. Доказательством тому служат апробированные интеграционные модели западного типа — ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, их адаптация к меняющимся условиям мирового развития.

Современный **Казахстан** воспринимается во внешнем мире как государство региональной значимости со стабильно развивающейся экономикой и относительно прочными позициями в его многовекторной политике (Россия, Китай, ЕС и др.). На официальном уровне подобное восприятие Казахстана складывается со стороны его южных соседей. Соответственно, Республика Казахстан позиционирует себя на международной арене в качестве регионального государства-лидера, стремящегося выразить интерес к интеграции от имени центральноазиатского региона, идея которой становится все более притягательной.

Казахстанская сторона выступает в качестве иницилирующего начала процессов, которые обозначают как «интеграционные». С одной стороны, стремление государств Центральной Азии в последнее десятилетие включиться в таковой процесс объективно может быть представлено как часть континентального и общемирового интеграционного потока. С другой, интеграционный процесс требует высокой степени взаимозависимости и взаимодополняемости, прежде всего, в социально-экономической сфере, осознания необходимости высокоразвитости межгосударственных, внутрирегиональных отношений.

Вместе с тем, хронологически малый отрезок истории суверенного развития стран Центральной Азии не позволяет говорить о сложившейся

региональной целостности. В отличие от названных выше интеграционно-региональных моделей, постсоветская Центральная Азия развивается и самоутверждается в специфическом временном и пространственном поле и совершенно новых геополитических реалиях. Сложность ситуации, в которой оказались транзитные государства — Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения, заключена в том, что каждое из них в сжатые временные сроки и на усложненно-расширяющемся пространстве Центральной Азии — СНГ — в рамках организационных структур, как ЕврАзЭС, вынуждено выбирать наиболее приемлемые подходы социально-экономического и политического пути развития, форму и содержание межгосударственного сотрудничества, не отрицая и идею региональной интеграции или реинтеграции.

Чтобы не стать объектом эксплуатации со стороны индустриально развитых стран и не воспроизводить отсталость и бедность, для транзитных стран Центральной Азии существует один из возможных выходов в сложившейся ситуации — это путь к углубленной межгосударственной кооперации региона. В той или иной мере осознание такой необходимости приходит к лидерам стран Центральной Азии, каждый из которых имеет собственное видение тесного взаимодействия, но практически каждый апеллирует к собственным национальным интересам и собственным амбициям.

Центральная Азия как регион и как политическое понятие. До настоящего времени остается дискутируемым вопрос о региональных составляющих Центральной Азии, важнейшими из них являются государства-нации, сформированные или формирующиеся. Как известно, в 1993 г. было принято политическое решение отказаться от использования в дальнейшем для пяти среднеазиатских республик термина «Средняя Азия» (Middle Asia) и обозначать регион как «Центральная Азия» (Central Asia). Тем самым, государствам региона был придан не только географический, но также политический смысл центра Евразии.

Вместе с тем, в недавней концепции национальной безопасности США дано определение «Большая Центральная Азия» с включением в нее Афганистана и Индии. Возможно, ежегодное Послание президента Н. Назарбаева народу Казахстана от 2006 г. явилось на то неожиданной реакцией. В нем появляется термин «Средняя Азия» для обозначения одного из внешнеполитических приоритетов страны, ориентированного на усиление «*среднеазиатского*» направления.¹ Неожиданность заключалась в том, что годом раньше, в 2005 г. Послание содержало казахстанскую инициативу по созданию *Союза центральноазиатских государств*.² Инициатива в очередной раз была обращена к нашим соседям заняться интеграцией

¹ **Назарбаев Н.А.** Послание Президента РК народу Казахстана. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. — Астана, 1 марта 2006 г.

² Размышления на эту тему и неоднократные вопросы, обращенные к видным казахстанским экспертам, включая аудиторию конференции КИСИ по обсуждению Послания, не давали однозначного ответа. В конце концов, в политической литературе и лексике употребляются равно оба понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия».

Центральной Азии. «Региональная интеграция Центральной Азии, говорилось в послании, означает путь к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости». Опираясь на мировой опыт, для Центральной Азии предлагается путь к тесной экономической интеграции через общий рынок и общую валюту.¹

Возвращение к термину «Средняя Азия», который в советское время обозначал четыре республики – Узбекистан, Киргизию, Таджикистан и Туркмению несколько дистанцирует от них Казахстан и даже в некоторой степени противопоставляет разноуровневость социально-экономического и политического развития стран, их вес и возможности. К примеру, в Узбекистане, несмотря на общее политическое решение лидеров стран региона называть регион Центральной Азией, остается распространенным советское использование понятия «Средняя Азия и Казахстан». Наоборот, в Таджикистане и Киргизстане склонны к употреблению понятия «Центральная Азия».

Таким образом, терминологически «Центральная Азия» является неустоявшимся понятием. Несмотря на его двоякое употребление, регион реально существует и утверждается.

Двусторонний и многосторонний процесс выстраивания отношений между государствами Центральной Азии на протяжении более пятнадцати лет неоднозначен и противоречив. В комплексе воздействуют здесь как внутренние, так и внешние факторы. Первое десятилетие постсоветского развития уверенно можно назвать периодом *от распада к единению*, когда становление суверенных государств сопровождалось центробежными тенденциями, вызванными антиимперским синдромом на СССР/Россию, и кризисом всей системы народного хозяйства.

С целью предотвращения неизбежной экономической катастрофы тогдашнего единого государства летом 1991 г. Н. Назарбаев предложил обновить СССР и сформировать государство под названием Союз Суверенных Государств. В основе новой государственности предполагалось создание единого экономического пространства с рыночными отношениями, а по форме организации этого государства оно могло быть конфедерацией или федерацией.

Идея реинтеграции была принята российской стороной. Действительно, в ходе рабочего визита президента России Б.Ельцина в Казахстан 17-18 августа 1991 г. были приняты совместные Заявления «О гарантиях стабильности Союза Суверенных Государств» и «О едином экономическом пространстве». Далее предполагалось разработать и подписать Договор о Союзе Суверенных Государств, заключить Экономический Союз и учредить межреспубликанский Экономический совет. Это были первые документы, свидетельствовавшие о необходимости реформирования СССР и модернизации его экономической основы и политической надстройки.

¹ **Назарбаев Н.А.** Послание Президента РК народу Казахстана. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. – Астана, 25 февраля 2005 г.

Таким образом, идея сохранить интеграционное объединение 12-ти республик в новых условиях и по-новому была присуща и Б.Ельцину, и Н.Назарбаеву, политикам, в действиях которых тогда был еще силен синдром социализма.

Противоречие между действиями и помыслами отдельных политиков вскоре неизбежно привело к кризису: в Москве начался августовский путч, он фактически перечеркнул начинания по постепенному и обдуманному обустройству нового сообщества. Более того, зимой того же года одержали верх явно центробежные устремления к обособлению друг от друга и формированию славянского и тюркского союзов.

Важно, что, несмотря на демонстративное дистанцирование республик бывшего Союза друг от друга, в Алма-атинской Декларации по созданию «на равноправных началах» Содружества Независимых Государств подтверждается «приверженность сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков». Но при этом СНГ не являлось ни государством, ни надгосударственным образованием¹ — еще одна форма реинтеграционного процесса, в рамках которого возникали и возникают союзные и интеграционные проекты.²

Еще одно противоречие в данном документе включено в положение по обеспечению безопасности совместными усилиями на пространстве СНГ и общей обороны (как стратегическая задача). Но при этом страны бывшего СССР (за исключением Балтии и Грузии) демонстративно заявили о «стремлении к достижению статуса безъядерного и/или нейтрального государства».³ Казахстан стал безъядерным государством, а Туркмения выбрала вечный нейтралитет.

Тенденция 1991 г. с выраженными центробежными настроениями, которые колебались в сторону национального оформления суверенных государств и одновременно центростремительными — в сторону создания единого интеграционного пространства, характеризует развитие постсоветского объединения СНГ, куда были втянуты центральноазиатские государства. Межгосударственные отношения регулируются в соответствии с нормативными документами, создаваемыми на межправительственной основе. Поэтому принимать СНГ за интеграционное объединение не приходится.

¹ Данное Заявление, скорее всего, явилось причиной того, что США официально не признают в международно-правовом отношении СНГ и не вступают с ним в сношения. Политические и экономические отношения с постсоветскими государствами США строят исключительно на двусторонней основе или соответственно в рамках международных организаций: ООН, ОБСЕ, НАТО, МВФ, ОЭС и др.

² Алма-атинская декларация от 21 декабря 1991 г. //Сборник документов по международному праву. — Алма-Ата, 1998. — С. 104.

³ Алма-атинская декларация от 21 декабря 1991 г. //Сборник документов по международному праву. — Алма-Ата, 1998. — С. 104.

Оценивая соотношение между центробежными и центростремительными тенденциями, их следует рассматривать в комплексе взаимозависимых проблем — экономики, политики и безопасности.

В этом контексте *вновь о проекте ЕАС. Идея Евразийского союза* предложена не случайно. На фоне ярко выраженного желания большинства государств СНГ быстро войти в Большую Европу или Большую Азию, привело к дистанцированию их друг от друга и естественно, любая интеграционная идея не получила одобрения ни на одном уровне общественных предпочтений. Политические коллизии в государствах Содружества, стремление к быстрой интеграции с Западом или Востоком, надежда на помощь дальнего зарубежья заслоняли необходимость сохранения уже имеющихся и отработанных десятилетиями хозяйственных связей. Такой подход тормозил процессы в самом СНГ, усугубил экономические проблемы, породил широкое недовольство населения быстрым и необдуманым разрывом отношений.

Одной из ошибок методологического характера прошлых лет явилось противопоставление понятий «национальное государство» и «интеграция». Они рассматривались как несовместимые. На это нацеливали и эйфория суверенитета, и внутривнутриполитические проблемы. Однако экономическая ситуация, а затем и постепенное изменение сознания привели к необходимости пересмотра отношения к проблеме дальнейшего развития постсоветского пространства. Так, к середине 1990-х гг. встала острая необходимость в концепции, которая бы целостно и реалистично представила перспективы развития постсоветского пространства. Было заявлено о неотъемлемости базовых принципов: «равноправия и ответственности; обязательного соблюдения принятых межгосударственных соглашений; взаимного признания сложившихся государственно-политических институтов стран СНГ; признания территориальной целостности и нерушимости границ; отказа от экономического, политического и иных форм давления в межгосударственных отношениях; прекращения военных действий между собой».¹

Идея Н.Назарбаева о создании нового объединения из стран-участниц СНГ — Евразийского Союза (ЕАС), впервые озвученная им 29 марта 1994 г. в лекции перед преподавателями и студентами МГУ, стала логическим развитием интеграционных инициатив со стороны Казахстана. Уже 3 июня того же года «Проект о формировании Евразийского Союза Государств» был направлен главам государств СНГ.²

Первоначальные отклики в прессе, а затем дискуссия вокруг идеи ЕАС приобрела качественно новое значение. Идея ускорила и политическую кристаллизацию в отношении дилеммы — дальнейшая дезинтеграция

¹ См.: **Ахмеджанов А., Султангалиева А.** Идея Евразийского Союза для СНГ и Казахстана // Казахстан и мировое сообщество. — Алма-Ата, 1995. — № 12. — С.25.

² Проект «О формировании Евразийского Союза Государств»// Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. — Алма-Ата, 1994.

или реинтеграция. Именно так был поставлен вопрос на состоявшемся 14 июня 1994 г. круглом столе «Перспективы евразийской интеграции», организованном парламентской фракцией Партии Российского Единства и Согласия и Дипломатической Академией МИД России. Кроме того, 5 июля 1994 г. Государственная Дума РФ провела слушания «О возникновении Содружества Независимых Государств, его нынешнем состоянии и перспективах развития». Отмечалось, что ЕАС — наиболее разработанная и обоснованная из предложенных на сегодня интеграционных идей, отвечающая чаяниям большинства населения СНГ.

Создание Евразийского союза отвечало интересам как России, так и Казахстана, двум евразийским государствам. В отличие от России Казахстан все же занимает двойственное положение в системе международных отношений. С одной стороны, он принадлежит к тюркоязычному миру: его исторические корни и психологические особенности национального духа, религиозная общность с исламскими государствами, обуславливают принадлежность к Востоку. С другой стороны, и одновременно, европринадлежность Казахстана обусловлена светским характером государства и такими факторами, как географический, исторический, демографический, политический. Актуальность европейского начала во внешнеполитических ориентирах Казахстана, тем самым, объективно предопределена.

В то же время казахстанская внешняя политика действует не в отрыве от центральноазиатского региона, она тяготеет к многополюсной ориентации. Об интеграции заявлялось как о многоярусном и разноскоростном процессе в рамках СНГ. Данный процесс представлен следующим образом: Казахстан продолжает взаимодействовать с СНГ, развивая проект ЕАС, и участвуя в создании новых интегрированных структур, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Центральноазиатский союз (ЦАС).

Исходя из того, что аморфность и недееспособность СНГ не позволяют реализовать имеющийся интеграционный потенциал, и возникла необходимость перехода на новый уровень интеграции. Проект ЕАС, ссылаясь на мировую практику, обосновывает цель интеграции: «Только при коллективных усилиях транзитные общества в состоянии осуществить успешную модернизацию. В то же время мы видим, что продолжающиеся попытки решить эти задачи отдельными странами СНГ в одиночку по-прежнему безуспешны. Они останутся таковыми до реализации экономической интеграции на новых условиях».¹

Обратим внимание на важное положение проекта «О формировании ЕАС», где ясно обозначена необходимость сочетать экономический суверенитет и экономическую интеграцию, где на основе национально-государственного строительства возможно развитие межгосударственного интеграционного процесса. Проект ЕАС впервые предусматривал создание наднациональных органов наряду с межправительственными: Совет глав госу-

¹ Проект «О формировании Евразийского Союза Государств»// Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. — Алма-Ата, 1994.

дарств и глав правительств ЕАС (высший орган политического руководства ЕАС), Парламент ЕАС (высший консультативно-совещательный орган ЕАС), Совет министров иностранных дел ЕАС, Межгосударственный исполнительный комитет ЕАС, Совет по вопросам образования, культуры, науки. Согласно проекту, при изменении страны проживания в рамках ЕАС индивид по желанию автоматически получает гражданство другой страны.

С целью создания единого экономического пространства проект предлагал формирование ряда наднациональных координирующих структур: Комиссию по экономике при Совете глав государств, Комиссию по сырьевым ресурсам стран-экспортеров ЕАС, Фонд по дела экономического и технического сотрудничества, комиссию по межгосударственным финансово-промышленным группам и совместным предприятиям, Комиссию по вводу расчетной (переводной) денежной единицы. Даже в сфере обороны предлагались совместные действия по укреплению национальных Вооруженных сил стран-членов ЕАС и охране внешних границ, и как следствие, создание единого оборонного пространства, формирование коллективных миротворческих сил ЕАС, создание межгосударственного совета по проблемам ядерного оружия.¹

Анализируя проект ЕАС, можно прийти к выводу, что речь идет, по сути, о стратегическом курсе взаимоотношений государств Центральной Азии с Россией и другими бывшими советскими республиками, о будущем взаимоотношений азиатской и европейской части постсоветского пространства, о принципах и геополитических контурах этих взаимоотношений. Сама идея создания ЕАС во многом аналогична успешно действующей интеграционной организации – Европейского Сообщества.

Действительно, на постсоветской территории апробирован запуск нескольких разноскоростных интеграционных объединений – СНГ, ЦАС, Договор «4+N», Договор «О союзе Беларуси и России», ЕврАзЭС. Ни одно из них пока не имеет завершеного оформления, но имеется опыт, преимущественно в виде негативных уроков, которые следует иметь в виду в будущем. Остается открытым вопрос о том, какова же наиболее приемлемая форма регионального углубленного сотрудничества для стран Центральной Азии, та, что могла бы быть «мостом» для интеграции – Евразийский (ЕАС) или Центральноазиатский союз (ЦАС).

ЦАС можно рассматривать как один из этапов последовательного сближения стран Центральной Азии. ЦАС является на настоящий момент единственным союзом, который создавался непосредственно самими государствами Центральной Азии. Одним из примеров осознания экономической целесообразности и региональной общности лидерами центральноазиатских государств была попытка создания Единого экономического пространства (ЕЭП). Договор о создании ЕЭП между Казахстаном и Узбе-

¹ Проект ЕАС имеет немало схожих пунктов и элементов логического развития интеграции с интеграционным проектом Пан-Европы, который предложила группа европейцев во главе с князем Р.Куденхове-Калерги в 1920-е гг. и который серьезно обсуждался в Лиге Наций. Уже после второй мировой войны панъевропейский проект лег в основу современного ЕС.

кистаном, затем присоединение к нему Киргизстана положило начало первому региональному объединению (1994 г.).¹ Таджикистан после восстановления мира в стране в 1998 г. также присоединился к Договору.

Государства Центральной Азии, имея исключительно важное геостратегическое положение в Азии, могут совместно использовать важнейшие наземные, воздушные, водные коммуникационные линии, пролегающие через их страны. Огромные запасы энергетических (минеральных) и водных ресурсов, запасы рудно-металлургического сырья, драгоценных металлов, сельскохозяйственные ресурсы и т.д. уникальны и пользуются большим спросом в мире и представляют собой стратегический потенциал региона.

Сближающей, а в будущем интеграционной основой, должна выступить осознанная необходимость широкого и всестороннего развития торгово-экономического и кооперационного сотрудничества, в перспективе – создание самодостаточного и защищенного общего рынка. К этому подталкивает потребность в совместной поддержке отечественных товаропроизводителей, создании равных условий для предпринимательской деятельности на едином экономическом пространстве.

Опыт ЕС показывает, что только общие усилия позволяют обеспечить их переработку и транспортировку на мировой рынок. Только общие усилия позволяют преодолеть разногласия, и даже конфликты между государствами Центральной Азии. Понимая это, в Договор о ЕЭП были заложены основополагающие принципы четырех свобод общего рынка: свободное перемещение товаров, капиталов, услуг, рабочей силы. Соответственно, согласовывалась общая политика бюджетная, налоговая, ценовая, таможенная и валютная политика государств-участников. В качестве важного элемента в создании ЕЭП легли общепризнанные принципы равноправия, взаимовыгодности и свободной конкуренции.²

Казалось, процесс пошел в интеграционном направлении, аналогичном тому, что развивался в 1950-е гг. в Европе. Была начата его институционализация, официально называвшаяся интеграцией. Об этом свидетельствует принятая «Программа экономической интеграции на 1995-2000 гг.». Говорилось о практическом региональном сотрудничестве и стремлении его укреплять в политической и военной областях.³

¹ Договор о ЕЭП, подписанный в Чолпон-Ате, на удивление быстро ратифицировали парламенты Казахстана, Узбекистана, Киргизстана. Был заложен фундамент экономического сближения трех Центральноазиатских государств.

² Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан, 30 апреля 1994 г.// Казахстан и мировое сообщество. – Алма-Ата, 1996. – № 3. – С. 89-93.

³ Об этом свидетельствуют, прежде всего: Соглашение об учреждении Центральноазиатского банка сотрудничества и развития, Алма-Ата, 1994 г.; Договор о вечной дружбе между Казахстаном, Киргизстаном и Узбекистаном, Бишкек, 1997 г.; Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, трансграничной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности, Ташкент, 2000 г.

Однако принимавшиеся решения исходили чаще всего от глав государств в зависимости от возникавшей политической или экономической ситуации, т.е. нередко спонтанно. Более того, между участниками ЦАС выявились серьезные расхождения в понимании будущего интеграционного процесса на постсоветском пространстве, в частности о перспективах ЕАС и уже к тому времени подписанному договору «4+N». Так, на саммите президентов ЦАС 6 мая 1996 г. в Бишкеке президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, касаясь перспектив вступления Узбекистана в договора «4+N» и стыковки последнего с трехсторонним центральноазиатским соглашением, сказал, что уважая выбор Казахстана и Киргизстана в пользу «4+N», Узбекистан отказывается от участия в этом договоре. Последнее обстоятельство, по мнению И. Каримова, никоим образом не мешает развитию отношений между тремя странами и интеграции.¹

От ЦАС к ЦАЭС и ОЦАС. Тем не менее, в 1998 г. после присоединения к Договору о создании ЕЭП Таджикистана, «четверка» Центральноазиатских государств образовала Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС).

Целесообразность ведения единой политики по использованию водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ, согласование затрат на ремонт межреспубликанских водохозяйственных объектов подтверждалась специальным соглашением.²

Казахстанская сторона уже видит некоторые позитивные результаты, о которых пишет Н. Исингарин. Это использование межгосударственных автомобильных дорог и железнодорожного транспорта, обеспечение транзита грузов для выхода на рынки третьих стран; строительство национальных сегментов волоконно-оптической линии связи Транс-Азия-Европа (ТАЕ); разработка проекта совместного использования искусственных спутников Земли для обмена телевизионными и радиопрограммами и др.³

Чрезвычайно осторожное отношение со стороны руководителя Узбекистана И. Каримова привело к ослаблению центральноазиатской интеграционной линии между участниками ЦАС. Узбекская сторона довольно критично оценивает деятельность ЦАЭС. В 2002 г. узбекский лидер И. Каримов заявлял, что «за время своего существования Центральноазиатское сообщество приняло 254 документа, большинство из них не работает», а общий центральноазиатский рынок во многом остается благим пожеланием, и государства региона пока объединяет только внешняя угроза, а это достаточно зыбкая база для интеграционных процессов.⁴

¹ Панорама. — Алма-Ата, 1996. — № 18. — С.2.

² Рамочное соглашение между Казахстаном, Киргизстаном, Узбекистаном и Таджикистаном о совместном и комплексном использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинских водохранилищ и Токтогульского гидроузла. 17 марта 1998 г.//Казахстанская правда. Астана, 1998. — 20 марта.

³ **Исингарин Н.** 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. — Алма-Ата: ОФ «БИС». — 2001. — С. 219-220.

⁴ Российская бизнес-газета. — М., 2001. — 10 января; Известия. — М., 2001. — 17 января.

Саммиты ЦАЭС демонстрировали противоречивость интеграционных ожиданий его участников, даже несмотря на институциональную трансформацию — создание в феврале 2002 г. Организации центрально-азиатского сотрудничества (ОЦАС), ситуация мало изменилась. Указывая на слабую эффективность ЦАЭС, И. Каримов указывал на причину — нахождение стран региона на разных стадиях как экономического, так и политического развития.¹

Оптимистичную ноту в развитие центральноазиатского сотрудничества внесла Россия. В 2004 г. на Душанбинском саммите государств ЦАС она стала ее полноправным членом. Президент В. Путин выразил надежду на то, что «ЦАС может и должна стать одной из надежных опор в формировании эффективной системы обеспечения стабильности и экономического сотрудничества в регионе, причем в координации с другими *интеграционными структурами, такими, как ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС*» (курсив мой — М.Г.).² Несколько позже, в 2005 г. на саммите в Санкт-Петербурге ЦАС вошла в ЕврАзЭС.

Частые высказывания на самом высоком уровне об интеграции и интеграционных структурах, которые таковыми по сути не являются (ШОС, ОДКБ), нивелируют это понятие и сам процесс. Практически заморожено формирование нормативно-правовой базы для создания единого экономического пространства; в торговле между республиками не отменено тарифное регулирование, не унифицированы торговые режимы с третьими странами. Серьезной проблемой остается обеспечение взаимной конвертации валют, существует ряд нерешенных проблем, связанных с несогласованностью налогового регулирования. Не получили развития такие перспективные формы совместного ведения крупного бизнеса, как финансово-промышленные ассоциации и группы. Все это говорит не в пользу интеграции.

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), пожалуй, та структура, которая способна стать форматом для тесной кооперации и базой для практической реализации интеграционных идей.

Прежде всего, стоит задача по созданию единого торгового пространства для товаров, произведенных в государствах-участниках ЕврАзЭС, что позволит производителям избежать дополнительных налогов.

Решение следующей задачи — формирование Таможенного союза по схеме: Россия + Казахстан + Беларусь, а затем вхождение Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, не позволяет даже определить сроки создания Таможенного союза из-за возникающих между государствами-участниками принципиальных разногласий.

Таможенный союз — это объективная необходимость, в его рамках могут быть созданы условия постепенного перехода к интеграции умерен-

¹ Известия-Казахстан. — Алма-Ата, 2004. — 18 марта.

² ИТАР-ТАСС. — М., 2004. — 18 октября.

ного характера, которая позволила бы реально создать единое экономическое пространство и обеспечить свободное перемещение в пределах общей таможенной территории товаров и капиталов.

Как известно, в Европе общий рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы, благоприятные условия труда, унифицированное законодательство и т.п. создавались через этапы режима свободной торговли, единой таможенной территории и другие мероприятия, что вполне реально в рамках ЕврАзЭС.

Поскольку интеграция центральноазиатских государств сошла на нет, Казахстан пошел на реабилитацию более тесных отношений со славянскими государствами.

При содействии Казахстана и России в 2001 г. сформировано Евразийское экономическое сообщество интеграционного типа, куда вошли центральноазиатские и славянские республики. Все они в совокупности составляют более 90 процентов от общей экономики СНГ. При Межгосударственном Совете ЕврАзЭС функционирует Комиссия Постоянных представителей, где казахстанский представитель назначается и освобождается от должности Указом Президента РК.¹ В настоящее время Комиссия приближена по статусу к наднациональной структуре, она принимает экономические и финансовые решения, не должны противоречить национальным интересам участников ЕврАзЭС.

В декабре 2003 г. президенты Казахстана, России, Белоруссии и Украины подписали комплекс мер по формированию Единого экономического пространства четырех стран. Итак, с одной стороны, Казахстан политически сближается с тремя славянскими государствами. С другой стороны, происходит инфраструктурное сближение Казахстана и Киргизстана. В последний год объемы казахстанских инвестиций в экономику Киргизстана составляют порядка 60% от общего внешнего потока. Казахстан готов оказать вложение 100 млн. долларов в экономику соседа, заявил также о намерении инвестировать в строительство Камбаратинских ГЭС-1 и ГЭС-2. Президенты Н. Назарбаев и К. Бакиев учредили два высших наднациональных государственных органа — Высший межгосударственный Совет Казахстана и Киргизстана и Совет министров иностранных дел двух стран. Становясь все больше центром притяжения для стран региона, Казахстан заявляет о создании Союза Центральноазиатских государств, что, в общем и целом, не расходится с принципами ЕврАзЭС. Хотя отметим, политика ЕврАзЭС продиктована исключительно волей президентов. Происходит движение в сторону расширения интеграционного поля, и видится его продолжение в рамках Евразийского Экономического Сообщества.

Таким образом, в течение относительно недолгого исторического отрезка государствами постсоветского пространства было инициировано

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 11 октября 2001 года N 701. Об утверждении Положения о Постоянном представителе Республики Казахстан при Евразийском экономическом сообществе// Казахстанская правда. — Астана, 2001. — 20 октября.

несколько интеграционных проектов, некоторые из них были апробированы в многосторонних форматах. Казахстан остается наиболее **активным участником интеграционных процессов на Евразийском пространстве**. Но, как показывает практика, двустороннее сотрудничество на сегодняшний день остается наиболее эффективной формой достижения согласия и реализации намеченных целей. Реальная же интеграция Центральноазиатского региона остается в далекой перспективе. Эффективному сотрудничеству мешает ряд серьезных проблем, преодоление которых возможно исключительно совместными усилиями.

1. Нерешенный вопрос о водопользовании. Решение его приведет к устойчивому развитию региона, поскольку от воды и ее распределения зависит социально-экономическое благополучие республик Центральной Азии.

2. Надежное энергообеспечение региона и восстановление энергетических связей. В течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Киргизстана, и газоснабжения, в котором основными поставщиками были Узбекистан и Туркмения.

3. Развитие транспортной инфраструктуры, основанное на прочном фундаменте экономической и политической целесообразности (экспортные нефтегазовые трубопроводы, евроазиатские железнодорожные и автомагистрали). Решение проблемы по созданию единой транспортно-коммуникационной системы региона, совместном использовании транзитного потенциала, который заметно возрос с завершением строительства Трансазиатской магистрали.

4. Однотипность экономик стран Центральной Азии – преимущественно сырьевая их направленность мешает саморазвитию региона. Достичь тесного уровня кооперации между сырьевыми экономиками и технологической отсталости не просто из-за отсутствия взаимодополняемости, необходим прорыв в сторону модернизации экономик, как того требует наступивший XXI в.

5. Регион Центральной Азии серьезно ослаб в плане экологической устойчивости, техногенная и человеческая деятельность, направленная на окружающую среду, существенно подорвали возможности ее воспроизводства. Вследствие этого возросли природные угрозы, а учитывая высокую сейсмичность, селеопасность региона, требуется единство действий стран Центральной Азии в данном направлении.

6. Проблема восстановления нормально сосуществующих рядом народов Центральной Азии, что является предпосылкой осознания их принадлежности к общему региону Центральной Азии, формирования центральноазиатской идентичности.

Исторически и традиционно предпосылка для сближения и взаимодействия народов Центральной Азии есть – это общность разных наро-

дов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи, разрывать и обострять которые было бы ошибкой.

7. Реалии дня выдвинули на первый план угрозы, связанные с распространением международного терроризма, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами безопасности. Интегрирующим фактором сегодня выступает необходимость консолидации усилий государств Центральной Азии для обеспечения национальной и региональной безопасности и противодействия глобальным вызовам и угрозам современности.

Перечислены лишь главные причины в пользу сближения и регионального взаимодействия стран и народов Центральной Азии.

Перспективы интеграции стран Центральной Азии: выводы.

Анализ проектов интеграции, куда вовлечены центральноазиатские государства, позволяет прийти к следующим выводам и обозначить некоторые перспективы:

1. Необходимо четкое выделение ядра интеграции, которое должны составить страны, достаточно близкие по типу экономических трансформаций и по уровню жизни.

2. Самая большая опасность реальной интеграции – это декларативные призывы, а тем более попытки силовой реинтеграции. Опыт эффективной интеграции в XXI в. – это, прежде всего, рычаги экономического и культурного влияния.

3. Необходимы ясная стратегия и практические цели, достаточные для разумной реализации – единое экономическое пространство, Таможенный союз, общий рынок, в смысле отсутствия любых технических и налоговых границ, ставящих барьер свободному движению товаров, капитала, рабочей силы. Ближайшая перспектива – это участие стран Центральной Азии в ЕврАзЭС.

4. Условием реальной интеграции является признание во внешней политике государств Центральной Азии в качестве приоритетного направления более тесной кооперации в двух- и многостороннем формате с элементами наднациональности.

5. Ключевым условием к интеграции является признание сложившихся политических систем, политических институтов государств Центральной Азии, а ключевым принципом – признание единства в многообразии (форм правления, народов и этносов, населяющих регион, языков и пр.).

6. Конструктивное условие интеграции – это однозначное признание территориальной целостности и сложившихся границ в соответствии с принципами международного права. Кроме того, интеграция, которая не будет базироваться на принципе равенства и добровольности, будущего не имеет.

7. Будущее не детерминировано, объективные закономерности взаимоотношений связаны с деятельностью конкретных личностей и преломляются через них. Очень многое зависит от осознания и готовности элит Центральной Азии принять интеграционную идею за данность, от того, смогут ли они поставить наднациональные интересы выше личных амбиций, вырасти для большего участия и ответственности.

8. Интеграция – это небеспроблемный процесс, требующий времени, осмысления, опыта, накопленных ошибок и их разумного преодоления. Скорее всего потребуется двух- или разностепенная и многоступенчатая интеграция при формировании своеобразных «интеграционных центров».

9. Для дальнейшего продвижения интеграционной идеи и проектов можно и необходимо использовать подтвержденный практикой опыт развития Европейского Союза, не отбрасывая уроки истории сосуществования республик Центральной Азии.

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЗА И ПРОТИВ

*Г.М. Майтдинова,
докт. ист. наук, профессор кафедры
международных отношений Российско-
Таджикского Славянского университета,
директор Центра геополитических
исследований РТСУ*

Новые государства Центральной Азии вступили в XXI в. как полноправные субъекты геополитики, которые с учетом своих национальных интересов уже обозначили свою геостратегию на ближайшие десятилетия. В этих государствах уже произошел разрыв с советской моделью развития, но все еще продолжается процесс становления национальной государственности. Очевидно, что в Центральной Азии сейчас формируется новая система международных отношений. Эти преобразования в регионе схожи с теми процессами, которые происходили в Европе в момент становления Вестфальской системы международных отношений: становление государств на национальной основе, выработка новых принципов межгосударственных отношений, проблемы межгосударственных границ и пр.¹

В регионе усилилось геополитическое соперничество внешних акторов: Россия, Китай, США, Евросоюз, Иран, Турция, Пакистан стремятся использовать свои внутренние и внешние ресурсы для закрепления в регионе. В то же время, активизировавшееся сотрудничество великих государств Евразии — России, Китая и Индии — создает на континенте качественно новую геополитическую реальность. Позициям США в Центральной и Южной Азии теперь серьезно грозит сближение «большой континентальной тройки» — Китая, Индии, Пакистана. Давние соперники Индия и Пакистан стали наблюдателями в ШОС. В Европе и в Америке не могут не обращать внимание на укрепление этого нового геополитического клуба, в составе которого в перспективе могут оказаться сразу четыре ядерные державы — Россия, Китай, Индия и Пакистан. Учитывая позитивный потенциал ШОС, Евросоюз начал налаживать отношения с этой организацией.

Между тем процесс глобализации требует определенной региональной интеграции, в рамках которой можно было бы общими усилиями противостоять современным угрозам и вызовам в мире. Постсоветские государства Центральной Азии участвуют в целом ряде интеграционных объединений — это СНГ, ГУАМ, ОДКБ СНГ, ЕврАзЭС, ШОС. В то же время, здесь все еще актуализируются проекты интеграции тюркского, иранского, исламского миров, США предлагается проект Большой Центральной Азии.

¹ Само понятие «Центральная Азия» в экспертном сообществе все более меняет свое содержание: к классическому его содержанию склоняются все больше экспертов, понимающих, что регион в реальности охватывает не только постсоветское среднеазиатское пространство, но и включает в себе территории Афганистана, северо-восток Ирана, северо-запад Пакистана, Северную Индию, Западный Китай, Западную Монголию.

За каждой из моделей интеграции стоят определенные геополитические силы и попытки реализации стратегических схем построения систем международных отношений на XXI в. И если в 1990-х гг. модели интеграции охватывали государства в основном только постсоветского пространства региона, то теперь ощутимо все большее стремление к укреплению геополитической целостности Центральной Азии и пример тому — ШОС, которая включает в качестве членов и наблюдателей почти все государства региона. И эта модель интеграции Центральной Азии наиболее перспективна, хотя у ШОС имеется множество проблем, среди которых наиболее важными являются неотработанность механизмов реализации принятых проектов, а главное — невыработанность критериев приема новых членов, отсутствие среднесрочной и долгосрочных перспектив развития организации. Тем не менее, представляется, что именно фактор ШОС в перспективе будет легитимно в наибольшей степени влиять на геополитические процессы в Азии.

Если проанализировать каждую из предлагаемых моделей центральноазиатской интеграции — будь то иранская или тюркская интеграции, зиждящиеся на этнокультурной основе, американская БЦА, или идея Н.А. Назарбаева о создании центральноазиатского союза, то каждая из схем, предлагая интеграцию отдельного набора государств региона, не дает реального укрепления единого интегрированного пространства Центральной Азии и не способствует геополитической целостности региона.

Идея создания Великого Турана — идея союза тюркоязычных народов сейчас не столь актуальна, как например в 1990-х гг., когда только-только начался процесс становления национальных государств в регионе и в воздухе витали различные возрожденные идеи из прошлого. У всех тюркоязычных государств Центральной Азии в настоящее время прагматические экономические цели во внешней политике превалируют над идеологическими и этническими. Кроме того, на официальном уровне проблема тюркской интеграции никогда и не рассматривалась новыми тюркскими государствами региона — ни с Турцией, ни с Азербайджаном, ни, тем более, с тюркоязычными автономиями в составе других государств. В самом тюркском мире нет единства взглядов на центральноазиатскую интеграцию, а два крупных государства тюркского мира — Казахстан и Узбекистан — претендуют на роль регионального центра силы и между ними усиливается соперничество, кроме того, оба государства имеют совершенно разные точки зрения на центральноазиатскую интеграцию. Уже вроде бы заложен фундамент казахско-киргизского союза, а позиция Узбекистана по центральноазиатской интеграции больше совпадает с позицией представителя иранского мира — Таджикистана, полагающего необходимым углублять сотрудничество в рамках существующих интеграционных объединений. Туркменистану все еще предстоит определить свои позиции по этому вопросу.

Что касается иранской модели интеграции, то есть, конечно, определенные перспективы для геополитической интеграции Таджикистана,

Афганистана и Ирана. Это географическая близость, общие этнические корни, родство культур и т.д. Вместе с тем, эти государства имеют в настоящее время слишком разновекторные внешнеполитические приоритеты. Иран в большей мере ориентирован на исламский мир, и в его приоритетах преобладают интересы в Западной Азии, нежели в Центральной. Хотя ощутимо и стремление к укреплению связей с Таджикистаном, и заметно усиливается влияние Ирана в Афганистане. Американский фактор во внешней политике Афганистана занимает преобладающее место, хотя отношения с региональными государствами достаточно стабильны. Кроме того, внутренняя нестабильность в Афганистане пока не способствует его более тесной интеграции с любыми соседними государствами. Страна децентрализована, отдельные провинции превратились в самостоятельные политические структуры. Внутри Афганистана, особенно в южных и юго-западных провинциях, существуют сепаратистские тенденции, далеки от решения проблемы афгано-пакистанской границы, что само по себе может привести к серьезным изменениям в ситуации в регионе. В период, когда происходит становление новых подсистем международных отношений в различных регионах евразийского пространства, когда речь идет о признании целого ряда непризнанных государств (Косово, Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье), процессы в Центральной Азии, видимо, не исключение. Например, с конца прошлого века в Европе «происходит реальная геополитическая революция», то есть происходит передел границ. Нельзя исключать возможности фрагментации Афганистана на ряд новых государственных образований и уже имеется прецедент самопровозглашения Вазиристана. Все эти факторы могут серьезно сказаться на региональной стабильности. Тенденции к интеграции Таджикистана с иранским миром существуют, но реалии таковы, что при всей разновекторности своей внешней политики Таджикистан считает приоритетным сотрудничество со своим стратегическим партнером Россией и государствами — членами интеграционных объединений, возникших в постсоветский период. Таким образом, в настоящее время пока преждевременно говорить о единой иранской геополитической интеграции.

С подачи американского политолога Фредерика Старра в экспертный обиход было введено новое понятие — Большая Центральная Азия, — под которым понимается пространство постсоветских государств, Афганистан, Пакистан. Подразумевается, что на этом пространстве должна быть создана организация Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА), способная привлечь в дальнейшем Индию, Турцию, то есть, эта интеграция должна выйти далеко за географические рамки сегодняшней Центральной Азии. В ходе визита К. Райс в Киргизстане, Таджикистане, Казахстане, Афганистане обсуждались вопросы заключения регионального соглашения о торговле. Фактически речь идет о постепенном снятии законодательных и налоговых барьеров между странами Среднего и Ближнего Востока (в этом регионе речь идет только о Турции). США пытаются создать экономическую и политическую альтернативу таким структу-

рам, как ШОС и ЕврАзЭС, дабы исключить влияние на регион России и Китая. На наш взгляд, вышеуказанные экономические и политические задачи уже пытаются решать в рамках ШОС государства-члены и наблюдатели. Проект же ПБЦА, продиктованный геополитическими интересами США, не находит большой поддержки у государств Центральной Азии.

Сейчас в политических кругах широко обсуждается интеграционная инициатива казахстанского президента Н.С. Назарбаева о создании Союза центральноазиатских государств. Идея создания нового интеграционного регионального объединения впервые была озвучена во время визита Назарбаева в Бишкек 26 апреля 2007 г. Углубление отношений с Киргизией — это реализация курса Казахстана на региональную интеграцию. Назарбаев неоднократно предлагал создать единое экономическое пространство по модели Евросоюза, в которое, кроме Казахстана, вошли бы Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Но ясно, что фактическая реализация любых интеграционных проектов в центральноазиатском регионе будет тормозиться из-за множества нерешенных межгосударственных проблем, из-за взаимного недоверия и конкуренции, в первую очередь, между Казахстаном и Узбекистаном, который также претендует на лидерство в регионе. Кроме того, экономический и политический вес центральноазиатских стран несопоставим, вследствие чего лидером, видимо, будет Казахстан. Это будет вести к частичному ограничению суверенитета интегрирующихся государств. Успешное экономическое развитие Казахстана в последние годы дает возможность казахстанскому капиталу проводить политику экономической экспансии в отношении более слабых экономически соседей. Казахские бизнес-структуры активно приобретают собственность в Киргизстане, Таджикистане и даже Узбекистане. Только в Таджикистане казахский бизнес осваивает добычу серебра и свинца, старается внедриться в цементную и пищевую промышленность, в энергетику. В СМИ циркулирует информация о том, что казахские банкиры скупают акции таджикских банков.

В случае реализации такого рода интеграционного проекта — через экономическую составляющую — у Казахстана появится возможность влиять и на политическую ситуацию не только в инвестируемых государствах, но и в регионе в целом. Астана получит дополнительные возможности для влияния и на Узбекистан, используя зависимость последнего от водных ресурсов, которые поставляются из Киргизстана и Таджикистана.

Но проблема в том, что пока не сформулированы как основополагающие те общие принципы, на которых могли бы объединиться государства Центральной Азии. В Ферганской долине не достигнуты окончательные договоренности между Киргизстаном, Узбекистаном и Таджикистаном по государственным границам. Имеются противоречия между Узбекистаном и Туркменистаном по пограничным вопросам и полезным ископаемым. Киргизским парламентом до сих пор не ратифицирован договор с Казахстаном о государственной границе. Между тем борьба за контроль

над водно-энергетическими ресурсами, соперничество внешних акторов за ресурсы становится только ожесточеннее.

В целом государства Центральной Азии еще не готовы к региональной интеграции из-за того, что национальные государства все еще находятся на этапе своего становления, политические элиты не готовы к полноценной интеграции.

Интерес крупнейших держав к региональным ресурсам вызывает усиление соперничества, что отчетливо отражается на предлагаемых моделях интеграции. Важное место здесь занимает вопрос углеводородных ресурсов и конкуренции по вопросу их транспортировки на мировые рынки. В настоящее время вопрос о присоединении Казахстана к трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан юридически уже оформлен и началась практическая реализация проекта, стороны приступили к совместному обсуждению строительства каспийской транспортной системы по транспортировке казахстанской нефти. Второй проект — это газопровод, который назвали транскаспийским. Транскаспийский проект — дело неблизкого будущего, но очевидно, что существует потенциал интеграции отдельных центральноазиатских государств и государств Кавказа. Хотя этот интеграционный потенциал ограничивается существующими проблемами Каспийского моря — прежде всего проблемами разграничения акватории Каспийского моря и вопросами военной деятельности на Каспии, что уже вызывает определенное напряжение в отношениях государств. Проблемы эти в принципе взаимосвязаны, причем российская позиция по ним расходится с подходом, по крайней мере, трех прикаспийских государств. Стойкое неприятие России вызывает то, что Казахстан, Туркмения и Азербайджан упорно добиваются полного и окончательного раздела Каспийского моря на национальные сектора. Более того, эти три страны в одностороннем порядке установили суверенитет над «своими» участками Каспия, что уже вызывает накал страстей при решении проблем статуса Каспия и региональной безопасности.

Если допустить раздел Каспия на национальные сектора, некоторые прибрежные государства могут согласиться на военное присутствие в своих секторах некаспийских государств. Азербайджан отказывается принять российские предложения о договорном закреплении принципа недопущения присутствия военных судов «третьих стран» в регионе и создании «Касфор» — военно-морской группы на Каспии. Зато куда больший интерес Азербайджан проявляет к американскому проекту «Каспийская охрана», подразумевающем и вероятность присутствия на Каспии ВМС США. Казахстан, хотя и занимает более гибкую позицию по упомянутым российским инициативам, тем не менее, исходя из собственных национальных интересов, форсирует идею выравнивания уровней вооружений каждой из стран на Каспии. Реализация этой идеи приведет к существенному сокращению российского военного присутствия в регионе. Единственным союзником России в каспийских делах остается Иран, поддерживающий

российскую идею о создании «Касфор», а к планам прокладки транскаспийских трубопроводов в обход России относящийся негативно. Эти противоречия, видимо, будут еще сказываться на интеграционном потенциале Центральной Азии.

В последнее время все заинтересованные стороны пристально наблюдают за развитием трехсторонней энергетической дипломатии России, Казахстана и Туркмении. В том числе — и страны-участницы ШОС. Несмотря на то, что Туркмения не является ни членом ШОС, ни ее наблюдателем, подписание соглашения о строительстве Прикаспийского газопровода не может не затрагивать интересы этой организации. Фактически речь идет о начале реализации идеи создания «энергетического клуба» ШОС. Государства ШОС заинтересованы в привлечении к деятельности ШОС Туркмении хотя бы в качестве наблюдателя. Если проанализировать все результаты энергетической политики России и ряда стран Центральной Азии за 2007 г. — подписание в Катаре ряда соглашений о создании «газового ОПЕК»; активное строительство Восточного трубопровода из Восточной Сибири в Китай; нефтегазовые договоренности России, Казахстана, Туркмении и Китая — можно уже сегодня говорить о начале реализации евразийской (глобальной) энергетической стратегии. Что уже является подтверждением укрепления интеграционных процессов в азиатском пространстве.

Таджикская концепция центральноазиатской интеграции, озвученная президентом РТ в выступлении перед парламентариями Таджикистана весной 2007 г., базируется на чисто экономических интересах. Таджикистан предлагает создать в регионе такую организацию, основные особенности которой можно было бы изложить в следующем виде:

1. Страны региона становятся членами данной организации на основе абсолютного равенства прав и обязанностей.
2. Члены организации, в первую очередь, прилагают усилия для создания единого правового пространства.
3. Организация должна обеспечивать свободное перемещение капиталов, услуг, товаров, продукции и рабочей силы между странами-участницами.
4. Главная цель организации заключается в рациональном использовании водно-энергетических ресурсов и минеральных богатств региона.
5. Данная организация должна обеспечить создание единого научно-культурного и гуманитарного пространства.

Таджикистан, как страна, выступающая за региональную интеграцию, считает, что безопасность и стабильность, устойчивое экономическое развитие Центральной Азии, устранение трудностей переходного периода и, в целом, обеспечение политической и экономической независимости государств региона возможны только на основе эффективного и плодотворного регионального сотрудничества. Таджикистан выступает в поддержку процессов интеграции в регионе, в том числе посредством использова-

ния на евразийском пространстве инструментов и механизмов ЕврАзЭС и ШОС. В настоящее время центральноазиатский регион проходит этап кардинальной трансформации и периодически актуализируются те или иные очередные геополитические модели интеграции, за которыми стоят интересы определенных центров силы. Но все более очевидным становится то, что контроль за топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки играет все возрастающую роль в определении геополитических позиций международных акторов, как и моделей региональной интеграции. И именно настоящие и будущие энергетические маршруты в наибольшей мере будут определять будущие региональные союзы, характер внешних влияний и геополитическую ситуацию в Центральной Азии.

ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ НЕ СТОИТ ИГНОРИРОВАТЬ ШАНХАЙСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА¹

*Оксана Антоненко,
старший научный сотрудник, руководитель
программы по России и Евразии
Международного института стратегических
исследований, Лондон*

- * Шанхайская организация сотрудничества, которая объединяет Китай, Россию и четыре центральноазиатские государства, становится важным региональным клубом. Она служит платформой для объединенного фронта борьбы с терроризмом и стимулирует развитие экономических связей между странами-участницами.
- * Новая стратегия ЕС в отношении Центральной Азии должна укрепить связи между ЕС и ШОС. Через сотрудничество с ШОС Евросоюз может помочь Центральной Азии установить стабильность, улучшить собственную энергетическую безопасность, а также оптимизировать деятельность ШОС по борьбе с терроризмом и наркотрафиком.
- * Однако существует определенное препятствие на пути к установлению более тесных связей между ЕС и ШОС, а именно: по мнению правительств некоторых европейских государств, ШОС придерживается антизападной политики, и, кроме того, страны-участницы часто подвергаются критике за серьезные нарушения прав человека.

Введение

Германия, приняв председательство в Европейском Союзе, выделила в приоритеты развитие отношений с Центральной Азией. Она надеется, что в июне Европейский Совет примет первую в истории комплексную стратегию для этого региона. Еще в декабре 2006 г. министр иностранных дел Германии г-н Франк-Вальтер Штайнмайер говорил о трех сферах стратегических интересов Европы в Центральной Азии: во-первых, это непосредственная близость Центральной Азии к региону с высоким потенциалом нестабильности, который включает в себя Афганистан, Пакистан и Иран; во-вторых, усилия региона, до сих пор вполне успешные, направленные на сдерживание исламистского фундаментализма; и, в-третьих, это огромный запас энергетических ресурсов. Г-н министр прав — вышеперечисленное должно было побудить ЕС проявить больше внимания к Центральной Азии, вместо того чтобы оставаться второстепенным игроком в данном регионе.

¹ Английская версия данного доклада: **The EU should not ignore the Shanghai Co-operation Organisation**. By **Oksana Antonenko**// Policy brief. Centre for European Reform. Центр европейских реформ выражает свою благодарность Германскому фонду Маршалла в США за поддержку данной публикации. Май 2007 г. (На английском языке). Перевод **И. Халдаровой**.

Однако теперь, когда Евросоюз решил наращивать свою роль в Центральной Азии, ему необходимо не только налаживать связи с самими странами региона, но также и с региональными организациями, деятельность которых направлена на решение основных проблем региона в области безопасности, стабильности и развития. В этом смысле, ключевой является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан, Россия и Китай как полноправные члены, а также Иран, Индия, Пакистан и Монголия в качестве наблюдателей. Учитывая недавнюю смену режима в Туркменистане, который славится своими богатыми запасами природного газа, можно предположить, что он вскоре откажется от своей позиции ярко выраженного нейтралитета и тоже вступит в ШОС.

Малоизвестная в Европе, ШОС все-таки сумела стать весьма динамично развивающейся, влиятельной и амбициозной организацией, которая охватывает сейчас значительную часть азиатского континента. За пять лет своего существования ей удалось доказать, что ШОС – это не просто место для ведения пустых разговоров, а реально действующая организация, достигающая своими усилиями определенных результатов в области коллективной безопасности, совместных экономических проектов и гармонизации права.

Важно отметить, что в последние годы западное влияние в Центральной Азии значительно ослабло, зато влияние России и Китая, напротив, набирает силу. Это, естественно, повысило значимость ШОС, как, впрочем, и то, что:

- * Россия отдалилась и от Евросоюза, и от США. Некоторые из российских политиков явно поддерживают геостратегическое смещение России в сторону более близких отношений с азиатскими странами.
- * Поскольку мощь Китая растет, некоторые лидеры коммунистической партии рассматривают ШОС как инструмент, который позволит Китаю усилить свое влияние в Центральной Азии, не создавая при этом ненужного ажиотажа.
- * Как Россия, так и Китай рассматривают ШОС в качестве механизма для смягчения неизбежного соперничества между собой. Они также единодушны в том, что ШОС может решить одновременно две задачи: сократить риск распространения «цветных революций» в регионе, которые ведут к установлению демократии «западного типа», и предотвратить развитие исламистского фундаментализма.

Владимир Путин, в сентябре 2006 г., с большим энтузиазмом отозвался о ШОС: «Никто не ждал от ШОС ничего выдающегося, она была создана, чтобы решать самые обычные вопросы, такие, например, как демаркация границ. Однако организация начала развиваться, и сейчас ощущается реальная потребность в уже окрепшей ШОС, вот почему многие стремятся присоединиться. Существует объективная необходимость в центрах силы

и влияния в мире, и мы таковой создали, хотя это и не входило в наши первоначальные планы. У ШОС большие перспективы, но она не станет политически-военным блоком, это открытый тип организации. Мы должны учитывать сложный баланс сил в Азии, и не перегружать ШОС, поскольку мы ответственны за развитие организации. И это развитие не жест против кого-либо, но во имя продвижения интересов всех стран-участниц».¹

Однако существует ряд препятствий на пути развития ШОС. Для начала, большинство центрально-азиатских стран являются, по сути, слабыми государствами. Далее, ШОС не располагает теми наднациональными институтами, которые позволили ЕС в свое время достичь таких внушительных результатов. Более того, ни Китай, ни Россия не являются по своему определению странами многосторонней направленности, что во многом облегчило бы развитие отношений с международными организациями.

Гораздо более серьезной проблемой в развитии организации является то, что ШОС досаждают внутренние противоречия, как, например, конкуренция между Россией и Китаем. Россия, скорее всего, не придет в восторг от лидерства Китая в рамках организации. Китай поддерживает ШОС, делая акцент на экономике, а для России приоритетом в данном сотрудничестве является вопрос безопасности. Именно поэтому, на данном этапе, ШОС не способна эволюционировать в зону свободной торговли или в единый автономный рынок. Хотя Китай, а в будущем и Индия, будет продолжать делать усилия для достижения этой цели. Также у членов организации все еще нет единого мнения о том, до какой степени стоит придерживаться антизападной политики. Китай и, в некоторой степени, Россия желают видеть ШОС противовесом Западу, в то время как Казахстан, Киргизстан, Монголия и Индия придерживаются другого взгляда.

Однако, поскольку ШОС оказалась самым влиятельным многосторонним институтом в Центральной Азии, ЕС должен быть готов к сотрудничеству с ней. В данный момент, нельзя сказать, что ЕС старается развивать отношения с ШОС. До сих пор у ЕС отсутствует четкая политика в отношении данной организации. Тем не менее, растущая значимость ШОС представляет собой неоспоримое основание для развития новой стратегии ЕС, основанной на диалоге и вовлеченности. Такой подход мог бы помочь ЕС лучше понять стратегические цели России и Китая в Центральной Азии, а именно их интересы в области безопасности, стабильности и развития региона. Глупо думать, что построение диалога с ШОС может каким-либо образом помешать ЕС выражать свою обеспокоенность по поводу состояния демократии и правопорядка в регионе.

Так почему ШОС столь важен для Евросоюза? И почему именно Евросоюз так хорошо подходит для установления сотрудничества с этой организацией? Во-первых, потому что ШОС может играть ведущую роль в экономическом развитии Центральной Азии. Европа напрямую заинтересована в том, чтобы Центральная Азия стала преуспевающим и безопас-

¹ Заметки к Валдайскому клубу, сентябрь 2006.

ным регионом. Если Центральная Азия выберет неверный путь развития, Европе придется столкнуться со множеством проблем, включая угрозу, которую несут в себе существующие здесь террористические организации, перебои с поставками энергоресурсов, а также резко увеличившиеся потоки незаконных мигрантов.

Для центральноазиатских стран ШОС представляет собой отличный инструмент для стимулирования роста экономики. Центральная Азия не имеет выхода к морю, а потому не сможет получить доступ к главным портовым точкам или основным межнациональным транспортным коридорам без сотрудничества с большими соседями, такими как Китай, Индия, Иран и Россия. Другие источники экономической поддержки в лице ЕС, США, Японии или Азиатского Банка Развития играют, безусловно, важную, но второстепенную роль. Когда, в конце концов, ШОС сумеет осознать весь потенциал экономической интеграции, включая создание единой зоны свободной торговли и регулятивных норм для свободного передвижения товаров, услуг и технологий, тесное сотрудничество между ШОС и ЕС будет играть на руку европейцам, предоставляя для них прекрасные торговые и инвестиционные возможности.

Во-вторых, поскольку ШОС включает в круг своей компетентности вопросы, связанные с энергоресурсами, это должно представлять значение для энергетической безопасности Европы. Организация включает в себя две страны из числа крупнейших мировых производителей нефти, не входящих в состав ОПЕК — Россию и Казахстан, а также две страны, которые являются крупнейшими мировыми потребителями нефти, Китай и Индию. Европа так и будет зависеть от российских поставок нефти и газа, а в будущем может составить конкуренцию и Китаю в погоне за евразийскими энергоресурсами. Таким образом, диалог между ШОС и ЕС по вопросам энергетической безопасности поможет обеспечить тот самый форум, где страны-участницы смогут обсуждать проблемы внутренних энергетических секторов, а также диверсификацию источников и маршрутов энергоснабжения. Две организации могли бы работать совместно над развитием стратегических проектов, направленных на транспортировку нефти в Китай и Европу.

В-третьих, Россия и Китай — это важные партнеры для Евросоюза. Конечно, Евросоюз больше склонен развивать двусторонние отношения с Россией и Китаем по отдельности, но в тоже время, именно диалог ШОС-ЕС смог бы укрепить эти двусторонние отношения, особенно если учитывать, что как у Москвы, так и у Пекина, ШОС значится одним из важнейших пунктов в повестке по развитию внешней политики. ШОС — это как знак, свидетельствующий, с одной стороны, о растущей мощи Китая как мировой и региональной державы, а с другой стороны, представляющий собой попытку ослабить беспокойство и подозрения, которые неизменно вспыхнули бы, если бы Китай действовал в одностороннем порядке. Для Пекина ШОС — это способ достичь «мирного восхождения» Китая. Для России

ШОС — это возможность поддерживать свое присутствие в постсоветской Центральной Азии и составлять противовес влиянию Китая и других стран. Ни Китай, ни Россия не видят вызова в присутствии ЕС в Центральной Азии. Таким образом, отсутствует риск, что ЕС и ШОС могут стать конкурентами в данном регионе.

В-четвертых, ШОС вплотную занимается вопросами безопасности, многие из которых лежат в области интересов ЕС. Например, обе организации, как ШОС, так и ЕС, преследуют цель обезвредить террористические группировки. Обе организации стремятся стабилизировать ситуацию в Афганистане (где в это время располагаются военные силы нескольких из стран-участниц ЕС в рамках миссии под предводительством НАТО). Для ШОС стабилизация ситуации в Афганистане является наиболее важной и сложной задачей, для решения которой была создана специальная рабочая группа, которая, впрочем, пока не успела достичь каких-либо значимых результатов. По-видимому, ШОС также может сыграть свою роль при оказании давления на Иран, одну из стран-наблюдателей, чтобы заставить его отказаться от своих честолюбивых замыслов по развитию собственной ядерной программы. Эффективный диалог между ШОС и ЕС может подтолкнуть ШОС к рассмотрению перспективы ведения такой политики в отношении Ирана. И напротив, появление враждебности между ШОС и ЕС может способствовать развитию более тесных связей стран-участниц ШОС с Ираном с его богатыми запасами природного газа, и тогда эффективность любых санкций против Ирана будет сведена на нет.

Поэтому, ШОС важна — и в плане геостратегии, и в плане экономики, и в плане безопасности. Однако до сегодняшнего дня отношение к ШОС среди руководства некоторых стран ЕС и некоторых аналитиков оставалось, вслед за США, в основном, презрительным, негативным или даже враждебным. Вокруг организации создавался имидж альянса с ярко выраженной антизападной направленностью, который постоянно подвергался критике за препятствование развитию демократических реформ в Центральной Азии. Некоторые из европейских стран отнеслись к приглашению иранского президента к участию в саммите ШОС в июне 2006 г. как к знаку того, что ШОС намерена развивать собственную политику по отношению к Ирану. Европа волновалась, что такой жест подорвет все дипломатические усилия Европы и Америки по приостановлению развития ядерной программы Ирана. Теперь ЕС необходимо побороть собственные подозрения и вступить в диалог с ШОС. Есть даже первые признаки того, что процесс уже запущен: об этом, например, свидетельствуют внутренние документы ЕС, подготовленные для Комитета по политическим вопросам и вопросам безопасности Совета Европейского Союза, в которых поднимается тема усиления значимости ШОС и приводятся аргументы в пользу укрепления отношений между ШОС и ЕС.

История и институты

Сама ШОС имеет сравнительно небольшую историю, зато у предшественницы ШОС, «шанхайской пятерки», история насчитывает уже целое десятилетие. После развала Советского Союза странам Центральной Азии пришлось строить свою государственность буквально с нуля: создавать институты, развивать национальное самосознание, устанавливать географические границы. Последний вопрос оказался наиболее сложным: все, кроме Туркменистана, должны были снова обговаривать свои границы с Китаем, поскольку у Китая всегда были споры с Советским Союзом на этой почве. Казахстан, Киргизстан и Таджикистан согласились совместно с Россией и Китаем сформировать Шанхайскую Пятерку как механизм для укрепления доверия между странами. Первая встреча в рамках этого договора состоялась в апреле 1996 г. в Шанхае.

Шанхайская Пятерка доказала свою эффективность: к 2001 г. все спорные вопросы, связанные с границами, были мирно урегулированы, а меры по разоружению вдоль границ были успешно разработаны и внедрены. В то же время, члены договора начали сотрудничать не только в области экономики, но и в области вопросов обеспечения пограничной безопасности. Последние включали в себя уйгурский и исламистский терроризм, организованную преступность, а также угрозы, которые исходили от раздираемого войнами Афганистана.

В июне 2001 г. Узбекистан был принят в состав механизма «Шанхайской Пятерки», вслед за этим было принято решение о создании Шанхайской организацией сотрудничества. Затем в 2004 г. ШОС приняла Монголию в качестве первой страны-наблюдателя. Индия, Пакистан и Иран стали наблюдателями в 2005 г. Однако роль стран-наблюдателей в организации до сих пор остается неясной. Полноправные члены организации тесно сотрудничают над разработкой совместных заявлений и деклараций на саммитах ШОС, посылают своих представителей в различные институты ШОС, в то время как, роль наблюдателей, кажется, ограничивается простым присутствием на саммитах. Неясны также критерии, по которым страны-наблюдатели могут или не могут войти в число полноправных членов. Индия, Пакистан и Иран уже выразили свое желание стать полноправными членами, однако действующие члены не смогли достичь консенсуса по возможному расширению состава организации.

Главным управляющим органом ШОС является Совет глав государств, который встречается раз в год. Место для проведения саммита выбирается согласно алфавитному порядку русского языка. Принимающая страна также является председателем на период этого года. В 2007 г. после Китая пост председательства принял Киргизстан.

Институты ШОС также проводят регулярные встречи среди министров иностранных дел, обороны, внутренних дел, экономики, транспорта, чрезвычайных ситуаций, культуры. Проводятся форумы для руководителей пограничных служб и генеральных прокуроров. Совет национальных

координаторов, состоящий из высокопоставленных чиновников министерств иностранных дел, встречаются между саммитами и занимаются подготовкой повесток и документов для официальных встреч. Два официальных языка ШОС: русский и китайский.

В соответствии с «Хартией ШОС», принятой в 2002 г., основными целями ШОС являются: «укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес; развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе». ШОС твердо придерживается следующих основных принципов: «взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, взаимное невмешательство во внутренние дела, взаимное неприменение военной силы или угрозы применения силы; равноправие всех членов; решение всех вопросов путем взаимных консультаций». Несмотря на то, что вступление в ШОС доступно только для государств внутри региона, ШОС характеризуется готовностью к сотрудничеству в различных формах с другими государствами и международными организациями, к коим относится и ЕС.

В 2004 г. в Пекине состоялась церемония открытия Секретариата Шанхайской организации сотрудничества. Там сейчас базируется офис генерального секретаря ШОС и постоянных представителей стран-участниц. В январе 2007 г. представитель Казахстана Болат Нургалиев официально вступил в должность Генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества, сменив на этом посту представителя Китая Чжан Дэгуана. Секретариат координирует работу органов ШОС и поддерживает их деятельность. Однако полномочия по определению политики твердо закреплены в руках полноправных членов организации. Большинство решений, определяющих политику ШОС, принимаются во время встреч национальных координаторов или во время саммитов.

Сотрудничество в сфере безопасности

После Секретариата, другим наиболее важным институтом ШОС является Региональная антитеррористическая структура (РАТС), которая была создана в 2004 г. в Ташкенте. Работа структуры состоит в обмене информации, экстрадиции и координировании операций, РАТС также нацелена на обнаружение тренировочных лагерей террористов и источников их финансирования. Вячеслав Касымов, заместитель руководителя службы безопасности Узбекистана, был назначен первым директором РАТС. В его подчинении находится 30 чиновников, представляющих все страны-участницы ШОС. Финансирование структуры распределяется между странами-

участницами в следующих пропорциях: Россия и Китай — по 25 %, Казахстан — 21%, остальные страны поровну делят оставшуюся часть расходов.

За последние два года ПАТС значительно расширил рамки своей деятельности. Теперь он занимается гармонизацией антитеррористических законодательств в странах-участницах, составляет общие списки террористических организаций и наиболее крупных террористов, отслеживает источники финансирования террористических группировок. В рамках международных форумов ШОС старается придерживаться общепринятой позиции, например, в отношении определений терроризма или списка запрещенных организаций.

Трудно дать оценку эффективности усилий ПАТС по предотвращению, расследованию террористических актов или поимки лидеров террористических группировок. ПАТС берет на себя ответственность за арест или ликвидацию 15 террористов, возглавляющих различные группировки. Большая часть антитеррористической деятельности проводится государственными службами стран-участниц, а основная роль ПАТС сводится к сбору, анализу и обмену информацией. Естественно, работа ПАТС сконцентрирована на основных проблемах стран-участниц, например, для Китая это уйгурские формирования, для России — чеченские, а для Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана — «Хизб ут-Тахрир» и Исламское движение Туркестана.

Однако были случаи, когда страны-участницы ШОС использовали борьбу против экстремизма и терроризма как прикрытие для своих действий против инакомыслящих. Human Rights Watch обвиняет ШОС за поощрение нарушений прав человека. Например, они указывают на то, что ШОС описывала насильственные репрессии в Андижане (Узбекистан) в 2004 г. как антитеррористическую операцию, и осуждала поддержку Киргизстана в его отказе предоставить убежище для узбекских граждан. Кстати, Евросоюз тоже возражал против действий Узбекистана в Андижане. Он установил эмбарго на ввоз оружия в Узбекистан в мае 2005 г., объясняя причину как «сверхдопустимое, несоразмерное и неразборчивое использование военной силы» национальной службы безопасности.

Каждый год страны-участницы ШОС проводят общие антитеррористические учения, чаще всего, выбирая для этого приграничные зоны. Эти маневры, рассчитанные в основном на службы безопасности, но также вовлекающие и министерства внутренних дел и другие военные силы государств, в первый раз в истории привели военные силы Китая на территорию Центральной Азии. Россия и страны Центральной Азии также впервые получили шанс ввести свои войска на территорию Китая в рамках учений (а именно, в северо-западную часть Синьцзян-Уйгурского автономного района). В этом году ШОС планирует проведение самых масштабных военных учений, которые могут вызвать беспокойство на Западе.

Однако рано еще определять ШОС как зарождающийся военный альянс. Незаметно, чтобы ШОС развивал активное сотрудничество в области

военного и оборонительного производства или предлагал своим членам гарантию коллективной безопасности. Прежде всего, Китай и Индия не заинтересованы делать из ШОС военный блок. Обе страны предпочитают развивать связи с Россией в двустороннем формате, что предполагает проведение военных учений и сотрудничество в военном производстве. Россия тоже не намерена предоставлять гарантии коллективной безопасности странам-участницам или наблюдателям ШОС.

Членство в ШОС также не стало препятствием для некоторых центральноазиатских стран в развитии военного сотрудничества с США и НАТО. Казахстан подписал План действий по индивидуальному партнерству с НАТО. Киргизстан продлил договор на аренду аэропорта Манас для американской военной авиабазы, несмотря на официальный протест ШОС в отношении размещения иностранных военных сил на территории стран-участниц. Таджикистан продолжает обеспечивать жизнедеятельность военных сил Франции, то же самое делает Узбекистан для Германии. Обе эти европейские страны являются членами антиталибской коалиции в Афганистане.

Экономическое сотрудничество

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС продвигается в некотором отношении гораздо быстрее, чем сотрудничество по вопросам безопасности. До недавнего времени, экономическое сотрудничество в рамках ШОС представляло собой совокупность двусторонних экономических отношений между странами-участницами. Но уже сейчас мы можем говорить о развитии многостороннего регионального сотрудничества. ШОС постепенно избавляется от препятствий на пути развития торговых отношений, высвобождая ресурсы для инвестирования проектов развития (особенно по развитию инфраструктуры, в частности трасс и железных дорог), а также упрощает процедуры для осуществления банковских операций между странами-участницами.

В 2003 г. торговля между странами-участницами ШОС принесла 20 млрд. долларов. Даже несмотря на то, что официальные данные за последние годы недоступны, мы можем видеть, что торговля развивается стремительно. За первые девять месяцев 2006 г. торговые взаимоотношения только между Китаем и Россией были оценены в 25 млрд. долларов, что на 19% выше показателя предыдущего года. Некоторые экономисты прогнозируют, что к 2010 г. сумма оборотов будет достигать 80 млрд. долларов. Хотя торговые взаимоотношения между Китаем и странами Центральной Азии остаются весьма ограниченными из-за плохо налаженных транспортных путей и бюрократии, уже сейчас они начинают активно развиваться.

За последние годы экономическое состояние стран-участниц ШОС улучшалось, по крайней мере, на 6% в год, причем Китай и Казахстан демонстрируют самые лучшие результаты. Эти две страны будут и дальше

усиливать экономическую мощь ШОС. К 2006 г. Казахстан вложил в развитие других центральноазиатских стран более 10 млрд. долларов. Китай наиболее заинтересован в том, как экономическая интеграция внутри ШОС будет содействовать продвижению развития Синьцзян-Уйгурского автономного района, где торговля со странами ШОС составляет две трети всей внешней торговли Китая. У Индии основные чаяния в отношении ШОС и Центральной Азии также связаны с экономикой. Пакистан и Иран хотели бы стать транзитными странами для экспорта энергоресурсов из стран Центральной Азии.

Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад предложил провести саммит ШОС по энергоресурсам в Иране, лоббируя идею создания «газовой ОПЕК» (включая Россию), которая должна помочь устанавливать мировые цены на газ. Однако перспектива сотрудничества Ирана и России по данному вопросу кажется маловероятной. Недавняя встреча в Катаре стран-производителей газа наглядно показала как политическую, так и экономическую ограниченность идеи создания «газовой ОПЕК».

Экономическое сотрудничество внутри ШОС начало постепенно развиваться с 2001 г. В 2003 г. ШОС приняла программу торгового и экономического сотрудничества, она определила несколько ключевых задач, которые должны быть реализованы к 2020 г. Среди них создание благоприятных условий для свободного передвижения средств, товаров, услуг и технологий. Были созданы также совместные рабочие группы, чтобы развивать практическое сотрудничество в таких областях как электронная коммерция, таможенные пошлины и инвестиции. В 2004 г. ШОС одобрила реализацию 120 проектов, включающих в себя построение дорог и железнодорожных путей, общих телекоммуникационных схем и инвестиции, которые способствовали развитию внешних торговых связей. Относительно энергетического сотрудничества, был разработан план, согласно которому будут осуществляться совместные геологические исследования, строительство трубопровода между Казахстаном и Китаем (проект практически завершен), строительство еще одного трубопровода между Россией и Китаем и капитальный ремонт трубопроводной сети в Киргизстане.

Основной проблемой в развитии экономического сотрудничества внутри региона являются пути сообщения. Чтобы соединить Китай, Таджикистан, Пакистан и Индию с остальными странами Центральной Азии и каспийским регионом были построены новые дороги. Значительно улучшились железнодорожные пути сообщения между Китаем и Европой. Планируется построить дорогу от севера до юга, а также энергетический коридор, соединяющий Россию и Южную Азию через Иран. Есть также планы улучшить воздушные пути сообщения внутри региона ШОС. ПРООН вложила средства в Региональную программу Шелкового Пути (партнерская программа между ШОС и ПРООН, которая направлена на возрождение экономических и культурных связей между Китаем и странами Центральной Азии).

Саммит, прошедший в июне 2006 г., закончился созданием нескольких новых экономических органов ШОС, среди которых Банковский Консорциум и Деловой Совет в Москве. Консорциум включает в себя по одному банку от каждой страны-участницы. Банки, объединенные в консорциум, призваны развивать более тесные связи по урегулированию споров и другим техническим вопросам. Консорциум и Деловой Совет должны разработать совместную инвестиционную программу для ШОС, действующую с 2006 по 2010 гг. и охватывающую большую часть проектов в области инфраструктуры: пути сообщения, энергоресурсы, телекоммуникации и торговля между странами. В ходе саммита Россия объявила, что готова профинансировать некоторые из упомянутых проектов. Китай уже выделил средства для финансирования нескольких проектов в тех областях, которые ШОС выделила для развития экономического сотрудничества. Китай также выделил уже более 900 млн. долларов в виде субсидируемых ссуд на поддержку товарного производства в странах Центральной Азии.

Однако стоит отметить, что программа экономического развития ШОС продолжает страдать от внутренних противоречий. Китай активно и последовательно лоббирует идею создания свободной торговой зоны внутри региона ШОС, в то время как большинство стран-участниц, включая Россию, не разделяют энтузиазма Китая на этот счет. Они беспокоятся, что экспорт дешевых товаров из Китая подорвет их экономику. Кроме того, среди государств Центральной Азии существуют определенные опасения по поводу того, куда именно направлена экономическая политика Китая в регионе: то ли на получение доступа к природному газу и нефти, то ли на прямые инвестиции в совместные промышленные предприятия и развитие высоких технологий.

Поэтому скорого прорыва в области создания свободной экономической зоны и единого рынка ожидать не приходится. Тем не менее, заявлено, что экономическое измерение ШОС будет расти. Киргизстан заявил о своем намерении сделать экономическое сотрудничество приоритетным направлением во время своего председательства. В рамках среднесрочного периода это будет означать развитие торговых и инвестиционных взаимоотношений между странами-участницами, больше финансовой поддержки от Китая, России и Казахстана странам с более слабой экономикой и новые совместные проекты стран-участниц и наблюдателей в сфере энергетических ресурсов. Недавно ШОС создала рабочую группу по вопросам энергетики, информации и коммуникационных технологий. Одной из задач рабочей группы является разработка совместных инвестиционных проектов по добыче и транспортировке центральноазиатских углеводородов.

История подозрений

Хотя растущая «экономизация» ШОС открывает многие возможности для совместных проектов с Америкой и Европой, отношения между ними оставляют желать лучшего. В 2001 г. США и некоторые европейские правительства были склонны считать создание ШОС знаком угасания китайско-российского влияния в Центральной Азии. Позиция ШОС была совершенно неясной после 11 сентября, когда, несмотря на все предыдущие противоречия, Россия и Китай молча согласились на американское военное присутствие и присутствие других военных сил коалиции в регионе. Однако уже к 2004 г. влияние Америки в Центральной Азии начало ослабевать. Надеждам Центральной Азии на то, что сотрудничество с Западом после 11 сентября принесет значительные политические и экономические выгоды, не суждено было сбыться. Например, ни одно из центральноазиатских государств, поддерживающих коалицию, не выиграло больших контрактов на право участвовать в реконструкции Афганистана. Позже, угроза «цветных революций» подтолкнула некоторых из стран Центральной Азии пересмотреть свои отношения с США и сместить акценты на Россию и Китай, которые предлагали поддержку существующим режимам.

Однако как только ШОС стала заметна, она стала вызывать беспокойство на Западе, особенно в Соединенных Штатах. Беспокойство усилилось, когда Узбекистан отказался продлевать договор на аренду аэродрома Карши в Ханабаде для расположения американской авиабазы. Затем, во время саммита в Астане в июле 2005 г., ШОС принимает декларацию, где в твердой форме рекомендуется всем странам, состоящим в коалиции под предводительством США, вывести военные силы Америки из Центральной Азии. Сущность астанинской декларации сводилась к тому, чтобы продемонстрировать консенсус внутри региона в отношении «временной» природы западного военного присутствия в Центральной Азии. Китай, Россия и Узбекистан активно поддерживали эту позицию.

Однако Декларация не возымела большого практического эффекта: с июля 2005 г. Киргизстан, а также, в некоторой степени, Таджикистан и Узбекистан продолжали обеспечивать жизнедеятельность для различных членов западной коалиции. Тем не менее, политический эффект от Декларации был весом. Саммит в Астане определил переломный момент не только в политике ШОС в отношении Запада, но и в восприятии Запада в отношении ШОС. Сейчас в Европе и США формируется мнение, что ШОС – это соперник или новая угроза их интересам в Центральной Азии. Вот три основных аргумента в поддержку данного заявления:

Первый аргумент. ШОС стремится вытеснить США и других членов коалиции из Центральной Азии. Если проанализировать Декларацию, принятую в Астане, то можно ясно увидеть угрозу, которую она несет в себе для успешного завершения операции в Афганистане. Кроме того, ШОС проявила себя как антизападный институт, который поддерживает политические режимы вроде тех, что установились в Узбекистане и Иране, а это именно те

режимы, которые США и в некоторой степени ЕС пытаются изолировать. Беспокойство Запада усилилось, когда в саммите ШОС в 2006 г. принял участие президент Ирана Ахмадинежад. Он жестко критиковал Запад и оспаривал право Ирана на собственную мирную ядерную программу.

Второй аргумент. ШОС становится новым военным блоком, в котором доминируют Россия и Китай, что, естественно, будет ограничивать военное присутствие Запада в Центральной Азии. Это мнение закрепилось, когда ШОС стал больше акцентировать внимание на сотрудничество по вопросам безопасности, включая договор от 2006 г. по проведению совместных антитеррористических учений, и декларацию от 2005 г. по углублению сотрудничества в области борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Операция НАТО в Афганистане отошла на второстепенный план. Более того, растущая военная мощь Китая, во многом подкрепленная российскими высокосоввершенными системами оружия, представляется Западу угрозой в будущем. Все это превращает сотрудничество по безопасности в рамках ШОС в предмет беспокойства.

И третий аргумент. ШОС постепенно становится клубом диктаторов, которые стремятся сохранить антидемократические режимы в своих странах. В отличие от ЕС, ШОС поддерживала Узбекистан после событий в Андижане в мае 2005 г., соглашаясь с официально предоставленным объяснением, что применение силы было обосновано в рамках национальной безопасности. Кроме того, страны-участницы выступили категорически против «цветных революций», включая так называемую «тюльпановую революцию», которая привела к свержению режима Аскара Акаева в Киргизстане.

Все эти аргументы указывают на то, что Америка не уверена в возможности закрепить свое влияние в регионе на долгосрочной основе, в то время как ощущается враждебность России и Китая. Однако ряд фактов также доказывает, что эти опасения весьма преувеличены. Во-первых, потому что в ШОС входят Киргизстан и Казахстан, которые до сих пор поддерживают тесные взаимоотношения с ЕС, НАТО и США. Во-вторых, тот факт, что в ШОС были приняты в качестве наблюдателей Индия и Монголия, которые являются партнерами США, говорит о том, что ШОС не стремится идентифицировать себя как антизападный институт. В-третьих, в некотором смысле, ШОС мало чем отличается от других азиатских организаций, таких как Ассоциация государств юго-восточной Азии (АСЕАН), Организация экономического сотрудничества (ЕСО)¹ или Диалог по сотрудничеству в Азии,² которые придерживаются принципа невмешательства во внутрен-

¹ Организация экономического сотрудничества была основана Ираном, Пакистаном и Турцией в 1985 году в целях продвижения экономического, технического и культурного сотрудничества. Организация была расширена в 1992 году и в данный момент включает в себя Афганистан, Азербайджан, Иран, Казахстан, Киргизстан, Пакистан, Таджикистан, Турцию, Туркменистан и Узбекистан.

² Диалог по сотрудничеству в Азии (АСД) был основан в 2002 г. и включает в себя 30 азиатских стран. Функционирует как платформа для ежегодных встреч министров иностранных дел. Сейчас включает в себя три из центральноазиатских стран (Казахстан, Таджикистан и Узбекистан), Россию, Китай, а также страны Юго-Восточной Азии и Персидского залива.

ние дела, и поэтому не могут позволить себе критиковать, скажем, анти-демократические режимы внутри какого либо государства. Даже Индия, одна из наиболее демократических стран в мире, удерживается от критики внутренних дел государств Центральной Азии и активно налаживает каналы сотрудничества и с Узбекистаном, и с Таджикистаном, и с Казахстаном.

Отношения ШОС–ЕС: основания для сближения

Евросоюзу не мешало бы подумать о том, чтобы последовать примеру АСЕАН, которая, не смотря на свои непростые взаимоотношения с Китаем, сумела заключить важный договор о сотрудничестве с ШОС. Сотрудничество основывается на общих интересах в области борьбы с международной преступностью, продвижении экономического сотрудничества и туризма, а также сотрудничества в области управления природными и энергетическими ресурсами.

Диалог с ШОС мог бы поспособствовать в реализации некоторых ключевых задач Евросоюза, таких как углубление связей с Россией и Китаем, продвижение экономического развития в Центральной Азии, борьба с угрозами, истекающими из этого региона (например, наркотрафик и миграция), и укрепление собственной энергетической безопасности. Диалог мог бы также охватить и совместную борьбу с терроризмом, учитывая тот факт, что некоторые террористические группировки, такие как «Хизб ут-Тахрир» и связанные с «Талибаном» формирования, являются объектом общих тревог – и для ЕС, и для правительств стран Центральной Азии.

Нужно признаться, что между ШОС и ЕС были контакты, хотя и весьма неприметные. В 2004 г. Верховный представитель по внешней политике и безопасности Хавьер Салана встретился с Чжан Дэгуаном, занимавшем в то время пост Исполнительного секретаря ШОС. В июле 2005 г. ЕС назначил Яна Кубиш специальным представителем Совета Европейского Союза в Центральной Азии (ныне г-н Кубиш является министром иностранных дел Словацкой Республики). В его мандат входило «развитие необходимых контактов и сотрудничества с основными игроками в данном регионе, включая все значимые региональные и международные организации». Однако г-н Кубиш практически ничего не сделал, чтобы углубить связи между ШОС и ЕС. Его деятельность сводилась, главным образом, к вопросам демократии и прав человека в Киргизстане, представлению требований ЕС по проведению международного расследования Андижанских событий в Узбекистане и продвижению программ ЕС по экономической поддержке с ограниченным бюджетом. В 2006 г. специальным представителем ЕС по странам Центральной Азии был назначен бывший посол Франции в России и Китае Пьер Морель. Он, в принципе, не против продвижения идеи о более эффективном диалоге с ШОС, однако, по-видимому, без четкого на то мандата.

Причиной тому служит факт, что члены ЕС как отдельные страны, нежели чем ЕС как организация, сами проявляют инициативу по налаживанию контактов со странами Центральной Азии. Специальному представителю ЕС необходимо продвигать новую стратегию ЕС для Центральной Азии, которая нацелена не на краткосрочные цели, а устанавливает долгосрочные приоритеты механизмы для введения ЕС в регион. А пока, для ЕС было бы вполне реально расширить свою «добрососедскую» политику на страны Центральной Азии (это включает в себя проведение политики через развитие торговли, оказание помощи, приглашение к участию в программах ЕС и политический диалог, взамен на твердое намерение руководства стран Восточной Европы, Кавказа и Ближнего Востока проводить экономические и политические реформы). Однако Евросоюзу придется постараться, чтобы поддержать региональное сотрудничество, экономическое развитие, региональную безопасность и внутренние реформы в рамках региона. Диалог ШОС-ЕС мог бы способствовать скорейшему достижению поставленных целей.

Во время председательства Германии, ЕС сформулировало новую стратегию в отношении Центральной Азии, которая направлена на усиление сотрудничества в таких областях как энергетика, борьба с терроризмом и миграция. Германия уже давно является самым активным из всех членов ЕС в Центральной Азии. Она старается поддерживать позицию услужливости в общении с авторитарным руководством в некоторых странах Центральной Азии. Так, Германия сделала попытку, хотя и неудачную, отменить санкции ЕС в отношении Узбекистана в ноябре 2006 г. и повторно в марте 2007 г.

Над разработкой новой стратегии для Центральной Азии трудились и Комиссия и Совет министров. В начале 2007 г. они выпустили совместный документ, который предполагал увеличить количество сотрудников Комиссий в регионе, увеличить поддержку для НПО, помощь странам по вступлению во Всемирную торговую организацию (Киргизстан уже принят), и, в особенности, помощь в индустрии газа и нефти. Документ также содержит положение о поддержке для объединенного центральноазиатского энергетического рынка, инфраструктуры нефтяного коридора Каспий — Черное море, а также для продвижения в регионе принципов договора энергетического сообщества юго-восточной Европы.¹ Документ также содержит рекомендацию выработать индивидуальный подход для каждой страны, вместо единой политики по отношению ко всем странам внутри региона. Документ призывает ЕС, на основе заимствования некоторых идей из политики «добрососедства», развивать более тесные связи с Казахстаном из-за его стратегической важности, и с Киргизстаном из-за его сравнительно плюралистической политической системы. О ШОС в документе было сказано мало, поскольку институты ЕС все еще осторожно относятся

¹ В октябре 2005 года члены ЕС и все страны на Балканах подписали договор энергетического сообщества юго-восточной Европы. Договор устанавливает схему путей для Балканских государств по принятию наследия ЕС в области энергетики.

к сотрудничеству между этими двумя организациями. Однако на уровне внутренних переговоров Комитет по политическим вопросам и вопросам безопасности постоянно получает рекомендации от своих сотрудников по углублению связей с ШОС. В апреле 2007 г. рабочий документ описывает обоснование для ЕС начать узкоспециализированный диалог с ШОС по ключевым темам, таким как энергетика и торговля наркотиками.

ЕС не включила Центральную Азию в свою Программу европейского добрососедства и партнерства, которая заменила программу технического содействия ТАСИС для стран Европейской политики добрососедства и России. Зато новый Инструмент сотрудничества в развитии, который открыт для всех развивающихся стран в мире, включает в себя регион Центральной Азии. Евросоюз планирует значительно увеличить финансирование данной программы за период 2007-2013 гг. до 719 млн. евро (по неизменным ценам). Ежегодно средства будут выделяться от 61% от 60 млн. евро в 2006 г. до 139 млн. в 2013 г. Тридцать процентов от всей суммы будут выделены на продвижение регионального сотрудничества, а остальная сумма будет направлена на развитие двусторонних программ. Страны Центральной Азии также могут получать финансирование через другие тематические программы.

В момент написания этого доклада еще сложно говорить о том, какие результаты принесет председательство Германии в ЕС. Страны ЕС еще не готовы выработать единый подход в отношении Центральной Азии. Страны Северной Европы, которые наиболее озабочены вопросами прав человека, не высказывают большого желания увеличивать контакты со странами, нарушающими эти права. И когда Франция и Германия, наряду с Россией, разворачивали кампанию в 2006 г., лоббируя Казахстан на пост председателя ОБСЕ, Великобритания вела свою кампанию среди членов ЕС, чтобы заблокировать это выдвижение, поскольку считала что нельзя считать состояние прав человека в Казахстане удовлетворительным.

Однако председательство Киргизстана в ШОС в 2007 г. может оказаться полезным. Президент Киргизстана Курманбек Бакиев заявил о намерении поддерживать работу экспертной группы ШОС по Афганистану, а также о намерении развивать торговлю и экономическое сотрудничество внутри региона ШОС. Данная инициатива должна содействовать развитию диалога между ШОС и ЕС. Это может быть организовано в виде неформальной встречи руководителей двух организаций или в виде ограниченного присутствия представителей ЕС на саммитах ШОС или в виде специальной конференции с участием представителей ЕС и ШОС, а также экспертов. Диалог должен базироваться на пяти приоритетах:

- * **Экономическое развитие:** Обе организации должны вновь утвердиться в понимании важности экономического развития в Центральной Азии, определив при этом конкретные области или проекты, где они могли бы успешно сотрудничать. Совместные проекты должны быть основаны на приоритетах ШОС и новом Инструменте развития

через сотрудничество ЕС. Сотрудничество может осуществляться в следующих областях: сокращение бедности, сельское хозяйство, управление водными ресурсами, развитие инфраструктуры. Повестка программы развития также может включить в себя достаточно большие вопросы: экономические реформы, либерализация, прекращение регулирования, реформы таможенных пошлин, прозрачность, корпоративное управление, финансовая поддержка этнических меньшинств, поощрительные меры для межнациональной торговли. Центрально-азиатские страны в составе ШОС особенно медленно продвигаются в решении данных вопросов. Вместо этого они направляют свои усилия на удержание контроля над экономикой, протекционизмом коррумпированными системами распределения полномочий, в общем, тем, что помогает им закреплять свою власть в правительстве.

- * **Управление границами:** ЕС и ШОС должны сконцентрировать свои усилия на общих угрозах безопасности, таких как наркотрафик, коррупция и организованная преступность. Обе организации могли бы создать общую рабочую группу по работе с этими угрозами. Это может быть межправительственный орган или система разных органов, работающих вместе, как, например, Европол (совместный офис полиции ЕС) или ПАТС. Группы должны выполнять следующие задачи: улучшение системы обмена информацией, проведение тренингов для чиновников Центральной Азии и Афганистана, а также проведение совместных операций (на примере сотрудничества России и Европола в области борьбы с организованной преступностью). Программа Евросоюза по управлению границами в Центральной Азии считается одним из самых успешных проектов, оставшихся после ТАСИСа. ШОС необходимо вести регистрацию всех приграничных споров, удачно разрешенных, и улучшать систему безопасности на границах Центральной Азии, предотвращая угрозы восстаний, перевозок наркотиков и терроризм. Таким образом, вопросы безопасности будут являться естественным поводом для диалога, сотрудничества и совместных действий. В долгосрочной перспективе ЕС и ШОС может организовать мирные миссии для наблюдения границ, чтобы защищать их от наркотрафика и организованной преступности.
- * **Афганистан:** Встреча или конференция с участием ЕС и ШОС может свестись к вопросу об Афганистане. Многие страны-участницы ЕС являются основными донорами в программах по реконструкции и помощи в Афганистане, в то время как страны ШОС вовлечены, чтобы оказывать помощь в построении дорог, электролиний и развитии энергетических проектов. Президент Афганистана Хамид Карзай посетил два саммита ШОС и заявил о своем желании развивать с ней более тесное экономическое сотрудничество. ШОС организовала специальную рабочую группу по Афганистану и дала понять, что готова рассмотреть возможность присутствия других организаций в

своих встречах в качестве наблюдателей. Это может послужить великолепной возможностью для экспертов и дипломатов развивать общие подходы и обмениваться мнениями по таким вопросам, как торговля наркотиками и возрождение «Талибана». ЕС должен поддерживать развитие более тесных экономических связей между Афганистаном и его соседями, а также лоббировать программы, которые способствуют сокращению бедности и экономическому росту.

* **Энергоресурсы:** Диалог между ЕС и ШОС также должен затронуть энергетическую безопасность. ЕС ожидает, что большая часть его потребности в газе и нефти будет удовлетворяться в будущем Россией и Казахстаном. Хотя эти страны планируют построить трубопровод к быстрорастущим рынкам в Китае и Южной Азии. Трубопровод Казахстан – Китай, которая будет переправлять нефть из Каспийского моря в западную часть Китая, практически завершен. Построение нефтяного трубопровода между Россией и Китаем – тоже вопрос, уже практически решенный. Учитывая, что ЕС, скорее всего, намерен оспаривать доступ к энергоресурсам России и Центральной Азии у Китая и, возможно, у Индии, им всем необходимо разработать стратегию по урегулированию этой приближающейся конкуренции, не забывая при этом о своих заботах в области энергетической безопасности.

* **Государственное управление:** И завершающий, но не последний, вопрос, который должен быть затронут в рамках диалога ШОС и ЕС, это права человека и надлежащее управление государством, рассматривая эти вопросы как основные в установлении долгосрочной стабильности в регионе. Политическая остановка, накаляемая приближающимися президентскими выборами в России и Узбекистане, могут затруднить обсуждение этих вопросов. Однако ЕС может рассчитывать на страны-участницы ШОС, например, Киргизстан, и на страны-наблюдателей, такие как Индия и Монголия, в том, что они поддержат внесение этих вопросов в список приоритетов. Диалог может распространиться на тему образовательного и научного обмена, а также на условия функционирования местных и международных НПО на территории Центральной Азии.

Диалог между ШОС и ЕС должен помочь последнему выработать новые идеи по своей стратегии для Центральной Азии. Как часть своей новой стратегии, ЕС необходимо стимулировать рост экономики в странах ШОС, с пониманием того, что экономически развитая ШОС будет иметь больше шансов восприниматься серьезно на международной арене в среде таких влиятельных организаций как тот же ЕС. Евросоюз также мог бы предложить свою экспертную помощь в области путей к экономической интеграции. В области вопросов безопасности, ЕС мог бы обсудить с ШОС проблемы миграции, пограничной безопасности и борьбы с преступностью на границах, смещая, таким образом, акцент с военного поля в область

гражданской безопасности. И, наконец, изоляция — это не лучший способ для ЕС достичь своих целей в отношении продвижения прав человека и демократии. Пример Узбекистана — очень нагляден: санкции ЕС против Узбекистана никак не повлияли на политическую атмосферу в стране. ЕС, действительно, лучше было бы обсуждать подобные вопросы с ШОС.

ЕС не стоит игнорировать ШОС или не замечать растущую роль ШОС в центральноазиатском регионе. ЕС нужно прекратить рассматривать ШОС только в геополитическом аспекте и признать вклад ШОС в региональную стабильность и развитие. Чтобы сдерживать влияние России и Китая в Центральной Азии, ЕС необходимо избегать путей, которые могут привести его к противостоянию ШОС.

Евросоюзу нужно признать, что все страны Центральной Азии относятся к ШОС как к положительному и важному механизму для достижения своих долгосрочных интересов. В конечном итоге, без диалога с ШОС Евросоюзу не удастся реализовать свой потенциал в регионе.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ВОПРОС РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ СПУСТЯ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

*Катрин Пужоль,
доктор восточной истории, профессор
Национального института восточных языков
и цивилизаций Франции (Institut national des
langues et civilisations orientales), президент
Европейского общества исследования
Центральной Азии (European Society for
Central Asian Studies)*

Шестнадцать лет прошло после распада СССР и ситуация в регионе остается сложной и парадоксальной. Шестнадцать лет, в течение которых республики Центральной Азии преодолели многочисленные более или менее критические пороги. Некоторые из них одинаковы для всего постсоветского пространства, как, например, закономерный процесс укрепления государственности на распадающемся пространстве, экономический кризис, и реконструкция новой экономики, «социальное сомнение» в условиях развития исламского экстремизма. Другие более специфичны: гражданская война в Таджикистане, смена власти в Киргизстане в апреле 2005, в Туркменистане в декабре 2006 г., трагические события в Андижане в мае 2005 г.

Следующие размышления представляют собой точку зрения гражданки Франции которая отражает одновременно европейскую точку и заодно отличается от американского взгляда. Можно добавить, что эти размышления являются результатом почти тридцати лет наблюдений издалека, то есть, попыткой посмотреть на ситуацию нейтральным доброжелательным взглядом со стороны, но с некоторым знанием того, что было до распада СССР и того, что есть сегодня.

Итак, что же можно наблюдать сегодня, шестнадцать лет спустя после распада СССР, и шесть лет спустя после событий 11 сентября 2001 г. в Америке.

С одной стороны, существуют позитивные тенденции к поддержанию необходимого уровня стабильности всего региона, то есть, пяти постсоветских республик Центральной Азии. Тем не менее, имеются и некоторые критические точки нестабильности внутри этой зоны: в Киргизстане, в Узбекистане, в Таджикистане, и если смотреть дальше, то еще в Афганистане, в Пакистане, и т.д. Существуют и развиваются множество угроз, как внешних так, так и внутренних, причем, эти последние являются более коварными именно потому, что они находятся внутри того или иного государства или распространяются через границы как, например, исламский экстремизм, торговля наркотиками и оружием, социальные волнения из-за безработицы, рабочая миграция, распределение водных ресурсов, проблема ядерных отбросов, и т.д.

В данном контексте речь идет о региональной интеграции, как о неизбежном сотрудничестве между среднеазиатскими независимыми государствами, которая не являлась бы простым политическим инструментом в руках международных и локальных экспертов и политиков. Такая интеграция действительно стоит на повестке дня.

Чтобы правильно поставить вопрос о состоянии этой проблематики, сегодня надо обязательно учитывать критерии, употребляемые для оценки текущей ситуации в республиках Центральной Азии как международной, так и местной (национальной) экспертизой. Эти критерии еще глубоко пропитаны духом прежней системы оценок у постсоветских экспертов (что крайне логично), тогда как они часто проистекают у западных специалистов из лишь поверхностных, расхожих и даже просто неверных представлений о сущности бывшего советского общества, о его функционировании, стратегии выживания и его «внутренних адаптациях».

Коль скоро заканчивается уже второе десятилетие независимости стран региона, пора, наконец, создать общие и объективные категории мышления, свободные от мифологизации (переписывание национальных историй), или мистификации (угроза исламской революции), без преувеличений (стратегическая роль региона как фактор дестабилизации соседних держав), или, наоборот, недооценки важных тенденций, которые проявляются в каждом обществе (способность пассивного сопротивления, неизбежная смена власти, коренные изменения в мировоззрении новых поколений, рабочая миграция как фактор разрушения традиционных семей, и т.д.).

Например, надо посмотреть, во-первых, как каждое государство Центральной Азии представляет себе положительные и отрицательные факторы своего политического, экономического и социального развития на данный момент. Надо определить набор угроз, которые потенциально присутствуют для каждой из стран и всего региона – как в плане количественном, так и в качественном. То есть, необходимо составить типологию этих угроз. Во-вторых, надо учитывать как страны-соседи друг для друга, или более отдаленные державы – сам регион, представляют в качестве источника угроз.

Еще один ключевой вопрос, вопрос о том, как можно реально и адекватно представить центральноазиатскую зону в плане ее стратегического значения: является ли она новым стратегическим полигоном? Или это зона опасного стратегического вакуума, который надо срочно заполнить любым способом? Или, другой вопрос: Центральная Азия может быть чем-то другим, кроме как зоной доступа к стратегически более важным странам, таким как Китай, Афганистан, Пакистан, Индия, Иран, и, конечно, Россия? Если это так, то тогда она играла бы роль уникального прототипа межконтинентального моста, расположенного в сердце евразийского материка, находящегося «в поиске Империи» (по выражению Гассана Саламэ¹), и к тому

¹ В прошлом министр культуры Ливана, профессор Сорбонского университета.

же, привлекающего внимание множества международных соперников. Не только потому, что она имеет определенное количество энергетических ресурсов, но и для того, чтобы занять место и контролировать действия наиболее гиперактивных игроков, таких как США, Китай, Иран, Индия, или, по крайней мере, реактивных как Афганистан, Пакистан, Япония.

Ответить на эти вопросы пока сложно, но необходимо, чтобы закрыть эту «лабораторию мифических и фантазмагорических представлений», возникшую в регионе с тех пор как распался СССР. Можно будет заниматься «более продуктивными концепциями» – такими, например, как «Новая Очень Большая Игра», наследующая той, что была названа Редьярдом Киплингом «Большой игрой» в девятнадцатом веке. Сейчас она стала совсем сложной, со многими актерами, партнерами, соперниками – не только из-за рубежа, но и из самого региона. Есть и такие «концепции» как «Новый Великий Шелковый Путь», под которым подразумевается разнообразная экономическая реанимация в рамках региона и сопредельных стран, и, конечно, «Новая Интеграция», определяемая как некая панацея, способная решить сразу все проблемы...

И только потом можно будет определить более реальные подходы к проблеме, которые смогут довести до желания интегрироваться по-настоящему государства Центральной Азии. Конечно, можно будет принять во внимание и пример Евросоюза, но только чтобы представить, чему можно научиться на этом примере, учитывая, с какими проблемами он сталкивался со времени своего появления пятьдесят лет назад.

Что касается процесса интеграции в Центральной Азии, то, кажется, всем понятно что эффективность действий в рамках регионального сотрудничества пока еще не совсем очевидна. Пять государств имеют много общего в плане ресурсов, культур, традиций, но они все больше и больше развиваются каждое по-своему, а существенный разрыв в уровне и типах экономического развития все более и более затрудняет процесс интеграции. Хотя, есть и исключения. После смерти президента Туркменистана Сапармурада Ниязова в декабре 2006 г. появилась перспектива нового энергетического союза между Казахстаном и Туркменистаном с участием России (встреча в г. Туркменбаши в апреле 2007 г.).

Ситуация меняется, сохраняются и препятствия, но, видимо, некоторые государства Центральной Азии еще и не совсем убеждены в том, что настало время переходить от слов к делу. Тем более, что есть целый ряд проблем, в решении которых сотрудничество просто необходимо. Сегодня есть опасность множества гуманитарных катастроф как в международном масштабе, так и на региональном уровне. Причем, часто стратегия интеграции в этой сфере абсолютно не ясна. Чрезвычайно актуальна разработка эффективной стратегии предотвращения конфликтов, например в области водной безопасности, санитарной безопасности (СПИД, птичий грипп и т.д.). Есть проблемы развития инфраструктуры транспорта, определения механизмов разделения энергетических ресурсов. И, наконец, необходи-

мо решать проблему смены власти в странах Центральной Азии, проблему взаимоотношений ислама и государства, нужно понять, как избавиться от перспективы возникновения исламских режимов как единственной альтернативы жестким президентским, но, тем не менее, светским режимам.

Можно сказать, что сегодня все пять постсоветских государств региона находятся в процессе поиска баланса между сохранением их суверенитета и требованиями глобализации. Они могут войти в союзы разного уровня, то есть, могут интегрироваться для того, чтобы быть сильнее, для того, чтобы получать какую-то поддержку или даже военную помощь. Но есть перспективные союзы, как есть и пустые союзы, точно так же, как есть перспективные концепция и есть пустые концепции. Есть союзы, которые создаются «за что-то», и есть союзы, которые создаются «против чего-то». И здесь надо иметь широкое и мудрое политическое видение и политическое воспитание, чтобы сделать правильный выбор или инициировать создание новых интеграционных структур.

Пока что мы видим издалека так называемый «мультивекторный подход», некие прагматические союзы, разумный альянс с Россией и Китаем в рамках ШОС, например.

Но одновременно, мы также видим, что в регионе идет интенсивная борьба за влияние, борьба за газопроводы и нефтепроводы. И в этом контексте, политическая, экономическая и стратегическая интеграция есть, вероятно, и способность удержать баланс между всеми этими игроками – крупными, как США, несмотря на потерю ими влияния после «цветных революций», как Россия и Китай, как Индия, Пакистан, Иран, Турция. Надо также осознавать тот факт, что оптимальный на первый взгляд вариант «нейтралитета», как это было провозглашено в Туркменистане, немного неадекватно воспринимается и реализуется в нашем мире, к сожалению.

Вопрос висит в воздухе: наступило ли время для подлинной стратегической революции в Центральной Азии? Начнется ли процесс региональной интеграции не на словах, но на деле?

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ — КЛЮЧЕВОЙ ВОПРОС ДЛЯ БУДУЩЕГО ЕВРАЗЭС И ШОС¹

*В.В. Парамонов,
канд. полит. наук, эксперт,
А.В. Строков, канд. хим. наук, эксперт,
г. Ташкент*

Введение

Распад СССР в 1991 г. привел к фактическому коллапсу экономических связей Российской Федерации (РФ) со странами Центральной Азии (Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном), одновременно дав мощный импульс к развитию, а затем — интенсификации экономических отношений государств региона с Китайской Народной Республикой.

На протяжении 1990-х гг. ельцинская Россия не придавала особого значения развитию экономических отношений с регионом, в то время как Китай и многие другие страны стали постепенно занимать пустующие ниши. Сегодня путинская Россия, осознавая важность постсоветского пространства для укрепления своих международных позиций, стала форсировать процесс политического сближения с центральноазиатскими странами. Это, в свою очередь, способствовало значительной активизации экономических отношений РФ с Центральной Азией.

К чему может привести наблюдающееся сегодня одновременное усиление экономического присутствия России и Китая в Центральной Азии? И как это отразится на будущем Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС: Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС: Китай, Россия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан)?

В попытке найти ответы на эти крайне сложные вопросы предлагается рассмотреть торгово-экономические отношения РФ и КНР с Центральной Азией — регионом, который по своей сути и формирует основу как ЕврАзЭС, так и ШОС. В схему данного анализа будет включен и Туркменистан, хотя он не является членом ЕврАзЭС и ШОС. Это объясняется тем, что в историческом контексте, географическом, экономическом и геополитическом аспектах Туркменистан настолько сильно привязан к остальным центральноазиатским странам, что де-факто является встроенным в систему их внешнеэкономических связей.

¹ Данная статья подготовлена на основании доклада **В.В.Парамонова** и **А.В.Строкова** «Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии». — Центр конфликтных исследований при Академии Вооруженных Сил Великобритании, 2007. — 15 с. (<http://www.defac.ac.uk/colleges/csrc/document-listings/caucasus-publications>).

Объемы и динамика торгово-экономических отношений

Россия	Китай
<p>После распада СССР объемы торговли между Россией и странами Центральной Азии уменьшились в среднем в 10 раз.</p> <p>В период 1992-1998 гг. объемы торговли оставались на достаточно низком, хотя и стабильном уровне – в среднем 6-7 млрд. долларов ежегодно.</p> <p>По итогам 1999 г. – после финансово-экономического кризиса в РФ (август 1998 г.), объемы торговли сократились в 1,5-2 раза по сравнению со средним показателем периода 1992-1998 гг.</p> <p>В период 2000-2003 гг. торгово-экономические отношения в целом находились в состоянии стагнации. Объемы торговли между РФ и Центральной Азией были сопоставимы с периодом 1992-1998 гг. – в среднем 6-7 млрд. долларов ежегодно.</p> <p>С 2004 года просматривается некоторая тенденция к интенсификации торговли. В период 2004-2006 гг. товарооборот увеличился в 1,4 раза (на 42%), с 10,5 до 14,9 млрд. долларов.</p>	<p>Торговля между Китаем и странами Центральной Азии стала развиваться сразу же после распада Советского Союза.</p> <p>В период 1992-1998 гг. товарооборот был крайне невелик и находился в пределах 350-700 млн. долларов ежегодно.</p> <p>Исходной точкой интенсификации торгово-экономических отношений между КНР и Центральной Азией стал финансово-экономический кризис в РФ. По итогам 1999 г. объемы торговли выросли примерно на 25%.</p> <p>С 2000 г. наблюдается еще более динамичный рост объемов торговли. В период 2000-2003 гг. товарооборот между Китаем и странами Центральной Азии увеличился более чем в 3 раза – с 1 до 3,3 млрд. долларов.</p> <p>В период 2004-2006 гг. тенденция к интенсификации торговли приобрела еще более устойчивый характер – товарооборот увеличился в 2,5 раза (на 150%), с 4,3 до 10,8 млрд. долларов.</p>

В целом китайско-центральноазиатский товарооборот имеет более высокую динамику роста, нежели российско-центральноазиатский. Так, в течение 1992-2006 гг. объемы торговли стран региона с Россией увеличились примерно в 2,3 раза, в то время как с Китаем – в 25,6 раза.

При этом очень характерно то, что если в 1991 г. прямые торговые связи стран Центральной Азии с КНР практически отсутствовали, то в настоящее время их уровень примерно сопоставим с уровнем торговых связей с РФ. Так по итогам 2006 г. товарооборот России со странами Центральной Азии составил порядка 14,9 млрд. долларов, а с Китаем – 10,8 млрд. долларов (таблица № 1).

Таблица № 1. Объемы торговли России и Китая со странами Центральной Азии (период 1991-2006 гг.)

Год	Товарооборот между Россией и Центральной Азией, млн. долларов США	Товарооборот между Китаем и Центральной Азией, млн. долларов США
1991	59226	-
1992	6360	422
1993	6750	512
1994	6143	360
1995	7679	486
1996	7244	674
1997	6833	699
1998	5411	588
1999	3695	733
2000	6469	1041
2001	5924	1478
2002	5464	2798

2003	7088	3305
2004	10463	4337
2005	13227	8297
2006	14869	10796

Источник: данные национальных статистических органов стран Центральной Азии.

В итоге разрыв в масштабах торгово-экономического присутствия РФ и КНР в ЦА неуклонно сокращается. Рост присутствия Китая не в последнюю очередь связан с ослаблением присутствия России (имевшим место в 1990-х гг.) и низкими темпами восстановления Москвой ранее утраченных позиций.

Место во внешнеторговых связях

Торгово-экономические отношения со странами Центральной Азии не играют существенной роли ни для России, ни, тем более, для Китая. В 2006 г. совокупная доля центральноазиатских стран во внешней торговле России составила около 3%, а во внешней торговле Китая – 0,6%. В то же время Россия и Китай занимают крайне важное место во внешнеторговых связях самих стран региона. По итогам 2006 г. доля РФ во внешнем товарообороте стран Центральной Азии составила около 17%, а доля КНР – около 12%.

Масштабы торгово-экономического присутствия России и Китая в тех или иных странах Центральной Азии существенно отличаются. Эти различия касаются как собственно объемов двусторонней торговли, так и значения торговли с РФ и КНР для конкретных центральноазиатских государств. При рассмотрении доли России и доли Китая во внешнем товарообороте государств Центральной Азии наблюдаются существенные различия по странам региона.

Таблица № 2. Доля России и доля Китая во внешнем товарообороте стран Центральной Азии, доли стран ЦА во внешних товарооборотах РФ и КНР (2006 г.)

Страна	Доля России во внешнем товарообороте страны, %	Доля Китая во внешнем товарообороте страны, %	Доля страны во внешнем товарообороте России, %	Доля страны во внешнем товарообороте Китая, %
Казахстан	18,87	15,5	2,28	0,49
Киргизстан	27,24	34,25	0,13	0,04
Таджикистан	12,22	10,77	0,08	0,02
Узбекистан	16,39	5,71	0,51	0,05
Туркменистан	9,76	1,37	0,19	0,007
Итого	17,47	12,68	3,19	0,607

Источник: данные национальных статистических органов стран Центральной Азии.

Очевидно, что для стран, имеющих общую границу с Китаем (Казахстан, Киргизстан и Таджикистан), масштабы торгово-экономического присутствия КНР уже примерно сопоставимы с масштабами присутствия РФ. В этой связи наиболее показателен пример китайско-таджикских торгово-экономических отношений, которые стали интенсивно развиваться лишь с 2005 г.

Вплоть до 2004 г. включительно внешнеторговые связи Таджикистана с Китаем были незначительными по сравнению с масштабами таджикско-российских торговых связей. По итогам 2004 г. доля КНР во внешнеторговом обороте Таджикистана составила 1,3%, в то время как доля РФ — 10,9%. Это связано с тем, что до 2005 г. Таджикистан фактически не имел развитого транспортного сообщения с Китаем (в отличие от Казахстана и Киргизстана), так как граница между ними проходит по высокогорной, труднодоступной местности. Однако, после того, как осенью 2004 г. была открыта автодорога через перевал Кульма, значение Китая как торгового партнера Таджикистана резко возросло, а разрыв между масштабами торгово-экономического присутствия КНР и РФ в данной республике кардинально сократился.

В свою очередь, для стран Центральной Азии, не имеющих общей границы с Китаем (Узбекистан и Туркменистан), масштабы китайского торгово-экономического присутствия пока еще заметно уступают российскому.

Структура торговли

В структуре торговли России и Китая со странами Центральной Азии наблюдается постепенное увеличение доли **сырьевых ресурсов** (энергоносители, черные и цветные металлы, химическое сырье, текстильное сырье, различные виды минерального сырья) в поставках из Центральной Азии в РФ и КНР. Параллельно увеличивается доля **готовой продукции** (машины и оборудование, продовольствие и другие потребительские товары, химическая продукция высокой степени переработки) в поставках из России и Китая в страны Центральной Азии.

За период 2003-2006 гг. доля сырьевых ресурсов в поставках из стран Центральной Азии в Россию возросла с 64,8% до 77,0%, а в Китай — с 84,4% до 90,2% соответственно. В свою очередь, доля готовой продукции в поставках из России в центральноазиатские государства за тот же период возросла с 55,5% до 64,9%, а из Китая — с 77,5% до 92% соответственно.

В целом, анализ структуры торговли РФ со странами Центральной Азии высвечивает высокую долю сырьевых ресурсов во взаимном товарообороте:

- на протяжении 2003-2006 гг. доля сырьевых ресурсов составляла в среднем более 50% от всего объема товарооборота;
- доля готовой продукции составляла около 36%;
- остальные менее 14% приходились на сферу услуг.

В то же время значительные объемы «товарообмена» по схеме «сырье — на сырье» между Россией и рядом стран Центральной Азии во многом являются отражением объективной взаимозависимости (в том числе структурной и технологической) тех или иных секторов национальных экономик вышеуказанных стран. Однако, этот факт не меняет общей картины

сырьевой ориентации экономических систем РФ и государств Центральной Азии.

В свою очередь, анализ структуры торговли КНР со странами Центральной Азии свидетельствует о сырьевой ориентации государств региона:

- на протяжении 2003-2006 гг. чуть менее 86% поставок из стран региона в Китай содержали сырьевые ресурсы (в свою очередь, на сферу услуг приходилось чуть более 14%, в то время как поставки готовой продукции отсутствовали);
- свыше 86% поставок из Китая в страны региона содержали готовую продукцию (в свою очередь, остальные менее 14% приходились на сферу услуг, а поставки сырьевых ресурсов практически отсутствовали).

При этом сам формат торгово-экономических отношений между странами Центральной Азией и Китаем складывается по схеме «сырьевые ресурсы в обмен на готовую продукцию». Это свидетельствует об устойчивой тенденции постепенного превращения Центральной Азии в сырьевый придаток экономики КНР. В условиях глобализации (которая для региона все больше носит «китайское лицо») странам Центральной Азии (так и не сумевшим сформировать эффективный региональный экономический союз) может быть отведена только такая ниша.

Выводы

Сравнительный анализ экономического присутствия России и Китая в Центральной Азии свидетельствует о нижеследующем.

Во-первых, структура торговли государств Центральной Азии с РФ и КНР отражает факт ярко выраженной сырьевой ориентации экономик стран региона. Это особенно касается китайско-центральноазиатской торговли, в которой готовая продукция из государств Центральной Азии фактически отсутствует.

Более того, динамика изменения структуры российско-центральноазиатской и китайско-центральноазиатской торговли за последние несколько лет (периода существенной интенсификации торговли) свидетельствует о том, что сырьевая ориентация экономик государств Центральной Азии постепенно усиливается. Доля сырьевых ресурсов в поставках из Центральной Азии не только в КНР, но и даже в РФ неуклонно увеличивается, причем во многом за счет снижения доли поставок готовой продукции.

Как представляется, дальнейшая консервация сырьевой ориентации экономик стран региона будет вести к деградации и отмиранию целого ряда перерабатывающих отраслей промышленности. Это, в свою очередь, будет снижать шансы центральноазиатских государств по преодолению фрагментации регионального экономического пространства. Известно,

что у государств, занимающихся преимущественно экспортом сырьевых ресурсов, объективно мало стимулов для форсирования интеграционных процессов.

Во-вторых, налицо все более устойчивая тенденция постепенного, но неуклонного усиления экономического присутствия Китая в странах Центральной Азии. Эта тенденция развивается параллельно с другой тенденцией – интенсификацией экономических связей между Россией и странами региона.

Причем, усиление экономического присутствия КНР в Центральной Азии происходит более высокими темпами, нежели восстановление экономических связей РФ с государствами региона. Особенно это заметно в сфере внешней торговли. Даже без учета т.н. челночной торговли между Китаем и странами Центральной Азии, объемы китайско-центральноазиатской торговли уже примерно сопоставимы с объемами российско-центральноазиатской. Если же принять во внимание возможные объемы т.н. челночной торговли между Китаем и странами региона, то становится очевидным, что для Центральной Азии торговые связи с КНР уже имеют несколько большее значение, чем с РФ.

В-третьих, немаловажным является и то, что усиление экономического присутствия Китая в странах Центральной Азии идет в основном за счет поставок в регион готовой продукции (в особенности, это касается товаров широкого потребления). Китайские производители более конкурентоспособные, чем российские и центральноазиатские – уверенно теснят последних.

На этом фоне развитие экономических отношений России со странами региона идет во многом за счет интенсификации торговли сырьевыми ресурсами (в основном, углеводородами). Главным образом это происходит посредством роста объемов их поставок из Центральной Азии (в течение 2003-2006 гг. доля углеводородов в поставках из стран региона в РФ увеличилась с 34% до 56%).

Логично предположить, что в случае сооружения системы нефте- и газопроводов из Центральной Азии в КНР (а в середине декабря 2005 г. уже введен в эксплуатацию казахстано-китайский нефтепровод «Атасу – Алашанькоу») и, как следствие, ликвидации российской монополии на транзит центральноазиатских энергоресурсов, соотношение масштабов экономического присутствия России и Китая в центральноазиатских государствах с очень высокой долей вероятности кардинально изменится в сторону Китая.

Сценарии

Сегодня крайне трудно прогнозировать, к чему приведет одновременный рост экономического присутствия России и Китая в центрально-

азиатском регионе — к сотрудничеству или, напротив, к соперничеству между ними.

Хотя в настоящее время наблюдается явное политическое сближение РФ и КНР, вероятность столкновения в дальнейшем интересов России и Китая в Центральной Азии представляется не такой уж и малой (особенно, с учетом того, что российско-китайские отношения имеют сложное и неоднозначное историческое наследие: этапы сближения чередовались с этапами резкого охлаждения двусторонних отношений). Растущая китайская экономика и начавшаяся восстанавливаться после тяжелого кризиса российская экономика в перспективе будут еще более остро нуждаться в центральноазиатских ресурсах, в первую очередь, в энергоносителях и цветных металлах, чем особенно богата Центральная Азия.

В этой связи возможен сценарий, что, в случае возобладания в России и/или Китае узконациональных интересов, какая-либо из этих держав (или обе) будет стремиться вовлечь регион в орбиту своего преимущественного влияния. В случае же соперничества между РФ и КНР за влияние в Центральной Азии может быть поставлена под угрозу стабильность в регионе и, соответственно, будущее самих ЕврАзЭС и ШОС. Это, в свою очередь, крайне негативно повлияет на безопасность России и Китая.

Не меньшую опасность представляет сценарий, если КНР будет форсировать экономическую интеграцию в рамках ШОС при сохранении нынешнего формата торгово-экономических связей. Это будет означать дальнейшее экономическое истощение региона и формирование здесь зон социально-экономического кризиса.

Рекомендации

Очевидно, что разумной альтернативой описанным выше сценариям может быть только налаживание механизмов комплексного и взаимовыгодного многостороннего сотрудничества в системе «Россия — Китай — Центральная Азия», а на институциональном уровне — между ЕврАзЭС и ШОС.

Как представляется, для того, чтобы процесс одновременного усиления экономического присутствия России и Китая в Центральной Азии привел к плодотворному межгосударственному сотрудничеству, необходима существенная активизация и принципиальное усиление координации деятельности внутри и между ЕврАзЭС и ШОС.

В принципе, у ЕврАзЭС и ШОС есть шансы, чтобы превратиться в эффективные экономические блоки. Однако, для этого необходимо решить главные проблемы: существенно снизить фрагментацию экономического пространства «Россия — Центральная Азия» и преодолеть сырьевую ориентацию экономик стран региона и России.

Поэтому ЕврАзЭС и ШОС должны быть партнерскими, а не дублирующими проектами, что предполагает на начальном этапе форсирование экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС, а на заключительном этапе — интеграции в рамках ШОС. Тем самым мог бы быть обеспечен системный прорыв в комплексном экономическом и социальном развитии всех стран-членов ЕврАзЭС и ШОС.

Заключение

В итоге для развития взаимовыгодного межгосударственного экономического сотрудничества между Россией, Китаем и странами Центральной Азии нужны **(1)** адекватная аналитическая оценка происходящего и **(2)** консолидированная политическая воля всех вышеуказанных стран в плане максимально задействования потенциалов ЕврАзЭС и ШОС для совместной выработки и не менее важно — **(3)** поэтапной реализации стратегических инициатив по многостороннему экономическому сотрудничеству в рамках двух данных организаций, обеспечения эффективного взаимодействия внутри их и между ними.

Учитывая большие масштабы китайской экономики и динамичное развитие практически всех отраслей промышленности, главным локомотивом экономического развития в системе «Китай — Россия — Центральная Азия» пока объективно является КНР. Поэтому сегодня во многом именно от Китая зависит, примет ли его совместное присутствие с Россией в Центральной Азии форму сотрудничества или соперничества и, следовательно, превратится ли со временем наиболее амбициозный китайско-российско-центральноазиатский проект — ШОС в мощную организацию, один из мировых экономических центров силы или, напротив, распадется подобно СССР, оставив после себя дезинтегрированное и дестабилизированное пространство.

ИНИЦИАТИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЮЗА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

*Е.Т. Сейлеханов,
канд. полит. наук, ведущий научный
сотрудник Казахстанского института
стратегических исследований*

Стремление к интеграции государств в различных регионах мира стало устойчивой тенденцией мирового развития. Постепенно приходит осознание глобальной взаимозависимости этих процессов. От адекватного включения стран и народов в процесс интеграции, независимо от существования различий в уровнях развития, различий в культуре, религии, исторических традициях, зависит преодоление многих мировых и региональных проблем. Стремление стран Центральной Азии в последнее десятилетие включиться в интеграционный процесс может быть представлена как часть континентального и общемирового интеграционного потока.

Глобализация резко обострила конкуренцию экономик, это заставляет национальные силы консолидироваться, чтобы не отстать и не остаться вне этого процесса. В наиболее сложной ситуации оказываются развивающиеся и транзитные страны, к которым причисляют новые центральноазиатские государства — Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. Чтобы не оказаться полем для эксплуатации со стороны постиндустриальных стран и не воспроизводить отсталость, для центральноазиатских государств существует один из возможных выходов в сложившейся ситуации — это путь к кооперации в рамках региональной интеграции. В той или иной мере осознание такой необходимости приходит постепенно к лидерам стран Центральной Азии, что находит свое отражение в периодически озвучиваемых интеграционных проектах с той или иной стороны. Последним из них по времени стала инициатива Президента РК Н.А. Назарбаева по созданию Союза центральноазиатских государств, которую он впервые высказал в феврале 2005 г.

1. Предпосылки центральноазиатской интеграции

Следует отметить, что изложенная лидером Казахстана идея далеко не нова. Даже не обращаясь к более ранней истории, можно вспомнить, что ей уже предшествовал ряд как собственных инициатив Н.А. Назарбаева, так и его центрально-азиатских коллег по президентскому цеху. Достаточно указать на аналогичного рода предложения И.Каримова в апреле 1993 г. и идею С.Ниязова о создании конфедерации пяти центральноазиатских республик в середине 1990-х гг. Более того, страны региона к моменту озвучивания идеи Союза центральноазиатских государств уже располагали опытом интеграционного объединения (ЦАРС — Договор о едином эконо-

мическом пространстве 1994 г. — ЦАС-ЦАЭС-ЦАС-ОЦАС), закончившимся, правда, ввиду его неэффективности, банальной самоликвидацией ОЦАС путем ее вхождения в ЕврАзЭС.

Тем не менее, имеющийся опыт, пусть и негативный, позволяет прийти к выводу о том, что альтернативы региональной интеграции все равно нет. Данный вывод основывается на следующих моментах, характеризующих общую потребность республик Центральной Азии в интеграции:

Первое. Взаимозависимость геополитических интересов стран Центральной Азии. Она определяется географическим положением региона в самом сердце материка, по соседству со всеми континентальными центрами силы, что делает его крайне важным в военно-стратегическом и транспортно-коммуникационном отношении. Данное обстоятельство обуславливает повышенное «внимание» ведущих мировых и региональных держав как к каждой стране Центральной Азии в отдельности, так и ко всему региону в целом. Показательно, что даже США, находящиеся в другом полушарии, объявили Центральную Азию зоной своих жизненно важных национальных интересов. В этой связи, учитывая, что борьба интересов внешних игроков в нашем регионе является фактором потенциальной дестабилизации ситуации в Центральной Азии, угрожаям суверенитету и независимости наших республик, противостояние этой угрозе является общим делом всех центральноазиатских стран. При этом потребность в общих действиях детерминируется как недостатком собственных сил каждой из стран региона по ее преодолению, так и очевидностью повышения эффективности защиты интересов стран региона в результате аккумуляции их потенциалов.

Кроме того, необходимость объединения наших усилий диктуется общностью новых угроз — международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика, нелегального оборота оружия, международной преступности, — носящих трансграничный характер, а потому требующих согласованной политики по борьбе с ними.

Особую озабоченность всех центральноазиатских государств вызывает ситуация в Афганистане и напряженность в американо-иранских отношениях, выступающих факторами угроз безопасности на южных границах региона.

Вместе с тем, все страны Центральной Азии заинтересованы также в сохранении внутренней стабильности как у себя, так и у своих соседей. Это связано с тем, что в силу относительной незащищенности внутренних границ между нашими республиками исключить перенос на них негативных последствий кризиса невозможно.

Таким образом, геополитическая взаимозависимость стран региона определяется их общей заинтересованностью в создании внешних и внутренних условий для сохранения своей независимости и стабильности.

Второе. Ресурсная взаимозависимость экономик. Она определяется тем, что Южный Казахстан, Узбекистан и Туркмения нуждаются в водно-энергетических ресурсах Киргизстана и Таджикистана, а те, в свою очередь, — в газе и нефтепродуктах, производимых в Узбекистане, Туркмении и Казахстане. Определенное значение для обеспечения продуктовой безопасности стран региона имеет взаимный интерес в поставках сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, пшеницы и фруктово-овощной продукции. Кроме того, существует большая коммуникационная взаимозависимость стран для обеспечения их выхода на международные рынки, так как внутренние рынки стран ЦА, взятые в отдельности, слишком узки для обеспечения как нормального роста экономик Центральной Азии, так и интереса к ним со стороны внешних товаропроизводителей (за исключением доступа к сырьевым запасам с целью их экспорта за рубеж).

Третье. Общность задач развития. Она детерминируется общим транзитным характером развития стран Центральной Азии, необходимостью создания стабильных политических режимов, конкурентоспособной экономики, развитого научно-технического потенциала и, на этой основе, достижения социального и экологического благополучия.

Вместе с тем, практически всеми экспертами подчеркивается, что интеграционной основой для стран Центральной Азии может служить историческая общность различных народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи, разрывать которые было бы ошибкой.

Отметим, что в данном кратком анализе перечислены лишь главные причины в пользу центральноазиатской интеграции.

2. Проблемы региональной интеграции

Одной из самых серьезных проблем является нерешенный вопрос о водопользовании. Его решение приведет к устойчивому развитию региона, поскольку от воды и ее распределения зависит социально-экономическое благополучие государств Центральной Азии.

Другой проблемой является надежное энергообеспечение региона, где в течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Киргизстана, и газоснабжения, основными поставщиками которого были Узбекистан и Туркмения.

Еще одна проблема, решение которой даст большие перспективы интеграционным усилиям, заключается в единстве транспортно-коммуникационной системы региона, совместном использовании транзитного потенциала, который заметно возрос с завершением строительства Транс-азиатской магистрали.

К числу проблем, мешающих развитию интеграционных отношений в Центральной Азии, относится и проблема справедливого и окончательного урегулирования пограничных вопросов в отношениях между государствами региона.

Развитию интеграции мешает также разность уровней экономического развития и экономических отношений в государствах региона.

Безусловно, тормозящим моментом выступают таможенные барьеры, визовый и погранично-пропускной режим.

На нормальное экономическое взаимодействие серьезно влияют неразвитость транспортной инфраструктуры, слабость хозяйственных связей.

Регион Центральной Азии серьезно ослаб в плане экологической устойчивости; техногенная и человеческая деятельность, направленная на эксплуатацию окружающей среды, существенно подорвали возможности ее воспроизводства. При этом дополнительную нагрузку на безопасность проживающих в регионе людей оказывают факторы высокой сейсмичности и селеопасности, минимизировать последствия которых можно только общими усилиями.

Наконец, мы можем констатировать, что одной из главных проблем, тормозящих процесс интеграции региона, является амбициозность политических элит, разнонаправленность сиюминутных интересов которых попросту торпедирует этот процесс.

3. Инициатива Президента РК Н.А. Назарбаева по созданию Союза центральноазиатских государств

Говоря о причинах выдвижения инициативы по созданию Союза центральноазиатских государств, следует, наверно, ответить на несколько вопросов:

1. Зачем это нужно Казахстану? На наш взгляд, выдвигая данную инициативу, Казахстан может рассчитывать на получение ряда политических и экономических дивидендов. К их числу следует отнести:

А) На глобальном уровне:

- Выступив инициатором процессов интеграции Центральной Азии, Казахстан может стать международно признанным модератором этих процессов и на этой основе усилить свое влияние на мировых акторов, стремящихся заполучить решающее или частичное влияние в этом регионе.
- Интеграционные идеи «модны» в мире и в этом плане Казахстан может получить позитивную оценку и поддержку со стороны главных участников глобализационных процессов. Нет необходимости го-

ворить о том, что такая поддержка крайне важна для продвижения стремления РК занять место председателя ОБСЕ в 2009 г.

- Серьезно повышаются геополитические и геоэкономические возможности РК вести согласованную с членами Союза центральноазиатских государств политику по защите совместных интересов региона, большинство из которых напрямую совпадает с национальными интересами нашей республики.

Б) На региональном уровне:

- Благодаря данной инициативе, РК может добиться признания, наряду с экономическим, и политического лидерства в регионе. При этом под политическим лидерством следует понимать не навязывание своей воли и интересов соседям по Центральной Азии, а способность понимать и отражать общие интересы региона, обеспечивая их защиту совокупностью потенциальной мощи всего региона. С этой точки зрения, в перспективе речь может идти о выходе Центральной Азии на мировую арену в качестве самостоятельного и влиятельного игрока.
- Плюсом является защита интересов РК и Центральной Азии в глобальных и региональных международных объединениях и организациях типа ООН, ОБСЕ, СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и др. за счет формирования единых позиций стран Центральной Азии по тем или иным вопросам.
- Очевидным представляется улучшение возможностей РК и государств Центральной Азии по совместному обеспечению вопросов региональной и национальной безопасности, включая нетрадиционные вызовы современности (наркотрафик, незаконный оборот оружия, нелегальная миграция и торговля людьми). Seriously улучшаются возможности стабилизации политической ситуации в регионе.
- Позитивное воздействие на сохранение суверенитета республик Центральной Азии, в том числе и РК, оказало бы решение собственных проблем региона без участия (или с минимизацией) роли внешних акторов, за счет развития внутрирегиональной кооперации (водно-энергетические проблемы, создание законченных технологических циклов и кластеров, обладающих конкурентоспособностью на внешних рынках, и т.д.).

В) На внутреннем уровне:

- Обеспечение внешнеполитической стабильности на границах РК с Центральной Азии будет способствовать устойчивому внутреннему развитию РК.
- Расширятся возможности для быстрорастущей казахстанской экономики (за счет расширения транзитного потенциала, упрощенного выхода на рынки Южной Азии и Среднего Востока, покрытия дефицита рабочей силы и т.д.).
- Укрепитя продовольственная и энергетическая безопасность РК.

2. Почему инициатива выдвинута сейчас? Ответ очевиден. Выдвижение инициативы состоялось тогда, когда Казахстан оказался готов к ее материально-финансовой поддержке. К 2005 г. РК на протяжении пяти лет демонстрировала ежегодный 10% экономический рост. РК перестала бояться экономической мощи Узбекистана, так как превзошла его по уровню ВВП и, что еще более важно, по уровню производственно-технологического и управленческого опыта. То же самое можно сказать и по отношению к другим странам региона. Дополнительный момент – РК стал стратегическим партнером для всех главных мировых держав, ведущих активную деятельность в Центральной Азии – РФ, КНР, США и ЕС.

3. Почему именно Казахстан стал инициатором Союза центрально-азиатских государств?

На наш взгляд, это было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, в силу общей интеграционной активности РК на постсоветском пространстве, детерминированной высокой степенью открытости ее экономики.

Во-вторых, в силу узости внутреннего рынка РК для дальнейшего развития ее экономики (в особенности, финансово-экономического сектора).

В-третьих, ввиду заинтересованности в гарантированном водоснабжении южных регионов страны.

В-четвертых, из-за заинтересованности в обеспечении национальной безопасности на южном направлении, в первую очередь, путем стабилизации социально-политической и экономической ситуации у своих соседей по Центральной Азии.

В-пятых, ввиду необходимости хотя бы частичного выправления баланса сил ввиду усиливающегося геополитического давления на Казахстан.

В-шестых, внутриконтинентальное положение РК, отсутствие доступа к морским транспортным коммуникациям (иначе говоря, диверсифицированного доступа к мировым рынкам) заставляют Казахстан активно интересоваться интеграционными проектами.

4. Какой путь выглядит наиболее прагматичным для реализации заявленной инициативы? Учитывая, что степень готовности стран Центральной Азии к присоединению к казахстанской инициативе является весьма дифференцированной, оптимальным представляется вариант разносторонней интеграции, предусматривающей заключение двусторонних соглашений РК со странами Центральной Азии, имеющими унифицированный характер, с последующим их объединением в единый договор на многосторонней основе. Такого же рода практику следует поддерживать и в межгосударственных отношениях других стран региона. Отметим, что первый позитивный опыт в данном плане уже имеется. В ходе недавних визитов президентов РК и КР соответственно в Бишкек и Астану, а также министра иностранных дел КР в Душанбе, как известно, были подписаны схожие по содержанию двусторонние документы о формировании Меж-

госсоветов и СМВД этих республик. Активно развиваются и казахстанско-туркменские отношения. Таким образом, в определенной мере можно говорить о возможном начале складывания системы двусторонних «союзов» («цепочная интеграция»), могущих в дальнейшей перспективе перерасти в нечто большее.

Однозначно можно сказать лишь, что в Союзе центральноазиатских государств, в отличие от американской концепции «Большой Центральной Азии», место Афганистану пока не предусмотрено.

4. Оценки казахстанской инициативы

Отношение к инициативе по созданию Союза центральноазиатских государств было и по сей день остается неоднозначным. Предложение Н.А.Назарбаева было воспринято позитивно целым рядом европейских государств, США и некоторыми международными организациями, в числе которых такие авторитетные, как ООН и ОБСЕ. Их расположение объясняется тем, что идея Союза центральноазиатских государств созвучна принципам глобализации и «интеграционизма», что, с учетом ведущей роли Запада в этих процессах, воспринимается им как положительный тренд, отвечающий его интересам. Подспудный интерес читается и у США, выдвинувших в свое время концепцию «Большой Центральной Азии», которая, по их замыслу, должна способствовать отрыву региона от России (и Китая) и включению его в орбиту влияния западных держав.

Отсюда вполне объяснимым выглядит достаточно прохладное отношение к идее СЦАГ со стороны России. Большинство российских политиков полагает, что выдвигание предложения о Союзе центральноазиатских государств противоречит российским интересам и свидетельствует о некоей скрытой игре Казахстана, рассчитанной на ослабление влияния РФ в центральноазиатском регионе.

Осторожный оптимизм высказывает в отношении идеи Союза центральноазиатских государств Китай. Для КНР возникновение на ее западных границах относительно стабильного и экономически единого образования является положительным моментом. Это упрощает правила взаимодействия Китая с регионом и, тем самым, облегчает продвижение его энергетических и транспортных проектов.

Что касается самой Центральной Азии, то и здесь можно встретить самые полярные оценки казахстанской интеграционной инициативы. Однозначно негативное отношение к ней Узбекистана, проигрывающего негласную борьбу за региональное лидерство и боящегося экономической экспансии Казахстана, разделяется также и некоторыми кругами в других странах региона. Справедливости ради, следует признать, что определенные основания для этого есть. Казахстан сейчас объективно экономически сильнее любого соседа по региону и располагает преимуществом как в финансах, так и в опыте экономического развития. С другой стороны, эти

преимущества стали следствием открытости экономики РК, поэтому, как представляется, идея Союза центральноазиатских государств не противоречит, а наоборот, вполне отвечает интересам всего региона.

Вместе с тем, идея Союза центральноазиатских государств имеет и определенную поддержку в регионе. К примеру, как заявил российскому печатному изданию «Власти» заместитель директора Центра стратегических исследований при Президенте Таджикистана Сайфулло Сафаров: «Таджикистан однозначно поддерживает идею Нурсултана Назарбаева. Но, как сказал наш Президент Эмомали Рахмон, этот союз должен создаваться на основе равноправия всех стран-участниц. Когда Нурсултан Абишевич первый раз высказал эту идею 12 лет назад, мы не восприняли всерьез это предложение. Мы думали, что это амбиции Казахстана, который хочет задавить соседние республики. Но сейчас наша позиция изменилась. Мы понимаем, что без интеграции нам не выжить. Да и Казахстан сейчас совсем другой». Недавнее подписание соглашений РК с Киргизстаном, предусматривающих создание наднациональных структур сотрудничества (Межгоссовет, Совет министров иностранных дел), пакет экономических соглашений РК с Туркменистаном также говорят о том, что идея интеграции в Центральной Азии все же пробивает себе дорогу.

КАЗАХСТАН: ПОЛИТИКА МНОГОВЕКТОРНОГО ПРОЕКЦИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСТВА

*А.С. Дундич,
аспирант МГИМО (У) МИД РФ*

Казахстанский исследователь Б. Султанов условно делит внешнюю политику Казахстана на три периода. Первый период – формирование и становление (первая половина 1990-х годов), второй период – углубление и развитие внешнеполитической деятельности. Третий период начинается с сентября 2001 г., когда внешнеполитическая деятельность Казахстана претерпела некоторые изменения в новой стратегической обстановке.¹

Президент Казахстана Н. Назарбаев на совещании по вопросам внешней политики, состоявшемся в феврале 1995 г., подводя итоги внешнеполитической деятельности за 3 года, отметил, что сложился международный имидж Казахстана как серьезного и надежного партнера, заложены необходимые предпосылки для его интегрирования в мирохозяйственные связи. В наступившем новом этапе в качестве национальных внешнеполитических интересов были провозглашены динамичное экономическое и культурное развитие внешних связей.

Одним из документов, отражающих идейные основы внешней политики Казахстана, является стратегия развития «Казахстан – 2030».² В ней Н. Назарбаев отмечает внешнеполитические возможности Казахстана, которые определяет в первую очередь географическим, геополитическим и геоэкономическим положением страны.

Главной такой возможностью считается географическое положение на перекрестке дорог в Евразии. При этом президент Казахстана апеллирует к опыту предков, которые использовали такое расположение Казахстана с выгодой для себя: по шелковому Пути был организован широкий канал торговли между европейскими и азиатскими странами. На основе этого президентом выдвигается стратегическая идея евразийства. Выгодный транзитный потенциал планировалось реализовать во взаимовыгодном сотрудничестве. К 2030 г. в стратегии развития была поставлена задача «стать центральноазиатским Барсом» и «служить примером для других развивающихся стран».

Для развития интеграции в Центральной Азии необходима была политическая воля государства, которое смогло бы взять на себя роль локомотива. Концепция евразийства воплотилась в стремлении сформировать «Союз Евразийских государств», в котором Ка-

¹ **Султанов Б.** Внешняя политика Республики Казахстан: основные этапы развития. (1991-2001 гг.) Казахстан и современный мир. – Алма-Ата, 2001. – №1. – С. 7.

² Долгосрочная стратегия развития Казахстана «Казахстан – 2030». Ряд ее положений перекликается с узбекской концепцией «Узбекистан – государство с великим будущим».

захстан бы являлся лидером/одним из лидеров.¹ В связи с этим основной задачей внешней политики государства стало развитие интеграционных процессов, в первую очередь в рамках Таможенного союза / ЕврАзЭС, «Шанхайской пятерки» — ШОС, СВМДА, ДКБ и Союза центральноазиатских стран. Методом второго плана при воплощении в жизнь политики евразийства стало двустороннее сотрудничество с государствами и международными организациями. При этом воплощение концепции евразийства Казахстаном можно охарактеризовать как проецирование, поскольку Казахстан стремится не «грубо навязывать» ее, а, скорее, «настойчиво проецировать».²

Проецирование евразийства осуществляется через призму многовекторного сотрудничества. Главные партнеры Казахстана — Россия, Китай и государства СНГ. Особое внимание уделяется также партнерству с США и странами ЕС, а также Японией, Индией, Турцией и Ираном. В число основных вопросов, на решение которых направлена внешняя политика Казахстана с 1990-х гг. входило использование Каспийского моря, работа по делимитации и демаркации государственной границы, развитие транзитно-транспортного потенциала, проблема трансграничных водных ресурсов. Важное место отводилось политике обеспечения доступа казахстанской продукции на мировой рынок.

Характер и интенсивность проецирования евразийства отличаются на различных уровнях международных отношений, внутрирегиональном, расширенном региональном и надрегиональном.

Первый уровень — «внутрирегиональный», включает страны постсоветской Центральной Азии: Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Это зона наиболее интенсивного проецирования евразийства. Оно проецируется через субъект-объектные отношения, где объектом проецирования являются центральноазиатские республики. Согласно казахстанскому евразийству, на протяжении истории на территории постсоветской Центральной Азии сложился особый цивилизационный тип, отмеченный схожестью духовности и восприятия. На этом уровне Казахстан стремится быть лидером в иницилируемых интеграционных образованиях и субъектом внешнеполитического воздействия. Меньше всего это воздействие ощущает Туркменистан, поскольку придерживается политики неучастия в интеграционных образованиях на постсоветском пространстве. На этом уровне евразийство ярко проявилось в создании Евразийского экономического сообщества, воплощенной в жизнь казахстанской идеи интеграционного проекта. Евразийство проявляется и в двусторонних отношениях Казахстана с государствами региона.

¹ Евразийство Казахстана имеет практическое приложение и отличается от философских концепций евразийства и неоевразийства. См. **Назарбаев Н.А.** Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. — М., 1997.

² Такая формула была использована для характеристики глобального лидерства США. См. **Богатуров А.Д., Косолапов Н., Хрусталева М.А.** Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М., 2002. — С. 363.

Евразийское экономическое сообщество

Евразийское экономическое сообщество, после самоликвидации ОЦАС, ставшей дублировать его функции, на сегодняшний день является основной структурой, через которую осуществляется проецирование евразийства на внутрирегиональном уровне. 6 января 1995 г. между Россией и Белоруссией был заключен Таможенный союз, к которому впоследствии присоединились Казахстан, Киргизстан (29 марта 1996 г.) и Таджикистан (февраль 1999 г.). В рамках Таможенного Союза были подписаны документы и решались задачи в области налогового законодательства, транспорта, торговых режимов, формирования единого экономического пространства, тарифного регулирования, транзита и другие. Кроме того, в 1996 г. они дополнились подписанным на четырехсторонней основе Договором об интеграции в экономической и гуманитарной сферах. Казахстан являлся Председателем Межгосударственного совета Таможенного Союза. В 1998 г. он выступил с инициативой об упрощении юридических и визовых процедур для обычных граждан в рамках СНГ («Десять шагов навстречу простым людям»). В феврале 1999 г. уже пятью государствами был подписан Договор о Таможенном Союзе и едином экономическом пространстве. Н.А. Назарбаев назвал Таможенный союз «ядром СНГ и локомотивом экономического взаимодействия постсоветских стран».¹

Однако Таможенному союзу не удалось в полной мере решить поставленные перед ним задачи. Государства региона имели различные цели. Так, если Казахстан стремился реализовать свои Евразийские амбиции, то Киргизстан и Таджикистан надеялись на урегулирование миграционных вопросов и сотрудничество в водно-энергетической сфере. Таможенный союз не способствовал решению проблемы транспортной «изолируемости» Киргизстана, поскольку Казахстан в одностороннем порядке установил высокие транзитные пошлины для его грузов и блокировал вывоз сельскохозяйственных и прочих товаров. Осложнило интеграцию вступление Киргизстана в ВТО в 1998 г. Например, таможенный тариф для государств-членов ВТО был установлен в 10%, в то время как в Белоруссии и России 14%, в Казахстане – 13%. 10 октября 2000 г. на саммите глав Таможенного союза было принято решение о создании ЕврАзЭС, фактически, в продолжение инициативы Н. Назарбаева о создании Евразийского союза (1994 г.). Страны-участницы рассчитывали на более эффективное взаимодействие в его рамках. ЕврАзЭС имеет полномочия представлять интересы стран-участниц этого союза на переговорах с другими странами и международными организациями по вопросам, связанным с международной торговлей и таможенной политикой.

Второй уровень – «расширенный региональный». Здесь политика евразийства выходит за рамки региона. В сферу проецирования казахстанской внешней политики включается так же ряд нецентральноазиатс-

¹ **Третьяков В.** Нурсултан Назарбаев: мы – за многополюсный мир// Независимая газета. – М., 2000. – 24 февраля.

ких государств азиатского континента и страны СНГ. Однако проецирование евразийства осуществляется через субъект-субъектные отношения, в которых Казахстан выступает не в качестве лидера, а как один из субъектов/инициатор взаимодействия. Это ярко проявилось в создании Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), отчасти в некоторых международных организациях, выходящих за рамки Центральной Азии, например СНГ, ЕврАзЭС, ОИК, ОЭС.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии

Идея о необходимости создания СВМДА была впервые представлена Н. Назарбаевым на 47-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 г. Глава Казахстана подчеркнул, что суть инициативы заключается в стремлении возобновить ранее не увенчавшиеся успехом попытки создать эффективную и универсальную структуру по обеспечению безопасности на азиатском континенте, где, в отличие от других регионов мира, подобный механизм еще не сформирован.

СВМДА планировалось как форум для диалога государств Азии. Основной его функцией является противодействие новым глобальным вызовам и угрозам в рамках глобальной системы безопасности. При этом Казахстан придавал большое значение экономическому измерению СВМДА как важной и неотъемлемой составляющей деятельности по обеспечению экономической безопасности и всестороннего сотрудничества. На базе СВМДА планировалось расширение торгово-экономического сотрудничества азиатских стран, в котором, по мнению Н. Назарбаева, организующую роль должен был сыграть Секретариат СВМДА.

Целью СВМДА является укрепление сотрудничества путем выработки многосторонних подходов к обеспечению мира, безопасности и стабильности в Азии, т.е. создание системы доверия¹. Для формирования такой системы доверия представлялось необходимым создание «открытой и удобной для равноправного диалога площадки СВМДА».

После того, как инициатива была официально озвучена, началась упорная работа Казахстана по ее реализации, поиску совпадающих точек зрения на вызовы и угрозы среди государств Азии. Страны Азии включились в работу по созданию структуры такого форума. Делегации Казахстана со специальными миссиями посетили все страны - участницы Совещания, на протяжении всего периода шли интенсивные консультации и на двустороннем уровне.

СВМДА первоначально представлял собой регулярные совещания старших должностных лиц и министров иностранных дел. За время реализации инициативы СВМДА казахстанская дипломатия нарабатывала опыт в выработке компромиссных подходов к вопросам безопасности и сотрудничества, на которые в регионе существуют диаметрально противоположные

¹ Акт СВМДА от 4 июня 2002 г. (Алма-атинский акт).

точки зрения. Базовыми документами СВМДА стали «Правила процедуры СВМДА», «Декларация принципов взаимоотношений государств-членов СВМДА», «Структура и институты СВМДА».

На пути к институционализации СВМДА был проведен ряд совещаний и встреч. На Совещании заместителей глав внешнеполитических ведомств, проведенном МИД Казахстана 7-8 февраля 1996 г. в Алма-Ате, представителями 23 азиатских стран было достигнуто понимание, что процесс развития СВМДА потребует длительного времени и совместных усилий всех участников.

3 декабря 1997 г. состоялась очередная встреча заместителей министров иностранных дел государств-членов СВМДА. Участники приняли итоговое заявление совещания, отражающее совместное видение дальнейшего хода развития казахстанской инициативы. В соответствии с меморандумом, распространенным казахстанской стороной, была создана постоянно действующая контактная группа, состоящая из представителей посольств государств-участников, аккредитованных в Алма-Ате.

В октябре 1998 г в Алма-Ате был проведен международный коллоквиум по вопросам СВМДА, в работе которого приняли участие 24 эксперта из 12 государств, включая страны, не являющиеся членами СВМДА. Данное мероприятие стало важным этапом в процессе реализации казахстанской инициативы.

14 сентября 1999 г. в Алма-Ате состоялась Встреча министров иностранных дел государств-участников СВМДА. В ходе Встречи была подписана Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА. В документ вошли базовые положения обеспечения международной безопасности: уважение суверенитета и прав государств-участников; сохранение территориальной целостности; невмешательство во внутренние дела друг друга; мирное урегулирование споров; отказ от применения силы; разоружение и контроль над вооружениями; сотрудничество в социальной, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах; уважение основных прав человека в соответствии с принципами ООН и международного права. Выступившие на форуме руководители внешнеполитических ведомств выразили признательность президенту Казахстана за его последовательность в проведении инициативы по СВМДА, внесли свои предложения по развитию этого процесса.

Таким образом, согласно мнению казахстанских экспертов, была заложена юридическая основа системы азиатской безопасности.

Третий уровень международного декларирования евразийства можно охарактеризовать как «надрегиональный». На этом уровне происходит взаимоналожение интересов ведущих мировых держав в Центральной Азии. Здесь проецирование евразийства происходит через объект-субъектные взаимодействия, где Казахстан является объектом, на который направлен внешнеполитический вектор великих держав. При этом,

внешнеполитическое воздействие не является угрозой для национальной безопасности государства, а скорее возможностью для многовекторного сотрудничества. Согласно евразийской политике стратегическим партнером Казахстана является Россия, однако это не мешает ему развивать отношения с другими государствами. При этом, основной акцент делается на двустороннее сотрудничество, а не на сотрудничество в рамках международных организаций. В тоже время евразийская важность России для Казахстана накладывает ограничения на поиск альтернативного ей внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества. Примером здесь может служить поиск альтернативных путей транзита энергоносителей. Так, исследователям, изучающим российско-казахстанские отношения в энергетической сфере официальные лица Казахстана сегодня отказываются давать интервью, отвечая, что тема для них «слишком болезненна». С этой точки зрения поиск внероссийских путей транзита представляется проблематичным. Так, казахстанская нефть помогает заполнить нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, однако осуществление планов строительства транскаспийских нефте- и газопровода в свете евразийского проецирования затруднительно.

В соответствии с политикой евразийства провозглашается, что дружественные казахстанско-российские отношения – мощный фактор стабилизации ситуации на огромной части евразийского пространства, весомый вклад в глобальную стабильность и безопасность, и, таким образом, демократическое развитие России является необходимым условием стабильного и безопасного развития Казахстана. Руководство Казахстана осознает важность сотрудничества с Россией, признает наличие прочных связующих элементов в российско-казахстанских отношениях. Свое влияние на развитие двух государств оказывает и такой аспект казахстанско-российских отношений, как проживание в Казахстане млн. этнических русских. Изучению русской ирреденты в Казахстане посвящено большое количество исследований. Меньшее внимание российские исследователи уделяют изучению казахской диаспоры в России, в то время как фактор наличия казахского населения в ряде субъектов Российской Федерации также оказывает влияние на развитие евразийского российско-казахстанского сотрудничества.¹ О прочной связи двух государств говорит, например, тот факт, что в Казахстан до сих пор разрешен въезд по российскому общегражданскому паспорту.

Таким образом, при проведении в жизнь концепции Евразийства Казахстан стремился опереться на Россию, которая поддерживала его динамично развивающееся региональное лидерство. В январе 1995 г. в Москве были подписаны соглашения в экономической, гуманитарной, внешнеполитической областях, которые заложили основы общего пространства – Евразийского союза. 20 января 1995 г. президенты Н. А. Назарбаев и

¹ Об этом см., например *Балаубаева Б.М.* Қазақстан-Ресей қарым-қатынастарындағы ресейдегі қазақ диаспорасының орны мен рөлі // ҚазҰУ хабаршысы. Халықаралық қатыныстар және халықаралық құқық сериясы. — Алматы, 2005. — №3 (19).

Б. Н. Ельцин подписали Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о правовом статусе граждан РФ, постоянно проживающих на территории РК и граждан РК, постоянно проживающих на территории РФ, а также Соглашение между РФ и РК об упрощенном порядке получения гражданства гражданами РФ, прибывающими для постоянного проживания в РК и гражданами РК, прибывающими, для постоянного проживания в РФ. Тогда же были подписаны Соглашение между двумя правительствами о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности, Протокол о введении режима свободной торговли без изъятий и ограничений при объединении таможенных территорий РК и РФ, целый ряд двусторонних соглашений в области военного сотрудничества. В 1998 г. Россия и Казахстан объявили о вечной дружбе и союзничестве. С приходом к власти в России В.В. Путина сотрудничество между двумя государствами продолжилось и укрепилось.

В 2007 г. Казахстан выступил с инициативой создания Союза центральноазиатских стран (СЦАС). Инициатива была поддержана лидерами государств региона. С очередным витком усиления субъект-объектного проецирования евразийства на внутрирегиональном уровне центральноазиатские исследователи заговорили о стремлении Казахстана к региональному лидерству при поддержке России¹.

В последнее время в казахстанской внешней политике через призму евразийства усилились претензии на лидерство. Это связано с прогрессирующим экономическим развитием, обусловленным высокими ценами на энергоносители. Проявляется заинтересованность казахстанской элиты не только к экономическому, но и обеспечивающему экономическое политическому региональному лидерству. Порой это идет в разрез с желаниями части бизнес-элиты, считающей интеграцию невыгодной. Однако внешнеполитические шаги Казахстана позволяют говорить, что при сохранении существующих факторов и тенденций проецирование лидерства будет усиливаться.

¹ См. **Асадуллаев И.К.** В защиту евразийства// Завтра. – М., 2004. – № 35 (562), 25 августа.

ИНТЕГРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ — КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

*Рашид Г. Абдулло,
эксперт, Таджикистан*

1.

Сколько существуют независимые государства нынешней Центральной Азии, а существуют они уже 16 лет, столько же времени дискутируется вопрос о создании некоего интегрированного пространства региона. Однако в нынешнем году эти дискуссии перерастают в настоящую кампанию по проталкиванию идеи региональной интеграции. Причем не только со стороны самих центральноазиатских стран. Созданием единого пространства в регионе сильно озабочены и внерегиональные силы.

В странах Центральной Азии создание единого интегрированного пространства для одних представляется эффективным инструментом решения актуальных социально-экономических проблем, для других — снижения избыточного давления больших государств на процессы, развивающиеся в регионе, а для третьих — предотвращения дестабилизации ситуации в каждой из стран региона и повышения уровня их сопротивляемости негативным влияниям извне.

В самое последнее время проблема центральноазиатской интеграции обрела новое измерение. Она была актуализирована президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, заявившим буквально следующее: «...самым лучшим было бы создать союз центральноазиатских государств, куда я включаю Казахстан и Среднюю Азию. Просто потому, что во всем мире идет такой процесс... Нам сам Бог велел объединяться: 55 млн. населения, нет языковых барьеров, взаимодополняемая экономика, находимся на одном пространстве, есть транспортные связи, энергетические. Этот регион может обеспечить себя продовольствием, не выходя на внешние рынки, может полностью обеспечить себя энергетикой и так далее. Что еще надо? Мы уважаем друг друга. Население от этого только выиграет».

Идея центральноазиатской интеграции не нова. Она была высказана еще на излете перестройки в бывшем СССР. Актуальность этой идеи в то время предопределялась необходимостью противостояния множившимся вызовам, проистекавшим из стремительного углублявшегося кризиса советской государственности как таковой. В те годы, впервые за все время существования советской власти, руководители бывших советских республик оказались перед реальной необходимостью предпринимать какие-то самостоятельные действия по разрешению проблем, порождаемых утратой общесоюзным центром идейно-политической и управленческой дееспособности.

В условиях быстро разрушавшегося единого советского государственно-политического и экономического пространства руководителям

республик региона не оставалось ничего иного, как брать судьбу своих стран в собственные руки. Для этого им пришлось наладить систему более или менее регулярных встреч друг с другом — как на двусторонней, так и на многосторонней основах: по собственной инициативе и уже без ведома Москвы. Одним из активных инициаторов подобных встреч был руководитель Казахстана Н. Назарбаев. Усилия казахского руководителя и его коллег, хотя и не были успешными, тем не менее, не были и бесполезными. Они позволили им обрести опыт и навыки самостоятельного управления своими республиками, взаимодействия друг с другом, но сегодня об этих безуспешных позднеперестроечных попытках руководителей советских среднеазиатских республик наладить внутрирегиональные связи напоминает лишь прижившееся новое название региона.

С распадом СССР резко возросла объективная потребность в координации усилий новых независимых государств Центральной Азии, направленных на смягчение негативных последствий крушения советского государства. В середине 1990-х гг. была вновь предпринята попытка наладить интеграционные связи между Казахстаном, Киргизстаном и Узбекистаном в рамках Центральноазиатского сообщества (ЦАС). После присоединения к нему Таджикистана оно было преобразовано в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Но и эта попытка закончилась ничем. Каждая страна региона самостоятельно решала и преодолевала проблемы и трудности, вызванные распадом советского государства. В 2006 г., за очевидной ненадобностью, ЦАЭС благополучно закончило свое существование, растворившись в ЕвразЭС.

В отличие от предыдущих интеграционных инициатив, нынешняя инициатива Н. Назарбаева, как представляется, объективно обусловлена принципиально иными причинами. Сегодня Казахстан является одной из наиболее динамично развивающихся постсоветских стран. По многим параметрам, в частности, по развитию системы высшего образования, строительству жилья и т.д., Казахстан не только вышел на уровень 1990 г., но и превзошел его. Страна ставит перед собой амбициозную задачу — уже в ближайшем будущем стать лидером Центральной Азии и войти в число 50 самых развитых стран мира.

Но поддержание нынешних темпов развития страны возможно лишь при условии сохранения внутренней и региональной стабильности. Большая и малонаселенная территория, высокая степень полиэтничности населения, многоконфессиональность, пока еще не преодоленные диспропорции в развитии регионов, наличие проблем с адекватным представительством различных политических сил в процессах принятия решений, наличие мощных соседей на севере и юго-востоке страны, непростые процессы, развивающиеся у южных соседей по региону, все это представляет собой реальные факторы риска для Казахстана.

Координация региональных усилий могла бы помочь Казахстану более успешно решать проблему нейтрализации воздействия названных

и многих других негативных факторов. Одновременно, как уверены в республике, она позволила бы и другим государствам региона более успешно решать множество весьма острых социально-экономических и политических проблем. Таких, например, как бедственно высокий уровень безработицы, бедности, коррупции, глубокое расслоение общества по имущественному признаку, неразвитость демократических институтов и т.д. Проблем, неразрешенность которых служит или может послужить питательной почвой для развития процессов, ведущих к дестабилизации ситуации в каждой стране региона и, соответственно, в регионе в целом.

Есть еще один момент, о котором стоит, наверное, упомянуть. Развитие интеграционных связей в ЕвразЭС буксует. В том числе, как представляется, и в силу изменившегося финансово-экономического положения России и политической ситуации в европейских странах сообщества. О том, как сказываются улучшившееся экономическое положение России и ее резко возросшие финансовые возможности на отношении этой страны к интеграционным проектам, свидетельствует недавний российско-белорусский газонефтяной кризис. Один из смыслов этого кризиса, как представляется, составляет нежелание наиболее влиятельной части политических элит России видеть в Белоруссии равноправного партнера.

Если быть реалистами, то помимо разных других практических выводов из случившегося газонефтяного противостояния постсоветских славянских государств само собой напрашивается и следующий. Казахстану, как представителю азиатской части евразийского пространства, вряд ли следует рассчитывать на то, что в России его будут рассматривать в каком-то ином качестве, нежели как младшего и, соответственно, не совсем полноправного компонента этого пространства. Как это было и в прошлом, и позапрошлом, и в более ранних веках. По всей видимости, подспудное осознание этого обстоятельства и побуждает президента Казахстана вновь повернуться лицом к более близкому для него центральноазиатскому пространству и попытаться именно здесь реализовать как свои интеграционные идеи, так и стремление видеть свою страну лидером некоего сообщества стран.

2.

Для всех внерегиональных сил создание единого пространства Центральной Азии интересно с точки зрения обеспечения их собственных политических и неполитических интересов. Далекое не случайно, самыми настойчивыми сторонниками скорейшей интеграции государств региона выступают западные страны, причем застрельщиком является Германия.¹ Активно пропагандируя идею создания единого центральноазиатского

¹ Во всяком случае, инициаторами и спонсорами большинства конференций и семинаров, организуемых на данную тему в центральноазиатских государствах, выступают известные немецкие фонды Фридриха Эберта и Конрада Аденауэра, связанные с двумя основными партиями ФРГ, попеременно сменяющими друг друга у руля власти — СДПГ и ХДС/ХСС.

пространства, западные сторонники центральноазиатской региональной интеграции настаивают на том, что длительное пребывание стран региона на этапе развития в рамках национальных государств не позволяет им эффективно решать наиболее острые вопросы экономического и политического развития. Невозможность же обеспечения быстрого подъема экономики в государствах региона не позволяет найти удовлетворительное решение многих социальных проблем, и, соответственно, может привести к росту социальной и политической напряженности со всеми вытекающими из этого последствиями.

Примерно с рубежа прошлого и нынешнего столетий и практически до наших дней повышенная озабоченность западноевропейских стран возможными последствиями роста социальной и политической напряженности, обусловленного недостаточным развитием местных экономик в регионе ввиду их неинтегрированности, как представляется, объяснялась и объясняется сугубо политическими мотивами. Достаточно сказать, что до сих пор эти страны не проявляли никакого особого стремления к развитию широкого и взаимовыгодного экономического сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Любые попытки последних начать диалог в данном направлении встречались сентенциями об обусловленности такого сотрудничества непременным внедрением в политическую жизнь на местах стандартов западной политической культуры.

Вместе с тем, они откровенно опасались того, что возможные политические потрясения, вызванные социально-экономическими причинами могут, во-первых, вытолкнуть в Европу массу беженцев и трудовых мигрантов и, во-вторых, привести к власти в странах Центральной Азии силы, для которых исламские ценности являются определяющими. Такую перспективу западноевропейцы считали для себя неприемлемой. При явном нежелании активно вкладывать средства в развитие реальной экономики региона, они были готовы тратить на выдвигание и реализацию инициатив по стимулированию интереса входящих в него стран к интеграции.

Ратуя за скорейшее создание единого интегрированного пространства Центральной Азии, западные страны, вне всякого сомнения, преследовали решение и такой весьма актуальной для них задачи, как ослабление российских позиций в центральноазиатском регионе. Задачи, в которой помимо утилитарной политической составляющей зримо присутствует и такая, фундаментальная по своему значению, составляющая, как цивилизационное противостояние с Россией.

В последние год-два на фоне бурного роста мировых цен на углеводородное сырье и роста зависимости от российских нефтегазовых ресурсов заинтересованность Запада, особенно западноевропейцев, «двинуть вперед» центральноазиатскую интеграцию обрело новую мотивацию. Суть ее заключается в их неприкрытом стремлении во что бы то ни стало ослабить свою нефтегазовую зависимость от России. Совершенно очевидно, что один из путей решения этой проблемы они видят в развитии отноше-

ний с интегрированной Центральной Азией, обладающей немалыми нефтегазовыми ресурсами.

В данном контексте, уже не страны Центральной Азии, а сама Западная Европа оказывается в положении и состоянии просителя. Изменение ситуации подвигает уже западноевропейцев предлагать свое сотрудничество странам регионам, конфузливо называя его предложением помощи, с фактическим отказом от выдвигания неприемлемых для последних политических условий.

Таким образом, за столь большим вниманием западных стран к проблеме центральноазиатской интеграции скрывается, по большому счету, стремление обеспечить свои интересы в области безопасности, экономические, политические и цивилизационные интересы как через предотвращение укрепления в реальных условиях Центральной Азии двойственной — национальной и исламской — идентичности государств и обществ стран региона, так и всяческого ослабления позиций России: в регионе в целом и в каждой из стран в отдельности.

Сегодня очевидно, что и в России стали проявлять, в отличие от многих прошлых лет, интерес к странам Центральной Азии, вообще, и к проблеме региональной интеграции, в частности. В проявлении Россией значительного и предметного интереса к региону следует, наверное, видеть упрочение в политическом истэблшменте страны положения сил, для которых развитие отношений со странами Центральной Азии, а в этом контексте и лоббирование идей создания некоего интегрированного пространства в регионе, является политическим и цивилизационным проектом, отвечающим национально-стратегическим интересам российского государства. Эти силы не в меньшей степени, чем Запад, заинтересованы в воспрепятствовании, через поддержку идеи центральноазиатской интеграции, развитию процесса воссоединения стран региона, после десятков лет советской изоляции, с естественным для них пространством исламской цивилизации. Одновременно реализацию подобного проекта они рассматривают в качестве эффективного инструмента укрепления собственных позиций в регионе и ограничения неприемлемых для интересов России попыток западных стран расширить и упрочить свои экономические и политические возможности в Центральной Азии.

3.

В связи с все более настойчиво выдвигающимися проектами создания единого центральноазиатского пространства возникает, не может не возникнуть, ряд вопросов. И первый из них можно сформулировать так — существуют ли реальные предпосылки для формирования нового единого регионального пространства? Сторонники скорейшей интеграции центральноазиатских государств полагают, что для формирования такого пространства в Центральной Азии набор основных необходимых предпо-

сылок уже имеет быть. Они и перечислены в цитированном выше высказывании Н. Назарбаева. Некоторые к этому списку добавляют и такой фактор, как «общность исторических судеб» стран и народов региона.

Действительно, республики бывшей советской Средней Азии являются соседями. Но это еще ни о чем не говорит. Таджикистан, например, в гораздо большей степени является соседом Афганистана и Китая, нежели Туркменистана и Казахстана. С первыми он имеет общие границы. При этом на государственном уровне проблем у Таджикистана с ними гораздо меньше, нежели с некоторыми постсоветскими соседями по региону. Нынешние экономики стран региона никак нельзя назвать взаимодополняемыми. О родстве же культур можно говорить лишь в том случае, если они базируются на общей цивилизационной платформе.

Культуры народов региона сегодня базируются, как минимум, на двух таких платформах — исламской и советской. Но, как представляется, силы способные определять развитие стран региона упорно стремятся как можно дальше уйти от них обоих. Одновременно народы Центральной Азии разделяет принадлежность одних — к оседлой ираноцентристской цивилизации, других — к тюркско-номадической, третьих — к некоей комбинации и той и другой. В этом плане общего между ними, в целом, не очень-то и много. Упоминание же об общем языке вообще носит очень двойственный характер.

Можно полагать, что казахский президент имеет в виду русский язык. Но к нему в регионе отношение весьма специфичное. В его широком распространении очень многие видят скрытую угрозу развитию процесса формирования постсоветской национальной идентичности. Соответственно, в регионе скорее настроены на то, чтобы этот язык постепенно сдал свои позиции, нежели получил дополнительный импульс к усилению своих позиций в рамках реализации интеграционных проектов. С другой стороны, таджики склонны подозревать, что в планируемом едином интегрированном пространстве, преимущественно тюркском, за фразой об общем языке может скрываться стремление утвердить в качестве общего и какой-либо из тюркских языков. При сохранении тех процессов, которыми характеризуется демографическая ситуация в регионе и вероятности уже в ближайшем будущем резкого подъема экономики Узбекистан, перспективы узбекского языка в этом плане являются наиболее предпочтительными.

Не все ладно и ясно и с «общностью исторических судеб» стран и народов региона. Тут, как минимум, надо определиться с тем, что же подразумевать под этой общностью. Очевидно, что у руководителей каждой центральноазиатской страны, а от них в конечном итоге, зависит судьба интеграционного проекта, свое и далеко не схожее с другими видение и понимание этой самой «общности исторических судеб».

Из всего сказанного следует лишь одно — названные предпосылки никак не могут служить реальной основой развития интеграционных процессов в регионе.

Возникает и такой вопрос – в какой мере формирование единого интегрированного пространства действительно отвечает национальным, скажем Таджикистана и таджиков, как страны и этноса, интересам? По крайней мере, в настоящий и в обозримый период времени? Так ли уж очевиден и, что более важно, приемлем для них положительный ответ?

Для Таджикистана и таджиков создание интегрированного, без государственных границ, пространства в Центральной Азии, в условиях, когда процесс формирования современной таджикской нации только-только начинает развиваться по-настоящему и завершится еще очень не скоро, чревато далеко не позитивными последствиями. В частности, возможностью распространения на территорию республики такого явления, как имеющий быть процесс «детаджикизации» территорий, исторически населенных таджиками, но после национально-территориального размежевания Центральной Азии в середине 1920-х гг. оставшихся за современными границами республики. Уже одна эта перспектива, а она вполне реальна, делает идею скорейшей реальной региональной интеграции неприемлемой для таджиков.

Создание интегрированного, т.е. объединившегося, слившегося единого, пространства в Центральной Азии обязательно будет сопровождаться добровольным, а возможно и не всегда и не совсем, отказом каждого из интегрирующихся государств от части своего суверенитета в пользу наднациональных органов. По мере развития интеграционного процесса эти органы будут стремиться к расширению своих полномочий за счет передачи им национальными государствами все большей части своих суверенитетов. В условиях Центральной Азии скорейшая интеграция приведет к тому, что наднациональные органы будут отражать, прежде всего, национальные интересы государств, обладающих более сильными экономиками. С этой точки зрения Таджикистан не сможет конкурировать с Казахстаном, Узбекистаном или Туркменией. Таким образом, совершенно очевидно, что сегодня поспешная интеграция в единое центральноазиатское пространство совершенно не отвечает интересам республики.

Вместе с тем, представляется весьма проблематичной полезность немедленного развития интеграционных процессов и для того же Казахстана, постоянно выдвигающего самые различные интеграционные проекты, как страны и казахов как этноса. Только лишь высокого уровня и динамики экономического развития недостаточно для обеспечения безопасности той или иной центральноазиатской страны как государства и, что особенно важно, для этнической безопасности его титульного населения. В последнем случае не меньшее значение имеет численность этого этноса, уровень осознания им своей этноцивилизационной идентичности и готовности ее защищать.

Нынешнее население Казахстана составляет всего лишь 15-16 млн. человек. Из этого числа самих казахов около половины, причем большая часть этой половины испытывает явные проблемы с собственной этноци-

визационной идентичностью. И это при том, что соседи Казахстана имеют такие проблемы в гораздо меньшей степени, а для некоторых из них таких проблем, как представляется, вообще не существует. И не может ли в этих условиях стать так, что создание единого интегрированного пространства Центральной Азии окажется лишь прелюдией для процесса этнического переформатирования самого Казахстана, процесса его повторной, как это было уже однажды в советское время, «деказахизации»? Конечно, не физической, а в смысле утраты казахской частью населения республики своей этнической идентичности?

4.

Сочувственное отношение ко всем формам региональной интеграции означает не что иное, как подрубание корней, питающих сам процесс создания и обеспечения дальнейшего развития национальных государств региона, подведение подкопа под концепции национального возрождения, на основе которых возводится сегодня здание государственности в странах Центральной Азии. Эти концепции, несмотря на всю их нечеткость и аморфность, являются практической, хотя и никак не формализованной, государственной идеологией всех центральноазиатских стран. Основной в них является идея восстановления утраченной некогда государственности и восстановления преемственности между нынешним возрожденным государством того или иного титульного этноса и прежним государством этого же этноса в период его наибольшего расцвета и могущества. Во всяком случае, именно так обстоит дело в Таджикистане и Узбекистане, политические элиты которых, когда говорят о восстановлении государственной преемственности, однозначно имеют в виду восстановление преемственности с государством Саманидов и государством Тимура и тимуридов, соответственно. А, как известно, эти государства были исламскими.

Сторонники вестернизированных моделей интеграции, будь то советская модель или модель ЕС, когда говорят о создании единого центральноазиатского пространства, на деле ведут речь, прежде всего, об уходе от исламских цивилизационных корней нынешних государств региона. Сторонники же разного рода исламских моделей интеграции фактически не приемлют их национальной составляющей. И в одном, и в другом случае сторонники региональной интеграции приходят в жесткое столкновение с национально-возрожденческими идеологиями и одной из сущностных их составляющих — идеей преемственности между нынешними национальными государствами и якобы национальными государствами прошлого.

Для Таджикистана создание какого-либо интегрированного пространства может иметь сущностное значение лишь в том случае, если оно не будет представлять угрозы сохранению таджикского этноса. Если подходить к данной проблеме под этим углом зрения, то наиболее перспективным может считаться проект формирования интегрированного про-

странства, населенного таджиками и родственным ими этносам. В практическом плане, речь может идти о развитии более тесных отношений между Таджикистаном, Афганистаном и Ираном. Эти страны имеют все то, в чем они нуждаются — энергоресурсы, природные ископаемые, коммуникации, обеспечивающие выход к морю, возможности по созданию диверсифицированной экономики. Наконец, их действительно объединяют общая культура и язык.

Пока самым мощным фактором, мешающим развитию соответствующих процессов, являются советское прошлое Таджикистана и определенные различия в менталитете народов этих стран, в их политической культуре, во многом, также обусловленные советским прошлым республики и отношением к этому прошлому в Афганистане и Иране. По мере развития процесса десоветизации в самом Таджикистане и преодоления его восприятия как все еще остающейся некоей полусоветской республикой со стороны Афганистана и Ирана, проецирование советского прошлого на настоящее будет уменьшаться. Нарастающие связи на всех уровнях, особенно на уровне бизнес-сообществ и элит, могут и, скорее всего, будут способствовать преодолению имеющихся различий и препятствий и, тем самым, формированию необходимых предпосылок, в том числе и психологических, по интенсификации двух- и трехсторонних связей. Уже обретают статус рутинных трехсторонние встречи на уровне различных министерств, парламентские саммиты и встречи в верхах глав государств Таджикистана, Афганистан и Ирана. По всей видимости, этот процесс, аналогичный соответствующему процессу в отношениях между тюркоязычными странами, получит или может получить еще большее развитие в ближайшем будущем.

Что же касается формирования единого пространства Центральной Азии, то, как представляется, в настоящее время и при нынешних политических и прочих реалиях региона, не только стимулирование процесса широкого и всеохватывающего процесса региональной интеграции, но и всего лишь постановка такого вопроса не отвечает ни национальным интересам республики, ни таджиков как этноса. Идея региональной интеграции может стать, в какой-то мере, приемлемой для Таджикистана лишь после трансформации республики в развитое, самостоятельное и вполне состоявшееся государство и формирования устойчивой таджикской национальной идентичности. До появления этих необходимейших предпосылок, отношения между Таджикистаном и другими странами региона должны развиваться преимущественно на двусторонней основе, а также на многосторонней основе, но без создания каких-либо наднациональных органов, наделенных сколько-нибудь значимыми самостоятельными полномочиями.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ «НАШ ОБЩИЙ ДОМ — АЛТАЙ»)

*С.Ю. Ножкин,
заместитель начальника управления
Алтайского края по обеспечению
международных и межрегиональных связей,
старший преподаватель кафедры всеобщей
истории и международных отношений
Алтайского государственного университета*

До начала 1990-х гг. возможности межрегионального пригранично-сотрудничества в Алтайском регионе не могли и не являлись предметом каких-либо специальных исследований. Социально-экономическое развитие расположенных на территории гор и предгорий Алтая Восточного Казахстана, Алтайского края, а также фактически и западных аймаков Монголии осуществлялось в рамках единого народно-хозяйственного комплекса СССР. Советско-монгольская граница была простой линией на карте, никак не разделявшей два действительно братских государства. В то же время китайско-монгольский и китайско-советский участки границы представляли собой вполне реальный «железный занавес» и образовывали закрытый сектор, разрывавший приграничные связи по периметру Алтайских гор.

Все изменилось после распада СССР, когда регион Алтайских гор стремительно превратился в так называемый трансграничный Алтайский узел, где сходятся не только ареалы основных религий и культур Внутренней Азии, но и границы, политические и экономические интересы теперь уже 4-х государств — Китая, Казахстана, Монголии и России. Таким образом, в настоящее время политико-географическое положение Алтайского края (Российского Алтая, если край рассматривать вместе с Республикой Алтай) обуславливает широкие возможности приграничного сотрудничества с регионами сопредельных государств. Межгосударственное сотрудничество России, Казахстана, Китая, Монголии на стыке четырех границ, в так называемом «Большом Алтае» обусловлено историческими обстоятельствами. В течение столетий это гигантское горно-степное пространство связывалось культурными, этническими, торгово-экономическими, политическими, миграционными нитями. К началу XXI в. во всех приграничных территориях государств Большого Алтая сложилась благоприятная политическая и экономическая ситуация для взаимовыгодного приграничного, межрегионального сотрудничества.

Основой многостороннего сотрудничества являются двусторонние связи. В настоящее время Алтайский край развивает всесторонние связи с Восточно-Казахстанской областью Республики Казахстан, Баян-Ульгийским и Ховдским аймаками Монголии, Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР.

С каждым из сопредельных регионов Большого Алтая Администрация Алтайского края поддерживает регулярные контакты в рамках двусторонних соглашений. При этом всегда обязательно задействован межгосударственный механизм сотрудничества на уровне российско-казахстанских, российско-китайских и российско-монгольских межправительственных комиссий. Примерно такой же механизм двусторонних взаимоотношений отработан между Республикой Алтай, Восточным Казахстаном, Синьцзяном и Западной Монголией.

С середины 1990-х гг. в Алтайском регионе прошли несколько конференций, на которых обсуждались и постепенно вырисовывались контуры многостороннего сотрудничества приграничных регионов.

В 2003 г. в г. Барнауле руководителями законодательных (представительных) органов власти было подписано Соглашение о создании Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». Такая форма взаимодействия была очень важна на начальном этапе сотрудничества в отсутствие как общего правового поля, так и необходимой законодательной базы приграничного сотрудничества во всех четырех странах. Представители власти впервые использовали четырехсторонний переговорный формат, были инициированы первые совместные проекты. Со временем пришло понимание того, что необходим и «губернаторский совет».

В августе 2006 г. в Барнауле состоялось пятое заседание Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай», в котором приняли участие руководители не только законодательных, но и исполнительных органов власти приграничных регионов Большого Алтая: Алтайского края и Республики Алтай РФ, Восточно-Казахстанской областью Республики Казахстан, Баян-Ульгийским и Ховдским аймаками Монголии, Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР.

На заседании был подписан Меморандум о развитии сотрудничества в рамках МКС «Наш общий дом – Алтай» и принято новое Положение о региональном объединении приграничного сотрудничества «Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай». В нем стороны договорились о переходе к следующему этапу сотрудничества и дальнейшем его развитии на уровне исполнительных и законодательных органов власти шести приграничных территорий четырех стран.

При образовании МКС «Наш общий дом – Алтай» использовался опыт европейского и азиатского (евроазиатского) приграничного сотрудничества и фактически был создан евразиярегион. При всей условности сравнений межрегиональных связей стран Алтайского региона и Европы (в частности, восточно-альпийских государств), а также Азии можно проводить исторические параллели и аналогии.¹ В Большом Алтае наиболее

¹ Для изучения европейского опыта приграничного сотрудничества автор в 2002 г. проходил трехмесячную стажировку в Европе. Результаты стажировки позволили сделать вывод о возможности использования основных принципов, направлений, а также некоторых организационных механизмов и форм взаимодействия европейских регионов, которые были использованы при институционализации сотрудничества в Большом Алтае.

полно можно использовать, например, опыт работы еврорегиона – Альпийско-Адриатического рабочего сообщества (ААРС). ААРС образовано в 1978 г. Его членами со временем стали 5 регионов Венгрии, 4 – Италии, 4 – Австрии, по одному региону ФРГ и Швейцарии, а также два государства – Словения и Хорватия. Особенно важно подчеркнуть, что в Альпийско-Адриатическом рабочем сообществе, также как и в Международном координационном совете «Наш общий дом – Алтай»:

- сотрудничающие регионы различаются по уровню социально-экономического, культурно-цивилизационного развития, исповедуемой религии, языку;
- в различные исторические периоды отдельные регионы являлись частью других государств;
- в настоящее время страны-участники имеют различные внутренние политико-правовые системы;
- границы между некоторыми странами-участниками еще в недавнем времени были закрыты, а в настоящее время также не являются полностью открытыми;
- горы, горные системы являются одним из основных объединяющих факторов.

ААРС, пожалуй, является самым уникальным межрегиональным объединением Европы. При образовании ААРС его члены имели различные экономические, политические, военные, культурные, языковые, национальные, идеологические и другие интересы. Несомненно, что и в настоящее время члены ААРС также имеют различные интересы, но успешное, почти 30-летнее сотрудничество говорит о том, что ААРС стало важным инструментом реализации национальных интересов на основе взаимной выгоды и уважения. Этому, прежде всего, способствовало то, что ААРС является не политическим, а консультативным органом, связующим мостом, форумом для дискуссий, центром планирования совместных мероприятий сотрудничающих регионов, базой для информационного обмена. ААРС призвано не только преодолевать границы между Востоком и Западом, но и «наводить мосты» между германской, романской и славянской культурами. В этом отношении сотрудничество регионов Большого Алтая также должно стать связующим мостом между различными культурами, народами, религиями, политико-правовыми системами. Именно на это направлены совместные проекты МКС «Наш общий дом- Алтай»:

- Международная конференция по научно-техническому и экономическому сотрудничеству Казахстана, Китая, Монголии и России в Алтайском регионе (проводится каждые два года);
- Интернет-сайт «Алтай трансграничный» (www.altaiinter.info);
- Международная летняя школа студентов Алтайского региона (проводится ежегодно);

- Детская общественная экологическая экспедиция «Начни с дома своего» (проводится ежегодно);
- Международная IT-платформа обмена научно-технической и экономической информацией (www.science.altrc.ru);
- Издание международного культурно-экологического альманаха «Алтайский вестник» (по два выпуска в год);
- Туристский путеводитель «Наш общий дом – Алтай» (идет сбор информации, издание планируется в конце 2007 г.);
- Туристический кольцевой маршрут «Алтай – золотые горы» (летом 2007 г. планируется проведение совместной пилотной экспедиции вокруг Алтайских гор).

Также регулярно проводятся выставки, конференции, семинары различной проблематики, направленные на развитие трансграничного сотрудничества в Алтайском регионе. Разработаны проекты положений и регламентов работы секретариата, комиссий и рабочих групп МКС «Наш общий дом – Алтай», в рамках которых проводится практическая работа. Более подробно с деятельностью Совета можно познакомиться на сайте «Алтай трансграничный».

Перспективными сферами взаимодействия в рамках **евразиярегиона** МКС «Наш общий дом – Алтай» являются развитие международного туризма, транспортных коммуникаций и связи, защита окружающей среды, культура и образование, обустройство и строительство новых пограничных пунктов пропуска и придание им международного статуса, открытие консульств на взаимной основе, упрощение торгово-экономических связей и т.д.

Практическое значение инициативы «Наш общий дом – Алтай» для Алтайского края состоит в привлечении дополнительного внимания со стороны бизнес-сообществ, государственных структур России и других государств, возможности повышения инвестиционной привлекательности края через формирование международного брэнда «Алтай».

В мае 2006 г. МКС «Наш общий дом – Алтай» была вручена национальная экологическая премия «ЭкоМир», учрежденная Российской Академией естественных наук и Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. В ноябре 2006 г. Международная летняя школа студентов Алтайского региона была удостоена звания лауреата Национальной экологической Премии 2006 года в номинации «Общественная экологическая инициатива». Премия учреждена Комитетом по экологии Государственной Думы Российской Федерации и Общественным Фондом им. В.И. Вернадского и является единственной наградой в области экологии на национальном уровне. Получена поддержка со стороны ЕврАзЭС. В июне 2005 г. заключено Соглашение о взаимодействии между МКС «Наш общий дом – Алтай» и Секретариатом Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества. В июле этого

же года на территории Алтайского края МИД России и Советом Европы была организована конференция «Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации», на которой деятельность МКС «Наш общий дом – Алтай» получила одобрение и поддержку организаторов конференции.

Выше было уже сказано, что в Алтайском регионе уже на практике реально применяются механизмы и формы приграничного сотрудничества, апробированные в Европе. В Европе создана необходимая законодательная база, позволяющая регионам различных стран осуществлять экономические и гуманитарные связи друг с другом, образовывать межрегиональные, трансграничные организации, имеющие общие органы управления. В Казахстане, Китае, Монголии и России такой законодательной базы нет. Что можно предпринять для того чтобы деятельность МКС «Наш общий дом – Алтай» была полностью легитимна? – Для этого в России необходимо принятие федерального закона «О приграничном сотрудничестве», подписание Россией Дополнительного протокола и Протокола № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (Мадридская конвенция). Мадридская конвенция подписана и ратифицирована Россией. Дополнительный протокол к Конвенции определяет правовую основу создания и функционирования – «еврорегионов», предусматривает создание институциональных механизмов приграничного сотрудничества в форме совместных органов, обладающих правосубъектностью (в том числе в области публичного права). Протокол № 2 распространяет действие положений конвенции и Дополнительного протокола на сотрудничество между административно-территориальными единицами, не имеющими общей границы, т.е. на межрегиональное сотрудничество.

В дальнейшем, с учетом актуальности развития приграничного, межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации со странами СНГ и ЕврАзЭС предлагается разработать в рамках ЕврАзЭС (СНГ) юридический инструмент, сопоставимый с Мадридской конвенцией, который бы регулировал не только приграничное, но и межрегиональное сотрудничество. Этот документ может быть разработан с учетом евразийской специфики на основе принципов Конвенции и 2-х ее протоколов и открыт для подписания странами, не входящими в состав ЕврАзЭС и СНГ (например, Китаем и Монголией) по типу Конвенции. В настоящее время Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, являясь документом Совета Европы, открыта для подписания для европейских стран, не состоящих в этой организации.

Для Алтайского края и Республики Алтай, других регионов Большого Алтая принятие обозначенной нормативно-правовой базы позволит на более высоком качественном уровне осуществлять приграничное и межрегиональное сотрудничество в рамках евразиярегиона – Международного координационного Совета «Наш общий дом – Алтай».

КОГДА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ ВОЗЬМЕТ ВЕРХ НАД ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ

*А.Н. Медведев,
директор Института Центральной Азии и
Кавказа Международного общественного
«Фонда Национальной и международной
безопасности» (г. Москва)*

Нигде на пространстве СНГ не предпринималось так много попыток по созданию структур по интеграции, как в центральноазиатском регионе. Однако, несмотря на 16 лет после распада единой державы, болезненная и вынужденная дезинтеграция по-прежнему дает о себе знать на каждом шагу.

Впрочем, если посмотреть на череду двусторонних и многосторонних встреч, саммитов в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП) и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), то может сложиться ощущение динамичной региональной интеграции экономик. На самом же деле решения и соглашения в рамках интеграционных структур пока не приносят участникам заметной выгоды. Более того — во взаимной торговле многих бывших советских республик наблюдаются тенденции прямо противоположные.

И это притом, что страны Средней Азии и Казахстан обладают достаточным потенциалом для удовлетворения внутрорегионального спроса по целому ряду категорий товаров. Это продукты питания и перерабатываемая продукция сельского хозяйства, химикаты, текстиль и готовая одежда, продукция из железа и стали, транспортные средства и автомобильные узлы, оборудование тяжелой промышленности и многое другое.

Проблема заключается в том, что, несмотря на обилие интеграционных заявлений, основные выгоды, свой основной потенциал все без исключения страны региона видят в торговле не столько между собой, сколько на внешних рынках. Приоритетность интеграции постоянно декларируется на политическом уровне, но реальным экономическим приоритетом от этого не становится.

Попытки создать в Центральной Азии зону свободной или облегченной торговли — в рамках Таможенного союза, ЕврАзЭС — пока так и остались попытками. Слишком велики противоречия между странами: все еще закрытый и нейтральный Туркменистан, в определенной степени непредсказуемый Узбекистан, находящиеся между большими соседями Киргизстан и Таджикистан, гиганты Китай и Россия. В итоге, торговля между этими странами порой оказывается сложнее, чем, например, с США или Германией, «правила игры» не унифицированы, а процедуры таможенного оформления в странах настолько усложнены, что, как будто они специально созданы для подпитки коррупции. Вообще, состояние таможенных отношений и режимы внутрорегиональных границ, которые весьма наглядно демонстрируют общую дисгармонию в отношениях, да и во многом

— состояние самих стран, является одной из главных проблем. Несмотря на инициативы стран по региональному сотрудничеству, торговля внутри региона остается ограниченной. Основными причинами являются сохранение ограничений в режиме свободной торговли, отсутствие координации в торговых операциях в отношении третьих стран, отсутствие системы коллективных мер защиты. В рамках региональных инициатив остались неунифицированными внешнеторговое, таможенное, валютно-финансовое и налоговое законодательства его участников. Существует множество барьеров, связанных с торговой политикой, транспортом, транзитом, которые существенно снижают уровень экономического взаимодействия. Высокий уровень коррупции во всех странах также является одной из существенных причин, сдерживающих сотрудничество. Таможенные отношения дополнены и рядом других факторов, таких, например, как миграция и наркотрафик.

Пробуксовка попыток создания регионального свободного рынка и единого таможенного пространства подталкивают страны региона к ожиданию выгод, связанных с персональными вступлениями в ВТО. Однако данные ожидания не во всем оправданы и далеко до конца не просчитаны. Причем, эта ремарка относится не только к странам региона, но в том числе и к России. Киргизстан уже является членом ВТО, однако опыт Киргизстана отнюдь не однозначно положителен, да и не во всем применим к другим странам региона. В этом контексте особый интерес представляет заявление президента России В.В. Путина о том, что существующие международные организации не вполне справляются с регулированием глобального международного рынка и возможности создания евроазиатского аналога ВТО и региональных евроазиатских институтов свободной торговли.¹ **Поспешные стремления вступить в ВТО не зря часто рассматриваются исключительно как следование моде «игры в мировую глобализацию»:** «Что касается национальных интересов государств ЦА в условиях глобализации, то сегодня страны региона еще не до конца осмыслили негативные аспекты, связанные с отставанием в условиях глобализации. Но можно предположить, что в ближайшие 15-20 лет эти негативные стороны глобализации будут более ощутимо влиять на все центральноазиатские государства. В своей крайней форме это может выражаться в следующем:

- во-первых, в закреплении за странами региона узкой, сырьевой ниши в мировой экономике и попадании в такие условия, когда будет фактически невозможно развивать наукоемкие отрасли;
- во-вторых, в деградации человеческого потенциала, как следствии узкой экономической специализации и ухудшения ситуации в социальной сфере;
- в-третьих, большое количество внешних субъектов будет оказывать возрастающее влияние на развитие внутренних процессов;

¹РИА «Новости». — СПб, 2007. — 10 июня.

- в-четвертых, страны региона будут следовать тем правилам игры, которые установлены или будут установлены извне. В той или иной форме может быть установлен внешний контроль».¹

Насколько такая перспектива собственного развития для стран Центральной Азии им нужна? Пока остается вопросом. К вопросу о вступлении в ВТО для стран Средней Азии, Казахстана и России в идеале было бы подойти, уже имея хорошую интеграцию на региональном уровне.

Многие интеграционные надежды сегодня возлагаются на ШОС. Регион Центральной Азии давно стал местом геополитического и геоэкономического противостояния многих внешних сил. В условиях растущего дефицита природных ресурсов, острой экономической конкуренции, очевидно, что борьба за обладание стратегическими ресурсами и контроль над экономически важным центральноазиатским регионом будет еще более обостряться и ужесточаться. Это обстоятельство может как объединять интересы данной группы государств, так и способствовать обострению их конкуренции. Структура же ШОС может быть активно использована для смягчения и улаживания большинства возникающих негативных обстоятельств.

Изначально сформировавшись для решения пограничных вопросов на базе соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, «Шанхайская пятёрка» – Россия, Китай, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан – выросла в весьма динамичную и влиятельную международную организацию. С 2001 г. ее членом является Узбекистан, статус наблюдателя имеют Монголия, Индия, Пакистан, Иран, а интерес к деятельности ШОС, так или иначе, проявляют Шри-Ланка, Япония, а также Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), США и ЕС. ШОС по определению призвана «эффективно существовать на стыке цивилизаций». Ее участники уже сегодня отнюдь не считают, что различия между культурами и цивилизациями «непримиримы», как это пытаются доказать отдельные политики. Это лишь некоторые преимущества, которые заложены в основы развития данной организации.

Однако нельзя сказать, что развитие ШОС идет и будет происходить без проблем. Они обязательно будут, в том числе и в связи с сохраняющимся недоверием друг к другу. Не секрет, что многие эксперты считают, что Китай закрепил за собой репутацию лидера и локомотива данной организации. На данный момент для этого существуют объективные причины, и данное обстоятельство не вызывает чувства ревности со стороны иных участников организации, включая Россию. Но насколько данная ситуация сохранится в дальнейшем? Это еще один вопрос, на который сегодня, пожалуй, не ответит ни один из признанных экспертов. Учитывая незначительный уровень политического влияния Китая на руководство бывших республик Средней Азии и Казахстана, китайское руководство предпочитает наращивать свое

¹ *Майтдинова Г.М.* Центральная Азия в глобальных геополитических процессах в начале XXI века// Средний Восток в системе геополитических координат: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научной конференции. – Душанбе, 2005. – С. 135.

присутствие в регионе, прежде всего, за счет собственных экономических возможностей, вкладывая их преимущественно в проекты, отвечающие, прежде всего китайским стратегическим интересам. Китайские компании резко активизировали свою деятельность в нефтегазовом секторе центральноазиатского региона, в иных стратегических отраслях, и хотим мы этого, или нет, данная тенденция имеет широкий спектр оценок. Уже имеются и такие мнения, что ШОС является, прежде всего, главным инструментом политики Китая в Центральной Азии. Таким образом, не исключается возможность того, что и в рамках ШОС мы придем к проблеме выяснения вечного вопроса «кто главнее». Хотелось бы этого избежать.

Здесь уже много говорили о проекте Большой Центральной Азии (БЦА), апологетом которой выступил профессор Фредерик Старр. Данный проект с точки зрения чисто научной теории, да и собственно политической географии, как и любой другой, имеет полное право на существование. Однако имеются большие сомнения в том, что он реализуем на практике. Пока не видится реальным серьезный разговор об Афганистане как о мосте между регионами Средней и Южной Азии. В декабре 2006 г. в ходе прошедшей в Душанбе конференции по Афганистану,¹ посол США в Таджикистане Трейси Энн Джэйкобсон в своем выступлении рекомендовала участникам лоббировать в своих правительствах решение об установлении безвизового режима границы с Афганистаном в целях расширения торговли. Как говорится, без комментариев.

В этой связи проект БЦА мною в большей степени рассматривается как теоретическая и довольно искусственно раскручиваемая инициатива уже претворяющимся в жизнь, хотя и пока с весьма скромными успехами, в регионе процессам в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС. Я не разделяю точку зрения, что иницилируемый США проект БЦА несет серьезную угрозу интеграционным процессам в рамках вышеназванных организаций. С другой стороны, я не отказываюсь от констатации активного присутствия внерегиональных игроков, чье влияние необходимо просчитывать, учитывать и прогнозировать. Поэтому, ни в коем случае не выступая с антиамериканских позиций (ни одна из стран региона в угоду «общей былой истории братских народов» не намерена отказываться от сотрудничества с США) хотел бы напомнить о фактах, во многом известных. Прежде всего, о том, что геополитические концепции XX в. Х. Маккиндера,² А. Мэхэна,³ Н. Спайкмена,⁴ которые оказали определяющее влияние на характер

¹ Международная конференция «Афганистан и региональная безопасность: пять лет после «Талибана», состоявшаяся 11-12 декабря 2006 г. в г. Душанбе и организованная Общественным фондом Александра Князева, Институтом востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, Центром конфликтологии и региональных исследований.

² **Mackinder H.J.** On the scope and methods of Geography — The geographical pivot of history. — London: Murray, 1951.

³ См. на русском языке: **Мэхэн А.** Влияние морской силы на историю. — М.-Л., 1941.

⁴ **Spykman N.** America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power, Harcourt, Brace, New York, 1942.

стратегии США на евразийском пространстве, несмотря на их определенные различия, имеют одну чрезвычайно важную составляющую, а именно — основополагающий принцип доминирования: «Господство над данным пространством, приведет к господству над всем миром». При этом защита демократии, либерализация и поддержание мира являются лишь обслуживающими идеями по отношению к идее господства. Если рассматривать концепцию БЦА в рамках доктрины превосходства, то получается, что в проекте БЦА странам Средней Азии и Казахстану отводится роль не субъектов международных отношений, а лишь объектов внешнеполитических экспериментов. Внимательное изучение обновленной «Стратегии национальной безопасности США» приведет к пониманию того, чем же для США является Центральная Азия. Регион располагается между тремя геополитическими соперниками США — Россией, Китаем и Ираном. Установив контроль над Центральной Азией, превратив ее в базу стратегических ресурсов и в точку опоры для сдерживания указанных государств, США смогут удержать в руках и экономически развитую Европу, а также, возможно, и всю Восточную Азию. То есть, опять мы имеем ни что иное, как попытку вписать Азию в схему однополярного мира.

Несколько слов о проблеме водных ресурсов, поскольку проблемы эффективного, рационального и кооперативного использования водно-энергетических ресурсов уже в ближайшее время станет на первое место, отодвинув значимость углеводородов.

К 2030 г., если мы доживем до этого без глобальных и кровопролитных войн и масштабных техногенных катастроф, население Земли составит порядка 8,1 миллиарда человек, которые к тому же захотят высокого качества жизни, что потребует дополнительных расходов воды. Перспективы развития экономики многих стран, в том числе и России, сориентированы на развитие систем производства водоемкой продукции — это электроэнергетика, металлургия, нефтеоргсинтез и химия полимеров. Теплоэлектростанция мощностью 1 млн. кВт потребляет больше 1 км³ воды в год, АЭС той же мощности — не менее 1,5 км³. Средний расход воды на производство тонны стали составляет около 20 м³, тонны бумаги — 200 м³, тонны химического волокна — более 4000 м³. Налицо высокая вероятность возникновения мирового кризиса, связанного с нехваткой пресной воды. Не исключено, что мировая экономика будет вынуждена перестроиться таким образом, чтобы обеспеченные водой государства взяли на себя производство водоемкой продукции, оставив обделенным все остальное.

На этом фоне возникает вопрос — а как же сегодня используются водно-энергетические ресурсы центральноазиатского региона?

Водно-энергетический комплекс Средней Азии когда-то был единым целым, и опыт новых государств на постсоветском пространстве показал, что водно-энергетические секторы экономики этих стран, как части единой водно-хозяйственной и электроэнергетической системы бывшего СССР, не могут эффективно функционировать без взаимодействия между собой.

В условиях отсутствия на региональном уровне совместно выработанной концепции использования гидроэнергетического потенциала, республики нижнего (по отношению к Таджикистану) течения взяли на вооружение стратегии, направленные на независимость каждого государства в вопросе использования водно-энергетических ресурсов. В настоящее время рассматриваются и осуществляются проекты по строительству на их территориях контррегулирующих водохранилищ. Казахстан планирует строительство Коксарайского водохранилища, Туркменистан — «Золотого озера», Узбекистан — использование Арсанайских разливов. Но в общерегиональном плане целесообразность данных проектов до конца не просчитана, а потому имеет сомнительные экономическую и экологическую оценки. Эти проекты смогут решать лишь частные задачи по сезонному регулированию стока, и при этом иметь очень большие потери воды при испарении. Так, например, Коксарайское водохранилище будет иметь среднюю глубину порядка всего 5-ти метров. Для многолетнего же регулирования стока необходимы намного более крупные водохранилища. Эксплуатационные расходы «мелких» водохранилищ будут вполне соизмеримы с затратами на доленое участие в эксплуатации высокогорных гидроузлов. При этом концентрация водных ресурсов в узких глубоких горных ущельях, при относительно низких температурах и малой площади поверхности, позволит сохранить от испарения громадное количество воды, не затоплять столь ценные на юге земли, а также обеспечить водой народы региона в засушливые годы.

Сложность и противоречивость межотраслевых отношений в водно-энергетической отрасли, тесно связанной с сельским хозяйством стран региона, требуют при их решении согласованного и прагматичного подхода. Нужны разработка и использование новых подходов к решению данной проблемы, так как простое реанимирование бывшей единой водно-энергетической системы, с учетом сложившихся новых экономических условий, невозможно. Решение данной проблемы может быть осуществимо лишь в условиях финансово-экономической, инженерно-технической кооперации заинтересованных региональных государств, включая РФ. Россия обладает собственными богатейшими водными ресурсами, но, тем не менее, считает для себя необходимым инвестировать в водно-энергетический комплекс региона. По всей видимости, это не является проявлением «былых имперских амбиций», а в большей степени обусловлено пониманием в России необходимости работать со странами региона. Конечно, на этом пути тоже существует целый комплекс проблем, определенного рода противоречий, обид и взаимного недопонимания. И это нормальный процесс для любого масштабного проекта. Вопросы совместного и согласованного использования имеющихся водно-энергетических ресурсов региона, должны стать первостепенными в рамках уже существующих интеграционных форматов. Главное — должно прийти понимание полезности кооперации в данном вопросе, экономические соображения должны взять верх над политическими.

ХАЛИФАТ ГЛАЗАМИ МЕСТНЫХ БОГОСЛОВОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ)

Б.М. Бабаджанов,
Институт востоковедения АН РУз, Ташкент

1. Известно, что первые последователи Пророка (Абу Бакр, 'Умар/Омар, 'Усман/Осман, 'Али ибн Аби Талиб) именовали себя «Халиф (Заместитель) Пророка», «Халиф халифа Пророка», либо, как 'Али — «Амир ул-му'минин» (Амир правоверных). По сведениям ранних арабских источников ('Утби, Табари) это был период смуты (*фитна*) и борьбы за власть между арабскими племенами, в результате которого двое из названных первых преемников Пророка были убиты насильственной смертью, 'Али ибн Аби Талиб скончался от ран (651 г.), полученных во время сражения за власть с войсками первого халифа из династии Омейядов (661-750) Муавии. В более поздние времена, смуты не акцентируются, а этот период сакрализуется; правление первых преемников пророка признается периодом «Праведных преемников» (*Халифай рашидун*).

2. Уже во времена существования династий Омейядов и Аббасидов (750-1258 гг.), правители этих династий в монетном чекане именовали себя «Халифами Аллаха на земле». Однако на деле, на завоеванных арабами территориях фактически устанавливалось суверенное правление провинциальных султанатов (позже ханств), получивших право чеканки собственных монет, естественно, с упоминанием «Сюзерена/Халифа». Однако уже к XII в. имя халифа исчезает из монетного формуляра провинциальных мусульманских правителей, а к моменту завоевания Багдада монгольскими войсками (1258 г.) халифат как политическое образование уже перестал существовать.

3. Богословы пытаются найти религиозное обоснование такой политической раздробленности и «прекращения Халифата». В частности, из локальных среднеазиатских богословов, такое обоснование предпринял знаменитый самаркандский богослов Абу Хафс ан-Насафи (ум. в 1142 г.) в своем наиболее известном сочинении «'Ака'ид ан-Насафи». Он приводит ставший затем достаточно широко известным хадис Пророка о том, что после него Халифат будет существовать только 30 лет (29 солнечных лет), а затем «странами будут управлять султаны». Этот хадис на многие века определил особенность восприятия Халифата в среде большинства мусульман, как некой сакральной, но уже не восстановимой религиозно-политической структуры.

4. После падения Аббасидского Халифата под натиском монгольских войск, Средняя и Восточная части исламского мира фактически переживают период повторной исламизации. Тогда же начинается новая сакрализация периода первых халифов и даже двух халифатов. Наиболее известные богословы XIV-го в., участвовавшие в этом процессе — это знаменитый Ибн Таймийа и среднеазиатский богослов ат-Тафтазани. Их отрицательная ре-

акция на «новый» постмонгольский ислам хорошо изучена. Выдвинутые ими идеи «очистить ислам» от «татарских (монгольских) обычаев» сопровождаются новой сакрализацией «прежнего ислама», и особенно Халифата, как идеальной религиозно-политической структуры для мусульман, которая может противостоять натиску «неверных». Ат-Тафтазани в своем комментарии упомянутого сочинения ан-Насафи, опровергает некоторые положения последнего и фактически первым ставит вопрос о «бессрочной легитимности» Халифата.

5. Однако даже исламизированная династия Монгол (Чагатаиды), Тимуриды и посттимуридские династии едва ли могли признать легитимными упомянутые положения ат-Тафтазани, поскольку основным источником легитимации их власти вплоть до 1920-го г. оставалась Чингизидская родословная. И хотя после XVI в. вторым источником легитимности власти становится «исламская идея», выражаемая в «исламских притязаниях» некоторых правителей, либо их саййидские родословия (большой частью подделанные), положение ан-Насафи оставалось официально признанным.

6. Вновь идея о повторной сакрализации «ислама времен халифата» возрождается во время появления реформаторских движений на территории Средней Азии периода колонизации. В известном смысле это движение (прежде всего «джадидское») зародилось под влиянием реформаторов западных частей исламского мира (Хасан ал-Банна, Джамал ад-дин ал-Афгани, позже Саййид Кутб и др.). Собственно *халифат*, как идеальная для мусульман структура, рассматривалась скорее как некая абстрактная, но положительная парадигма.

7. Некоторые лидеры антирусских выступлений (например, Дукчи Ишан, глава андижанского восстания 1898 г.) апеллировали к турецкому Халифу (чаще всего к Абду-л-Хамиду II), как «Халифу всех мусульман», вдохновителю движений против «неверных». Однако, реально, ни в ханствах, ни на территории Генерал-губернаторства эта идея в среде богословов вдохновения не вызывала, и положения ан-Насафи об «отжившем» Халифате продолжали оставаться легитимными.

8. В индустриальном и постиндустриальном периоде арабский мир вновь переживает бум ностальгии по «исламу прошлого», без мазхабов и без резких политических противостояний. Возникшее движение «за интеграцию мусульман перед угрозами Запада» специалисты назовут «интегризм». Идеи интегризма в том или ином виде проникают через советский «железный занавес» и будоражат умы молодых мусульман региона Средней Азии, все более ощущающих себя частью исламского мира. Однако «новая волна» реформаторов не акцентировала внимания на непременном возрождении халифата, оставаясь на ханафитских позициях; они только настаивали на восстановлении общей исламской идентичности, то есть возвращении ощущения себя как части всего исламского мира. Но в большинстве случаев, и консерваторы, и реформаторы новой волны ставили лишь вопрос о региональном объединении мусульман.

9. Проникновение идей о Халифате, так сказать, в «чистом виде» в постсоветскую Среднюю Азию связано с деятельностью хорошо известной партии «Хизб ут-тахрир ал-ислами» (Местное название — *Хизб ут-тахрир/ХТ*), которая признает легитимными все существовавшие Халифаты на территории мусульманских государств, в том числе и в Кордове. «Последним халифатом» в ХТ признана Османская империя (ликвидирована в 1924 г.). Хотя наиболее идеальным религиозно-политическим воплощением Халифата признан период первых четырех «праведных халифов». В своих публикациях, листовках идеологи ХТ настойчиво повторяют призывы «восстановить халифат», рассматривая это единственным средством противостоять натиску неокolonизации Запада и решения всех (в том числе и локальных) проблем мусульман.

10. Идея о халифате ХТ и похожих групп не была принята большинством местных мусульман. Однако местные лидеры ХТ начали свой самостоятельный поиск легитимации Халифата, начав его с попытки опровержения устоявшихся среди мусульман региона представлений. В частности ХТ выпускает (нелегально) брошюру под названием «Халифат» (предположительно 2002 г.), в которой, с опорой на упомянутые идеи ат-Тафтазани, опровергается идея о том, что халифат существовал всего 30 (29) лет.

11. Несмотря на пропагандистскую активность ХТ в регионе, в настоящее время говорить о том, что их идеи приняты абсолютным большинством, нет оснований. Полноценной интеграции мусульман региона в настоящее время тоже не существует. Регионализм (прежде всего, политический регионализм), закрытые границы, другие факторы фактически разделяют мусульман, крайне затрудняя их общение и, тем более, объединение.

12. Тем не менее, идея «единого исламского государства» (в форме «Союза исламских государств») рассматривается многими исламскими интеллектуалами как самая эффективная форма противостояния идеологическому и культурному влиянию и политическому давлению Запада. Такие же идеи локальных мусульманских объединений возникают и в прокламациях ИДУ/ИДТ.

ДЖИХАД КАК ИДЕОЛОГИЯ «ИЗГОЕВ» (GHURABA'). ПО ДОКУМЕНТАМ И ПУБЛИКАЦИЯМ ИСЛАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА¹

Б.М. Бабаджанов,

Институт востоковедения АН РУз, Ташкент

Несколько лет назад была опубликована книга Ахмада Рашида «Jihad».² В книге, кроме всего прочего, впервые была предложена весьма поверхностная информация о формировании ИДУ,³ его целях и некоторые сведения о связях этого движения с Партией исламского возрождения Таджикистана и некоторыми другими исламскими организациями. Автор пользовался в основном устными сведениями (интервью, беседы) и секретной информацией некоторых должностных лиц оппозиционных исламских движений. В целом книга пакистанского журналиста оказалась довольно полезной для исследователей, хотя она и лишена аналитического подхода. К тому же, большинство сведений (особенно ранние биографии лидеров ИДУ) были опубликованы без проверки, и не могли претендовать на полную достоверность.

Буквально за год до публикации А. Рашида, в Москве вышли русский и английский варианты книги израильского журналиста Олега Якубова, представляющие собой журналистское расследование причин взрывов 16 февраля 1999 г. в Ташкенте.⁴ О. Якубов написал свою книгу (претенциозно названную «Детективным исследованием») на основе материалов судебного расследования.⁵ Очевидно по этим причинам, материалы, опублико-

¹ Настоящая статья опубликована на французском языке в сборнике Института по исследованиям Центральной Азии: *Cahiers d'Asie centrale*. — **Aix-en-Provence, 2005**. — № 15-16. Здесь представлен дополненный и скорректированный вариант без приложений. Авторские приложения к данной статье, включая большое число упоминаемых здесь источников, размещены в разделе «Библиотека» на персональном интернет-сайте А.А. Князева, URL: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>.

² **Ahmad Rashid**. *Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia*. — Yale University Press. New Haven, London, 2002. — P. 137-152.

³ Исламское движение Узбекистана (ИДУ) образовано на территории Таджикистана в 1996 г. под названием «Партия исламского возрождения Узбекистана» и затем ИДУ. Позже лидер ИДУ Т. Юлдашев вновь переименовал свое движение, назвав его «Исламское движение Туркестана».

⁴ **Yakubov O.** *The Pack of Wolves. The Blood Trail of Terror. A Political Detective Story*. — Moscow: Veche, 2000. Автор — бывший гражданин Узбекистана, работал корреспондентом газеты «Правда Востока».

⁵ В числе материалов этой книги имеются изъятые у арестованных террористов книги и тетради, представляющие собой конспекты по боевой и идеологической подготовке моджахедов. О. Якубову они были представлены из судебных материалов. Особый интерес в тетрадах представляют уроки по джихаду. Года два назад нам тоже удалось ознакомиться с этими же тетрадями. Некоторые рисунки и тексты из этих конспектов были опубликованы нами совместно с М.Б. Олкотт (**Olcott M.B., Babadjanov B.** *The Terrorist Notebooks// Foreign Policy, March/April 2003*. — P. 30-40). Приступая к их исследованию совместно с профессором М.Б. Олкотт мы, естественно, предполагали, что они могут быть фабрикацией спецслужб. Однако позже мы, независимо друг от друга, приобрели в разных регионах Центральной Азии точно такие же тетради с абсолютно схожими текстами. Такие же тетради мы имели возможность изучить среди материалов, переданных нам американским журналистом господином Чиверсом, который собрал большой архив на разгромленных базах ИДУ после бомбежек в Афганистане (ноябрь 2001 г.). В результате мы пришли к выводу, что все имеющиеся у нас тетради представляют собой подлинные конспекты уроков, организованных в лагерях ИДУ в Таджикистане (в Тавильдаре и, возможно, в Хоите).

ванные в его книге, не получили соответствующего резонанса, так как способ и метод интерпретации имеющегося у О. Якубова материала был явно пристрастный, а книга лишена даже попыток научного анализа.

Те или иные аспекты деятельности ИДУ освещаются в Узбекистане (в основном – в пропагандистском ключе), а также в некоторых средствах массовой информации других стран, особенно в российских. Эти публикации в подавляющем большинстве основаны на случайно собранном и непроверенном материале, а потому не могут быть надежным источником для восстановления некоторых самых драматических эпизодов постсоветской реисламизации в Узбекистане.¹

Мы не можем проанализировать весь комплекс опубликованных работ в этой статье. Здесь мы обращаемся лишь к неисследованному до сих пор вопросу – о формировании идеологии ИДУ, трансформации идеи джихада у его идеологов, толковании статуса шахида и т.д. Для более ясного понимания путей формирования идеологии ИДУ мы, естественно, должны обратиться к некоторым аспектам истории этого движения, особенно на ранних его этапах, так как этот период получил весьма сомнительную интерпретацию в опубликованных работах (прежде всего, у А. Рашида).

К обозначенной тематике настоящего сборника разбираемые ниже вопросы имеют, на первый взгляд, несколько отдаленное отношение. Однако, напомним несколько обстоятельств, которые вполне могут показать, что заявленная тема не может быть отдалена от общерегиональных проблем и вызовов.

1. Известно, что ИДУ сформировалось не только и даже не столько как антиузбекистанское движение. Его отряды были сформированы в рядах исламского крыла ОТО, принимая участие в «их джихаде». А Тахир Юлдаш некогда имел членский билет ПИВТ за № 2 (№ 1, естественно, был у покойного С. Абдулло Нури). Затем, произошли Баткенские события. А теперь отколовшиеся от амбициозного Тахира Юлдашева осколки ИДУ (т.н. «Джамааты») обстреливают таджикско-киргизские посты, сталкиваются со спецназом, укрываясь в Джалал-Абаде и других местах. 2. Известно также, что в отрядах ИДУ были сотни молодых парней разной национальности из всего региона. Это побудило руководство ИДУ переименовать себя в ИДТ (Исламское движение Туркестана), что тоже говорит о наличии у них неких «региональных» притязаний, правда, пока остающимися плодом большой фантазии их лидеров.

Несколько слов о наших основных источниках. Мы уже упомянули о тетрадях, представляющих собой конспекты боевиков ИДУ. Именно в них мы обнаружили специальные уроки по джихаду и религиозной интерпретации статуса шахида, в том виде, в каком это преподносилось молодым моджахедам. Кроме того, в нашем распоряжении имеются видеокассеты с речами (ma'ruza) лидера ИДУ Тахира Юлдашева, публикации этого движения (журналы и прокламации), тексты клятв для вступающих в ряды мод-

¹ См, например, серию публикаций в разделах «Терроризм» сайта «Фергана.Ру», URL: <http://www.fergana.ru>.

жахедов и т.п. Из этого материала особенный интерес представляет текст «Jihad darsliklari» («Уроки джихада»), который существует в виде распечатки с компьютерного набора текстов в кириллице. Упомянем так же и о наших интервью, которые мы провели совместно с М. Б. Олкотт. Среди наших интервьюеров были бывшие боевики ИДУ,¹ работники мэрии Намангана в 1989-93 гг., религиозные деятели и т.п.

К вопросу о религиозной мотивации и религиозном обосновании джихада

Основная проблема в идеологии радикальных и террористических групп современного исламского мира — методы толкования джихада (*ал-джихад*). При этом духовное истолкование этого термина (например, в качестве «Великого джихада» — как борьбы за духовное самосовершенствование и т.п.) большей частью игнорируется. И напротив, религиозно-милитаристское значение джихада («война с неверными») обосновывается и сакрализируется посредством обращения к священным текстам (Корану и хадисам), а также к средневековым сочинениям. С такими ограниченными толкованиями джихада не соглашаются другие мусульманские богословы, которые тоже обращаются к тем же священным текстам, отыскивая аргументы своей правоты. И этот спор, кажется, бесплоден и нескончаем. Пожалуй, основные «внутренние причины» такого положения в теологических особенностях ислама, не признающего посредников между индивидуумом и Богом. В исламе отсутствует особый институт (скажем, как в христианстве церковь), который бы узаконивал догматы, определял границу между «правоверием» и/или «ересью». Основные источники ислама — Коран и Сунна, допускают значительное разнообразие точек зрения и, соответственно, толкований.² Это означало то, что никто не имеет исключительного права на интерпретацию Корана или сунны. Это право было, но оно не было исключительным. Однако, редко кто из богословов сомневался в собственной правоте и старался доказать, что противоположная точка зрения ведет к неверию, или, в лучшем случае, к заблуждению.

Именно по этим причинам даже среди относительно умеренных богословов-суннитов тоже существовали разные точки зрения на джихад. Например, знаменитый суннитский богослов ал-Багдади (ум. в 429/1037 г.) толковал джихад в смысле «борьбы с врагами ислама, пока они не примут ислам, или не будут платить *джизью*» (подушная подать с иноверцев).

¹ Пользуясь случаем, приносім благодарность Чрезвычайному и Полномочному послу Республики Узбекистан в США господину А.К. Камилову, который всячески содействовал в получении различного материала по ИДУ, а также выхлопотал для нас возможность побеседовать с семью бывшими членами ИДУ. Они были из числа полевых командиров, простых боевиков, охраны и обслуживающего персонала Т. Юлдашева. После неоднократно объявленной в Узбекистане амнистии, они сбежали из рядов ИДУ, и в настоящее время проживают в различных районах Ферганской долины.

² **Прозоров С.М.** «Правоверие» и «заблуждение» в раннем исламе// Ислам как идеологическая система. — М.: Восточная литература, 2004. — С. 7-22.

Такое толкование ал-Багдади вводит впервые сформулированные им «15 основ религии» (*усул ад-дин*).¹ Между тем, знаменитый шафи'итский богослов и суфий ал-Газали (ум. в 1111 г.) делает особый эмфазис на исключительно духовном толковании джихада.²

Существовали еще много точек зрения на виды джихада, или условия, когда может быть объявлена война «неверным». В условиях Центральной Азии к вопросу о джихаде в основном обращались факихи или суфии, что тоже определило разнообразие акцентов в его толкованиях. Перманентно вопрос о значении этого термина как «войны против неверных» возникал в моменты прямого столкновения с представителями других религий (например, во время русской колонизации).

Вопрос о джихаде в качестве «войны с неверными» вновь возникает среди верующих Центральной Азии перед самым развалом бывшего СССР. Появляются новые интерпретаторы джихада, которые вновь отводят все иные его значения на второй план. При этом джихад получает наиболее агрессивные толкования и почти совершенно не упоминается в качестве духовного самосовершенствования или иного подобного действия. Эволюция религиозно-милитаристского понимания джихада по-своему уникальна и отражала многие аспекты и специфику религиозной жизни в регионе Центральной Азии. И самый показательный пример в этом отношении — Исламское движение Узбекистана.

«Ghuraba'»³ — религиозные и политические изгнанники

Местная форма бытования ислама в Центральной Азии,⁴ формировалась в течении многих столетий. Ее особенности во многом определены взаимодействием и взаимовлиянием с традициями кочевников, перманентно проникавших в регион Центральной Азии. Последующая исламизация кочевых племен (в очень специфическом виде) повлияла на многие аспекты местных форм бытования ислама (например, с разными формами культа «святых», признанием возможности существования уммы в исламском государстве и т.д.). Против этого «нечистого» ислама (или, пользуясь более корректными определениями исследователей, «секулярного» [«степного»] ислама) всегда выступали многие пуристически настроенные 'улама'. Вспомним хотя бы известные фетвы Ибн Таймии против так называемых «татарских обычаев».

¹ **Прозоров С.М.** Ислам как идеологическая система. — М.: Восточная литература, 2004. — С. 212.

² **Morabia A.** La notion de jihad dans l'islam mīdīyval: Dis origines a al-Gazali. — Lille, 1975.

³ Мы намеренно прибегаем к латинской транслитерации для более корректного отражения фонетики оригинала.

⁴ Наиболее полное обоснование теории о взаимодействии общеисламских принципов и их региональных форм получила в работах российского исламоведа С.М. Прозорова. См. его: Ислам как идеологическая система. — М.: Восточная литература, 2004, особенно с. 78-88, 375-380.

В советское время именно эта форма бытования ислама оказалась наиболее живучей, так как исторически имела достаточно сильные корни в традиционных обрядах и повседневной жизни, семейном и общественном праве местных народов, особенно в провинции. Однако, новое поколение 1980-х — 1990-х гг. из числа местных мусульманских богословов тоже увидело противоречия между ригористическими предписаниями Корана и Сунны и существующим положением дел. Такое восприятие особенно усиливалось на фоне тотальной атеистической политики. Это поколение начало свою деятельность с критики этого самого «нечистого ислама», во многом повторяя аргументы прежних критиков вроде Ибн Таймии.¹

В Узбекистане одним из первых молодых богословов, кто критически взглянул на «местный ислам» стал известный лидер так называемых «ваххабитов» в Ферганской долине 'Абдували-кори.² В одной из своих речей на пятничной молитве (весна 1991 г.) он произнес свою знаменитую речь (khutba), которую его сторонники записали на аудио и видеокассеты и условно назвали ее «Ghuraba'».³ Словарное значение слова «Ghuraba'» (множественное число от арабского «Gharib») — «чужие, иностранцы», либо «бедные». В узбекском языке, кроме всего прочего, это слово (в форме «Ghariblar») приобрело значение «изгнанники».

Речь 'Абдували-кори была направлена против упомянутого «секулярного» («степного») ислама, носители которого признавали и признают за религией ее культурное и ритуальное наследие, но не воспринимают призывы тотального контроля шари'ата во всех сферах жизни, особенно в быту, законодательстве, политической сфере. Речь начиналась с комментария хадиса Пророка «Ислам начинался с изгнания (ghariba)⁴ и вернется к нему же». 'Абдували-кори толкует этот хадис, прилагая его к советской и постсоветской ситуации, когда, по его мнению, «Изгоями» (или «Чужими» — «Ghuraba'») в обществе стали те редкие мусульмане, кто призывал во всех сферах жизни общества «строго придерживаться предписаний Корана и Сунны», тогда как остальные мусульмане «оставались далеки от полного следования предписаниям Аллаха и Его посланника», оставались приверженцами обрядов и обычаев. 'Абдували-кори много раз повторял мысль о том, что таких «истинных ревнителей ислама» очень мало, и они

¹ Интересно, что в библиотеке старейшего богослова Ферганы Абдухакима-кори Маргило-ни (ему сейчас 106 лет) мы видели несколько томов сочинений Ибн Таймии, которые этому богослову привезли паломники еще в 1974 г. Абдухаким-кори был учителем большинства ферганских богословов «новой волны». И поэтому его иногда называют «отцом неоваххабитов» Долины.

² О нем см.: **Babadjanov B., Kamilov M.** *Domulla Hindustani and the Beginning of the «Great Schisme» among Muslims of Uzbekistan // In: Stephan Doudiangion and Prof. Hisao Komatzu Ed. Politics and Islam in Russia and Central Asia.* — London, New-York, Bahrayn, 2001. — P. 195-220.

³ Позже она входит в состав «Уроков» (*Дарсликлар*) 'Абдували-кори, проводимых в его мечети (до 1994 г.).

⁴ В хадисе имеется в виду переселение («изгнание») Пророка из Мекки, когда он поселился в Медине (622 г.).

стали «чужими» («изгоями» — *Ghariblar*) не только в обществе, которое называет себя мусульманами, но и в собственных семьях.

Речь 'Абдували-кори сразу стала популярна среди части мусульман (особенно его молодых последователей), которые сочли необходимым бороться за «чистый ислам». Сторонники движения стали именовать себя «Обновителями» (*Mujaddidiylar*), тогда как остальные мусульмане называли их «ваххабитами» (*Wohhobiylar*). «Обновители» сочли, что многие ритуалы и обычаи местных мусульман являются непозволительным новшеством (*бид'ат*). Это привело к разногласиям с остальными мусульманами, предпочитавшими придерживаться традиционных форм локального ислама. Последовавшие затем конфликты фактически означали религиозный раскол среди местных мусульман.¹

Несмотря на свою первоначальную популярность, идеология «Ghuraba'» обречена была стать идеологией меньшинства, что стало одной из причин ее последующей радикализации. Позже «Ghuraba'» превратилась в идеологический ориентир многих радикально настроенных мусульман, что можно рассматривать как фактическое признание за 'Абдували-кори статуса духовного отца таких радикальных организаций как ИДУ. Эта и другие речи 'Абдували-кори стали включаться в фильмы киностудии ИДУ — «Jundullah» («Воины Аллаха»), которые в значительной степени повлияли на последующее формирование идеологии ИДУ.

Однако позже идеологи ИДУ (в первую очередь Тахир Юлдаш²) по своему интерпретировали речь 'Абдували-кори, целиком приложив ее к собственному движению.³ Они развивают идею «Ghuraba'», используя ее для легитимации другого религиозного предписания — «Hijrat», который означал вынужденную иммиграцию из «страны чужаков», прежде всего Узбекистана, территория которого была признана «Дар ал-харб» («Территория войны с 'неверными'»). В интерпретации ИДУ, человек, совершивший «Hijrat» автоматически становится моджахедом, или «воином Аллаха». Именно этот смысл был заложен в одной из опубликованных статей ИДУ: «Хиджрат — первый этап джихада на пути Аллаха».⁴

Таковы вкратце первые идеологические клише ИДУ, которые несут на себе тот самый первородный отпечаток «чужой» идеологии изгнанников. Прежде чем мы приступим к более подробному анализу этапов фор-

¹ Об этом подробнее см.: *Babadjanov B., Kamilov M.* Domulla Hindustani and the Beginning of the «Great Schisme» among Muslims of Uzbekistan // In: *Stephan Doudiangon and Prof. Hisao Komatzu Ed. Politics and Islam in Russia and Central Asia.* — London, New-York, Bahrayn, 2001.

² Тахир Юлдашев родился в Намангане в 1964 г. Учился в средней школе. Работал автослесарем, затем хлебопекарем. Начальным религиозным наукам учился у Кори-почо, затем у 'Умар-хон домулла. С 1996 г. создал Исламское движение Узбекистана.

³ Это особенно видно по фильму ИДУ «Ular» — «Они». Основная идея фильма — «разоблачение» позиции официального правительства и богословов Узбекистана из числа тех, кто резко критикует действия ИДУ. Речи 'Абдували-кори были использованы для обоснования джихада «против неверного правительства» Узбекистана и тех, кто его поддерживает.

⁴ Издание «Дар ул-Хиджрат» ИДУ, № 25, Зу-л-ка'да, 1421/январь 2001.

мирования этой идеологии, обратимся к ранней истории формирования тех групп, которые затем стали основой ИДУ.

Начало

Отказ от атеистической политики, который стал частью реформ М. Горбачева, совпал с развалом старой идеологической и политической систем бывшего СССР. В целом реформы поставили перед всеми слоями общества массу проблем: политических, экономических, социальных, духовных, этнических и других. Крах коммунистической идеологии и возрождение религиозных и национальных ценностей отнюдь не означали, что все советское было забыто. Старые социальные, идеологические и даже политические парадигмы всегда очень живучи и непременно отражаются в новых идеологических клише, хотя бы в формальной риторике и организационных структурах их носителей. Самым первым и в известном смысле забавным примером тому стал устав Партии исламского возрождения СССР.¹ Этот документ был составлен в почти полном соответствии с уставом КПСС (за исключением, разве что, его знаменитой преамбулы).

Однако, в «провинциальных» республиках СССР (в число которых входил и Узбекистан) наблюдался другой парадокс перестройки: секретари компартии в провинциях уже обращались к исламу не как к объекту борьбы, а как к «религии своих отцов». Особенно ярким примером в этом смысле стала карьера бывшего секретаря горкома КПСС г. Намангана (1990-1993 гг.) Бургутали Рафикова (ум. в 1996г.). Будучи еще секретарем райкома КПСС в Папском районе (западная часть Ферганской долины), Б. Рафиков активно участвовал в строительстве соборной мечети района (1989-1990 гг.). На ее открытии он произнес примечательную фразу: «У меня коммунизм в голове, а ислам в сердце». Тогда же Рафиков вместе с ближайшим окружением помолился (правда, в отдельной комнате мечети) и по его же признанию, это была первая молитва в его жизни.²

С переводом в Наманган в качестве первого секретаря горкома КПСС (а затем, автоматически и первого хакима/мэра города), Б. Рафиков застал крайне сложную ситуацию, предшествовавшую развалу СССР и продолжившуюся в начале независимости. Это время ознаменовалось быстрым и массовым подъемом исламского самосознания большинства населения. Уже тогда все осознавали, что «исламский фактор» будет иметь большой потенциал в будущем.

¹ Принят на первом съезде этой партии в Астрахани (1989 г.). В таком же виде этот устав уже был скопирован республиканскими отделениями партии, в том числе и в Узбекистане (председатель А. Утаев).

² Здесь и далее, мы опираемся на наши интервью с участниками тех событий в Намангане. Я предполагаю, что это был первый случай, когда в Узбекистане (а может и во всей советской Средней Азии) секретарь райкома участвовал в молитве со своими приближенными-коммунистами. В этом эпизоде я вижу так же фактическое начало исламизации бывших членов компартии.

С другой стороны, это был период полного экономического и финансового обвала. Хотя параллельно активизировалось так долго запрещаемое частное предпринимательство, оно породило преступный феномен — рэкет, то есть принудительное и незаконное взимание денежной ренты (10-30% дохода) с мелких и средних предпринимателей и торговцев. Рэкет особенно расцвел в 1988-1990 гг. почти на всей территории бывшего СССР и контролировался преступными группировками, очень часто — при участии коррумпированных офицеров милиции и других правоохранительных органов. Предприниматели искали свои способы защиты от рэкета. В условиях Намангана такой поиск привел к появлению полувоенных и нелегитимных организаций вроде «Адолат», («Справедливость»), «Ислом милицияси/Ислом лашкарлари» («Исламская милиция/Исламские воины»).

Создателем «Адолат» стал Абдухаким (Хакимджон) Саттимов. Основой его организации стала группа ДНД¹, которая, была создана летом 1989 г. и охраняла небольшой цех по производству кустарного шелка, принадлежавший А. Саттимову. Группа имела свои тренировочные залы, инструкторов по ведению рукопашного боя и владению холодным и огнестрельным оружием. Именно в эту группу вошел Тахир Юлдашев, будущий лидер ИДУ. Через некоторое время к Саттимову стали обращаться за помощью мелкие и средние предприниматели города и пригорода с просьбой защитить от жестокого рэкета, так как органы правопорядка в условиях почти повальной коррупции были абсолютно неэффективны. Таким образом, группы «Адолата» взяли на себя функции защиты предпринимателей, а затем и патрулирования города в ночное время.

Однако для нормального функционирования организации необходимы были финансы.² Были найдены два основных источника финансирования. Естественно, принимающие защиту групп «Адолата» предприниматели в знак благодарности вносили в общую кассу («Байт ал-мал») своих защитников определенные суммы денег. Эта новая система взимания денег была названа чисто исламским термином «'Ушр».³ На быстро набирающие силу и авторитет группы «Адолат» обратили внимание также и некоторые религиозные лидеры города ('Умар-хон домулла, Обид-хон кори и др.). Именно они первыми стали жертвовать группе некоторые суммы денег из доходов мечетей.

Сам Саттимов был совершенно нерелигиозным человеком,⁴ однако по-своему тоже начал оценивать значение набиравшего оборо-

¹ Добровольная народная дружина — группы добровольцев, помогавших милиции в наблюдении за порядком в советский период.

² По имеющейся у нас информации члены группы «Адолат» и другие группы, созданные на ее основе, нигде не работали и получали зарплату от Саттимова, затем от Т. Юлдашева.

³ Буквально — 1/10 часть дохода с разных видов имущества или дохода. Подробней, см. **Grohmann A.** 'Ushr // Enzyklopaedie des Islam, 4. — Leiden-Leipzig, 1934. — 1137-1139.

⁴ Почти все наши респонденты говорили, что Саттимов не умел даже правильно совершать молитвы.

ты процесса исламизации. К тому же основная часть рядового состава его дружины происходила из религиозных семей. Именно поэтому он выдвигает в качестве «исламского идеолога» своей организации Тахира Юлдашева. Этот последний настаивает на том, чтобы переименовать «Адолат» в организацию «Ислом адолати» («Исламская справедливость») и создать на ее основе группы «Ислом милицияси» (другое название – «Ислом лашкарлари»). Таким образом, в январе 1990 г. в Намангане было объявлено о создании организации «Ислом адолати». Перемена названия означала также и расширение сферы деятельности, что было отражено в тексте клятвы (Bay'at-nomah): вступающий в ряды «Ислом адолати», кроме всего прочего, клялся «всячески способствовать установлению шари'атского порядка в Намангане и затем во всем Узбекистане».¹ Были созданы специальные патрульные группы «Ислом адолати», состоявшие в основном из молодых людей, которые стали появляться на базарах, вылавливая мелких карманников и наказывая их ударами плетей. Другие патрульные насильно закрывали магазины, где продавались спиртные напитки, устраивали погромы дискотек в старогородской части, появлялись на свадьбах и принуждали устроителей убирать со столов спиртные напитки и т.д.

Таким образом, в Намангане сформировалась некая исламская полиция «шари'атских нравов». Она представляла собой внушительную силу и фактически стала «параллельной властью» в Намангане. Попытки местных властей остановить деятельность фактически незаконной организации были безуспешны. Например, главный прокурор Наманганской области Чори Джураев (ум. в 2003 г.) завел 32 уголовных дела на членов «Ислом адолати» с обвинениями в убийстве мелкого карманного вора, незаконных избиениях людей, вторжении в частную жизнь и так далее. Однако реально осуществить следственные действия (задержание обвиняемых и т.п.) органы милиции не решались. Более решительными оказались боевые группы «Ислом адолати»: они осадили здание прокуратуры с целью изъять заведенные на них дела. При этом охрана здания не оказала никакого сопротивления и добровольно отдала оружие командирам отрядов «Ислом адолати». Главный прокурор был схвачен и избит. Его заставили извиниться перед толпой и публично отречься от занимаемого поста. Заведенные дела были сожжены во дворе прокуратуры, при этом толпа скандировала «Аллаху акбар».² Городская и областная милиция, давно дискредитировавшие себя связями с рэкетом, не вмешивалась в подобные акции и демонстрировали полное бессилие.

Напротив, после каждой подобной вылазки у участников «новой власти» росло ощущение своей силы и влияния. Не менее примечательны-

¹ Из текста «бай'ат-нома», который был переписан бывшим членом «Ислом милицияси» в свою тетрадь.

² Из рассказов очевидцев.

ми были так называемые «Юришлар»¹ — демонстрации у здания городской мэрии (Hokimiyat), организовываемые боевыми группами «Ислом адолати». Различные требования предъявлялись в ультимативной форме, и городские власти были вынуждены выполнять их. Все эти события означали, что в Намангане фактически установилось двоевластие. Причем власть «полиции шари'атских нравов» (как стали называть «Ислом адолати») являлась более авторитетной на фоне общего кризиса силовых органов города и области.

Интересно, что в той ситуации члены боевых групп **не называли** себя моджахедами (*мужохидлар*) и не воспринимали свои действия в качестве джихада. Названия и самоназвания этих групп были скорее советского происхождения: «Фаоллар» (активисты), «Гурухлар» (группы), «Ислом милицияси» («Исламская милиция»). Правда, к концу 1991 г. группы боевиков стали называть себя «Ислом лашкарлари» («Воины ислама»). Это самоназвание отражало скорее притязания на статус «параллельной власти» в городе, чем соответствовало действительному положению дел.²

Постепенно руководство организацией почти полностью перешло в руки Тахира Юлдашева. Он еще более активизировал действия своих боевых групп, организовав круглосуточное патрулирование города, увеличив количество групп, контролировавших въезд-выезд из города; другие группы не позволяли женщинам и девушкам появляться без хиджабов, следили за тем, чтобы во время полуденных молитв (*пешин/аз-зур*) все обязательно шли в мечети и т.п.

Последней и самой дерзкой акцией «Ислом адолати» стал захват их боевиками здания мэрии (бывшее здание областного комитета компартии) и организация там митинга (19 декабря 1991 г.). Акцию поддержали многие религиозные лидеры Намагана (среди них упомянутые 'Умар-ход домулла, Довуд-хон кори и др.) и даже приняли участие в митинге.³

Собственно митингующие из **простых горожан** собрались **снаружи** на площади, а все **молодые боевики** из «Ислом адолати» — во **внут-**

¹ «Юриш» — средневековый военный термин, обозначающий «Военный поход», «Захват». Вообще же демонстрации такого рода стали частью религиозного возрождения и борьбы за власть среди религиозных лидеров. Я был свидетелем одной такой демонстрации осенью 1991 г. на площади около бывшего Духовного управления мусульман (мечеть *Хаст имам*) в Ташкенте. Демонстрация фактически представляла собой противостояние андижанских (ферганских) и ташкентских верующих. Последние требовали, чтобы тогдашний муфтий Управления Мухаммад-Садик Мухаммад-Юсуф (андижанец) уступил свое место представителю Ташкента. Раздавались такие угрозы: «Выпотрошим этого Мухаммад-Садика и набьем его тело соломой» (ташкентцы скандировали: «*Аллаху Акбар*»). В ответ толпа, прибывшая из Ферганской долины, требовала устроить резню «в продажной Кукче» (старый район Ташкента). И снова крики «*Аллаху Акбар*», но теперь среди ферганцев. Только вмешательство представителей власти, старейшин города и отрядов милиции остановило едва не начавшееся кровопролитие.

² По оценкам Р. Акрамова, всего боевиков у Тахир Юлдаша насчитывалось максимум 2 тысячи человек. Население Намангана по переписи 1989 г. составляло около полутора миллиона человек.

³ Пользуясь случаем, благодарю коллег из Оша за возможность посмотреть несколько вариантов заснятого видеofilьма этой акции.

реннем дворике здания. Организаторы митинга сразу потребовали приезда президента И.А. Каримова и собирались предъявить свои требования лично ему. И.А. Каримов прилетел в город и вошел в дворик захваченного здания. Его появление было встречено криками «Аллаху акбар».¹

Дальнейшие события очень важны для понимания первоначально-го контекста формирования и трансформации идеологии будущего ИДУ, и поэтому остановимся на них подробнее. Тахир Юлдаш ощущал себя героем дня. Он буквально оттолкнул И.А. Каримова, попытавшегося взять в руки микрофон и обратиться к собравшимся. При этом Тахир Юлдаш крикнул: «Нет! Здесь пока хозяин я! Здесь вы будете говорить, но только тогда, когда я вам дам слово. А пока молчите и слушайте».² Затем, после некоторых общих фраз, И.А. Каримову были предъявлены требования, которые зачитал Тахир Юлдаш. Причем эти требования были записаны на клочке бумаги и были переданы из задних рядов, где сидели религиозные лидеры города. Тахир Юлдаш зачитал их, запинаясь и явно впервые видя этот текст. Это говорило о стихийности выдвинутых требований и что сам Т. Юлдаш едва ли мог стать генератором идей.

Требования состояли из следующих пунктов: объявить Узбекистан исламским государством, распустить парламент, выдвинуть кандидатом в президенты мусульманского лидера,³ передать захваченное здание митингующим, с тем, чтобы создать в нем «Шари’атский центр», или здание «Исламской партии», не позволять в роддомах работать мужчинам.

Сразу после этого к Т. Юлдашеву подошли несколько старейшин – представителей митингующих **снаружи** здания горожан – и предали ему записку с **дополнительными требованиями**. Все эти требования были **исключительно экономического характера** (стабилизация цен на продукты, индексация и увеличение зарплат и т.п.). Т. Юлдаш ответил им в том смысле, что нужно сначала установить исламское государство и шари’атские порядки, и тогда, дескать, все подобные проблемы решатся сами собой. Однако представители митингующих настаивали, чтобы их требования тоже зачитали, в противном случае они пригрозили, что разойдутся и организуют самостоятельный митинг.⁴ При этом была сказана символическая фраза: «Тохирджон, те требования, которые вы огласили

¹ Этот митинг был записан на видеокассету, которая имеется в нашем архиве.

² В этот момент толпа боевиков из «Ислам адолати» начала выкрикивать *такбир* настолько громко, что многие просто закрыли уши. Тахир Юлдаш посмотрел на орущих взглядом победителя и видно было, что он рассчитывал именно на такой эффект, который произведет на толпу его поведение. Естественно, своей попыткой «поставить на место» самого президента (по местным представлениям – «Подшох») он рассчитывал произвести впечатление на толпу и подтвердить свой имидж бесстрашного лидера.

³ По утверждению упомянутого Р. Акрамова, это требование было внесено по негласному распоряжению Мухаммад-Садик Мухаммад-Юсуфа, который тоже в это время был в Намангане, но из осторожности не принял участия в митинге. Сам Мухаммад-Садик Мухаммад-Юсуф утверждает, что это неверная информация.

⁴ Между прочим, простые горожане составили примерно 92-95 % митингующих (из примерно 20 тысяч собравшихся).

— это **ваши требования**. А теперь мы требуем, чтобы зачитали и **наши**» (выделено мной — **Б.Б.**).¹ Т. Юлдаш быстро посоветовался с религиозными лидерами и сразу огласил предъявленные экономические требования горожан.

Таким образом, почти сразу обозначились разные стимулы и цели митингующих. Самое главное, те, кто выдвигал религиозно-политические требования, были в меньшинстве. Этого не мог не заметить И.А. Каримов, который построил свою речь перед митингующими преимущественно в русле обсуждения экономических проблем, которые особенно обострились после развала СССР. Что касается предъявленных политических и религиозных требований, то И.А. Каримов заявил, что единолично такой вопрос он не может решить, и что нужно это сделать по принятым правилам, включающим всенародный референдум и т.п. мероприятия. В целом, И.А. Каримов, будучи опытным политиком, угадал настроения основной части собравшихся и сумел отодвинуть обсуждение религиозно-политических требований на второй план и сосредоточить внимание толпы на экономических и политических проблемах. Такая тактика погасила страсти, и митингующие разошлись.

Изгои хотят стать гонителями

После митинга Т. Юлдаш и его боевики еще несколько дней занимали захваченное здание. «Ислом адолати» ощущали себя победителями, в особенности их глава Тахир Юлдаш, который становится единоличным лидером организации. Именно с этого момента боевые группы «Ислом адолати» стали прилагать к себе название «*Муджохидлар*» (Моджахеды). Хотя, судя по нашим интервью, в среде бывших молодых боевиков действительного значения этого термина почти никто не знал, включая и Т. Юлдаша. Религиозное толкование «нового статуса» новоиспеченных моджахедов было довольно простым.²

Сразу после того, как Т. Юлдаш объявил себя «Верховным амиром» (*Бош амир*) моджахедов Намангана, он старается закрепить свой новый статус расширением и укреплением структуры своей организации. Был составлен новый текст «*Вау'ат-намаһ*» (клятвы, присяги), в которой член «Ислом адолати» впервые был назван моджахедом, в обязанность которого входило беспрекословное подчинение приказам «Верховного амира» Тахира Юлдаша. Текст этой клятвы с незначительными изменениями стал позже клятвой членов ИДУ.

¹ Из интервью с участниками митинга.

² По рассказу одного из бывших членов «Ислом адолати», молодым членам группы внушали, что их действия по «возрождению ислама» и есть джихад. Не объясняя подробно значение этого термина, им просто перечисляли те «блага», которые обещаны Аллахом всем моджахедам: им будут прощены все грехи, и они без всякого экзамена попадут в рай. В раю их ждет сытная и богатая жизнь, красивые гурии, а на голову моджахедов ангелы водрузят особые короны, усыпанные драгоценными камнями.

По приказу Тахира Юлдаша во дворе здания мэрии был возведен особый трон (*тахт*), который, должен был стать символом «новой власти».¹ Интересно, что сначала этот импровизированный трон был обит парчой красного цвета — любимого цвета в провинциях Центральной Азии. Реакция Тахира Юлдаша оказалась неожиданной — он заявил, что «красный цвет — цвет коммунистов», и приказал заменить эту обивку на парчу золотистого цвета. В этом эпизоде отразилось и внушенное представление о том, что каждому моджахеду в будущем мире «будет дан золотой трон». С другой стороны, распоряжение Т. Юлдаша возвести трон тоже весьма символично, и вполне соответствовало его рано пробудившимся амбициям и политическим притязаниям.

Как рассказывали бывшие члены «Ислом адолати», Тахир Юлдаш с удовольствием воссел на этот трон и произнес краткую, но довольно примечательную «тронную речь». Он обратился к своим боевикам и сказал: «Теперь **забудьте, что мы изгои** (*ghariblar*) в своей стране, теперь мы будем в ней хозяевами, а все **неверные и отступники** (*малу'нлар*) — **изгоями**» (подчеркнуто нами — Б.Б.).

Однако Тахир Юлдаш поспешил со своей тронной речью. Официальные власти Ташкента, дождавшись президентских выборов (середина января 1992 г.), и добившись на них значительного перевеса, постепенно стали возвращать власть на местах в свои руки. Многие члены «Ислом адолати» были арестованы и позже осуждены. Тахир Юлдаш с ближайшим окружением сумел бежать из города² и перебраться в соседний Таджикистан.

Таким образом, задолго до теоретических поисков в обосновании собственного понимания джихада, успели сформироваться те бескомпромиссные методы борьбы и политические кредо, которые и определили направление дальнейшего поиска религиозной мотивации и религиозных обоснований своих позиций у лидеров и главных идеологов ИДУ.

В Таджикистане. Первые уроки по джихаду

Гражданская война в Таджикистане в представлениях многих верующих Узбекистана была скорее «войной за веру». О ее клановом или межрегиональном контексте верующие Узбекистана до сих пор имеют крайне смутное представление. По крайней мере, в начале 1990-х гг., таджикский конфликт воспринимался многими верующими региона как «джихад против коммунистов».

Бежавшие в Таджикистан боевики «Ислом адолати» в этой войне были востребованы, в особенности те, кто из них ранее прошел боевое обучение во время службы в армии. Однако среди бежавших были и те, кто не служил в армии и для участия в боевых действиях, им нужно было

¹ Из интервью с бывшим членом «Ислом адолати». Этот рассказ подтвердил и Р. Акрамов.

² По рассказу одного из молодых боевиков из его бывшего окружения, Т. Юлдаш бежал, переодевшись в дворника и в спешке не предупредил никого из своих бывших соратников.

пройти соответствующую подготовку. Уже к началу 1993 г. в районах, контролируемых исламистами из Объединенной таджикской оппозиции (это, прежде всего, Тавильдара) были организованы специальные лагеря, где было начато обучение молодых моджахедов.¹ Кроме уроков по вооружениям, топографии и др. «прикладным» предметам, молодые моджахеды обучались основам религиозных наук. Особое место в занятиях боевиков занимали специальные «Уроки джихада» («Jihad darsliklari»), которые по некоторым ремаркам в тексте, можно датировать примерно 1997 г.

«Уроки» представляли собой фактически общие инструкции по ведению диверсий, партизанской войны и пропаганды на территории «врага». «Вражеской территорией» была признана территория Узбекистана и некоторых соседних стран. Как видно из фрагментов этого текста, предполагаемые боевые и диверсионные действия моджахедов носили скорее партизанский характер, а религиозная мотивация была на достаточно примитивном уровне. В конспектах моджахедов мы также находим весьма краткие обоснования джихада, который толковался очень абстрактно, как «война против всех неверных и отступников (*мал'ун*), называющих себя мусульманами».

Что касается статуса шахида, то в конспектах в тех или иных вариациях перечисляются следующие «преимущества, которые дарует Аллах свои шахидам»:

1. Боль, которую будет ощущать шахид во время смерти, равна укусу муравья;²
2. В раю он будет иметь разнообразную пищу в том количестве, каком пожелает;
3. В раю шахид будет женат на 72 красивых гуриях;³
4. Все грехи шахида прощаются с первой каплей пролитой им крови;
5. В Судный день он может быть спокоен за себя, и будет иметь право вступить за своих 70 родственников.

Как видим толкования «преимуществ шахидам» на этом этапе сводились в основном к простейшим физиологическим потребностям молодых моджахедов. Такие скорее мирские, чем потусторонние обещания шахидам становятся вполне понятными, если учитывать те тяжелые условия, в которых жили большинство из них в своих лагерях.⁴ Вполне объяснимым выглядит так же и самый первый пункт, где мы видим желание снять у молодых боевиков естественный страх перед смертью и потенциальными физическими страданиями. По словам бывших членов ИДУ, подобные довольно простые пропагандистские трюки не лишены были психологи-

¹ Здесь и ниже мы пользуемся нашими (совместно с М.Б. Олкотт) интервью с некоторыми бывшими членами ИДУ, а так же упомянутыми конспектами моджахедов.

² В другой тетради вариант: «... словно его будут царапать пальцами без ногтей».

³ В Коране говорится о «70 комнатах» и «70 гуриях в них» (9: 36, 38, 72)

⁴ Об этом говорили все наши интервьюеры – бывшие боевики ИДУ.

ческого эффекта, и многие молодые и неискушенные боевики искренне ожидали перечисленных «наград на том свете», в особенности того, чего были лишены в суровых лагерных условиях.

В Афганистане. От партизанской борьбы к теологическим обоснованиям джихада

Иммиграция (точнее репатриация) в Афганистан (2000 г.) привела к тому, что ИДУ было инсталлировано в наиболее благоприятную для себя среду. Всесторонние связи ИДУ с «Талибаном», а позже и с «Ал-Каидой», усиливаются. Усиливается также и их идеологическое влияние на ИДУ. У последних 2000-2001 гг. становятся наиболее продуктивными в смысле тиражирования пропагандистской литературы (журналы, прокламации, переводы религиозных сочинений и пр.) а также видеofilmов.

Прежние случайные и, в известном смысле, вульгарные толкования джихада решено было прекратить. Для этого лидер движения Тахир Юлдаш создает собственный Совет улемов, состоящий в основном из узбекских иммигрантов, имеющих приличное богословское образование. Первоочередной задачей Совета стал поиск религиозного обоснования джихада и вынесение соответствующих богословско-правовых решений (*фатава*) и обязательное введение их в те уроки, которые преподавались моджахедам. Такую задачу Совета определил сам Тахир Юлдаш в своем обращении ко всем моджахедам ИДУ.¹ В обращении в частности, говорится:

«... Когда мы говорим о религиозных знаниях, наша цель состоит в том, что в скором времени и на деле (‘амалий) мы начнем наш джихад и должны узнать о нем, основываясь на шари’ате и боясь (только) Аллаха. Среди нас есть те, кто знает об этом [то есть о джихаде]. Значит мы должны у них учиться. Ведь основное оружие, возвышающее нашу веру – узнать об истинных догмах. Если мы укрепим нашу истинную веру и изучим положения фикха разных мазхабов о джихаде, мы никогда не собьемся с нашего пути. Поэтому наши преподаватели, ответственные за уроки по религии, должны с особой ответственностью и усилием вести свои уроки. И мы обращаемся ко всем – начиная от начальников и до поваров и хлебопекарей² – пусть твердо осваивают все знания, связанные с джихадом. Если мы твердо освоим эти знания, то достигнем довольства Аллаха, а это наша цель. Здесь мы не должны лениться, так как только с этими знаниями о джихаде мы познаем нашего Аллаха. Только с этими знаниями о джихаде, мы познаем догму (aqida), узнаем о дозволенном и запретном (hal l wa har m), и именно с этими знаниями мы будем делать джихад. Давайте мы с вами бу-

¹ Текст издан на одной из листовок ИДУ (типографское издание). Вверху листа: эмблема ИДУ; надпись крупными буквами – «Издание Вооруженных сил Исламского движения Узбекистана. Номер 5-й». Дата отсутствует. Предположительно начало 2000 г.

² Имеются в виду главы групп и обслуживающий персонал лагерей.

дем готовы уйти к Аллаху.¹ Да сделает Аллах нас истинными наследниками нашего Пророка, Аминь!»!

Итак, религиозная мотивация джихада и обоснование статуса шахида были заимствованы теологами ИДУ не только из идеологических клише «Талибана» или «Аль-Кайды». Идеологи ИДУ начали самостоятельно обращаться к разработке подобных вопросов. Разработка шла в двух направлениях. С одной стороны мы наблюдаем самостоятельное обращение к сакральным текстам (прежде всего, к Корану и хадисам) по вопросам религиозной легитимации джихада. Здесь богословы ИДУ ограничивались попытками интерпретировать сакральные тексты применительно к ситуации в Центральной Азии и, в частности, в Узбекистане. С другой стороны, обширная литература по джихаду тоже попадает в поле зрения теологов ИДУ и идет работа над переводами (прежде всего, на узбекский язык), часть которых готовится к изданию. Одним из первых таких сочинений стала работа сирийского богослова Ибн Наххаса (ум. в 814/1411), который подробно разработал вопрос легитимации джихада, правил ведения военных действий, дележа добычи, отношения к пленным из «неверных» и т.п.²

Переводчик этого сочинения Абу Мансур Ахмад вводит в свой перевод некоторые комментарии, стараясь приложить религиозные предписания к современной ситуации. В конце перевода он приписывает небольшой текст. Вот фрагмент из него:

«...Тысяча сожалений, но на территории мусульман руководят правители неверных, а мусульмане стали подобны прирученным птицам и клюют корм из рук этих неверных. Мусульмане и мусульманки теряют свою совесть и религию, стали подражать своим врагам. И больше всего вызывает сожаление то, что у общины, которая называет себя «Мусульманами» пропадает ненависть и отвращение к христианам и другим неверным. Они погрязли в грехах, и от этого у них не болит сердце. Мы стоим на коленях, а нам кажется, что мы стоим прямо.

О дорогой брат! Ты хорошо видишь это наше сегодняшнее положение. Мы не исполняем веления нашего великого шари'ата. Мы забыли, каким должно быть наше отношение с неверными. Мы даже не вспоминаем, что мы должны сделать нашу религию высшей ценностью, вернуть власть,

¹ То есть «будем готовы стать шахидами».

² Abi Zakariya Ahmad ibn Ibrahim (Ibn an-Nahhas) ad-Dimashqi thumma ad-Dimyati. «Mashari' al-ashwaq ila masari' al-'ushshaq» (fi-l-jihad wa fada'ilaha). — Bayrut: Dar ul-basha'ir ul-Islamiya, 1410/1989. Мы имели возможность сравнить этот изданный текст с имеющимся в нашем распоряжении фрагментами узбекского перевода, выполненного одним из теологов ИДУ, который оставил в конце текста перевода автограф: «С помощью Аллаха завершен перевод этой книги в 1422 году хиджры, 10-го мухаррама. 26.03.2001 рукой Абу Мансур Ахмада (подпись арабским шрифтом)». Нам не известно, был ли этот перевод издан. Однако мы установили, что в контекстах моджахедов (2000-2001 гг. из архива фонда Карнеги, г. Вашингтон) фрагменты этой книги тоже конспектировались. Очевидно, Абу Мансур Ахмад на основе этого сочинения читал лекции моджахедам.

которую у нас отобрали, вернуть наши права, вернуть уважение к себе. И это мы можем сделать только с оружием в руках...».

Как видно, в основу легитимации собственных действий, идеологи ИДУ обязательно вводят понятие «отвращение к христианам и другим неверным». Подобные пассажи, очевидно, рассчитаны на закрепление образа врага по религиозному признаку и усиления конфронтации как способа поддерживать боевой дух моджахедов.

Итак, в Афганистане наблюдается более интенсивная идеологическая подготовка моджахедов ИДУ. Очевидно, достаточно солидное финансирование позволяет Тахиру Юлдашу печатать свои издания (журналы, переводы сочинений, листовки, прокламации) и даже основать собственную киностудию «Jundullah».

Все это создает хорошие условия идеологам ИДУ для того, чтобы искать дополнительные и максимально приближенные к сакральным текстам аргументы для обоснования джихада и «особого» статуса шахида. Прежде всего, была преодолена вольная (скорее физиологическая) интерпретация сакральных предписаний. Судя по публикациям ИДУ в Афганистане, заметно более внимательное обращение преподавателей и теологов ИДУ на идеологическую и, в известном смысле, духовную подготовку боевиков. В обучение молодых моджахедов ИДУ включаются специальные уроки по джихаду и обоснованиям статуса шахида. Обоснования джихада уже апеллируют к соответствующим аятам Корана и хадисам, к другой религиозной литературе (в основном средневековой). При этом заметна интерпретация священных текстов и предписаний о джихаде не только в контексте Узбекистана, но и остальных мусульманских стран. Это особенно заметно в лекциях и статьях одного из идеологов ИДУ Зубайр ибн 'Абд ар-Рахима. Они представляют собой пример самостоятельного поиска аргументов для обоснования джихада в современных условиях Узбекистана и всего мира. Вот наиболее характерные фрагменты одной из его статей:

«Сейчас мусульмане мира остаются под гнетом. Так как часть из них живет в странах, где правят неверные, а другие — в странах, находящихся под влиянием Америки, которая проводит политику, прикрываясь исламом. Поэтому вера этих (мусульман) в Аллаха несовершенна ...

Если мусульмане (Узбекистана) могут совершать свои личные ритуалы веры, но все-таки они не в состоянии исполнять требования веры в политическом отношении Значит, в жизни мусульман веления Корана воплощаются только частично, а остальное остается в на страницах книг.

... Для того, чтобы распространить ислам на весь мир, нужно государство, в котором были бы абсолютно утверждены законы шари'ата. Например, религиозной обязанностью (фард/фарз) является ритуальное омовение (тахара) перед молитвой. И точно так же религиозной обязан-

ностью являются наши действия, направленные на то, чтобы путем джихада очистить в системе (общественного) управления мусульман порядка неверных и установить истинно исламский порядок!

Здесь нельзя допускать слабости! Нельзя оправдываться ни кознями иудеев, ни тем, что Америка помогает странам СНГ в борьбе против мусульман, ни тем, что у неверных есть ядерные бомбы ... Кто оправдывает свое бездействие этим, думая, что они (неверные) могут уничтожить мусульман с их городами и селами, тот не должен забывать о мощи Аллаха! ... (текст из Корана, 8:36)...

...Многомиллионная община мусульман Узбекистана, под воздействием вредной политики, забывает о своей религии и все больше заблуждается. А наши так называемые улемы, благодаря своим знаниям и уму, хорошо знают об этом положении, но ведут себя так, словно стоят на горе, и смотрят, как рядом в пропасть неверия сваливается община мусульман. Вместо того, чтобы показать мусульманам правильный путь, они в своих тепличных условиях пишут свои книги, стараясь найти решения мелких вопросов и спорят по поводу них. А община продолжает сваливаться в пропасть. И так происходит во всем мире.... Поэтому нужно сказать следующее: если в общине мусульман нет вдохновения к джихаду, эту общину нельзя назвать исламской. Это не община, а просто формальная организация. Асхабы, которых воспитал наш Пророк, сразу, после того как уверовали, были готовы к войне с неверными. Они хорошо знали, что победа достигается не только количеством (войск) или подготовкой к войне с неверными. Они хорошо понимали, что победа будет дарована Аллахом, если крепка вера, а моджахеды имеют истинное исламское понимание и мировоззрение. Не будет этого – значит не будет победы...».¹

Кроме крайней нетерпимости, здесь обращают на себя внимание следующие положения. Признается, что для победы «чистого ислама» во всех сферах жизни мусульман необходим политический статус религии в исламском государстве, но только при условии полного избавления от влияния «системы неверных». Причем единственный путь воплощения такого положения видится в идее «всемирного джихада», в исключительно милитаристском значении этого термина. В этом же контексте толкуется джихад в Узбекистане и в регионе. При этом заметно осознание собственного противостояния с богословами в стране, большая часть которых признает существующее положение вполне благоприятными для признания исламской уммой. В конце своей статьи Зубайр пишет о важности формирования мировоззрения моджахедов, видя в этом гарантию противостояния перед сильным противником. Следовательно, идеологическая подготовка становится важной составной частью подготовки молодых моджахедов. В таких условиях обоснования и толкования джихада обретают крайне радикальные формы, где собственно джихад (исключительно в форме «войны

¹ **Зубайр б. 'Абд ар-Рахим.** Наше отношение (политический анализ положения в Узбекистане) // Журнал ИДУ «Ислом уммати» (Islamic Societe). № 1-й, 05.07.1999.

с неверными») признан единственно легитимной формой существования ислама и «правильной исламской общины».

Заключение

Идеология джихада у ИДУ сформировалась не сразу. Зачаточная ее форма связана с идеологией «отчуждения гонимых» («Ghuraba'»), инициированной ревнителями «чистого ислама». После конфликта с государством и остальными верующими, основой идеологических парадигм ИДУ становится предписание о вынужденной иммиграции «Hijrat» из государства, признанного «территорией войны». «Hijrat» был признан первым этапом джихада. Это усилило раскол с остальными мусульманами страны (условно — «консерваторами»), которые считают, что имеющиеся условия для свободного существования общины вполне достаточны (открытые мечети, возможность получить религиозное образование, признание на государственном уровне духовной ценности религиозного наследия и т.п.).

Отчуждение и, как следствие, взаимная неприязнь, еще больше стимулировали раскол среди верующих. Причем неприятие всего «чужого» характерная черта не только радикалов, но и консерваторов тоже.¹ Последние были не менее воинственны в своем противостоянии с «инакомыслящими», поспешив навесить традиционный уже ярлык «ваххабиты», на всех, кто привносит нетрадиционное понимание ритуала или статуса ислама в государство.² Такая позиция еще больше стимулировала взаимное отчуждение.

По крайней мере, формирование ИДУ и им подобных организаций, было не только результатом столкновений с государством. Противоречия и столкновения находятся в более обширной плоскости, и отношение к ИДУ в среде консерваторов несет в себе все признаки внутрирелигиозного конфликта.

Напоминаем, что религиозная и прочая мотивация ИДУ и образ их действий не воспринимаются большинством верующих региона, без всякого давления со стороны местных режимов. Эта позиция традиционна

¹ См. подробнее: **Babadjanov B.** Debates over Islam in Contemporary Uzbekistan: A View from Within // In: St. A. Dudoingon (Ed.) *Devout Societies vs. Impious States? Transmissing Islamic Learning in Russia, Central Asia and China, through the Twentieth Century*, KS. — Berlin, 2004. — P. 39-60.

² Характерный пример — деятельность группы *Ма'рифатчилар* (Маргилян). Их лидер Мамаджанов Баходир (1950 г.р.) счел, что принятые пятикратные молитвы должны читаться местными мусульманами на узбекском (вариант — таджикском) языке, так как молящийся, не знающий арабского языка, все равно должен понимать те слова, с которыми обращается к Аллаху. Такая позиция сразу породила конфликт с консерваторами, которые сразу же навесили ярлык «ваххабиты» на группу *Ма'рифатчилар*. За неприятием консерваторов последовал прессинг со стороны МВД, которое тоже приняло сторону консервативного большинства и с подозрением смотрело на все «нестандартные» проявления религиозного самосознания среди верующих. В результате прессинга, многие члены группы *Ма'рифатчилар* решили покинуть страну и естественным образом попали в ряды ИДУ. Однако и тут их своеобразная ритуальная и богословская позиции не были приняты. В результате большинство из *Ма'рифатчилар* покинули ряды ИДУ и вернулись в Маргилян. В настоящее время отношение окружающих к ним более терпимое.

для большинства богословов Центральной Азии и выработана за многие века существования уммы в условиях взаимоотношений с неисламскими политическими и культурными субстратами.¹ Особенно уникальным следует признать способы приспособления верующих к советскому режиму и сохранения в этих условиях своей религиозной и в целом культурной идентификации. И именно поэтому нынешние условия большинство местных ханафитских богословов (консерваторов) сочло вполне приемлемыми для сосуществования уммы и светского секуляризированного государства. По их мнению, в имеющихся условиях ставить вопрос о джихаде означало бы фактически начать гражданскую войну. К тому же, как показывают события последних лет, энтузиазм у местных мусульман относительно создания исламского государства невелик. По крайней мере, идеи и призывы ИДУ к джихаду для «восстановления исламского государства» не встречают поддержки среди большинства верующих ни в Узбекистане, ни в регионе в целом. Поэтому, в случае с ИДУ следует говорить не о «межцивилизационных столкновениях», а в большей степени о религиозно мотивированных притязаниях на власть.

Итак, мотивация и правила ведения джихада у ИДУ прошли эволюцию от партизанщины к поиску собственных и уже известных аргументов для религиозного обоснования джихада. Параллельно шло заимствование идей о джихаде из опубликованной в арабском мире средневековой литературы (например, Ибн Наххас).

С другой стороны интернационализация джихада тоже оказала свое влияние на позицию ИДУ, идеологи которого с момента базирования в Афганистане, рассматривали свои действия «по освобождению ислама и мусульман» как часть общемирового джихада. В этом отношении особый интерес представляет переписка ИДУ с официальными структурами «Талибана», пакистанскими руководителями медресе и лагерей по подготовке боевиков и др.² В них постоянно подчеркиваются взаимная солидарность, единство целей.

Между тем, это не означало то, что ИДУ, найдя таких сильных союзников, возвысило собственное значение в глазах мусульман Центральной Азии. Контакты с террористическими организациями еще больше дискредитировали их в глазах местных мусульман, так как местные консерваторы давно воспринимают могущественных союзников ИДУ как религиозно нелегитимных «ваххабитов». Лидер ИДУ Тахир Юлдаш естественно знает такое отношение местных мусульман и старается по-своему легитимировать эти контакты. Известно множество его заявлений (в виде листовок, распространяемых видеокассет и т.п.) о том, что возглавляемое им движение остается на позициях ханафизма, но все-таки выступает против господст-

¹ См. об этом подробнее: **Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б.** Мухаммаджан Хиндустани (1892-1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «Советского ислама» в Средней Азии) // Восток (Oriens). – М., 2004. – №5. – С. 19-33.

² Из архива фонда Карнеги.

ва среди местных мусульман нешари'атских обрядов и ритуалов ('урф ва 'адат) и готово бороться за «чистоту мазхаба». И единственный способ этой борьбы, как это понимает Т. Юлдаш, — это джихад с оружием в руках. Фактически исламом мотивируется насилие.

Против такой позиции возражают большинство мусульманских богословов Центральной Азии, особенно их консервативная часть. Например, они чаще всего прибегают к доводам, ставшим теперь своего рода клише, вроде того, что ислам — это религия мира, что в исламе нет принуждения (исходя из коранической цитаты «*Ла икраха фи-д-дин*» — «Нет принуждения в вере»; Коран, 2:256). Они так же часто говорят, что экстремисты и террористы используют религию ислам только как прикрытие своих политических амбиций, и что они не являются никакими мусульманами и не уполномочены говорить и действовать от имени ислама и так далее.¹ Однако, такие заявления не дают основания утверждать, что религиозно-догматические аргументы их оппонентов «слабы», либо религиозно нелегитимны. Напоминаем, что «несхождение взглядов и позиций» сторон исходит из теологической особенности ислама, в котором нет общепризнанного ортодоксального института.

По крайней мере, повторяем, ощущение **отчужденности** (как отпечаток идеологии Ghuraba') не покидает лидеров ИДУ, что особенно заметно из речей Тахир Юлдаша. И это обстоятельство побуждает идеологов движения искать более эффективные пути для собственной общинной интеграции (как «воинов Аллаха», моджахедов). Интегративное сознание моджахедов ИДУ воспитывается на крайней ненависти к иноверцам, ко всему «чужому и неисламскому». Ненависти придается сакральное обоснование. Общинная идентификация внутри ИДУ поддерживается также внушением особой миссии моджахеда — «освободителя ислама и мусульман».

И последнее. После военной операции в Афганистане (конец 2001 г.) ИДУ понесло большие потери, утратило часть своих военных баз. Тем не менее, собственно движение сумело сохраниться и даже восстанавливает свои лагеря. Едва ли можно ожидать от Тахира Юлдаша и его соратников отказа от своего понимания джихада. Более того, в условиях, когда Афганистан вновь возрождается в качестве полигона для религиозных экстремистов и террористов, ИДУ (переименованное теперь в Исламское движение Туркестана), кажется, имеет все шансы на возрождение своей активности.

Тем более что политические перемены в Центральной Азии (в частности, потеря США своих былых позиций в регионе) наверняка будет побуждать основных игроков за влияние в регионе использовать такого рода боевые радикальные движения в целях давления на местные режимы, в частности, на Узбекистан.²

¹ Я исхожу из речей местных богословов на многих международных конференциях и многочисленных публикаций на эту тему.

² Некоторые факты опубликованы в упомянутом разделе интернет-сайта «Фергана.Ру», URL: <http://www.fergana.ru> (раздел «Терроризм»).

АФГАНИСТАН (ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ) В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ КОНТЕКСТЕ

АФГАНИСТАН И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*В.Г. Коргун,
докт. истор. наук, профессор, заведующий
сектором Афганистана отдела Ближнего и
Среднего Востока Института востоковедения
Российской академии наук*

Военно-политическую ситуацию в Афганистане на сегодняшний день можно признать во многом тупиковой. Динамика процесса социально-политического развития страны крайне слабая. Проблемы, возникшие после смены режима в Афганистане, остаются нерешенными. Многие аспекты современной общественно-политической жизни приобретают явно выраженный алармистский характер.

В то же время совершенно очевидно, что за период после свержения режима талибов Афганистан прошел большой путь в направлении общественно-политической и экономической трансформации. За эти годы были созданы институты новой общественно-политической системы со многими элементами демократии.

В этом плане безусловным успехом можно считать принятие в январе 2004 г. новой, либеральной конституции, юридически закрепившей демократические права и свободы граждан, а также новые, демократические структуры государственного управления. Конституция явилась основой для нового государственного строительства Афганистана. На базе нового Основного закона стало возможным избрание главы государства и высшего законодательного органа власти — парламента путем всенародных выборов.

Действительно, в октябре 2004 г. в ходе прямых, тайных и всеобщих выборов Х. Карзай был избран президентом страны, набрав в первом же туре 55% голосов. Таким образом, он получил легитимный статус. В сентябре 2005 г. состоялись парламентские выборы, которые прошли на достаточно демократической основе. Несмотря на запугивания и угрозы со стороны талибов и других оппонентов режима Х. Карзая, была отмечена высокая явка избирателей, в том числе женщин.

За эти же годы в стране сформировалась новая политическая система, основу которой составили различные политические партии и организации. На момент начала парламентских выборов 2005 г. в Афганистане было зарегистрировано 87 политических партий, обществ, союзов, фронтов, движений, объединений. Наряду со старыми партиями, кото-

рые, по сути, были военно-политическими группировками моджахедов, появившимися в конце 1970-х — начале 1980-х гг., после 2001 г. возникли и функционируют новые партии. Большинство из них религиозно-патриотического толка. Крупнейшей и наиболее влиятельной партией является Исламское общество Афганистана во главе с бывшим президентом страны Б. Раббани. Однако на сегодняшний день партии не играют заметной роли в политической жизни, ключевым игроком в которой по-прежнему остается традиционная элита и новые технократы, вчерашние эмигранты. Наряду с партиями в стране функционируют общественные и профессиональные организации. Причем одна из самых влиятельных — Ассоциация революционных женщин Афганистана. Активно действует и Независимая национальная комиссия по правам человека.

Наконец, к числу несомненных успехов на пути демократических преобразований в стране можно отнести функционирование более 300 независимых периодических изданий, частных радио- и телекомпаний, действующих в условиях отсутствия цензуры. При этом публикации многих СМИ носят острый критический характер. Критика не обходит стороной даже высших руководителей страны, включая президента Х. Карзая.

Однако вся эта система демократических институтов работает неэффективно. При достаточно широком наборе прав и прерогатив президента, зафиксированных в конституции, он контролирует лишь центральный, Кабульский регион. Власть в провинциях фактически принадлежит бывшим полевым командирам — «уорлордам», которые сохранили свои вооруженные формирования, несмотря на закончившийся процесс разоружения и реабилитации бывших комбатантов. Многие из них обрели официальный статус, получив посты губернаторов провинций, правительственных служащих, начальников полиции, членов провинциальных советов и депутатов парламента.

Управление государством остается в руках немногих лиц, противостоящих общему политическому процессу, политическим партиям, институтам и разным административным структурам. Высокий уровень коррупции и nepотизма подрывает легитимность национальных и региональных структур власти и президента Х. Карзая в глазах многих афганцев. Президент воспринимается как слабая и неэффективная фигура, открыто идущая на соглашение с коррумпированными и криминальными элементами. Его решения о назначении на новые посты государственных служащих, уволенных с прежней должности и связанных с криминальным миром, частными вооруженными формированиями, наркоторговлей и нарушениим прав человека, наносят ущерб репутации президента. Избрание такого рода деятелей в парламент в 2005 г. вызвало массовое разочарование.

Процесс формирования политических партий приобрел затяжной характер. Не в последнюю очередь из-за введенной президентом избирательной системы, в соответствии с которой партии не были допущены к участию в выборах, и избиратели голосовали за кандидатов из общих

списков. Поэтому в выборе кандидатов немалую роль играла случайность. Такая система способствовала формированию парламентских блоков на религиозной, этнической, клановой, региональной основе в ущерб общенациональным объединениям.

Весьма архаичной продолжает оставаться судебная система. Несмотря на проводимую в этой сфере реформу с помощью Италии, формальная система правосудия все еще неэффективна опять же ввиду всепроникающей коррупции, полной безнаказанности и недоступности населения к ее услугам, поскольку судебные процессы растягиваются на неопределенное время, да и не каждый может себе позволить оплатить судебные издержки, не говоря уже о даче взятки. Поэтому афганцы продолжают обращаться в более надежные и доступные неформальные, традиционные структуры – советы (шура, джирга), старейшины, религиозные и племенные авторитеты.

В последнее время несколько улучшилась ситуация в области правосудия в связи с назначением нового состава Верховного суда. Такой шаг стоил немало нервов как Х. Карзаю, так и парламентариям. Президент пытался оставить на должности Верховного судьи Ф.Х. Шинвари, который занимал этот пост с декабря 2001 г. Это крайне консервативный деятель, симпатизирующий талибам, усилиями которого всячески тормозилась судебная реформа. Он же являлся главой Совета улемов, который следит за соответствием правительственных указов положениям шариата. Х. Карзай, учитывая поддержку Шинвари со стороны большинства мулл и ряда духовных авторитетов, в апреле 2006 г. вновь предложил парламенту его кандидатуру, но тот получил вотум недоверия. В июле 2006 г. президент внес в парламент новую кандидатуру – А.С. Азими, преподавателя Кабульского университета и своего советника, и он был утвержден. Осенью 2006 г. был назначен и новый Генеральный прокурор – А.Д. Сабет, который сразу же повел ожесточенную борьбу с коррупцией.¹

Однако в целом ситуация в системе судопроизводства остается крайне неудовлетворительной. По-прежнему в стране доминирует закон силы над торжеством закона, что серьезно тормозит процесс стабилизации внутривнутриполитической ситуации.

Не лучше обстоят дела и с афганской национальной полицией, помощь в создании которой оказывают Германия, США и Франция. Ее численность в настоящее время составляет 60 тысяч человек. Это один из наиболее коррумпированных институтов в Афганистане. Для полиции характерно крайне низкое качество профессиональной подготовки, слабое материальное обеспечение (рядовой полицейский получает 70 долларов в месяц), неудовлетворительные бытовые условия, высокие потери личного состава в ходе столкновений с талибами, в засадах, при подрывах взрывных устройств и т.д. Отсюда низкий моральный уровень, массовое дезер-

¹ **Pamela Constable.** Top Prosecutor Targets Afghanistan's Once-Untouchable Bosses// Washington Post. – Washington, 2006. – November 23.

тирство и переход на сторону противников режима, повсеместная связь с наркомафией.

Военная обстановка в стране также продолжает оставаться весьма напряженной. Талибы не прекращают усилий по установлению своего контроля над южными провинциями Афганистана, ставя стратегическую задачу овладеть Кандагаром, и оттуда развивать наступление на Кабул. И хотя их потери в ходе вооруженных столкновений с войсками НАТО и частями Национальной армии Афганистана растут, интенсивность боевых действий также неуклонно нарастает. Особенно это касается увеличения числа акций террористов-смертников. Ранее они были неизвестным явлением в Афганистане, в 2005 г. произошел 21 самоподрыв террористов, в 2006 г., по данным американского военного командования в Афганистане, — 139. Растущее число этих акций сопровождается и другого рода мрачной статистикой: число подрывов взрывных устройств увеличилось с 783 в 2005 г. до 1677 в 2006 г., число вооруженных нападений экстремистов на войска международной коалиции за этот же период утроилось — с 1558 до 4542. В 2006 г. отмечено рекордное число потерь личного состава: 98 американцев и 93 — НАТО.¹

Все чаще им удается захватывать целые уезды и удерживать их в течение довольно продолжительного времени. Значительная часть населения южных и юго-восточных провинций симпатизирует талибам или даже поддерживает их. Неспособность правительства Х. Карзая обеспечить безопасность и поднять уровень жизни населения толкает людей в лагерь противников режима. Этому же способствует высокий уровень безработицы в стране — 33%,² особенно среди молодежи.

Строительство вооруженных сил Афганистана идет медленными темпами. На сегодняшний день их численность составляет 46 тысяч человек. Афганская национальная армия более боеспособна и лояльна, нежели полиция. Но и у нее немало проблем. Во-первых, слабое финансирование (осуществляется полностью за счет финансовой помощи США): солдат получает от 70 до 100 долларов в месяц при средней зарплате рабочего в Кабуле 50 долларов.³ В то же время талибы платят своим боевикам 12 долларов в день. Во-вторых, у афганской армии практически нет новых тяжелых видов вооружения — артиллерии, бронетанковой техники, авиации. Она вооружена устаревшими образцами оружия советского производства. Пока США и их западные союзники не доверяют афганцам современное оружие. Поэтому афганская армия еще не в состоянии вести самостоятельные боевые операции без мощной поддержки войск международной коалиции.

¹ **Peter Bergen.** Afghanistan 2007: Problems, Opportunities and Possible Solutions// Afghanistan: Mission Impossible? — European Security Forum. — Working Paper No 25. — 2007, April. — P. 25.

² **Hafizullah Gardesh.** Jobless Face Grim Future. — Institute for War and Peace Reporting, July 13, 2006.

³ AP Enterprise: Afghan army said improving, but years away from operating unaided. — Associated Press Sunday. — 2007. — February, 18 (via International Herald Tribune, France).

Ставка на силовое решение афганской проблемы оказалась неоправданной: у талибов и их союзников в наличии неисчерпаемый человеческий и финансовый ресурс. Кроме того, их поддерживают исламские фундаменталистские партии в Пакистане, в частности, блок радикальных религиозных партий «Муттахеда маджлес-е амаль», стоящий у власти в Северо-западной пограничной провинции Пакистана и имеющий сильные позиции в провинциальном парламенте Белуджистана. Именно в этих провинциях получили убежище главари и основная часть талибов и боевиков «Аль-Кайды» после их разгрома в ходе операции «Нерушимая свобода» в 2001 г. По данным американской разведки, штаб-квартира движения «Талибан» находится в г. Кветта, административном центре провинции Белуджистан. Талибы пользуются негласной поддержкой и Межведомственной разведки Пакистана (ISI).

Неудачи в войне с террором в Афганистане вынуждены признать и в политических кругах США. Западные союзники ищут альтернативные пути урегулирования кризиса в Афганистане. Один из них – всеобщая амнистия талибам и другим экстремистам, перешедшим на сторону правительства. Она была объявлена в 2005 г. С тех пор около 2 тысяч талибов прекратили вооруженную борьбу против режима Х. Карзая. Однако это радикально не изменило соотношение сил в военном противостоянии. В 2006 г. была создана Национальная комиссия по национальному примирению во главе с председателем Сената С. Моджаддиди. Попытки найти компромисс с мятежниками предпринимаются и западными союзниками в Афганистане. Были случаи заключения соглашения с талибами о выводе войск и вооруженных формирований обеих сторон из некоторых районов и передачи контроля над ними местным старейшинам и главам племен. Впрочем, пока опыт не оправдался: талибы неоднократно нарушали перемирие. Все большую поддержку получает идея начать диалог с талибами, с их умеренным крылом. В последнее время особенно активно подталкивает афганских руководителей к этому шагу Пакистан.

Наконец, американцы в стремлении получить поддержку местного населения меняют тактику: они «идут в народ» с целью завоевать «умы и сердца» афганцев. Такой курс включает целую серию мероприятий: разъяснение населению целей и задач военного присутствия США и НАТО в Афганистане, оказание гуманитарной и медицинской помощи, содействие в восстановлении разрушенных объектов и т.д. Однако пока такая политика не дает желаемых результатов: американские бомбардировки населенных пунктов, где укрываются талибы, сопровождаются гибелью (иногда массовой) мирных жителей и срывают все мирные усилия американцев. Не отвергая военных средств подавления экстремистов, президент Х. Карзай неоднократно призывал США и их союзников направлять основные усилия на ликвидацию источников и баз снабжения (в первую очередь финансового), а также лагерей по подготовке террористов.

И еще один важный момент. Афганское правительство призывает Запад, в первую очередь США, основное внимание переключить с военных действий на восстановление страны. Речь, прежде всего, идет о финансовом обеспечении процесса реконструкции. Пока же львиная доля финансовых вливаний Запада в Афганистан идет на военные нужды: так, с конца 2001 г. до начала 2007 г. США потратили на войну в Афганистане около 80 млрд. долларов, из них лишь 7,3 млрд. — на восстановление страны.

Что же касается внешней политики Афганистана, то ее главной целью пока остается добывание иностранной помощи, и это делает его зависимым от крупнейших доноров. Основным союзником Кабула являются США, с которыми Афганистан заключил соглашение о стратегическом партнерстве в мае 2005 г. Вашингтон выступает и как главный спонсор Афганистана и, соответственно, во многом определяет политический климат в стране. Следует также учитывать, что США помимо широко и официально декларируемых целей — ликвидация очагов терроризма, содействие экономическому возрождению Афганистана и создание там демократического общества — стремятся обеспечить свои собственные, в первую очередь экономические (доступ к прикаспийским энергоресурсам) и геостратегические (достижение политического доминирования в регионе) интересы. Недаром одним из основных пунктов афганско-американского соглашения 2005 г. стоит вопрос о постоянном статусе американских военных баз в Афганистане. Поэтому естественно полагать, что Вашингтон во многом определяет направление и характер связей Афганистана с другими странами Центральной Азии. Это если и не решающий, то, во всяком случае, весьма важный фактор в процессе интеграции Афганистана и стран региона.

Конечно же, Афганистан заинтересован и нуждается в тесном многостороннем сотрудничестве со своими соседями в Центральной Азии. В первую очередь с точки зрения получения экономической помощи. Но не только. Этой теме была посвящена международная конференция «Региональное сотрудничество в восстановлении экономики и сфере безопасности», состоявшаяся в апреле 2006 г. в Кабуле. На ней подчеркивалось, что сотрудничество со странами региона может стать решающим фактором возрождения страны. Совершенно очевидно, что Афганистан стремится стать полноправным субъектом международной и региональной политики, занять видные позиции в системе региональной безопасности. Наиболее оптимальный путь вовлечения Афганистана в региональную экономическую активность — использовать его геополитическое положение. Учитывая скудость природных ресурсов (или их неразработанность), Афганистан может стать важным транзитным центром, мостом между различными странами региона: между Ираном и Центральной Азией, между Пакистаном и Центральной Азией.

В этом плане в течение многих лет рассматриваются различные проекты транснациональных транспортных и энергетических коммуникаций. Наиболее крупные: транспортные — трансафганская железная дорога из

Термеза через Северный Афганистан до Мешхеда, автодорога — ответвление от афганской кольцевой дороги в провинции Нимруз до иранского порта Чахбахар в Персидском заливе; энергетические — газопровод Туркмения-Афганистан-Пакистан и далее в Индию, переброска электроэнергии из Таджикистана в Афганистан и далее в Пакистан. Однако в силу ряда объективных причин большинство этих и других проектов пока остаются на бумаге. Главные причины — недостаток инвестиций и, особенно, отсутствие безопасности в Афганистане.

Интеграция предполагает сближение стран на многосторонней основе, согласование и обеспечение взаимных интересов, а в перспективе создание единого поля — торгово-экономического, информационного, единой системы безопасности. Афганистан же в настоящее время не готов к процессу интеграции по любым параметрам. И хотя он, так или иначе, причастен к деятельности крупнейших региональных организаций — ОЭС, ШОС, ОДКБ, ОИК, везде он пока остается политико-экономическим маргиналом в силу экономической слабости, политической нестабильности, слабого правительства, низкого международного статуса как зависимого государства.

Более заметны успехи Афганистана в двусторонних отношениях с северными соседями. Однако и здесь они ограничиваются в основном экономическими интересами. В политической же сфере предпосылки для сближения и последующей интеграции еще не созданы. Даже наличие общих этносов в Афганистане и у его соседей не дает оснований для сближения. Афганистан отделяет от этих стран четкий политико-идеологический и психологический барьер. Нельзя не видеть того, что Афганистан и другие страны Центральной Азии находятся в различных, во многом противостоящих сферах влияния крупных держав — США и России соответственно. Поэтому на отношения Афганистана с этими странами оказывают влияние соотношение сил и политика обеих держав. Судя по всему, США, поддерживающие идею Большой Центральной Азии, тем не менее, не проявляют заинтересованности в подключении Афганистана к центральноазиатскому сообществу, опасаясь, вероятно, того, что он может попасть под влияние России или Китая, который быстро наращивает свое присутствие в регионе.

Что же касается отношения стран Центральной Азии и стоящей за ней России к Афганистану, то они сами не форсируют процесс сближения, учитывая исходящие из Афганистана реальные угрозы безопасности региона: наркотрафик, политическая нестабильность, отсутствие безопасности, разрастающийся очаг экстремизма в лице талибов и их союзников, всеобщая коррупция, бандитизм, слабая центральная власть, вмешательство зарубежных держав.

Наконец, нельзя не учитывать, что численно преобладающее и традиционно политически доминирующее в Афганистане пуштунское сообщество больше тяготеет и в основном ориентируется на соседний Пакистан, с которым его связывают более тесные узы, нежели с Ираном и северными

соседями. При этом крупные державы и северные соседи, в свою очередь, поддерживают своих клиентов в Афганистане: Россия и Таджикистан — афганских таджиков, Узбекистан — афганских узбеков, Иран — хазарейцев, что лишь усиливает национальный раскол в самом Афганистане и не способствует созданию условий для возможной интеграции страны в региональное сообщество в будущем.

Объективно, Афганистан еще долго будет оставаться в стороне от интеграционных процессов в Центральной Азии, инициируемых и поощряемых как извне (Россия и другие), так и самими участниками этих процессов. Тем более что сам Афганистан еще не определился окончательно со своей преобладающей внешнеполитической ориентацией в регионе Центральной и Южной Азии.

АФГАНСКАЯ ПОЛИТИКА США И БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Д.Л. Латифов,
докт. ист. наук, профессор, заведующий
кафедрой международных отношений
Российско-Таджикского Славянского
университета*

После начала антитеррористической операции в Афганистане руководителями центральноазиатских государств в сотрудничестве с Россией, США и Китаем была проделана определенная работа по формированию политики безопасности, которая, однако, еще должна быть систематизирована в рамках новой философии архитектуры безопасности, с учетом внешних и внутренних факторов, всей сложности ситуации в Афганистане и вокруг него. Государства Центральной Азии в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, заключенных с иностранными государствами и в формате региональных союзов должны активизировать свою политику безопасности с учетом новых реалий в Афганистане, вхождения этого государства в круг геополитических игроков региона, вступления в ШОС в качестве наблюдателей Индии, Ирана и Пакистана, активизации талибов, и других факторов.

Пока что, несмотря на некоторые обнадеживающие проекты (особенно казахстанско-афганские) объемы экономического сотрудничества Государств Центральной Азии с Афганистаном несопоставимы с соответствующими объемами сотрудничества государств Запада с ним. Видимо, обида за прошлое участие советских республик Средней Азии в боевых действиях в Афганистане, поддержка Северного Альянса в борьбе с талибами, нахождение у власти в ряде государств региона бывших коммунистических руководителей, обвинения в адрес Афганистана в связи с исходящими от туда угрозами республикам региона способствуют подозрительному отношению Афганистана к своим северным соседям. Афганистан, несмотря на попытки США создать некую Большую Центральную Азию с включением этой страны, не чувствует себя частью единого сформировавшегося региона, не чувствует ощутимой помощи со стороны региональных государств. А изоляция Афганистана еще больше ухудшает состояние безопасности.

С другой стороны, понятно, что реализация любых проектов по развитию экономического сотрудничества с Афганистаном государствами региона зависит от политической ситуации и гарантий безопасности в этой стране.

Думается, что сотрудничество с Афганистаном в рамках ШОС, создание в государствах Центральной Азии транспортной инфраструктуры, соединяющей их с Афганистаном, в перспективе — поставки электроэнергии для нужд развития афганской экономики, другие действия подобного рода могут снять вопросы конфликтности в Афганистане, способствовать установлению доверия между Афганистаном и странами региона.

Вооруженные силы США и их союзников, вторгшись в Афганистан, преследовали цель уничтожить базы международных террористов, поймать их главарей, в том числе Осаму бен Ладена, являющегося порождением той политики двойных стандартов, которая проводилась США во многих районах мира. В результате через некоторое время был нейтрализован режим «Талибана», были уничтожены большинство из высших руководителей и членов «Аль-Кайды». Вместе с тем, 28 ноября 2006 г. после окончания саммита НАТО в Риге, была издана справка о текущих и перспективных задачах НАТО, согласно которой изменяется позиция НАТО, основывавшаяся на заявлениях администрации Дж. Буша о создании некоего фронта и намерении уничтожить очаги терроризма в любой точке земного шара. Сейчас же речь идет не о борьбе с терроризмом, а о борьбе между умеренностью и экстремизмом. Похоже, что потери в Афганистане вынуждают американских и британских военных представителей наладить переговорный процесс с лидерами движения «Талибана» и Исламской Партии Афганистана Г. Хекматиаром. Вынашивается и план по «безболезненному вхождению» представителей «Талибана» в местные и центральные органы государственных учреждений Исламской Республики Афганистан и оказанию давления на представителей «Северного альянса» с тем, чтобы не допустить их противодействия этому процессу.

США, так же, как и Карзай, главную опасность видят не в «Талибанах», а в полевых командирах бывшего «Северного Альянса», именно поэтому последние были разоружены правительством при поддержке американских сил. Талибы даже использовались для расправы с авторитетными полевыми командирами на севере страны.

Напрашивается вопрос: как талибам, которых американцы вот уже шестой год уничтожают, удастся уцелеть и, более того, активизировать свои действия, добиваться серьезных успехов в целом ряде южных провинций? Очевидно, слабость государства, несправедливость и безработица в обществе, развивающиеся на фоне присутствия иностранных войск, к которым афганцы и без того очень чувствительны, толкают крестьян в объятия «Талибана». Мало того, в условиях массовой нищеты в Афганистане, депортируемые из Ирана и Пакистана афганские беженцы без сомнений будут также пополнять ряды «Талибана».

К вовлечению «Талибана» в процесс достижения мира, учитывая опыт достижения мира в Таджикистане, можно было бы оценивать положительно. Но нужно учитывать, что в то же время подобный процесс будет иметь и свои негативные последствия. Кстати, талибы и ИПА уже имеют своих представителей во всех структурах власти, они уже составляют около 5% состава депутатов парламента. Это бывшие высокопоставленные руководители движения «Талибан» Мавлави Мутаваккиль — бывший министр иностранных дел, Мулла Хакияр — бывший министр безопасности, Мавлави Махмадхасан — бывший заместитель премьер-министра, Мавлави Абдураззак — бывший министр внутренних дел, Мавлави Муттаки — бывший

министр культуры, Мулла Убайдулла — бывший министр обороны. В провинциях Бадахшан, Джаузджан, Фариаб, Парвон губернаторами являются бывшие соратники Хекматиара. Министр информации и культуры Кабири и Генеральный прокурор страны Абдул Джаббар Сабит также являются бывшими соратниками Хекматиара.

Одним из первых шагов по примирению сторон стали попытки Карзая объявить амнистию талибам. Но попытки более существенно привлечь талибов в нынешнее афганское правительство непременно вызовут мощный всплеск этнонациональных проблем, поскольку представители национальностей Севера и талибы-пуштуны—это две непримиримые друг с другом силы.

Вызывает также беспокойство то, что основные силы ИПА находятся на территории пакистанского Читрала и способны перейти на территорию афганского Бадахшана, чтобы с помощью своих сторонников там установить контроль над провинциями Севера.

Развитие событий в Афганистане не может не настораживать соседей Афганистана. Одной из причин беспокойства может служить возможное сотрудничество США с некоторыми лидерами центральноазиатских террористических группировок.¹ Известно, что организаторами беспорядков в мае 2005 г. в Андижане президент Узбекистана И. Каримов назвал сторонников движения «Хиб-ут Тахрир» и талибов.

Руководитель «Хизб-ут-Тахрир» в Великобритании Бакри Мухаммад, создав группу «Ал-Мухаджирун», поставил задачу вербовать молодых мусульман в группы, обучающиеся военному делу в Афганистане. Благодаря этому, сегодня в различных медресе Пакистана обучается более 10 тысяч юношей и девушек из государств Центральной Азии.

Цель антитеррористической операции заключалась, прежде всего, в демилитаризации Афганистана и это не должно было привести к дополнительной милитаризации региона. Но пока идет обратный процесс. После начала операции в регионе происходит концентрация иностранного военного персонала и вооружений, растет число военных баз, сохраняется огромный военный контингент в самом Афганистане. Все это не может не усиливать угрозы безопасности для центральноазиатского региона. Командующий контингентом ISAF генерал Р. Хиллер 18 июня 2004 г. заявил, что пребывание миротворческих сил в Афганистане нужно считать временным фактором, т.е., нахождение этих сил в стране измеряется «терпимостью афганцев к их присутствию с учетом реальных результатов военной операции против талибов и «Аль-Кайды».²

Действия американской администрации свидетельствует о том, что, судя по всему, они разрабатывают сценарий установления в регионе цепи

¹ **Дубнов А.** Возвращение Тахира Юлдашева. Кабул и Вашингтон нашли применение узбекским боевикам// Время новостей. — М., 2005. — № 9, 24 января. — С. 5.

² **Bhatia M. K., Lanigan. Ph. Wilkinson.** Minimal Investment Minimal Results// The Failure of Security Policy in Afghanistan Research and Evaluation Unit. — 2004. — June, 29.

управляемых конфликтов. В соответствии с ним, вероятнее всего будет осуществлена балканизация региона Большой Азии, в том числе Афганистана и Пакистана. Само американское присутствие в Афганистане и странах Центральной Азии является глобальным дестабилизирующим фактором для всей Евразии. Главное что, не устранив прежних угроз, США создали новые, вытекающие из самого факта и характера геополитических сил за влияние в Центральной Азии.¹ Важным шагом в подготовке к осуществлению нового регионального плана, который в значительной мере изменил стратегическую карту в регионе, было решение 1999 г. о включении южного фланга СНГ в зону командования Центральной группировки вооруженных сил США.²

Экономический потенциал и выгодное стратегическое положение Ирака могут сделать его основным звеном в системе регионального влияния США. В этом случае возрастает вероятность полного отстранения Вашингтона от решения внутриафганских проблем, что может привести к усилению влияния радикальных сил, как в самом Афганистане, так и за его пределами. Не исключено, что к талибам и кайдидам примкнут находящиеся в подполье участники радикальных религиозных движений «Хизб ут-Тахрир» и «Акримийя», а также часть бывших полевых командиров из числа бывшей Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и ИДУ, находящиеся в Афганистане. Вариант замены американцев и коалиционных сил международными миротворческими силами едва ли послужит гарантией достижения положительного результата. Ибо, как убеждает опыт пребывания в Афганистане англичан, советских войск и теперь коалиционных сил во главе с США, афганцы не приемлют чужеземцев, тем более «неверных».

Без адекватной внешней поддержки под эгидой ООН усилий афганского народа по государственному и экономическому обустройству страны, приглушенная опасность может обрести большую силу, вновь бросить серьезный вызов существующему миропорядку, общечеловеческим ценностям и обострить ситуацию в регионе. Особо важно при этом, чтобы все заинтересованные государства действовали на афганском политическом и экономическом поле как партнеры, а не соперники.

¹ **Князев А.А.** Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). – Душанбе: Дониш, 2004. – С. 589.

² **Князев А.А.** Евразийская стратегия США, интересы России и безопасность Центральной Азии// Средний Восток в системе геополитических координат: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научной конференции. – Душанбе, 2005. – С. 115.

АФГАНСКИЙ ФАКТОР И РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Ш.И. Акмалов,
канд. полит. наук, доцент, проректор
Ташкентского исламского университета*

Нынешняя динамика афганского урегулирования, как показывают события в Афганистане и вокруг него, обусловлена целым комплексом сложных проблем, имеющих как внутренние источники, так и внешние факторы. Последнее увязывается с пересечением в Афганистане геополитических интересов крупных центров силы, а также региональных держав. Каждое из этих государств пытается прямо или опосредовано оказывать влияние на характер, направленность и динамику развития антитеррористической кампании в Афганистане и военно-политическую ситуацию в стране в целом.¹

В этом плане актуализация афганского конфликта во внешней политике вовлеченных в этот процесс мировых и региональных держав не представляется чем-то необъяснимым. С одной стороны, распад Советского Союза, безуспешно пытавшегося включить Афганистан в «зону своих традиционных интересов», привел к формированию своего рода геополитического вакуума в Афганистане. Мировая политика на евразийском пространстве в 1990-е гг. была сконцентрирована, главным образом, на регионах, где страны Запада, прежде всего, США, должны были заполнить возникшую после сокращения советского геополитического влияния нишу. Одним из важных проявлений такой тенденции, как известно, стал т.н. «балканский проект», приведший к образованию нескольких государств на территории бывшей Югославии.

С другой стороны, Афганистан, с геостратегической точки зрения, представляет наиболее удобную территорию, которая обеспечивает выход Западу на Россию, Китай и Ближний Восток. Долгосрочное присутствие в Афганистане США и их союзников по НАТО, которое могло быть гарантировано только путем размещения военных контингентов в этой стране, позволяет им закрепить стабильный доступ к углеводородным ресурсам Каспийского бассейна.

По сути, последующие политико-дипломатические и иные усилия региональных стран являются реакцией на нынешнюю афганскую политику США и их союзников по НАТО. Террористические акты 11 сентября 2001 г., в этом контексте, представляются лишь началом реализации комплекса геостратегических задач западных стран в макрорегионе Центральной и Южной Азии и Ближнего Востока. Их, в известной степени, можно рассматривать как продолжение американской стратегии на этом пространстве, которая реализовывалась в годы холодной войны в целях недопущения усиления советского влияния в этих регионах.

¹ **Акмалов Ш.И.** НАТО в Афганистане: проблемы и перспективы// Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 3/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, Душанбе, 2006. — 88.

На сегодняшний день уже стали очевидными последствия афганской кампании для региональной безопасности в Центральной Азии, которые связаны с событиями в Афганистане и вокруг него после 11 сентября 2001 г. Во-первых, произошла качественная по своему характеру трансформация геополитического ландшафта в Центральной Азии. Военная кампания международных коалиционных сил в Афганистане глубоко отразилась на системе региональной безопасности в Центральной Азии.

Во-вторых, наметилась тенденция милитаризации в Центральной Азии, которая *a priori* приведет к возникновению ситуации стратегической неопределенности, создавая «благоприятные» условия для активизации международного терроризма и экстремизма. Это способствует превращению региона в арену военно-политического соперничества, ничуть не снижая рисков и угроз, исходящих от объективно взаимообусловленных и взаимопорождающих явлений, таких как экстремизм, терроризм, наркобизнес для центральноазиатских стран.

В-третьих, Афганистан, превратившийся в крупнейшую фабрику изготовления наркотиков, нуждается в выработке конструктивной, многоступенчатой программы мирового сообщества по «очеловечиванию» его экономики.

В-четвертых, процесс афганского урегулирования требует серьезной переоценки социально-экономического фактора в стабилизации военно-политической ситуации в Афганистане, особенно на фоне негативной тенденции в выделении международными донорами финансовых и иных средств для восстановления афганской экономики. В частности, из объявленных объемов финансовой помощи Афганистану в 2,217 млрд. долларов США было выделено только 295 млн. долларов США.

В этих условиях восстановительные работы в ИРА осложняются рядом факторов. К ним следует отнести отсутствие безопасности, препятствующую развитию частного сектора экономики, слабую правовую и законодательную базу, масштабную коррупцию, теневую экономику, нецелевое использование международной помощи, основная часть которой оседает в неправительственных организациях.

Из 9 млрд. долларов США, выделенных Афганистану, НПО передано 50% этой суммы. Из более 2,3 тысяч существующих в стране НПО, около 1,9 тысяч организаций занимались финансовыми махинациями и отмыванием денег. В результате проверок деятельности ликвидировано 1620 НПО, 333 из которых являются иностранными.

С этой точки зрения, последствия и, если можно так выразиться, издержки антитеррористической кампании были вполне прогнозируемы, если учитывать реальное положение мусульманских стран в мировой экономике, преобладающая часть которых относятся к т.н. категории «развивающихся». Неслучайно, Дж. Стиглиц, давший достаточно объективную оценку тенденциям в мировой экономике, с сожалением признал, что гло-

бализация не способствовала снижению бедности и укреплению стабильности в развивающихся странах.¹

Таким образом, афганское урегулирование можно рассматривать как проблему, имеющую два основных уровня – уровень мировых держав и уровень региональных стран, включая республики Центральной Азии. В частности, в то время как крупные державы преследуют собственные геостратегические интересы в макрорегионе Центральной и Южной Азии и Ближнего Востока, страны региона исходят из «диалога между мировыми державами» с целью решить свои национальные задачи. Естественно, центральноазиатские государства вынуждены защищать свои интересы в этом процессе, реализовывать свои задачи, как национальные, так и общерегиональные, используя создавшуюся геополитическую ситуацию в центральноазиатском регионе.

В этой связи для государств региона важно адекватно оценивать сложившуюся сложную, многоуровневую конфигурацию интересов в Центральной Азии, так как интересы крупных держав не всегда могут отвечать интересам стран региона. С другой стороны, по мере возможности, центральноазиатским республикам следует использовать инициативы внешних игроков в своих целях. В современных условиях «меняются не только масштабы новейших угроз безопасности и стабильности, но и кардинально меняются характер, средства и методы достижения поставленных геополитических целей с учетом специфики и реальной ситуации в каждой отдельной стране».²

К общим, как для крупных центров силы, так и для стран Центральной Азии, интересам, безусловно, относятся борьба против международных террористических и экстремистских организаций, против наркопроизводства и наркотрафика. Между тем страны Центральной Азии объединяет общность национальных интересов, к наиболее приоритетным из которых относятся обеспечение политической стабильности, укрепление государственности и социально-экономическое развитие.

В этом отношении необходимым условием для этого является формирование такой системы региональной безопасности, которая исключала бы доминирование какой-либо одной крупной державы в регионе. Иными словами, коренным интересам государств региона отвечает открытость Центральной Азии для международного сотрудничества, являющегося единственным условием для обеспечения условий их устойчивого развития.

Оценка развития стран Центральной Азии позволяет выявить конкретные факторы объективного и субъективного характера, которые препятствовали более тесной интеграции государств региона для рационального использования транспортной инфраструктуры, минерально-сы-

¹ См.: *Stiglitz J.* Globalization and its discontents. – London, 2002.

² *Каримов И.А.* По пути безопасности и стабильности в регионе. Выступление на Саммите ШОС 5 июля 2005г. // Узбекский народ никогда и от кого не будет зависеть. Том XIII. – Ташкент, 2005. – С. 259.

рьевых и водных ресурсов, сбалансированной инфраструктуры энергетики и других возможностей. Особенно негативное влияние на развитие регионального сотрудничества в Центральной Азии оказывала многолетняя гражданская война в Афганистане, где концентрировалась военная и идеологическая мощь религиозного экстремизма и международного терроризма, которая, обладая серьезной финансовой поддержкой, стремилась дестабилизировать ситуацию в регионе.¹

Афганский фактор выявил многофакторность и многоаспектность формирования устойчивой системы региональной безопасности в Центральной Азии. Как отмечает Г. Мирский, «принято говорить, что после террористического акта 11 сентября мир изменился. С этим можно поспорить. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых регионах действительно многое сегодня выглядит иначе, чем прежде. В частности, изменения коснулись Центральной Азии, о которой сейчас говорят больше, чем за все десять лет независимого существования государств этого региона. Центральная Азия уже стала уникальной частью современного мира. Это и не Восток в традиционном смысле этого слова, под которым подразумевался «зарубежный Восток» как ядро «третьего мира» и, тем более не Запад, но уже и не часть того геополитического пространства, которое ассоциировалось с доминированием России — сначала в рамках Российской империи, а затем Советского Союза».²

В условиях, сложившихся после начала афганской кампании, когда страны Центральной Азии осуществляют более диверсифицированную политику, как на уровне двусторонних отношений, так и в рамках различных международных организаций и межгосударственных объединений, должны играть более активную роль. Поскольку в случае дальнейшей деградации ситуации в Афганистане, негативные последствия для них будут более чем очевидными. Как представляется, вкладом центральноазиатских республик в афганское урегулирование является не только оказываемая ими социально-экономическая или иная помощь.

Не менее важным содействием постконфликтному восстановлению Афганистана, без сомнений, является сохранение стабильности в Центральной Азии, укрепление политической стабильности и обеспечение дальнейшего социально-экономического развития в самих республиках региона. Явным свидетельством тому является военно-политический кризис в соседнем Ираке, который существенно усложнил проблему афганского урегулирования, негативно повлияв на ситуацию региональной и международной безопасности и, в конце концов, поставив под сомнение искренность «антитеррористических намерений» Запада не только в исламских странах, но и в мире в целом.

¹ Выступление первого заместителя министра иностранных дел Республики Узбекистан В. Норова на международной конференции «Центральная Азия в XXI веке: сотрудничество, партнерство и диалог». — Ташкент, 2005. — С.13.

² *Мирский Г.* Между Востоком, Западом и Россией// Азия и Африка сегодня. — М., 2002. — № 6. — С.42.

Афганская и иракская кампании показывают взаимообусловленность и многофакторность международного терроризма, сложность его природы в зависимости от специфики того или иного региона. Форсирование двух «глобальных» проектов в исламских странах, которые по сути являлись и остаются по сей день «горячими точками», объективно привело к резкому росту антиамериканских настроений во многих мусульманских государствах. В результате этого, заметно возросло количество «недовольных», «сочувствующих», готовых проявить реальную солидарность с т.н. борцами за веру, независимо от форм и методов ведения борьбы.

В этой связи, одной из первоочередных задач для стран Центральной Азии на пути всестороннего развития является большее акцентирование внимания на проблемах региональной кооперации и сотрудничества, в первую очередь, в сферах торговли, экономики, транспортных коммуникаций. Диалектика развития ситуации в Центральной Азии и вокруг нее в течение последних десяти лет свидетельствует о том, что «игра в одиночку» для стран региона — отнюдь не проявление их независимой внешней политики, а, скорее всего, объективный аффект «внешнего влияния. Для будущего центральноазиатских государств, перспектив их социально-экономического роста важно осознать квинтэссенцию геополитических реалий в регионе и вокруг него. И независимо от того, проявляется в Центральной Азии «большая» или «малая игра», жизненно необходимо сохранить целостность региона через развитие регионального сотрудничества».¹ В том числе, с Исламской Республикой Афганистан.

¹ **Алимов Р.М.** Центральная Азия: общность интересов. — Ташкент, 2005. — С.34.

ПРОЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ АФГАНСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

*А.А. Князев,
докт. истор. наук, профессор Киргизско-
Российского Славянского университета*

В сентябре 2005 г. в Афганистане прошли первые парламентские выборы, ставшие заключительным аккордом того плана мирного урегулирования, который под эгидой ООН был принят в конце 2001 г. в Бонне. Формально, с сентября-октября 2005 г., после проведения парламентских выборов, можно считать, что Афганистан вступил на путь мирного демократического строительства.

Однако на протяжении всего этого времени в Афганистане не происходит действительного мирного урегулирования, ситуация в сфере безопасности, в военно-политической сфере, в ряде смежных сфер, ухудшается стремительно. Реализуемый в Афганистане сценарий носит все более и более алармистский характер.

Очень красноречиво это иллюстрирует положение дел с производством наркотиков. Статистика общеизвестна. Последний урожай, произведенный до свержения режима «Талибана», составлял 189 тонн опиума-сырца. Уже в 2002 г. был достигнут объем середины 1990-х гг., когда на территории Афганистана было сосредоточено около 70 процентов мирового производства героина. В 2003 г. было произведено 3600 тонн, в 2004-м – 4100 тонн. В 2006 г. в Афганистане был собран рекордный урожай – 6100 тонн опиума, средний урожай с одного гектара составил 37 кг. Собранный в 2006 г. урожай опийного мака почти втрое превышает годовое потребление его во всем мире, изготовленный из него героин составляет 90% мирового оборота. По оценкам экспертов ООН в 2007 г. в Афганистане будет произведено не менее 8400 тонн опиума. Характерной чертой незаконного оборота наркотиков на границах стран Центральной Азии с Афганистаном с 2002-2003 г. стало появление партий героина в больших объемах, каковые прежде не встречались. На границе и на территории Таджикистана задерживаются партии героина весом в 154, 215, 345 кг, опиума – до полутора тонн в одной партии.

В конце 2003 г. так называемый «бист» – низкоочищенный 20-процентный героин – в Файзабаде стоил около 1000 долларов за килограмм. Чистый героин в Дарвазе, Ваханском уезде и других приграничных пунктах перекупался по цене 2000-2500 долларов за килограмм. В 2004 г. возник даже кризис перепроизводства, обрушивший закупочные цены на опий-сырец, килограмм сырца стоил всего 120 долларов. Правда, этот кризис отразился только на крестьянах: владельцы героиновых лабораторий не стали выбрасывать весь героин на рынок, сделали солидный запас, дабы сохранить экспортные цены на прежнем высоком уровне. В 2005 г. цены

уже восстановились на уровне 2002-2003 гг. В Файзабаде, провинциальном административном центре Бадахшана, работает более 100 лабораторий, многие десятки лабораторий работают в Джурме, Мунджане, Вардудже, Зебаке. Производительность каждой из таких лабораторий составляет около 30 кг в сутки. По всему северу страны действует хорошо отлаженная система сбора и переработки опиумного мака, производства героина и гашиша и их контрабанды.¹

По данным ООН, примерно 43 процента наркопроизводства приходится на две провинции — Нангархар и Гильменд. Именно в этих провинциях расположены крупные группировки американских и британских войск, занятые в первую очередь обеспечением собственной безопасности. Взяв на себя обязательства по борьбе с наркоторговлей, англичане сделали ставку на два направления — обучение местных силовиков методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков и развитие альтернативного сельского хозяйства. Для местных таможенников и полицейских англичане организовали двухнедельные (!) курсы подготовки. Слушателями этих курсов становятся, как правило, либо разорившиеся крестьяне, либо мелкие боевики, рассчитывающие получить легализацию. Проверить этих людей на былую причастность к торговле наркотиками невозможно. Пройдя британские курсы, эти люди обычно получают оружие и исчезают. Не лучше обстоит дело и с реализацией планов по переходу на альтернативное сельское хозяйство. При поддержке США было пролоббировано выделение из бюджета ООН и ряда стран средств на закупку семян, удобрений, сельхозтехники. Все, что не было разворовано при распределении, было продано или съедено крестьянами. Денежные кредиты, предназначенные для развития крестьянских хозяйств, также никто не собирается возвращать. Значительная часть этих средств пошла на дальнейшее развитие того же наркопроизводства. Таким образом, европейские усилия, главным образом, нацелены на материально-техническое содействие и подготовку персонала местных антинаркотических структур. Для проведения активных операций по уничтожению посевов опиумного мака и лабораторий по производству героина необходим специальный мандат ООН, который страны Евросоюза не спешат получать. Ведь реальная борьба с наркобизнесом будет сопряжена с обострением военной обстановки и неизбежным увеличением потерь личного состава сил НАТО.

Все это становится возможным еще и потому, что в структурах, занимающихся производством и торговлей наркотиками, важное место занимают как бывшие, так и действующие высокопоставленные правительственные чиновники. В числе прочих называются бывший министр по делам племен Мохаммад Ариф Нурзай (сын известнейшего наркоторговца Аджи Нурзая, ведущего этот бизнес уже более 40 лет), губернатор провинции Гильменд Шер Мохаммад Ахунд, брат и руководитель предвыборного штаба (в 2004 г.) президента страны Ахмед Вали Карзай. Называются в

¹ См.: **Князев А.А.** К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. — Бишкек: Илим, 2003. — С. 85-86.

этом ряду имена губернатора провинции Тахор Башира Чеаба, губернатора Джелалабада Хаджи Дин Мохаммада, бывшего члена Верховного совета «Талибана» Хаджи Башара, арестованного американцами, но затем освобожденного по личному ходатайству Хамида Карзая и до последнего времени являвшегося советником губернатора Кандагара. На северо-западе страны вопросы складирования и отправки «урожая» курирует командир шиберганской дивизии Мохаммад. Не менее высокие должности занимают и другие люди, живущие за счет чистой прибыли от переправки наркотиков: Факир Пахлаван, Хашем Хабиби, Курбан Дурдиага, Амир Чубаш, Рузи Гольди, Чари Пахлаван, Амир Чари и другие. Все они хорошо известны как афганскому, так и американскому руководству. В провинциях Джаузджан и Балх, Саманган, Кундуз и Тахор ключевыми фигурами этого процесса являются многие известные на афганском Севере люди: Моавен Шариф, Джалил, Незамеджат, Халиф Джума, Панджи Пахлаван, Вали Пахлаван, Рахман Ака, Салех Мохаммад, Каюм Командон, Моулави Карим, Тилля Командон, Абдулла Хандан.¹

Проблема наркомании обостряется с каждым годом и для самого Афганистана. Наиболее тревожная ситуация складывается в провинциях Фарах, Гур, Герат, Нимруз и Батгиз. В Герате насчитывается более 5000 наркозависимых детей в возрасте от 7 до 13 лет. По данным ООН, только с 2001-2006 гг. на юге и юго-востоке Афганистана более 150 тысяч женщин и 100 тысяч детей стали наркоманами.²

Не намного лучше развивается ситуация в военно-политической сфере. Военно-политическая нестабильность в Афганистане сохраняется на чрезвычайно высоком уровне и продолжает оставаться одним из основных факторов, определяющих состояние сферы безопасности для всего региона Южной и Центральной Азии. Более того, по сравнению с затяжным противостоянием по линии Северный альянс — «Талибан», свойственным периоду второй половины 1990-х гг. и до октября 2001 г., новейшая ситуация с точки зрения внутриафганской стабильности и региональной безопасности является значительно менее предсказуемой. На сегодняшний день талибы практически полностью контролируют целый ряд юго-восточных и южных провинций, позволяя официальным администрациям существовать лишь в городах. Так обстоит дело в Хосте, Газни, Кандагаре, Нангархаре, Фарохе, Гильменде, Кунаре, Урузгане, Заболе. Кроме того, есть целый ряд провинций, не относящихся к районам, где талибское влияние традиционно было сильно, но где сегодня активизируются талибы и другие

¹ **Баранов М., Тарасов О.** Вашингтон закрывает глаза на афганский наркотрафик // Военно-промышленный курьер. — М., 2004. — № 20 (37), 2-8 июня.

² Во многом росту числа наркозависимых людей способствует то, что в большинстве провинций отсутствуют экстренные медицинские структуры, и вместо медикаментозных препаратов, в первую очередь обезболивающих, афганцы вынуждены использовать опиум. В рамках антинаркотических мероприятий правительства Карзая построены два наркологических диспансера на 20 коек, где отсутствуют необходимые лекарственные препараты и медицинский персонал. — В Афганистане 250 тысяч женщин и детей являются наркозависимыми // Asia Plus. — Душанбе, 2006. — 18 сентября.

силы, воюющие против правительства Карзая и иностранных войск. Это, например, Баглан, Батгиз, Фариаб, обостряется ситуация в Кундузе, Тахоре и Бадахшане.... Кабульское правительство не в состоянии осуществлять контроль над ситуацией в провинциях. Единый фронт отсутствует, боевые действия носят точечный характер. Увеличение контингента повысило активность военных операций НАТО. Делая основную ставку на воздушные удары (во второй половине 2006 г. было совершено более 2000 бомбардировок с воздуха), командование сил НАТО пытается свести к минимуму военные потери на земле, но такая тактика приводит к значительным потерям среди мирного населения. С октября 2006 г. по март 2007 г. под бомбовыми ударами сил НАТО погибли более 370 мирных афганцев, что, естественно, еще больше провоцирует рост антизападных, а заодно и антиправительственных, протестных настроений.

На этом фоне у многих стран-участниц НАТО усиливаются сомнения в конечном успехе операции в Афганистане, что, в частности, отразилось на характере дискуссий на саммите НАТО в Риге в ноябре 2006 г. и на встрече министров обороны альянса в Севилье в феврале 2007 г.

А июньские (2007 г.) события в Шибергане показали, насколько шатка внутривнутриполитическая ситуация в целом. Мирная массовая демонстрация жителей Шибергана переросла в вооруженный штурм здания местной администрации и дома губернатора Джумахана Хамдарда, давно обвинявшегося в коррупции, взяточничестве, покровительству наркомафии, местничестве и так далее. Ответом был полицейский огонь, унесший жизни 7 человек и ранивший 41 протестовавших граждан. Вообще, к 2007 г. появилась тенденция к тому, что **дестабилизация все больше затрагивает афганский север**, так называемый афганский Туркестан, а также Бадахшан, т.е. те провинции или территории, которые непосредственно прилегают к границам Таджикистана, Узбекистана и Туркмении.¹

Возникает вопрос, чем занимается там международный контингент, который сегодня формально представлен силами НАТО. По большому счету, **силы НАТО в Афганистане выполняют сегодня не более как некую функцию сдерживания**. Сложился определенный баланс сил, когда международные силы плюс собственно афганские войска не в состоянии подавить существующее сопротивление, но в то же время выполняют функцию контроля большинства административных центров, включая Кабул, и поддерживают относительное равновесие в стране. С другой стороны, талибы и другие силы сопротивления, ведя боевые действия и осуществляя теракты, имеют поддержку значительной части населения и не могут быть нейтрализованы противником. Это равновесие колеблющееся, зависящее в каждый отдельный момент от множества локальных факторов, одним из условий поддержания существующего положения являются, например, местные

¹ Эффективность присутствия группировки НАТО на севере страны ставится под сомнение даже правительственными чиновниками. «За пять лет своего присутствия в провинции Балх НАТО не имеет особых достижений по ускорению планов восстановления и обеспечению безопасности», — считает губернатор Балха Атта Мохаммад Нур. — Бахтар. — Кабул, 2007. — 9 июля.

договоренности и связи, скажем, когда отряды талибов, принадлежащие к группе племен близких к Карзаю, могут откровенно воевать с международными силами и в то же время выдерживать нейтралитет по отношению к афганским правительственным войскам. Какие-то другие группы племен, связанные с другими политиками, могут действовать с точностью до наоборот. Когда целый ряд афганских официальных должностных лиц — политиков, депутатов парламента, министров — могут негласно иметь рычаги управления теми или иными антиправительственными воюющими группировками. Когда причиной перехода племен на ту или иную из сторон конфликта является тривиальный криминальный передел сфер влияния.¹

Сегодня политика международной коалиции, возглавляемой США, находится в тупиковом состоянии. **Военное присутствие США, НАТО и международных сил ISAF**, с учетом невысокой дееспособности правительства Хамида Карзая в решении социально-экономических проблем населения страны, в обеспечении стабильности, **само по себе становится фактором, обуславливающим рост поддержки со стороны населения антиправительственным силам**, наращивающим вооруженное сопротивление. По признаниям натовских генералов, поддержка движению сопротивления — талибам, Исламской партии Хекматиара и другим — может составлять до 80 процентов взрослого населения. Агрессивное клерикальное партизанское движение («Талибан») постепенно трансформируется в общенациональную народно-освободительную борьбу, в ходе которой представители большинства этносов — пуштуны, таджики, узбеки и туркмены, хазарейцы — **эволюционируют к новой консолидации**, уже как собственно афганцы, выступая против оккупационных сил и недееспособного правительства.

Страны Центральной Азии (я сейчас говорю о пяти постсоветских странах) при де-факто существующей сегодня иерархичности государств в системе международных отношений вряд ли в состоянии принципиально повлиять на изменение ситуации в Афганистане в целом. Декларируемые администрацией США намерения вовлечь страны Центральной Азии в т.н. «восстановление» Афганистана относятся к сфере публичной политики и не отвечают действительным целям такого вовлечения. Тем не менее, эта линия американской региональной политики получает поддержку широкого ряда компрадорских по своей сути политиков и общественных деятелей в странах региона. «Наша страна поддерживает реализацию идеи Большой Центральной Азии, если это будет служить укреплению существующих связей, безопасности и стабильности в регионе. Позиция Казахстана заключается в том, что Большая Центральная Азия должна восприниматься, прежде всего, как цивилизационное и экономическое понятие», — заявлял министр иностранных дел Казахстана Касымжомарт Токаев на приеме в честь участников международной конференции «Партнерство,

¹ См. подробнее: **Антонио Густоцци**. Как «Талибан» возрождается в Афганистане// Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 3/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2006. — С. 101-115.

торговля и развитие в Большой Центральной Азии», организованной Фредериком Старром и проходившей в Кабуле в апреле 2006 г.¹

В современной политике администрации США в Центральной Азии и прилегающем субрегионе имеет место комплексный подход к идее **агрессивной интеграции**, который включает в себя информационно-культурную, экономическую, политическую, военную и иные компоненты.² Именно в таком контексте должны рассматриваться заявления, аналогичные сделанному министром иностранных дел Казахстана. В общем-то, и вся мировая история, описывая процессы создания новых интеграционных образований, от империй до современных военно-политических блоков, свидетельствует о необходимости создания соответствующей идеологии и обеспечения ее трансляции. С точки зрения классической социологии самых различных школ и направлений, от Т. Парсонса до С. Хантингтона, от П. Сорокина, Э. Гидденса, К. Маркса и других, интеграция общества достигается за счет наличия среди его членов общих культурных (идеологических) ценностей. Эти ценности ложатся в основу политического целеполагания. Другими словами, мы имеем дело с таким феноменом политической борьбы как информационные войны, который предполагает навязывание определенных идей и социокультурных моделей, способствующих либо препятствующих тем или иным форматам общественной интеграции.

Можно уверенно констатировать: **в Афганистане приближается к своей кульминации системный политический и военный кризис**. Американский сценарий становления «демократического» Афганистана не реализовался в силу широкого ряда причин и можно говорить о возможности введения в действие некоего инструмента управляемой антикризисной модели: военной революции, военного переворота и т.п. По большому счету, существующая ситуация вполне устраивает США, в значительной степени переложивших ответственность за Афганистан на НАТО, и продолжающих использовать афганский «управляемый конфликт» для решения своих геополитических задач.³ Любое участие стран Центральной Азии в американских проектах вовлечения в афганскую ситуацию находится в прямом столкновении с их национальными интересами. Целью проектов,

¹ First Kabul Conference on Partnership, Trade and Development in Greater Central Asia. Conference Report, April, 2006. — Published by the Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program In Cooperation with the First Kazakhstan President Foundation.

² «Вашингтон должен также обсудить с остальными членами НАТО вопросы расширения присутствия альянса в странах-участниках ПБЦА», — откровенно пишет автор Проекта Большой Центральной Азии, выделяя среди задач проекта «обеспечение основных прав на расположение военных баз в Узбекистане и Киргизии». — **Фредерик Старр**. Партнерство для Центральной Азии// Россия в глобальной политике. — М., 2005. — № 4, июль-август.

³ Собственно, использование афганской ситуации не стало инновацией 2000-х гг. — не являются секретом самые тесные связи между «Талибаном» и госструктурами США в 1990-х. К 2001 г. стагнация, возникшая в афганской ситуации, снизила **инструментальность** конфликта, с вводом войск возможность использования афганской ситуации возросла, являясь, например, обоснованием для военного присутствия в ряде стран региона. См. обоснование данного тезиса подробнее: **Князев А.А.** О некоторых геополитических сценариях США в Афганистане и центральноазиатском регионе// Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 3/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2006. — С. 71-79.

подобных ПБЦА является не просто переориентация экономик стран Центральной Азии в сторону, противоположную Китаю и России, как об этом часто пишется.¹ **Целью ПБЦА является распространение влияния афганской ситуации на весь регион, «афганизация» постсоветского центральноазиатского пространства, расширение зоны «управляемого конфликта» на весь центр Евразии.** Агрессивное интегрирование Центральной Азии с архаичным и находящимся в состоянии пролонгированного конфликта Афганистаном легко изменит европейский вектор в развитии Центральной Азии. Не случайно автор проекта, профессор Фредерик Старр предлагает «воссоздать Большую Центральную Азию как значительную экономическую зону с центром в Афганистане».² ПБЦА представляет собой дополнение и продолжение другого геополитического проекта — Большого Ближнего Востока, и направлен, по большому счету, на достижение тех же стратегических целей — диверсификации стратегических интересов и «стабилизации пространства», что должно подразумевать доминирующее влияние США на рассматриваемом пространстве. Одновременно он создает видимость «геополитического плюрализма» (старый эвфемизм З. Бжезинского), пытаясь поддержать для Москвы и Пекина иллюзию их значимости путем придания им статуса гарантов и доноров процесса модернизации в рамках ПБЦА.³ Можно согласиться и с мнением М. Лаумулина, полагающего, что ПБЦА является лишь прикрытием для реализации геополитической доктрины, подразумевающей активное военно-стратегическое присутствие в тех регионах, которые рассматриваются в Вашингтоне как «сферы жизненно важных или национальных интересов США».⁴ Согласно анализу «нового мирового порядка», проведенному в 1996 г. Rand Corporation для министерства обороны США, основные цели американской внешней политики в период после 1991 г. заключаются в разрушении независимого евразийского геополитического пространства с последующим его включением в пространство, находящееся под американским геостратегическим контролем.⁵ По мнению авторов этого документа, «геополитический плюрализм Евразии», служит двум целям: «с одной стороны он предупреждает реинтеграцию стран СНГ [выделенной мною — А.К.], а с другой не только открывает геополитическое пространство бывшего

¹ **Звягельская И.Д.** Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия// Россия в глобальной политике. — М., 2005. — № 4, июль-август.

² **Фредерик Старр.** Партнерство для Центральной Азии// Россия в глобальной политике. — М., 2005. — № 4, июль-август. Куда больше соответствует реальности, к примеру, мнение посла Индии в России Канвала Сибала: «Иран — это ворота для Индии в Центральную Азию, поскольку для нас сейчас закрыт путь туда через Афганистан [выделено мною — А.К.] и Пакистан. — Информационное агентство «Инфорос». — М., 2007. — 8 июня.

³ «Вашингтон готов помочь России и Китаю оценить те выгоды, которые ПБЦА предлагает каждой из этих стран», — пишет Фредерик Старр. — **Фредерик Старр.** Партнерство для Центральной Азии// Россия в глобальной политике. — М., 2005. — № 4, июль-август.

⁴ **Лаумулин М.** «Большая Центральная Азия» (БЦА) — новый мега-проект США?// Континент. — Алма-Ата, 2005. — № 22 (158), 16-29 ноября.

⁵ Enlarging NATO. The Russian Factor. — Rand Corporation, 1996. (Расширение НАТО. Русский фактор).

Советского Союза для американской экспансии «открытых дверей», но и подавляет всякую попытку возникновения любого организованного блока, который мог бы угрожать расширению США».¹

В условиях повышенного интереса к региону со стороны находящихся в состоянии жесткой геополитической конкуренции держав, национальный интерес стран региона в отношении угроз безопасности, исходящих с территории Афганистана, может быть удовлетворен только решением двух синхронно реализуемых программ.

Первая не содержит в себе ничего принципиально нового и представляет собой простое, хотя и многократное, **усиление пограничных контрольных функций**, а также создание более действенного механизма координации заинтересованных приграничных государств в этой сфере. Решение этой задачи вполне может быть найдено в рамках действующих региональных организаций — ОДКБ и ШОС, чьи участники объективно заинтересованы в поддержании режима стабильности в зоне афганской границы.

Вторая задача — **создание буферной зоны в приграничных афганских провинциях**, где должна быть создана атмосфера конструктивного взаимовыгодного сотрудничества.² Мероприятия по решению этой задачи также могли бы стать элементом сотрудничества причастных стран в рамках ШОС и, возможно, ЕврАзЭС. В любом случае, обязательным условием реализации странами региона своих национальных интересов (и реализации позитивных сценариев развития в целом) должен стать отказ от исчерпавшей свои возможности так называемой «многовекторной политики».

Основываясь на собственных ресурсах, страны Центральной Азии могли бы и на современном этапе решить на этом направлении многие из своих проблем. Учитывая новейшие позитивные тенденции в развитии экономического сотрудничества в формате ШОС, а также на двусторонних уровнях, страны региона должны привлекать к этому и те государства, которые объективно заинтересованы в установлении в Афганистане стабильности путем развития процессов экономического возрождения, а не путем проведения военных операций и наращивания военного присутствия для достижения собственных глобальных целей. Главным принципом такого рода программ, в условиях стремительно растущих жесточайших международных конкуренции и соперничества, должен быть разумный пострановой и региональный эгоизм.

¹ Enlarging NATO. The Russian Factor. — Rand Corporation, 1996.

² Существует исторический опыт приграничного экономического сотрудничества 1930-х гг., оказавшего серьезное положительное влияние на установление стабильности в приграничной полосе. Рост заинтересованности региональных афганских элит в экономическом сотрудничестве с советскими приграничными районами достаточно быстро способствовал тому, что поддержка среднеазиатскому басмаческому движению в афганском приграничье пошла на убыль. Автору уже доводилось отстаивать этот тезис, см.: **Князев А.** Экономическая ситуация в северо-восточных провинциях Афганистана и проблемы обеспечения региональной безопасности// Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Илим, 2004. — С. 33-56.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ БУДУЩЕЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Н.М. Омаров,
докт. истор. наук, профессор Киргизско-
Российского Славянского университета*

История интеграционных процессов в Центральной Азии крайне ограничена по времени. Помимо этого, оценивая начальный этап, охвативший 1990-е – начало 2000-х годов, надо признать, что он был неудачен.

Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы. С одной стороны, происходил глубокий экономический спад, принципиальная перестройка управления и экономики, отсутствовал собственный опыт реализации интеграционных проектов. С другой, сдерживающими факторами выступили недавно обретенная государственность и нежелание делиться ею, различный взгляд на будущее региона и наиболее желательных партнеров, стремление навязать свои взгляды другим участникам интеграционного процесса. Все это не могло не отразиться негативным образом на интеграции в Центральной Азии. Закономерным, в этом смысле, стало свертывание центральноазиатского интеграционного эксперимента и перевод его в формат ЕврАзЭС.

В то же время, следует отметить непрекращающиеся попытки отдельных лидеров региона к его возобновлению и переводу на иной, качественно более высокий уровень развития. В частности, такова позиция руководства Казахстана, неоднократно выступавшего в качестве инициатора. Достаточно вспомнить январь 1994-го, февраль 2005-го и текущий 2007 гг.

В частности, в одном из недавних интервью Н. Назарбаев заявил. «Самым лучшим было бы создать союз центральноазиатских государств, куда я включаю Казахстан и Среднюю Азию...55 млн. населения, нет языковых барьеров, взаимодополняемая экономика, находимся на одном пространстве, есть транспортные связи, энергетические...Почему нам не удастся построить такой союз, до сих пор понять не могу. Эта интеграция экономически была бы выгодна и работала бы на нашу безопасность в целом. Поэтому я продолжаю над этим работать».

При всей справедливости сказанного президентом Казахстана, создание нового политического и экономического субъекта международных отношений в виде «Единой Центральной Азии» вряд ли достижимо в ближайшей перспективе. Позитиву заявлений, в которых содержатся разного рода призывы к дружбе и сотрудничеству, сопутствует перевешивающий его негатив реалий. Регион Средней Азии и Казахстана, лишь сравнительно недавно получивший конъюнктурное название «Центральной Азии», фактически никогда не был единым пространством.

Не был он единым ни в историко-политическом плане, ни в цивилизационном, ни в этнокультурном. Ему удавалось соединяться на сравнительно короткие периоды времени, но это происходило под влиянием внешних интеграторов, а не вследствие внутренних импульсов. Последним историческим примером является нахождение Центральной Азии в составе Российской империи, и позднее СССР. После его распада страны региона начали развиваться, подчиняясь центробежным тенденциям. Вследствие этого, в регионе сохраняются глубокие линии разлома, заведомо обрекающие его на историческую неудачу.

В этом убеждает недавняя история интеграции в Центральной Азии.

После распада Советского Союза ее активными инициаторами выступили две наиболее крупные республики региона – Казахстан и Узбекистан. При том, что первые попытки к этому предпринимались еще в 1990 г. 10 января 1994 г. в Ташкенте президентами Казахстана и Узбекистана был подписан Договор о создании Единого Экономического Пространства между этими государствами, в котором определялись основные направления сотрудничества. 16 января 1994 г. к нему присоединилась Киргизская Республика. Именно это стало реальным началом процесса центрально-азиатской интеграции. Участие третьей страны привело к тому, что 30 апреля 1994 года в г. Чолпон-Ата был подписан Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Узбекистан, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой.¹

Цель интеграции подобного рода определена в первой статье Договора. Согласно ей, единое экономическое пространство создается в целях развития и реализации совместных программ по углублению экономической интеграции между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан и предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и обеспечивает согласованную кредитно-расчетную, бюджетную, таможенную и валютную политику.² Первоначально это интеграционное объединение получило название Центральноазиатского Союза (ЦАС).

Очередным шагом на пути интеграции трех государств явилось создание рабочих органов нового интеграционного объединения. В 1994 г. был учрежден Межгосударственный совет ЦАС. В его структуре были определены основные рабочие органы в виде Совета премьер-министров, Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан. Пос-

¹ Договор о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан // Сборник основных документов Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. – Бишкек, 1998. – С. 6.

² Договор о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан // Сборник основных документов Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. – Бишкек, 1998. – С. 6.

тоянно действующим рабочим органом Межгоссовета был определен Исполнительный комитет. На него были возложены координационно-консультативные, прогнозно-аналитические, информационные функции, а также контроль за выполнением решений Межгоссовета и его институтов.¹ Немногим позднее, 5 августа 1994 г. на встрече глав государств в Бишкеке был учрежден Центральноеазиатский банк сотрудничества и развития (ЦАБСиР) с уставным капиталом 9 млн. долларов США.²

17 марта 1998 г. в Бишкеке прошло заседание Совета премьер-министров трех государств – Узбекистана, Казахстана и Киргизстана. На нем были рассмотрены вопросы создания международных консорциумов, а также проекты межправительственных соглашений об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, охране окружающей среды и рациональном природопользовании, программы сотрудничества в области миграции населения, здравоохранения и медицинской науки.³

26 июня 1998 года в Бишкеке проведено заседание глав правительств ЦАС, в котором приняло участие руководство Таджикистана. Тем самым юридически оформилось расширение состава региональной группировки с «тройки» до «четверки». Почти все вопросы повестки дня включали корректировку документов, связанных с включением в союз нового участника.⁴ С этого момента официально вступило в действие новое название союза – Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество (ЦАЭС).

Весомым практическим результатом встречи глав ЦАЭС (г. Ташкент, апрель 2000 года) стало принятие масштабного Договора о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности.⁵ Ввиду его особой актуальности, он был ратифицирован национальными парламентами и вступил в действие уже осенью 2000 г.

¹ Заявление глав государств Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан от 8 июля 1994 года// Сборник основных документов Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. – Бишкек, 1998. – С. 10; **Аширов Б.Ч.** Становление и перспективы экономического сотрудничества Центральной Азии// Центральная Азия и культура мира. – Бишкек, 1998. – № 1(4). – С. 5-6; **Примбетов С.** Центральная Азия: реалии и перспективы экономической интеграции. – М., 2000. – С. 43.

² **Саидазимова Г.** Интеграция в Центральной Азии: реалии, вызовы, возможности// Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3 (9). – С. 81.

³ **Примбетов С.** Центральная Азия: реалии и перспективы экономической интеграции. – М., 2000. – С. 54; **Кумсков Г.В., Кумскова Н.Х., Суванкулов А.Р.** Регулирование миграционных процессов в Центральноазиатском экономическом сообществе. – Бишкек: КPCY, 1998. – С.63-72.

⁴ Протокол «О присоединении Республики Таджикистан к договору о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Узбекистан от 30 апреля 1994 года»// Сборник документов и материалов Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан. – Бишкек, 1998. – С. 14-17.

⁵ Создан оборонный союз «четырех»// Слово Киргизстана. – Бишкек, 2000. – 21 апреля.

Немногим позднее, в июне 2000 г. в Душанбе было проведено заседание Межгоссовета, на котором удалось принять важнейшие документы – стратегию интеграционного развития до 2005 года и программу первоочередных действий по формированию ЕЭП в Центральной Азии. По мнению участников этого заседания, реализация программы позволит преодолеть существующие разногласия. На первом этапе четыре страны планировали сделать свой рынок зоной свободной торговли. За этим последует создание таможенного, платежного и валютного союзов. Конечная цель заключается в создании единого рынка товаров, услуг, капиталов.

Как вынужденный шаг в развитии интеграции на центральноазиатском пространстве следует отметить итоги встречи глав ЦАЭС (г. Ташкент, 27-28 декабря 2001 г.), в ходе которой было принято решение о создании на базе ЦАЭС Организации Центральноазиатский Союз.¹ Как отмечалось в комментариях по итогам встречи, такое решение было принято в целях активизации многопланового сотрудничества в области политических, торгово-экономических, научно-технических и культурно-гуманитарных отношений. Целями новой организации должны стать диверсификация политического диалога, совершенствование форм и механизмов региональной экономической интеграции, углубление взаимопонимания по вопросам формирования единого пространства безопасности, выработка совместных действий по поддержанию мира и стабильности в регионе.

Переход от ЦАЭС к ОЦАС предполагал расширение формата сотрудничества стран региона в обеспечении взаимной безопасности и совместном противостоянии угрозам стабильности в регионе. Позитивный смысл данного решения заключался в том, что оно, хоть и с запозданием, было направлено на усиление динамики интеграционных процессов в регионе.

Внешним побудительным мотивом послужили события 11 сентября 2001 г., обусловившие необходимость разработки новой концепции сотрудничества (на основе еще большего сближения стран региона) в свете резко изменившейся военно-политической ситуации. Переход к новой форме сотрудничества предполагал более высокий уровень исполнения принимаемых решений, что в конечном итоге направлено на повышение эффективности деятельности новой организации. В результате двухдневной работы глав ОЦАС было выработано совместное заявление, представляющее собой согласованный ответ стран региона вызовам терроризма, политического экстремизма.²

Решение о создании ОЦАС как нового типа интеграционной структуры окончательно закреплено в ходе встречи президентов 28 февраля 2002 г. в г. Алма-Ата. Вследствие малой эффективности рабочих органов ЦАЭС

¹ Президенты центральноазиатских стран создали Организацию Центральноазиатского союз. – URL: <http://www.UzA.uz>

² Ташкентское заявление глав государств Казахстана, Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана. – URL: <http://www.UzA.Uz>

было принято решение об их упразднении и замене на Комитет национальных координаторов.

В ноябре 2002 г. в Ташкенте состоялась первая встреча парламентариев в рамках ОЦАС. Руководители законодательных органов приняли решение создать институт межпарламентского сотрудничества – Совещание парламентариев стран-членов ОЦАС.

По итогам саммита глав ОЦАС, состоявшегося в июле 2003 г., было принято решение о ликвидации ЦАБСиР из-за невыполнения им первоначально планируемых функций.

С учетом малой действенности экономических институтов, сложившихся в ЦАЭС, при создании ОЦАС было принято решение о регулярном проведении на базе ОЦАС бизнес-форумов, позволяющих обсуждать наиболее актуальные проблемы развития и корректировать по ним совместные позиции. По итогам двух бизнес-форумов, состоявшихся 28-29 ноября 2002 г. и 6 мая 2003 г. в городах Ташкент и Ош, главами государств была дана высокая оценка готовности стран к реализации совместных проектов, включая гармонизацию законодательства, облегчение правил торговли, укрепление прямых контактов между предприятиями и бизнесменами, привлечение инвестиций в экономику центральноазиатских государств.¹

За время, прошедшее с момента образования ОЦАС, особый акцент в формировании внутренней политики был сделан на усилении политического и экономического сотрудничества в регионе, выработке единой позиции государств-участников в международных организациях по актуальным вопросам международной политики, привлечении международных доноров к решению жизненно важных проблем развития региона.²

Анализ основных итогов деятельности ОЦАС уже в то время показал обозначившийся разрыв между декларациями политиков и реальной действительностью. Основные пункты критики ЦАЭС сохранили значение и для обновленной организации.

Единое экономическое пространство в регионе формировалось медленно и со значительными трудностями. За минувшие годы не удалось согласовать таможенную, антидемпинговую, налоговую политику, конвертировать валюты. Отсутствуют концепция и программа защиты коллективных интересов при экспорте энергоносителей и сырьевых ресурсов, не сформированы меры для реального повышения конкурентоспособности промышленности. Не решаются перманентно нарастающие проблемы в сферах взаимовыгодного использования водного, энергетического, газового, транспортного комплексов. В последнее время сокращаются куль-

¹ Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан по итогам встречи Организации «Центрально-Азиатское Сотрудничество», состоявшейся 5-6 июля 2003 года в городе Алма-Ата. — URL: <http://www.party.kz/pub0407036.html>

² Ислам Каримов. В Центральной Азии сохраняется стратегическая неопределенность. — URL: <http://www.CentrAsia.Ru/newsA.php4?st=1086590340>

турные и научные связи, не требующие значительных затрат на их реализацию. Нет необходимой координации в реформировании и структурной перестройке экономик. Не в полном объеме выполняются условия подписанных ранее соглашений.¹

Не была согласована экспортная политика, что приводило к неоправданной конкуренции государств-участников по отдельным группам экспортной продукции на рынках третьих стран. Тормозом на пути интеграционного процесса стало разнотемпное реформирование экономик, односторонние решения, ущемляющие интересы партнеров. Казахстан в конце 1990-х гг. односторонне проводил тарифное и нетарифное регулирование торговли внутри ЦАЭС. Киргизстан в качестве «ограничительно-запретительной» меры использовал свои водно-энергетические ресурсы. Узбекистан проявлял изоляционистские тенденции, ориентируясь на страны за пределами ЦАЭС и СНГ.²

Катализатором отмеченных негативных процессов оставалось сочетание взаимосвязанных факторов, рождаемых неоднозначно оцениваемой позицией потенциальных «лидеров» региона – Казахстана и Узбекистана – к процессу внутрирегиональной интеграции.

К его наиболее существенным моментам следует отнести:

- Перманентно сохранявшееся соперничество между ними за лидерство в регионе, подкрепляемое опорой на внерегиональных союзников. Это препятствовало выработке единой позиции по основным вопросам внутренней и внешней политики в Центральной Азии;³
- Отсутствие у Казахстана и Узбекистана глубокого интереса ко внутрирегиональной кооперации и интеграции, поскольку их основные торговые партнеры были расположены вне Центральной Азии. Формируемые механизмы внутрирегиональной интеграции оказались важны для них лишь как одно из средств воздействия на потенциальных соперников в переделе внутрирегиональных сфер влияния;
- Систематический характер принимало ущемление экономических интересов более слабых партнеров по ОЦАС – Киргизстана и Таджикистана.

Отмеченные выше негативные моменты непосредственно отразились на динамике и глубине процессов внутрирегиональной интеграции, демотивируя их участников. Вследствие этого, стало неизбежно появление

¹ **Кошанов А.** Стратегия региональной интеграции государств Центральной Азии// Реформа. – Алма-Ата, 2000. – № 1(5). – С. 9; **Кошанов А., Хусаинов Б.** Проблемы интеграции государств Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 1(13). – С. 82.

² **Кошанов А., Хусаинов Б.** Проблемы интеграции государств Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 1(13). – С. 82.

³ **Эшмамбетов Н.А.** Перспективы развития Киргизстана и Центральноазиатского региона в переходный период//Центральная Азия и культура мира, № 1(4).1998. С. 71.

публикаций с такими симптоматичными названиями как, например, «Региональная кооперация в Центральной Азии: миссия невыполнима?»¹.

Наглядно оценить возможности внутрирегиональной интеграции и выработки общей позиции во внешнем окружении позволяет нижеприведенная таблица.

Таблица. Сравнительный анализ интеграционного и дезинтеграционного (конфликтного) потенциала центральноазиатского региона

Потенциальные мотивы интеграции (+)	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан	Реальные факторы дезинтеграции (-)
Противостояние общим угрозам безопасности	+ -	+	+		+ -	Стремление к региональному лидерству
Интеграция в мировую политическую и экономическую систему в виде единого пространства	+ -	+	+	-	+ -	Поиск и опора на внерегиональных партнеров
Необходимость ускоренной модернизации политических и социально-экономических институтов	+ -	+	+	-	-	Различающиеся модели политического и социально-экономического реформирования
Внутрирегиональное экономическое сотрудничество	+ -	+	+	-	+ -	Низкий интерес ко внутрирегиональной экономической интеграции
Создание единого пространства с общей границей	+	+ -	+ -	-	+ -	Этнотерриториальные проблемы
Совместное использование гидроэнергетических ресурсов	+ -	+	+	-	+ -	Управление гидроэнергетическими ресурсами
Преодоление транспортно-коммуникационной изолированности	+ -	+	+	+ -	+ -	Внутренняя изоляция посредством таможенных ограничений
Рациональное использование человеческих ресурсов	+ -	+	+	-	+ -	Миграция населения и мононационализация государств
Создание сети «современных» государств	+ -	+	+	-	+ -	«Клановые цивилизации»
Широкая демократизация как одно из условий стабильности и безопасности	+ -	+	+	-	+ -	Рост авторитаризма
Достижение квалифицированного регионального управления	+ -	+	+	-	+ -	Неэффективное управление и массовая коррупция
Противодействие трансграничной организованной преступности	+ -	+	+	+	+ -	Криминализация и рост «теневого» сектора экономик стран региона
Преодоление негативных последствий глобализации	+ -	+	+	+	+ -	Усиливающаяся маргинализация населения

¹ **Bohr Annette.** Regional Cooperation in Central Asia: Mission impossible?// Helsinki Monitor. Quarterly on Security and Cooperation in Europe. Special Issue. Central Asia Aspects of security and stability. Ed. by Arie Bloed. – Leiden, 2003. – P. 264-268.

ПРОЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Социальная мобилизация на основе ценностей рационализма	-	-	-	-	-	Ретрадиционализация обществ
Адаптация традиционных религий к современным условиям и их интеграция в официальные светские идеологии	+ -	+ -	+ -	+ -	+ -	Межконфессиональные противоречия («агрессия» новых религиозных направлений и презелизм)
Гармоничное использование ресурсов на основе взаимной дополняемости	+ -	+ -	+ -	-	+ -	Дисбаланс и нехватка жизнеобеспечивающих ресурсов региона
	-			-		Раздел ресурсов Каспия
Демилитаризация региона	+ -	+ -	+ -	+ -	+ -	Милитаризация региона
Совпадение основных направлений исторического развития региона	+ -	+ -	+ -	+ -	+ -	Цивилизационные различия между «степной» и «оседлой» зонами региона
	-	-	-	-	-	Противоречия между малыми и большими государствами региона
Устойчивое развитие региона	+ -	+ -	+ -	+ -	+ -	Опора на сырьевые ресурсы как определяющий фактор экономического роста
Сохранение и поддержание экологического равновесия в регионе	+ -	+ -	+ -	+ -	+ -	Низкий уровень технологического развития и угрозы экологии

Даже самый краткий взгляд на сочетание мотивов интеграции и факторов дезинтеграции, содержащихся в данной таблице, показывает нейтрализацию последними первых и даже их превышение. Это позволяет обоснованно судить о повышенной конфликтогенности региона, проистекающей из особенностей его внутреннего развития, что еще раз подтверждает очевидное преобладание конфронтационного потенциала над интеграционным.

Наиболее значимым и тяжело решаемым для Киргизстана на протяжении всей короткой истории центральноазиатской интеграции оставался вопрос о создании Международного водно-энергетического консорциума. Соответствующее решение было принято в 1998 г. Киргизстан и Таджикистан, на территориях которых формируется 87% водных ресурсов Центральной Азии, невольно противостоят основным фактическим пользователям водных ресурсов – Казахстану и Узбекистану.¹ Вследствие несовпадения позиций по основным вопросам вододеления и водопользования, стороны не могли прийти к единому мнению², что порождало периодические демонстрации силы во взаимных отношениях.

¹ Оптимизация регионального вододеления: подходы и прогнозы // Водные проблемы Центральной Азии / Под ред. К.Л. Валентины. – Бишкек, 2004. – С. 61-67.

² **Новиков Р.** Экологические программы ООН для Центральной Азии // Мировая экономика и 252

Несмотря на раздающиеся упреки в адрес киргизской стороны о имевших место фактах невыполнения обязательств по отношению к партнерам в ОЦАС, они во многом принимали вынужденный характер. Дополнительным аргументом являлось и то, что Киргизстан, будучи по целому ряду показателей «привязанным» к внутрирегиональному рынку, более других был заинтересован в успехе центральноазиатской интеграции.¹

С учетом имевших место ошибок, необходимо отметить основные направления вероятной деятельности потенциальных интеграционных институтов в Центральной Азии (или же Средней Азии и Казахстане). Это позволит существенно ускорить интеграционные процессы и минимализировать усиливающийся конфликтный потенциал, способный сорвать долговременные реформы в Центральной Азии. Среди них:

1. Рациональное использование человеческих ресурсов, включая их защиту от разного рода угроз и повышение интеллектуального уровня населения стран региона,
2. Справедливое и взаимовыгодное использование гидроэнергоресурсов Киргизстана и Таджикистана на основе консенсуса интересов,
3. Сохранение экологического равновесия в регионе как замкнутой экосистеме, включая утилизацию имеющихся радиоактивных отходов, имеющихся на его территории,
4. Создание благоприятных условий для расширения рынка внутрирегиональных инвестиций и их целенаправленное предоставление наименее развитым в экономическом отношении государствам,
5. Устранение сырьевой направленности экономик Центральной Азии и повышение их конкурентоспособности на мировых рынках путем внедрения наукоемких технологий,
6. Преодоление совместными усилиями транспортной изолированности региона и обеспечение выхода к морским коммуникациям,
7. Выработка единой позиции по фундаментальным проблемам долгосрочного развития региона во внешнем окружении,
8. Последовательная демилитаризация региона и укрепление внутрирегионального партнерства в противостоянии общим угрозам безопасности.

Успешное решение комплекса отмеченных проблем позволит странам Центральной Азии, включая Киргизстан, решить принципиально важную задачу самоидентификации региона как самостоятельного поли-

международные отношения. – М., 2001. – № 5. – С. 21.

¹ **Артемов В.И.** Основные предпосылки и пути углубления экономической интеграции Киргизстана и стран Центральной Азии// Экономические аспекты интеграционных процессов: опыт Европейского Союза/ Под ред. М.С. Ашимбаева. – Алма-Ата: КИСИ, 2003. – С. 71-74.

тического и экономического субъекта в глобальном геоэкономическом и геополитическом пространстве.

На данный момент, одинаково вероятными выглядят следующие характеристики будущего Центральной Азии.

Первая — Центральная Азия как неконсолидированная (или — слабо консолидированная) общность новых независимых государств, обладающая высоким внутренним конфликтным потенциалом, самопроизвольно распространяющая его во внешнее окружение. Следует признать, что в настоящее время региональная действительность более всего отвечает этой негативной характеристике.

Вторая — Центральная Азия как самостоятельный субъект международных отношений, выполняющий стабилизирующую роль в культурном «противостоянии» смыкающихся здесь цивилизаций и позволяющий успешно преодолевать возможные линии «разлома» между ними.

При реализации на практике второго варианта, являющегося более предпочтительным возможны, как минимум, три различающиеся стратегии его осуществления.

Первая основывается на самоличном решении и последовательной реализации ведущими странами мира внешней стратегии управления как компромиссного варианта взаимодействия их геополитических и геоэкономических интересов в регионе. О каком-либо самостоятельном развитии Центральной Азии в таком случае говорить не приходится — скорее, это будет жалкая участь «новой кладовой мира».

Вторая линия развития может быть оценена в виде самостоятельного поиска странами региона наиболее приемлемых для них координат развития, основанных на учете исторической традиции и современного, потенциально все более возрастающего значения в системе мирохозяйственных связей. Целью, и своего рода, «ключом» к ее достижению должна стать самоидентификация региона, в обретении которой мы вправе рассчитывать на помощь иностранных партнеров.

Третья стратегия развития, скорее всего, явится сочетанием элементов первой и второй моделей. Иначе она может быть оценена как стратегии антикризисного управления для Центральной Азии, создание которой должно проходить на основе широкого форума всех заинтересованных сторон.

Хотелось бы отметить наибольшую привлекательность второй стратегии, которая может быть достигнута лишь посредством осознанного стремления местных элит к превращению Центральной Азии в высокоинтегрированный субъект международных отношений.

Ее основой должно стать консолидированное устремление элит региона к созданию единого политического, экономического и культурного пространства, в котором модернизационный потенциал должен сменить контрмодернистское начало. В настоящее время внутренний конфронтационный потенциал в Центральной Азии существенно превышает интег-

рациональный. И все же, ситуация не выглядит безвыходной. В качестве наиболее очевидного средства его преодоления выступает необходимость соединения усилий для преодоления коммуникативной, информационной и технологической изолированности региона. Особое значение приобретает использование позитивного опыта европейской интеграции как модели для интеграции евразийской.¹

Принципиальное значение для успеха внутрирегиональной интеграции имеет применение квалифицированного управления, соединяющего в себе компетентность, социальную ориентированность внутринациональной и внутрирегиональной политики, создание условий для прозрачного управления, сдерживающего рост коррупционных проявлений.

Не менее важно и умение эффективно использовать имеющиеся природные и людские ресурсы, рассматривая первые как невозполнимые и дающие лишь внешнее и ограниченное во времени процветание. Как показывает мировая практика, между наличием энергетического богатства и экономическим ростом отсутствует автоматическая зависимость.

Несмотря на значительные трудности объективного и субъективного характера, встающие перед странами региона на этом пути, только их решение способно обеспечить долгосрочный успех всякого рода самостоятельным интеграционным начинаниям в Центральной Азии.

¹ **Андерсен В.** Модель интеграции Европейского Союза: опыт для региона Центральной Азии//Экономические аспекты интеграционных процессов: опыт Европейского Союза/Под ред. М.С. Ашимбаева. – Алма-Ата: КИСИ, 2003. – С. 9-11; **Байзакова К. И., Губайдуллина М.Ш.** Опыт европейской интеграции и его применение на территории Центральной Азии// Центральная Азия во внешней политике Европейского Союза/Под ред. Ж.У. Ибрашева. – Алма-Ата:2004. – С. 236-245.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

*Р.У. Ульмасов,
канд. ист. наук, проректор Российско-
Таджикского Славянского университета*

Согласно исследованиям аналитического центра «Шарк», очевидно, что самый низкий за последние годы уровень миграции для Таджикистана наблюдался в 2000 г. Начиная с 2001 г., в республике наблюдается постоянный рост трудовой миграции. В настоящее время Таджикистан имеет 900 тысяч трудовых мигрантов. Основной поток таджикских мигрантов (около 85%) направлен в Российскую Федерацию, в последние годы резко сократилось число трудовых мигрантов, выезжающих в соседние страны Центральной Азии.¹

В таджикском обществе существуют разные, даже противоположные точки зрения на проблему трудовой миграции. Понятно, что бороться с таким, вполне естественным, но достаточно болезненным процессом, как отток квалифицированной рабочей силы, можно только одним методом — экономическим. И здесь наши зарплаты и условия работы не могут конкурировать с российскими. Этот процесс остановить невозможно, даже если принимать запрещающие законы и решения. В создавшейся ситуации, наоборот, надо делать все необходимое, чтобы трудовая миграция получила законную поддержку, как в стране, так и за рубежом.

Трудовые мигранты из стран СНГ широко используются в России как более дешевая рабочая сила на не престижных рабочих местах. Если гастарбайтеры из Украины работают на шахтах, на городском транспорте, строительстве, или на предприятиях, наши мигранты заполнили все рынки России в качестве подсобных рабочих, возчиков, уборщиков. Автором были проведены опросы мигрантов из Таджикистана на нескольких рынках г. Москвы. Например, на рынке «Черкизово» работает 118 молодых людей, в основном это носильщики и помощники у представителей азербайджанской, китайской диаспор. Эти мигранты приехали с одной лишь целью — заработать денег. Больше половины из них живут и работают нелегально, не зная своих элементарных прав. Предприниматели, специализирующиеся на эксплуатации гастарбайтеров, платят гражданину Таджикистана, как правило, меньше, чем нелегалу из европейских республик СНГ. Объясняется это тем, что в отличие от украинца или молдаванина, таджика, обладающего явно неславянской внешностью, невозможно выдать за россиянина,

¹ Граждане СНГ в основном предпочитают российский рынок труда, например молдавские трудовые мигранты в РФ официально составляют 230 тысяч человек (при населении 4,3 млн. человек). В тоже время, кроме как в России молдаване работают в Португалии — 70 тыс. человек, из которых 24 тысячи мигрантов легализованы, в Италии — 50 тыс., в Испании и Франции — по 10 тысяч, в Израиле — 10 — 12 тысяч. Но по информации Государственной миграционной службы Республики Молдова лишь каждый десятый гражданин находится за рубежом легально (Ты и миграция. Государственная миграционная служба РМ. Июнь 2002. — С. 17.). — См.: Азия Плюс. — Душанбе, 2003. — 28 марта.

а следовательно, работодателю придется решать возникающие проблемы с милицией, чтобы она закрывала глаза на незаконное использование иностранной рабочей силы.

По сути, гастарбайтеры из стран СНГ заменяют прежних «лимитчиков» — рабочую силу, привлекавшуюся в города по специальному разрешению. Но гастарбайтер — более гибкая и более гуманная форма занятости, чем лимитчики.¹ Лимитчики советского времени не могли в течение пяти лет получить разрешение на постоянное жительство, а, следовательно, не могли иметь нормальное жилье, не могли сменить работу — обычно непрестижную. Гастарбайтеры работают, в основном, вахтовым методом, регулярно ездят домой, получают материальное вознаграждение, легко могут поменять место работы.

В самой России по вопросу миграции и решению демографических проблем существуют разные точки зрения. Хотя масштабы российского демографического кризиса впечатляющи. Если сегодня в России ежегодно умирает в 2 раза больше людей, чем рождается, то уже к 2010 г. смертность повысится в 3 раза, к 2015 г. — в 4, к 2019 г. — в 5, к 2022 г. — в 7, к 2036 г. в 10, а к 2045 г. в 15 раз. Эти цифры с позиции сегодняшнего дня могут рассматриваться как наиболее информативные характеристики демографической катастрофы.² Прогнозы численности населения в виде возрастнo-половых пирамид с пятилетними интервалами на 2005, 2015, 2025, 2035 и 2045 гг. говорят о том, состояние нижних возрастных когорт таково, что явление депопуляции на ближайшие десятилетия становится необратимым. Но есть еще возможность нарастить снизу новые возрастные когорты повышенной людности, создать новый благоприятный для России демографический контур. В этом и состоит главная задача. Главный путь — это, конечно же, создание условий для стимулирования многодетной семьи. По прогнозам, в России останется 75-100 млн. человек к 2050 г. вместо нынешних 144,8 млн. (на 1 января 2001 г.). По прогнозу Госкомстата ЦСУ к 2050 г. население России будет составлять 93 млн. человек.³

В России демографические проблемы и в будущем будут оставаться важнейшим аспектом жизнеспособности нации. Более того, перспективные оценки показали, что негативная демографическая ситуация в России будет иметь долгосрочный характер. В то же время, удельный вес представителей стран СНГ на российском рынке труда сократился с 55% в 1994 г. и 49,8% в 1996 г., до 45,9% в 1998 г. и 44,8% в 1999 г. На рынке труда России все более заметным становится присутствие рабочей силы из стран дальнего зарубежья (Турция, КНР, Югославия, КНДР, Вьетнам и др.) постепенно отодвигающих большинство стран Содружества, за исключени-

¹ **Зайончковская Ж.А.** Миграция населения и рынок труда в России. — М.1994. — С.15.

² Всероссийская научно-практическая конференция «Реальная социальная практика в условиях государственной модернизации: опыт, проблемы, перспективы». — Москва, 13-14 марта 2001 г.

³ Всероссийская научно-практическая конференция «Реальная социальная практика в условиях государственной модернизации: опыт, проблемы, перспективы». — Москва, 13-14 марта 2001 г.

ем Украины, на второй план.¹ Это означает, что хотя в ближайшее время Россия остается основным потребителем таджикского рынка труда, но соответствующим органам необходимо учитывать китайский фактор. Уместно вспомнить подписанный в 1868 г. китайско-американский договор: в нем предусматривалось согласие китайского правительства в знак своего расположения и в качестве уступки США разрешение на эмиграцию своих рабочих в Штаты. США были тогда заняты развитием своих западных тихоокеанских штатов, а рабочей силы там не хватало. Тогда китайцы вообще не знали ни английского языка, ни обычаев и традиций американского общества. Сейчас, китайская диаспора в США — одна из крупных и сделала очень многое для экономики страны.

Что касается «замещающей миграции», то этот путь уже избран большинством западноевропейских стран. К примеру, идет процесс разбавления коренного населения арабами и неграми во Франции. Коренное население разбавляется турками и россиянами в Германии, иммигрантами из бывших английских колоний в Великобритании и т.д. Опыт человечества показывает, что ассимиляция наций, народов происходила, и будет происходить, независимо от желания человека. Неутешительные демографические прогнозы вынуждают США, Израиль, Германию, Италию, Грецию, Португалию, Испанию, Австралию и некоторые другие страны уже сейчас повышать квоты на прием иммигрантов, главным образом трудоспособного возраста. Прием таких лиц позволяет не только заполнять образовавшийся вакуум на рынке труда, но и омолаживать нацию, поддерживать на должном уровне соотношения трудоспособных и нетрудоспособных. Кстати, опыт зарубежных стран свидетельствует, что иммиграция не оказывает отрицательного влияния на безработицу ни в одной стране мира, принимающей значительное число иммигрантов. По данным ООН число только международных мигрантов достигает в странах Западной Европы 6,1% всего населения региона, Северной Америки (США, Канада) — 8,6%, Западной Азии — 10%.²

Таджикистан получает, и будет получать от трудовой миграции большую материальную, моральную, нравственную выгоду. Переселенческое движение будет влиять и на экономику нашей страны и такая тенденция уже наметилась. Результат наше общество, наше государство ощутят после 10-15 лет, когда таджикская диаспора за рубежом из подсобного работника, не имеющего ничего, кроме сил и желания заработать на жизнь и про-

¹ В целом интенсивность миграции в России низка и составляет всего 3% от совокупного населения стран СНГ, что существенно меньше, чем в развитых странах мира. Иностранная рабочая сила в России в 1994 г. выглядела так: дальнейе зарубежье — 45%, Украина — 43%, Центральная Азия и Закавказье по — 2%, Молдова — 3%, Беларусь — 5%. Через пять лет, то есть в 1999 г. картина выглядит следующим образом. Дальнее зарубежье — 55%, Украина — 30%, Закавказье — 6%, Центральная Азия — 5%, Молдова — 4%. За 1994-1997 гг. миграционный прирост в приграничных регионах России с Китаем за счет выходцев из стран СНГ сократился с 25,7 тыс. человек до 4,2 тыс. человек. — Состояние рынка труда и миграция населения в СНГ. — М., 2000. — С.25.

² **Злотник Х.** Тенденции международной миграции в последней трети XX века. Миграционная ситуация в странах СНГ. — М., 1999. — С. 22-23.

кормить свою семью, превратится в хозяина, будет иметь собственность, свое хозяйство, свое достойное место. Тогда и таджикские дети выросшие на чужбине, пережившие трудную долю мигранта, и дети-таджики, родившиеся от смешанных браков, будут представлять таджиков не как изгоев, а как полноправных членов общества. Когда, обосновываясь за рубежом, они принесут реальную пользу экономике той страны, где живут, когда они начнут влиять на политический климат, то есть будут избраны депутатами разных уровней, будут создавать культурные центры, школы, выпускать газеты, журналы, иметь свое частное телевидение, строить мечети. Есть примеры, свидетельствующие о том, что эта тенденция уже имеет место. На Урале наши земляки создали общество «Пайванд». Цель общества — защита прав наших сограждан, сохранение и развитие национальных культурных интересов и традиций. Общество имеет отделы культуры, экономики, спорта, туризма, поддерживает связи с правоохранительными органами. Эта организация, помимо иного, направляет российских туристов в Таджикистан. Думается со временем таких организаций будет больше и задача местных органов в России поддерживать такие инициативы.

Сегодняшняя таджикская миграция напоминает что-то от миграции европейцев, особенно англичан и ирландцев в США. Сегодняшняя американская элита во многом представлена именно выходцами из эмигрантских семей, приехавшими в США после первой и второй мировых войн. Как и у них, у людей, работающих и живущих сегодня за пределами Таджикистана, формируется особый менталитет, отличающий их от людей, живущих в республике. Работать за пределами страны очень трудно, но сложившиеся обстоятельства, забота о семье, родственниках заставляет наших земляков не только работать и кормить свои семьи, но и учиться, и жить в современных условиях, получать профессии, узнавать и познавать культуру и образ жизни других народов. Сопоставление своего прежнего образа жизни с жизнью других людей всегда дает положительный эффект. Со временем это передается детям, родственникам, окружающим.

Можно не сомневаться в том, что миграция сыграет чрезвычайную роль в истории нашего народа. Это перемещение людей и связанные с ним процессы развивают наше общество. Сейчас таджикское общество условно разделяется на две части. Это люди, живущие и работающие за пределами страны, и люди, оставшиеся в Таджикистане. По наблюдению автора и вопреки сложившемуся мнению, люди, живущие за пределами Таджикистана, более уважительно относятся к культуре, традициям, обычаям, религии. Наши мигранты за пределами страны более сплоченны, они заботятся друг о друге, там исчезает местническая психология.

Исходя из изложенного и подводя итоги, можно наблюдать три исторических момента в таджикском феномене миграции:

1. Первый момент назовем *столкновением*. В начале процесса миграции в местах пребывания было сочувственное, мирное соприкосновение с таджикскими мигрантами. Постепенно это мирное соприкосновение во

многих случаях трансформировалось во враждебное. Впрочем, как при мирном, так и при враждебном соприкосновении происходит одинаковый процесс, он состоит в том, что изменяется взаимодействие отношений, сложившихся во времена Союза. Это изменение взаимного отношения на бытовом, социальном, традиционном уровне. Естественно, что на первом этапе поведение мигрантов не всегда и не во всем устраивает местное население. Поэтому наблюдаются притеснения и оскорбления, которым в России подвергаются таджики.¹ На эти отношения влияют внешняя среда, негативная пропаганда о Таджикистане, субъективное мнение об исламской религии и др.

2. Второй момент, назовем это *слиянием или объединением*. Жизнь заставляет при любой ситуации, при мирных или враждебных отношениях, в конце концов, объединиться. Сейчас это происходит быстрее, чем когда-либо, так как социальное поведение диктуют в первую очередь законы рыночных отношений. Наши мигранты находятся сейчас именно на втором этапе.

3. Третий момент *исторический*. Это процесс взаимообогащения, очистки от криминальных элементов, недальновидных, временных мигрантов, то есть, в России остаются те мигранты которые нашли здесь, прежде всего, себя, свою работу, которые видят перспективы своей дальнейшей жизни именно в России, создали там свои семьи.

Мировой опыт показывает, что миграция—это естественный и неизбежный процесс. И задача состоит в том, чтобы просто сделать трудовую миграцию цивилизованной и основанной на международном праве.

¹ Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон во время встречи с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным «с горечью рассказывал, что ежегодно на родину привозят до 800 гробов с погибшими в России соотечественниками». — Вароруд. — Худжанд, 2003. — 9 мая.

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

КОНФЕРЕНЦИЯ В ХУДЖАНДЕ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПУТЯМ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН РЕГИОНА, СОБЕРЕТ ПРОФЕССИОНАЛОВ

4 июня 2007 года

«Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы». Так будет называться международная конференция, которая пройдет 26-28 июня 2007 года в городе Худжанде, Таджикистан. О предстоящей конференции корреспонденту «Фергана.Ру» рассказывает доктор исторических наук, профессор Александр Князев.

Фергана.Ру: — Проектов для региона, призванных интегрировать бывшие советские республики под чьей-либо эгидой, действительно немало. Сравнительный анализ, которым займется предстоящая конференция, призван расставить точки в этом вопросе, дать ответ на вопрос «какой проект лучше?»

Александр Князев: — В конце XX века, в связи с известными событиями распада СССР и открытия бывших российско-советских «задворок» миру, регион стал вызывать к себе все возрастающее внимание. Сама концепция Центральной Азии стала трактоваться в зависимости от геополитических соображений внешних субъектов — в наиболее узком виде она сводится к формуле пяти постсоветских республик; в расширенном варианте выглядит как регион, включающий и территории ряда других государств. Появляются самые разнообразные по пространственно-политическому и собственно содержательному формату интегральные схемы. Практически все они, так или иначе, предусматривают решение конкретных задач, соответствующих интересам находящихся за пределами региона центров силы. Любой из проектов легко ассоциируется с тем или иным из таких центров. Понятно, что ядром ОДКБ или ЕврАзЭС является Россия, а вот американский «Проект Большой Центральной Азии» в чем-то выглядит как желание госдепартамента США «оторвать» страны региона от связей с Россией, за идеей халифата стоят международные исламистские центры, часто, кстати, связанные с некоторыми из западных спецслужб.... А еще звучат предложения о некоем «Арийском единстве», пантюркистские проекты «Великого Турана»... И так далее. Впрочем, если исламисты особо аналитикой себя не утруждают, то нашим западным коллегам больше свойственно создание аналитических проектов, и сопровождается это «регионотворчество» уже и некоторыми практическими действиями, создавая в самом регионе конкурентную обстановку, актуализируя как естественные внутрирегиональные противоречия, так и целый ряд угроз региональной безопасности.

Не думаю, что отдельно взятая конференция, сколь бы представительной она не была, может расставить все точки таким образом, что убедит всех и вся в исключительной правоте одного из рассматриваемых проектов, в исключительной перспективности только ШОС, только БЦА или только ОДКБ, нет, конечно... Но в дискуссиях экспертов рождаются новые мнения, пересматриваются какие-то оценки, возникают контуры новых проектов... Дальше — дело тех, кто принимает политические решения. Вот повлиять на характер этих решений — и желательно в высокой степени — это задача академического и экспертного сообщества...

Фергана.Ру: — Насколько будет высок уровень представительства этого сообщества на вашей конференции?

Александр Князев: — Среди предполагаемых участников — эксперты из стран региона, России, Китая, Великобритании, США, Ирана, Индии, Пакистана, Италии, Украины и других государств.... Есть люди с широко известными именами, хотя это отнюдь не самое главное условие плодотворной работы — немало и экспертов, работающих очень интересно, но не стремящихся к публикациям в многотиражных СМИ, не уделяющих особого внимания собственному пиару... Могу назвать организации, чьи представители уже дали согласие на участие — это Институт востоковедения РАН и Defence Academy of the United Kingdom, Университет Джавахарлала Неру и Российско-Таджикский Славянский университет, есть советники действующих президентов и советники действующих министров, есть практики довольно высокого уровня, прямо участвующие в реализации тех или иных проектов.... В весьма близком по формату сотрудничестве в декабре прошлого года мы провели в Душанбе большую международную конференцию «Афганистан и региональная безопасность: пять лет после «Талибана», — по результатам ее был издан сборник материалов,¹ который сегодня в высокой степени востребован именно практиками — политиками, представителями силовых структур, бизнесменами.... Там присутствуют 33 автора из 11 стран — на этот раз представительность мы ожидаем еще более высокую.... Очень важно разнообразие академических школ и аналитических институтов, учет, да и просто знание всего разнообразия мнений и оценок только и даст возможность сформулировать представления, максимально стремящиеся к объективности...

Фергана.Ру: — Обсуждаемая вами тематика чрезвычайно политизирована, связана со многими текущими политическими интересами.... Насколько возможна здесь объективность?

Александр Князев: — Идеально объективным не бывает ничто: любой массив информации, а уж тем более аналитики, связанной с политическими процессами, тем более — международными, всегда будет нести на себе отпечаток той или иной заинтересованности. Но вот то разнообразие, о котором я упомянул, оно позволяет сбалансировать крайности, позволяет найти какие-то общие тезисы, основывающиеся на реалиях. Тезисы, или выводы, с которыми способны согласиться одновременно представители даже тех стран, чьи политические интересы могут сегодня находиться в противоречии, даже в антагонизме. Например, Ирана и США, США и России, Индии и Китая, Афганистана и Пакистана.... Когда на упомянутой мною душанбинской конференции по афганской тематике посол США в Таджикистане Трейси Джейкобсон предложила участникам конференции лоббировать в своих правительствах идею отмены визового режима между Афганистаном и странами-соседями, это вызвало иронию не только у таджиков или иранцев, но и у представителей Великобритании и Канады... Люди понимают, что за этим последует. Потому что собрались люди, знающие проблематику. Самое главное, мы стараемся собрать профессионалов, а профессионализм в нашем случае подразумевает минимум политической ангажированности при максимуме реального знания по рассматриваемой проблеме...

Фергана.Ру: — А возможна ли интеграция в принципе? Ведь на протяжении всего постсоветского времени было немало интеграционных идей как внутри региона, так и с выходом за его пределы... На практике же воз и ныне там...

¹ Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 3/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, Душанбе, 2006 (прим. ред.).

Александр Князев: — Вообще, это очень интересно: почему-то признаком хорошего тона считается употребление самого понятия «интеграция» исключительно в положительном контексте. Я не думаю, что это правильно. У нас вообще в политической коммуникации очень много стереотипов — всегда позитивна «демократия» и всегда в негативе должен восприниматься авторитаризм.... И то, и другое — лишь механизмы, в каждой конкретной ситуации может быть хорошо либо одно, либо другое.... И есть тому примеры, и в современной истории они есть.... Так и с «интеграцией». А как же тогда быть с суверенитетом, с независимостью? Ведь любая серьезная интеграция подразумевает, что каждый их участников поступает частью своего суверенитета в пользу неких наднациональных институтов. И хорошо, когда участники равновесны, а если нет? А если уровень политической культуры правящих и бизнес-элит таков, что непременно начнется доминирование одних над другими?.. В связи с самым свежим проектом такого рода — я имею ввиду инициативу президента Казахстана о создании очередного «Центральноазиатского союза» можно только предполагать, во что вылилась бы такая интеграция. При нынешних масштабах коррупции в тех же Киргизии или Таджикистане и наличии у казахстанского бизнеса серьезных финансовых средств, представьте, какие проекты могут быть запущены, насколько они будут соответствовать интересам самих Киргизии или Таджикистана, населения этих республик.... Это же такое огромное новое поле для внутрирегиональных конфликтов, что даже трудно представить.... А вслед за бизнесом возрастает амбиции казахстанской политической элиты, которой тоже становится тесновато на собственном казахстанском пространстве.... Но ведь в каждой из республик выросла и продолжает развиваться и своя элита, имеющая и собственные амбиции! Ладно, какую-то часть ее можно перекупить, но и не всю, и не навсегда, да и денег не хватит, нефти не на века.... Такую интеграцию никогда не воспримет Узбекистан, без которого никакая интеграция в регионе просто невозможна. Да и киргизские депутаты время от времени актуализируют вопросы «казахской экспансии» в республике с весьма патриотических позиций...

Я уверен, что классической интеграции по тому образцу, которым является Евросоюз, в нашем регионе не может быть еще очень долго. Пока возможно лишь сотрудничество, причем в большинстве случаев более перспективным является двустороннее, — слишком уж разновекторны многие из национальных интересов...

Фергана.Ру: — Каковы тогда наиболее перспективные и доступные для реализации направления сотрудничества между странами региона? Между ними и внерегиональными или сопредельными государствами?

Александр Князев: — Я бы предпочел говорить о доступных, а еще лучше — о жизненно наиболее актуальных. Это водные проблемы. Это проблемы коммуникаций, особенно для стран тупиковых — Киргизии и Таджикистана. Это проблемы безопасности в самом широком понимании этого слова. Кстати, по всем этим направлениям уже существуют различные межгосударственные институты. Нужно ли для обеспечения безопасности создавать еще что-то, когда есть ШОС и ОДКБ? Где есть уже много наработок, есть некоторая продуктивность, пусть и невеликая.... Неужели кто-то возьмется доказать, что в формате, скажем, Казахстан-Киргизия-Таджикистан, решение проблем безопасности окажется эффективнее? А если говорить о внерегиональных государствах? Мое твердое убеждение — в наибольшей степени эффективным и просто позитивным может быть сотрудничество с теми, кто бережно относится к таким понятиям как «суверенитет», «национальные интересы», «внутренние дела»... Иначе — новые и новые конфликты.... Не получается тотальной и всепроникающей глобализации... Контрреакции на нее

слишком дорого стоят. Поэтому приоритетом здесь должны быть, безусловно, соседни, большинство из которых старается не искать поводов для вмешательства во внутренние дела хоть Узбекистана, хоть Казахстана...

Фергана.Ру: — Какую роль в этих процессах могут сыграть относительно новые игроки — Япония, Корея и т.п.? Какое место в кооперационно-интеграционных процессах может занять Афганистан — в идеале и в реальности?

Александр Князев: — Новые игроки — это интересно. Хотя Японию я к совсем новым не относил бы: еще до начала и во время второй мировой войны японцы довольно активно действовали в Синьцзяне, в Афганистане... Против СССР, против китайских коммунистов... Сегодняшний интерес, понятно, имеет иные основы. Надо смотреть, как эти интересы будут развиваться — если они сосредоточатся в экономической сфере, они обладают серьезными инвестиционными возможностями, почему бы нет?..

Фергана.Ру: — А в Киргизии время от времени актуализируется вопрос о воссоединении с Россией — недавно заговорили о возможной конфедерации... Это похоже на реальность?

Александр Князев: — Желание части киргизской политической элиты (имеющее поддержку и части электората) к более тесному взаимодействию с Россией продиктовано, прежде всего, растущим пониманием и признанием факта несостоятельности киргизского этнократического государства. Налицо интеллектуальная бедность киргизской элиты, которая находится в растерянности, она не знает, что же нужно сделать, чтобы превратить Киргизстан в полноценное независимое государство, и обращается в этом поиске к недавнему прошлому, когда, получая дотации союзного центра, республика была вполне благополучной. Регулирование кадровых вопросов из того же союзного центра позволяло не особо задумываться о тех кланово-трайбалистских проблемах, которые сегодня определяют основные векторы внутрикиргизской политики... В парламенте уже около года звучат призывы к инициированию процесса вхождения в состав России на правах автономии. Другое дело, насколько это отвечало бы интересам России. Как объект экономического интереса Киргизия слишком невелика, малозначительна, политические издержки такого шага были бы для России куда более весомы. Что касается политического интереса, включая и сферу безопасности, то, во-первых, Россия в любом случае занимает в этой сфере лидирующие позиции в регионе и сегодня, и в обозримой перспективе. И, во-вторых, киргизская политическая элита за последние два года (после марта 2005-го) демонстрирует такую непоследовательность, такую ненадежность, что вызывает большие сомнения в качестве потенциального перспективного партнера. Если говорить вообще о какой-то интеграции в нашем регионе, то речь может идти только о том, что нужно оптимизировать и расширить сотрудничество в рамках ШОС, ЕврАзЭС, а если говорить о военном сотрудничестве, то в рамках ОДКБ. И для Киргизии, и для всех остальных. ... По большому счету, все конструктивные проекты сотрудничества с любым набором участников заслуживают внимания — слишком сложны и необычны проблемы Центральной Азии, будь то ее отдельные части (государства) или самые широкие пространства сходной культурно-исторической судьбы, вроде тех, которые иногда называют Большой Центральной Азией.

Беседовал Д.Кислов¹

¹ URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5163>

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО: ПОЛЬЗА ОТ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ — ВОПРОС СПОРНЫЙ

18 июня 2007 года

«Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы» — так называется международная конференция, которая пройдет 26-28 июня 2007 года в городе Худжанде (Таджикистан). О предстоящей конференции корреспонденту ИА «Фергана.Ру» рассказал доктор исторических наук, профессор, член Научного совета Московского фонда Карнеги Алексей Малашенко.

Фергана.Ру: — В последнее время в политических и экспертных кругах активно обсуждаются интеграционные инициативы Казахстана. В этом контексте рассматривается и апрельский визит Нурсултана Назарбаева в Бишкек, и уже июньский — Гурбангулы Бердымухамедова в Астану.

Алексей Малашенко: — В Центральной Азии и на уровне обществ, и на уровне элит польза от интеграции выглядит пока достаточно спорной. Отсутствует сама модель интеграции, и пока что не видно особого стремления ее создать. Нужен ли Центральной Азии лидер, который возьмет на себя функции интеграционного локомотива, — вопрос спорный еще в большей степени. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы Таджикистан или Киргизстан чувствовали себя уютно «под крылом» Узбекистана, а последний возьмет да и смиритесь с казахстанским доминированием. И уж, конечно, с ролью младшего брата никогда не согласится туркменская элита, расправившая плечи после многолетнего смирения перед великим сердаром. Так что «зонтичный вариант» интеграции представляется нереальным. Да и вообще, национально-государственные интересы пока слишком однозначно преобладают над интересами какой-либо региональной интеграции...

Фергана.Ру: — Тем не менее, достаточно часто звучат утверждения о том, что без интеграции позитивное развитие центральноазиатского региона вообще невозможно. Вот и президент Казахстана заявляет, что «безопасное и стабильное будущее Центральной Азии Казахстан видит в политической и экономической интеграции государств региона».

Алексей Малашенко: — Бедным странам и обществам интеграция дается труднее, нежели богатым. Среди «бедняков» ярче проявляют свои амбиции те из них, кто на фоне всех прочих является относительно преуспевающим, а потому претендует на роль лидера интеграционного процесса и стремится занять доминирующую роль. В Центральной Азии на эту роль претендуют Казахстан и Узбекистан, для которых это означало бы повышение не только регионального, но и международного статуса. В последние годы Казахстан вырвался вперед, но с точки зрения вероятности усиления интеграционных процессов это мало что означает. История стран Центральной Азии постсоветского времени показывает, что каким-то исключительным стимулом для региональной интеграции не стали ни внутренние, ни внешние угрозы. Да, время от времени весьма высокой становится вербальная активность, но великое множество переговоров, визитов, симпозиумов и семинаров по этой тематике существуют параллельно реальному положению дел. Проблема безопасности для каждой страны решается почти исключительно на национальном уровне.

Фергана.Ру: — Насколько заинтересованы в центральноазиатской интеграции внешние игроки?

Алексей Малашенко: — На мой взгляд, Китай сдержанно демонстрирует осторожный оптимизм, Россия в высокой степени разуверилась в возможностях центральноазиатской интеграции и прагматично все более переходит на уровень двусторонних отношений. В США вынашивается идея о необходимости переосмысления Центральной Азии как уже сложившегося ареала, о расширении границ региона в южном направлении, с включением в это понятие Афганистана, Ирана и даже Пакистана...

Фергана.Ру: — И все так пессимистично, никаких надежд?

Алексей Малашенко: — В наиболее пессимистическом варианте нестыковка национальных интересов будет по нарастающей вести к систематическому обострению отношений между бывшими советскими республиками, которые все интенсивнее будут закреплять свои отношения с внешними партнерами. Тогда о какой-либо интеграции можно будет забыть надолго. Единогласное решение всех национальных элит объединить экономические и политические усилия, создать общий рынок, сформировать некую общерегиональную организацию с делегированием ей наднациональных (пусть и незначительных) полномочий — просто нереально, это прожектерство. Реальным форматом является, на мой взгляд, сотрудничество по ключевым проблемам, постоянный диалог, в том числе — с участием тех или иных внешних игроков. Например, под эгидой ШОС или ЕврАзЭС. Это не всегда эффективно, но лучше бесконечных ритуальных заклинаний об интеграции, продолжающихся уже много лет.

Фергана.Ру¹

¹ URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5183>

МАЯТНИК РАСПАДА ПОШЕЛ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

Александр Собынин: «Американцам очень не хочется, чтобы интеграцией Средней и Центральной Азии занялись Китай, Россия и Казахстан»

«Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы» — так будет называться международная конференция, которая пройдет 26-28 июня 2007 года в городе Худжанде. Подробнее о проблематике предстоящей конференции мы попросили рассказать руководителя службы стратегического планирования Ассоциации приграничного сотрудничества Александра Собынина.

Экономику пиаром не обмануть

— Александр, насколько подобные конференции и семинары полезны в плане влияния на будущие политические процессы в регионе?

— Очень полезны, но в случае соблюдения двух условий. Нужно освещение в СМИ, причем далеко не в любых, а в наиболее авторитетных с точки зрения влияния на политиков или наиболее цитируемых. Без освещения в прессе формат конференций и семинаров эффективен лишь в случае участия чиновников официальных госструктур.

Между тем от организаторов очень много в этом плане зависит — легко проследить, как активность западных неправительственных организаций и фондов в странах Средней и Центральной Азии буквально за несколько лет в середине 1990-х годов сформировала общее пространство политических смыслов. Т.е. региону была навязана не самая оптимальная повестка дня, и ученые, политологи, эксперты более десяти лет тратили свое время и силы на некие виртуальные проблемы, в то время как реальность жила своей собственной жизнью, ведь ни политику, ни экономику пиаром не обмануть. Это плохо, потому что при такой разорванности жизни экспертного сообщества и реальной политики происходит снижение качества принимаемых на государственном уровне управленческих решений.

К сожалению, не только в среднеазиатских странах, но и в России долгое время господствовало убеждение, что политика вторична, а экономика первична. Но как говорит военная стратегия — «если ты не хочешь заниматься своим населением, им займутся другие». Казахская нефть или киргизское электричество не могут заменить для человека картину мира и личные ценности. Это относится и к российскому газу.

Насколько политизирована данная конференция? То есть насколько высок уровень беспристрастности?

— Вы хорошо знаете, что есть мантра «представлены все точки зрения, дан беспристрастный анализ»... Это сродни аутотренингу и к реальности не имеет прямого отношения. Не знаю, будут ли повторять эту мантру организаторы конференции, но здесь скажу лишь личную точку зрения. Любой эксперт представляет либо свои взгляды, либо взгляды тех структур, где работает, либо, в наихудших случаях, заказанные пиарщиками идеи. Что касается данной конференции в Худжанде, то я знаком лично с половиной экспертов, а заочно — читал работы практически всех остальных. И могу сказать, что в Таджикистане будут представлены не просто разные точки зрения, но и противоположные. Я бы условно их разделил на три группы — пророссийская, антироссийская и националистская политические позиции.

Уж тем более с заявленной темой — просто немыслима «неполитизированность» конференции.

Но вот что действительно очень хорошо — это то, что все эксперты умеют слушать и слышать, и, значит, уедут из Худжанда с лучшим пониманием взглядов в разных странах на региональную интеграцию.

«Пациент скорее мертв»

— А насколько, как Вы думаете, реальна возможность вхождения Киргизии в состав России? Это всего лишь популистский ход со стороны киргизской оппозиции или все же некая реальная возможность есть?

— Позвольте ответить и серьезно, и несерьезно, цитатой из кинофильма «Приключения Буратино» (этого диалога в книге о Буратино нет, только в фильме). Там на подобной нынешней худжандской «конференции» три эксперта ведут диалог над лежащим без сознания Буратино: «Пациент скорее жив, чем мертв. — Пациент скорее мертв, чем жив. — Пациент либо жив, либо мертв. — Если он жив, его можно вылечить, или нельзя вылечить...».

Слишком уж много внешних сил, включая Россию и США, но не только их, заинтересовано в том, чтобы регион Средней и Центральной Азии развивался по принципу бесконечной мыльной оперы «Региональная интеграция либо возможна, либо невозможна. Если она невозможна, то ее не будет. Если она возможна — она произойдет. Или не произойдет».

Что касается Киргизии, то она является наиболее подготовленной к вхождению в состав РФ страной СНГ, и Казахстану без России такой сверхсложный проект осуществить не удастся. Шансов появления некоей Казахстано-Киргизской Федерации или другого подобного образования с участием Киргизии, но без России, нет никаких.

— В последнее время в политических и экспертных кругах активно обсуждаются интеграционные инициативы Казахстана. В этом контексте рассматриваются и апрельский визит Нурсултана Назарбаева в Бишкек, и уже июньский — Гурбангулы Бердымухаммедова в Астану...

— Что касается интеграционных инициатив Казахстана, то могу сказать, что в России к ним отнеслись по-разному, но в целом с плохо скрываемым раздражением. Хотя мне лично не кажется, что вообще имеет смысл реагировать на такие инициативы, если они настолько плохо подготовлены. Ну не верю я в то, что Казахстан действительно собирается утереть нос медлительной России. Думаю, просто не все цели Нурсултана Назарбаева озвучены в публичном информационном пространстве.

Ключевая фигура в дальнейшем развитии озвученных в Вашем вопросе событий — Гурбангулы Мяликгулиевич Бердымухаммедов. Он сейчас, представляя не самую мощную страну региона, находится в уникальной точке бифуркации, когда даже малые его шаги способны изменить траекторию казахстанской, российской, узбекской и таджикостанской внешней политики. Но, конечно, лишь в том случае, если в Ашхабаде верно понимают реальные, а не официально заявленные, цели и ожидания Алма-Ата, Москвы, Ташкента, Душанбе. Сейчас ход не за Нурсултаном Назарбаевым или Владимиром Путиным, но именно за Гурбангулы Бердымухаммедовым. Президент Туркмении способен в ближайшие полгода изменить весь дальнейший ход событий в регионе.

ШОС в стороне не останется

— Станет ли следующий саммит ШОС в Бишкеке неким шагом вперед на пути интеграции? Насколько высока вероятность полноценного вхождения Ирана в состав ШОС? Поддержка этой идеи со стороны Душанбе и Бишкека является всего лишь попыткой разыграть выгодную для каждого из них партию или они выступают всего лишь застрельщиками уже подготовленного шага?

— Если посмотреть на предыдущие саммиты ШОС и сравнить принятые решения с предварительно заявленными темами, можно попытаться спрогнозировать и бишкекский саммит.

Первое. Ирану будет оказано очень большое внимание и, возможно, даже, будет предложено расширить формат участия Ирана в ШОС. Однако сейчас ни Китай, ни Россия не рискнут пойти навстречу Ирану в полной мере. Однако, весьма вероятно, формулировки по военно-политической ситуации вокруг Ирана будут таковы, что недвусмысленно предупредят потенциальных агрессоров — ШОС не останется в стороне в случае прямой военной агрессии.

Сейчас, когда США попали в патовую ситуацию, в первую очередь по внутриамериканским политическим причинам, эстафетная палочка передана другому потенциальному агрессору — Израилю. Стиль Израиля хорошо известен — за сутки разбомбить все наиболее важные для мирной атомной программы Иранской Республики Иран стратегические объекты и потом уйти в глухую оборону. И в этом случае американский флот в Персидском заливе послужит гарантом защиты Израиля от ответного удара. Саммит ШОС мягко, но обязательно выскажется по этой теме.

Второе. Уж в какой международной структуре интеграция идет вперед, так это в Шанхайской Организации Сотрудничества. Можно спорить о том, достаточно ли учитываются в этом процессе интересы России, Казахстана, других активных игроков из числа членов ШОС, но президенты стран принимают решения саммитов, и этого вполне достаточно.

Третье. Интересы Душанбе и Бишкека по приглашению Тегерана в полноценные члены ШОС диктуются разными причинами, и их никто из других членов ШОС не подталкивал к этой инициативе. Для Таджикистана Иран как член ШОС сможет стать очень серьезным гарантом независимости от российской ли, казахстанской ли, американской ли «модели интеграции». Для Бишкека это стремительно ускользающая возможность не вляпаться в грязь. Ведь только на секунду представьте себе реакцию мира Ислама, России и Казахстана, если в случае агрессии США против Ирана с базы «Манас» начнут взлетать бомбардировщики для атаки на Иран и «АВАКСы» для сопровождения удара. Это будет уже не 376-е авиаэкспедиционное крыло Международной антитеррористической коалиции, а гораздо более серьезная ударная авиагруппа.

Можно сколько угодно цитировать киргизских военных, которые в страшном сне не видят такой возможности, а можно вспомнить, как уже не раз только лишь за последний год американцы спокойно выкручивали киргизам руки, и база «Манас» продолжала жить своей независимой от мнения официального Бишкека военной жизнью.

Интеграция под контролем

— Каковы тогда наиболее перспективные и доступные для реализации направления сотрудничества между странами региона? Двухсторонние, в рамках ШОС или иных форм сотрудничества?

— Собственно, для поиска ответов на этот вопрос мы в Ферганской долине и соберемся. Моя личная точка зрения — не какой-то один, но несколько интеграционных проектов нужно развивать одновременно, так как до реальной интеграции еще далеко, а уже сейчас необходимо снимать напряжения в двусторонних отношениях Казахстана и Узбекистана, Киргизии и Узбекистана, Узбекистана и Таджикистана, Киргизии и Казахстана, в других линиях напряжения. Через интеграционную активность это зачастую сделать гораздо легче, чем в формате двусторонних отношений.

— Какую роль в этих процессах играет Афганистан? Стал ли он полноценной частью Большой Центральной Азии или же все-таки останется вполне самостоятельной единицей на политической арене? Возможна ли выработка единой линии ШОС в отношении Афганистана? В какой форме? Военной, оказание экономической помощи, гуманитарной?

— Вероятно, Вы ведете речь об американском проекте Большого Ближнего Востока от Синьцзяна до Марокко. О проекте Большой Центральной Азии я ничего не слышал, если не считать плохо проработанные мысли ряда британских и французских исследователей.

Сейчас американцы заинтересованы в том, чтобы нарастить в Афганистане присутствие России и Казахстана. Характерно, что контролируемое американцами правительство Афганистана в тендеры по крупнейшим месторождениям меди и других полезных ископаемых приглашает сразу по несколько крупнейших российских компаний.

Интерес Штатов понятен — снять с себя персональную ответственность за ситуацию в Афганистане, связать странам СНГ руки как можно большей вовлеченностью в экономику Афганистана. И это тот редкий случай, когда интересы России не противоречат американским. Естественно, с оговорками, но в целом Россия и сама заинтересована усилить свое присутствие в Афганистане.

Что касается ШОС, то я думаю, саммит не будет делать Афганистан важным пунктом повестки дня, хотя обязательно в решениях саммита тема Афганистана будет упомянута. Пользуясь Вашим вопросом, хотел бы сказать, почему вообще появился проект Большого Ближнего Востока, объединяющий не только Кавказ, Каспийско-Среднеазиатский регион и собственно традиционный Ближний Восток, но гораздо более крупный регион мира. Дело в том, что США понимают неизбежность интеграции.

Маятник распада стран Евразийского континента пошел в обратную сторону. И в связи с этим для Штатов и в целом для Запада крайне важно, чтобы центром интеграции не стали другие страны, я имею в виду в первую очередь три страны. Американцам очень не хочется, чтобы интеграцией Средней и Центральной Азии занялись Китай, Россия и Казахстан. Американцам нужно, чтобы процесс интеграции оставался под их контролем.

Нурахмет Кенжеев, «Республика», Алма-Ата¹

¹ URL: <http://www.kub.kz/respublika.php?sid=18166>

ГЕОПОЛИТИКА «ТЯНИ-ТОЛКАЙ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

4 июля 2007 года

Искандар Асадуллаев¹

Вопросы практической интеграции стран Центральной Азии, а также их разностороннего сотрудничества с различными геоэкономическими партнерами продолжают вызывать острый интерес наших читателей. Международная конференция, на днях состоявшаяся в таджикском Худжанде, подтолкнула авторов к дальнейшему предметному обсуждению проблем. Представляемая статья написана по следам прошедшей конференции и отражает личный взгляд эксперта.

* * *

Диалектика гласит о единстве противоположностей. Зная это, мы в то же время не видим парадоксальных проявлений диалектики в политике. Проблема является обширной, часто мы имеем дело с одним и тем же источником и радости, и боли одновременно. Это бывает в семье, когда близкий тебе человек является для тебя источником радости и одновременно неприятностей, если не страданий. Такое имеет место в коллективах, производстве, политических силах, странах, в каждом социальном субъекте, часто сама Родина является единым источником и радости, и боли. То есть методологически я предлагаю уметь видеть источник позитивных и негативных явлений, не разделяя его.

Мы часто рассматриваем Центральную Азию в противоположных терминах и понятиях, отрывая друг от друга их источники. Говорим об одних источниках безопасности в отрыве от угроз, которые мы видим в совершенно других источниках и странах. Тогда как одна и та же страна одновременно выступает и источником безопасности, и источником угроз. Получается нечто вроде политики «тяни-толкай». Но эти великие страны «тяни-толкай» считают себя исключительно однозначным источником безопасности для Центральной Азии.

Нам, таджикам, необходимо освободиться от воздействия гипноза аналитиков и политиков «тяни-толкай», которые очаровывают нас гипнозом своей интеллектуальной виртуозности, страшая великими бедами, если мы не будем принимать их взгляд на интеграцию и Всемирную историю.

За примерами далеко ходить не надо. Так, представители российских аналитических институтов и служб угрозу Центральной Азии видят в предложениях американцев рассматривать Большую Центральную Азию. В этом усматривают попытки оторвать регион от России. Себя же рассматривают исключительно как однозначный источник безопасности для региона.

США же считают себя источником прогресса и стабильности для Центральной Азии, поэтому они, с одной стороны, помогают государствам гуманитарной и другой помощью, например, строительством мостов между Таджикистаном и Афганистаном, но, с другой стороны, не исключают помощи оппозиционным силам в этих странах, которую определяют как процесс демократизации и прогресса. Угроза не в том, что США помогают оппозиции, а в том, что оппозиционные силы различны по своему геополитическому характеру.

¹ URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5210&PHPSESSID=51e5ea47b1ad29ad0acdda5ffae0e813>

Китайцы, предоставив миллиард долларов помощи Таджикистану, считают себя источником стабильности и развития в регионе, однако наблюдатели убеждены, что если европейские и мировые доноры время от времени списывают долги стран Центральной Азии, то этого никак нельзя будет сказать о Китае, который никогда не спишет долги Таджикистана. Сегодня Китай также сдерживает стремление Таджикистана к более полнокровной энергетической безопасности, об этом может свидетельствовать его недавний отказ от строительства Зеравшанской ГЭС.

Россия много делает для безопасности Центральной Азии, но не содействует, например, Таджикистану в строительстве Рогунской ГЭС, хотя помощь была обещана на встрече президентов России и Таджикистана в Сочи в 2004 году. В этом некоторые видят стремление России становиться на сторону Ташкента, когда возникает треугольник Москва-Душанбе-Ташкент.

Разумеется, когда мы говорим об угрозах со стороны России, Китая и США, то это не угрозы прямой агрессии или попыток организации государственного переворота, а угрозы ограничения безопасности Таджикистана в экономической, политической и энергетической сферах.

Россия и Китай являются важнейшими факторами стабильности, но именно они одновременно являются источником угрозы для Таджикистана как страны, проводящие политику ограничения его энергетической безопасности. При этом каждая великая страна, в том числе и США, стремится оказывать помощь при условии принятия Таджикистаном ее стратегии.

Картина складывается согласно следующей притче. Как-то малой стране одна великая держава предложила свою помощь и свою стратегию для защиты от чужих угроз. Малая страна была в восторге от такого предложения, но спросила: спасибо за помощь, но зачем нам ваша стратегия, если нам никто не угрожает? Не беспокойтесь, сказала великая держава, примите нашу помощь и нашу стратегию, и вам обязательно будут угрожать.

Картина станет более полной, если мы откажемся от однозначных подходов в определении источников безопасности и угроз, от разделения их друг от друга.

Россия, играя стабилизирующую роль в регионе и, в частности, в Таджикистане, но, не желая содействия ему в более успешном решении проблемы энергетической безопасности (имеется в виду строительство Рогунской ГЭС), подталкивает Таджикистан к большей ориентации на мир мусульманских стран в поисках доноров. Это направление активности Таджикистана приводит к отступлению России в вопросах ее цивилизационного присутствия в стране. Важнейшими шагами Таджикистана в последнее время в этом направлении были, например, переход от русской формы написания и звучания фамилий к национальной форме. Теперь возник вопрос об алфавите, то есть о замене кириллицы на таджикско-персидский алфавит на арабской основе.

В Таджикистане некоторые налагают табу на обсуждение этого аспекта политики, но я думаю, не следует скрывать реальные проблемы, их невозможно замолчать.

Власти Таджикистана и национальная интеллигенция в наши дни поглощены вопросами национального возрождения и национальной реконструкции, в чем видят смысл обретения государственной независимости. И естественно, что в определенных кругах возникает вопрос о возвращении к старому алфавиту, и он обещает, на первый взгляд, новый этап национального возрождения. Например, этот вопрос

поднимают представители национальной интеллигенции и Партия исламского возрождения Таджикистана. Вопрос касается устранения монополии в стране кириллицы, то есть параллельного введения старого национального алфавита.

Ситуация такая, что российские политические игры между Душанбе и Ташкентом в вопросах энергетической безопасности Таджикистана, с одной стороны, а с другой — успехи Таджикистана на пути культурной национальной реконструкции, то есть возвращения стране национальных основ, могут привести к идеям о такой же успешности перехода к таджикско-персидскому алфавиту на арабской основе. Тем более что в исламском мире, наверняка, есть силы, обещающие финансово-инвестиционную помощь в ответ на дистанцирование от российского фактора и в геополитике, и в духовно-политических аспектах. Однако это только предположение, но рассмотрим вопрос хотя бы виртуально в целях прояснения некоторых реалий.

Если произойдет переход к двойному алфавиту, все будет выглядеть вполне здраво и найдет понимание во всех странах мусульманского Востока, в том числе, возможно, поддержку у атлантических стран. Переход на двойной алфавит будет поддержан мировой общественностью, а российское противодействие будет принято как рецидив колониальной политики.

Однако на этот вопрос нельзя смотреть только как на освобождение от последнего оплота российского цивилизационного присутствия в Таджикистане или российского колониализма. Кириллица в Таджикистане имеет не только это значение. Кириллица — это светский образ жизни миллионов таджикстанцев ввиду того, что миллионы книг светского характера, написанные на этом алфавите, хранятся в тысячах библиотек страны и используются в школах и вузах, в системе образования и идеологии. В Таджикистане сегодня нет такого же количества книг светского характера на таджикско-персидском алфавите, нет и подготовленных кадров, чтобы можно было безболезненно перейти на двойной алфавит. Ведь, надо заметить, последствия перехода на другой алфавит в Таджикистане отличается от перехода на латинский алфавит в тюркских государствах Центральной Азии. При этом — кардинально.

Переход Узбекистана и других стран ЦА на турецкий алфавит поначалу не представлял собой чрезвычайного переворота в геополитике Евразии, так как Турция не является глобальным источником исламистской информации, хотя и является проводником атлантической политики в Центральной Азии.

Когда населением Таджикистана будет освоен старый национальный алфавит, то огромный поток политической исламистской информации и пропаганды через тысячи неконтролируемых каналов будет восприниматься населением, что создаст совершенно новую ситуацию антиправительственного характера. До тех пор, пока исламисты недостаточно поддерживаются населением, они будут вести себя лояльно. Но стоит им получить у населения духовную поддержку, как поведение политического ислама будет способствовать резкому ослаблению правящего режима.

Поэтому кириллица это не просто вопрос о возвращении или невозвращении к национальным основам в стране, но, прежде всего, это вопрос о возможном геополитическом перевороте вслед за духовно-политическим. Это вопрос о дальнейшем существовании светского образа жизни, вопрос о кардинальных изменениях в архитектуре внешней и внутренней политики. Наконец, это вопрос о стабильности в стране.

Отказ же от монополии кириллицы в Таджикистане — это и опасность развала власти по принципу домино. То есть это будет процесс обвальных изменений в Таджикистане, не обещающих мира и стабильности. Поэтому, скажут некоторые россияне, вопрос о кириллице это, прежде всего, ваш вопрос, а мы будем продолжать свою политику ограниченного содействия энергетической безопасности Таджикистана в угоду Ташкенту.

Однако именно здесь проявляется существо политики великих держав, которую можно, привлекая удачный образ известной сказки, назвать политикой «тяни-толкай». Россия очень много делает для стабилизации обстановки в регионе и Таджикистане, то есть она — источник безопасности. Но одновременно она толкает нашу страну к поискам геополитических альтернатив, чтобы решать неотложные задачи. В этом отношении Россия проводит угрожающую политику, осложняя ситуацию и для себя, и для Таджикистана. В последние годы Таджикистан, несмотря на то, что строится Сангтудинская ГЭС, убеждает Москву не ограничиваться только военным присутствием. Для этого Душанбе демонстрирует политику приоткрывания дверей то одному сопернику России, то другому. Сегодня же центр государственных визитов Таджикистан сместил к странам ислама. Таким образом, наша страна в виду российской политики «тяни-толкай» вынуждена иметь в кармане альтернативный американский или исламский, или европейский миллиард долларов. Но альтернативно приоткрывать двери можно по-разному. В этом аспекте особый смысл принимает американский план образования Большой Центральной Азии, который трудно игнорировать. Другими словами, Таджикистан также проводит политику «тяни-толкай», но это вынужденная политика. Между тем, идея Большой Центральной Азии является американской, но почему ее реализацию не провести по-российски, ведь у России хорошие отношения с Индией и Ираном?

Центры сил России, проводящих российскую политику «тяни-толкай», прекрасно понимают эту политику Душанбе и не верят в ее успех, но совершенно напрасно. На наш взгляд, они не отдают себе отчета в том, что эти две политики, налагаясь одна на другую, могут вызвать к жизни неуправляемые процессы. Угрозу представляет общий фон с нерешенностью вопросов стабилизации в Афганистане, сложная обстановка в Пакистане и в самом регионе Центральной Азии.

В Центральной Азии следует учитывать ментальность населения. Она не имеет прочного демократического характера, неустойчива в отношении свободы совести и не прочна в вопросах лояльности властям. Ментальность населения Таджикистана подвижна и многозначна. В результате происходящего в регионе ренессанса ислама сознание населения обладает почвой для восприятия его в аспекте неоднозначного менталитета, в котором имеют место различные, подчас противоречивые, даже противоположные программы поведения в зависимости от складывающихся ситуаций. Если будет ситуация с ослаблением государственной власти и выдвиганием в центр политической арены политического ислама, население не окажет ему существенного сопротивления с позиций демократии, которая как идея, психология и политическая сила, как в лице государства, так и в лице демократической оппозиции в Таджикистане чрезвычайно слаба.

Однако не следует везде и во всем видеть только политику «тяни-толкай». Например, у России и Китая нет такой политики, когда вопрос касается отношений властей стран Центральной Азии и оппозиционных к ним сил. Здесь Россия и Китай однозначно поддерживают президентов без предварительных условий. То, что Россия озвучила в своей политике как политику суверенной демократии, она

фактически признает и в отношении стран Центральной Азии. Россия и Китай всегда безоговорочно поддерживают результаты выборов президентов и все вопросы, касающиеся укрепления их власти.

Но именно в этих вопросах США и другие атлантические страны проводили и проводят политику «тяги-толкай», хотя она неоднозначная и более приглушенная. В годы начального становления государств и власти президентов стран Центральной Азии американская политика «тяги-толкай» была настолько явной, что лидеры этих стран постоянно испытывали дискомфорт от поддержки Соединенными Штатами и посольствами европейских стран оппозиционных сил в целях установления демократии. То есть в сфере отношений власть-оппозиция помощь государствам региона осуществлялась при предварительных условиях продвижения по пути демократии и прав человека. Этих требований со стороны России и Китая нет, в чем и проявляется кардинальное отличие их политики от американской.

К сожалению, у США нет глубоко продуманной политики демократизации стран Центральной Азии. Американская политика «тяги-толкай», прежде всего, нацелена на одновременную помощь и правительствам, и оппозиции к ним в странах региона. В принципе, это правильно, но надо делать и другие акценты. В СНГ и России это воспринимается как геополитическая демократия, противостоящая суверенной демократии. Ситуация в регионе Центральной Азии такова, что американцы недорабатывают во влиянии на государства региона. У них есть опыт работы по демократизации Чили времен Пиночета или диктатора Тайваня, когда создавалась прочная экономическая основа будущей политической демократии. Американцы твердо верили в демократическое будущее диктаторской Южной Кореи, Чили и Тайваня. Но почему-то они не верят в демократическое будущее стран Центральной Азии, не смотрят на авторитарные режимы как на переходный этап. США, однозначно поддерживая таких авторитетов, как Пиночет или бывший диктатор Тайваня, не поддерживают без предварительных условий наших авторитетов — власть президентов стран Центральной Азии. И толкают их в объятия России.

Если Россия и Китай проводят политику ограничения энергетической безопасности Таджикистана, то США и другие атлантические страны проводят политику ограничения экономической и финансовой помощи странам Центральной Азии. Почему бы им совместно с Россией и Японией не осуществить новый План Маршалла, как это было после Второй мировой войны в Европе? Это было бы новое чудо интеграции Центральной Азии. Но этому мешает раскол в мире между Россией и атлантическими странами, как бы их президенты не любезничали, называя друг друга стратегическими партнерами. Это одна из ряда причин, почему нет Плана Маршалла для Центральноазиатской интеграции.

Препятствием для этого, на мой взгляд, является убежденность США в том, что новый План Маршалла в Центральной Азии укрепит Россию, которая играет в регионе значительную роль. Следовательно, для США главным является не демократизация и демократия, а геополитика. Пусть не План Маршалла, но ведь атлантическим странам, США можно значительно экономически укреплять каждую страну региона с идеей о том, что со временем они, как Чили и Южная Корея, станут экономически развитыми демократиями и в политической сфере.

Однако США, пока страны Центральной Азии испытывают влияние России, проводят политику «тяги-толкай», но не политику демократизации при взгляде на режимы стран региона как на транзитные, исторически ограниченные во времени,

как это было в отношении Чили, Тайваня и Южной Кореи времен диктатуры. Вот в этих условиях и происходят попытки интеграции в Центральной Азии.

В условиях, когда центральноазиатский регион не самодостаточен во многих отношениях и нуждается в помощи, Таджикистану нецелесообразно выдвигать на первый план региональную интеграцию как решающий фактор. Конечно, надо интегрироваться и делать все для объединения, но не нужно уступать в вопросах защиты своих интересов и безопасности, в частности – энергетической. Надо быть открытой для всех страной, наводить со всеми мосты, но обязательно занимать круговую оборону при угрозах с той или иной стороны, не поступаясь своими коренными интересами.

Великие силы современности и некоторые идеологи интеграции Центральной Азии предлагают нам следующий принцип: «Мы оказываем или окажем вам помощь, но вы будете согласны с нашей точкой зрения, даже если она будет ограничивать вашу безопасность – энергетическую или другую». Идеологи аналитических центров и политики каждой великой державы предлагают полностью войти в фарватер политики той или иной державы, утверждая, что именно она – важнейший фактор безопасности Таджикистана, и поэтому ему надо глотать горькие пилюли политики «тяни-толкай».

На наш взгляд, это недопустимо для Таджикистана. Россия, действительно, великий фактор стабильности, но было бы глупо на этом основании не сопротивляться ее политике ограничения энергетической безопасности Таджикистана, который обретет ее после строительства Рогунской и Зеравшанской ГЭС, а не только Сангтудинской ГЭС.

Именно поэтому Таджикистан должен опираться, прежде всего, на принцип, который в свое время связывали с именем президента Франции Шарля де Голля, – оборону по всем азимутам. Проведение этой политики Таджикистаном является важным признаком и задачей его государственной независимости на современном этапе.

Надо сопротивляться и бороться со всеми силами современности, умело опираясь на эти же силы друг против друга, за установление здоровых плодотворных с ними отношений. Этой задаче должно быть подчинено участие Таджикистана во всевозможных интеграционных процессах и организациях, которые сами выступают для него такими же влиятельными силами, как и великие державы, и средневеликие страны.

Признание единого источника радости и боли, безопасности и угрозы не должно означать согласия на угрозы и страдания. Таджикистан измучился из-за не обеспеченности энергетической безопасности страны.

ЭКСПЕРТ ИА «ФЕРГАНА.РУ»: ПЛАНЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ РОГУНСКОЙ ГЭС ТОРМОЗЯТСЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КАБИНЕТАХ ТАДЖИКИСТАНА

4 июля 2007 года

Леонид Папырин¹

Статья Искандара Асадуллаева типична для всей сегодняшней геополитики и прессы Таджикистана. Мне кажется, что автору, в первую очередь, нужно было бы четко сформулировать геополитику своего государства, разобраться в ней, а не пытаться мыслить региональными категориями. Тем более что реальной информацией по своей стране он явно не владеет. Все планы и амбиции (и, как мне кажется, очень спорные) Таджикистана автор увязывает с его энергетической безопасностью, а вину за отсутствие этой безопасности возлагает на Россию и ОАО «Русский алюминий» (далее – РУСАЛ). Последние два года я работал в Таджикистане в ООО «Рогун-Сервис», то есть – в той дочерней организации РУСАЛа, которая была создана для руководства строительством Рогунской ГЭС. Неосведомленность или заведомая ложь автора меня возмущает.

Начнем с того, что в 2004 году во время визита президента В.Путина было подписано соглашение о долгосрочном сотрудничестве между правительством Республики Таджикистан и РУСАЛом. Президент Э. Рахмон обещал продать РУСАЛу Таджикский алюминиевый завод (ТадАз) и просил его построить Рогунскую ГЭС. Обещание продать ТадАз и подвигло РУСАЛ дать согласие на строительство Рогунской ГЭС. Без этой президентской гарантии РУСАЛу не было никакого смысла браться за строительство Рогунской ГЭС. Но, несмотря на обещание Рахмонова, ТадАз РУСАЛу так и не продали. Договор о строительстве первой очереди Рогунской ГЭС был подписан. Проект на строительство насыпной плотины высотой 335 метров был составлен ташкентским институтом САО «Гидропроект» еще в советское время. Казалось бы, если он так нравится таджикскому руководству, то в 2004 году нужно было принять его за основу и начинать строить первую очередь.

Но всем было ясно, что проект уже устарел. Для того чтобы дать современную оценку проекту, получить кредит Всемирного банка и оценить вклад Таджикистана (все, что осталось от строительства, принадлежит этой стране) и РУСАЛа (то есть – все то, что он построит), была приглашена немецкая инжиниринговая фирма Lahmeyer International (LI). За два года работы она оценила различные варианты конструкции плотины, положения машинного зала, строительных и других тоннелей. Доля Таджикистана в тех томах проекта LI, которые я читал, колебалась в пределах 8-14 процентов. О переговорах на высшем уровне рядовых работников «Рогун-сервис» не информировали. Но до нас доходили слухи, что Таджикистан требует 50 процентов и РУСАЛ согласен (в расчете на перспективу приобретения ТадАза). И опять возникает вопрос: если априорно определены и конструкция плотины и доли сторон, то почему бы не начать строительство в 2004 году?

¹ Об авторе: Леонид Павлович Папырин – горный инженер-геофизик. В период с 1967 по 1994 год жил в Душанбе и работал начальником Памирской геофизической партии. Облещездил на автомашине и облещезил на вертолете весь Таджикистан. За 27 лет работники партии выполнили геофизические исследования более чем на ста объектах, расположенных по всей территории республики. В 1994 году вынужден был уехать из Таджикистана как беженец в связи с закрытием Памирской партии из-за отъезда всех ее специалистов. Л.Папырин – член экспертного совета ИА «Фергана.Ру» с 2003 года.

URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5212>

В августе прошлого года LI представила окончательный отчет, который был детально изучен и одобрен специалистами «Рогун-Сервис» и «Русской инжиниринговой компанией» – мозговым центром РУСАЛа. В нем говорится о том, что самый оптимальный вариант – построить бетонную плотину высотой 280 метров, приведены все данные и по другим типам и высотам плотин, то есть, предоставлена возможность выбора. В частности, приведена расчетная выработка электричества для всех вариантов в целом по Вахшскому каскаду. Дело в том, что наполнение Рогунского водохранилища вызовет снижение выработки электричества остальными ГЭС каскада. Например, если бы на 1 мая 2007 года первая очередь Рогунской ГЭС была готова, Вахш в створе ГЭС перекрыли бы и начали заполнение водохранилища, то весь Вахшский каскад мгновенно прекратил бы работу и Таджикистан остался бы без электричества. В это время уровень Нурекского водохранилища достиг минимальной допустимой отметки, ниже которой станцию нужно было немедленно останавливать. LI (да и авторы первого старого проекта) математически точно рассчитали, что увеличение высоты плотины до 335 метров при фактическом многолетнем среднегодовом расходе воды в Вахше не позволят получать в целом по каскаду больше электричества, чем при высоте плотины 280 метров. То есть каждый раз, когда на Рогуне будет идти наполнение интервала 280-335 метров, каскад ГЭС в целом будет вырабатывать меньше электроэнергии. Когда же начнется сработка этого интервала, вначале нужно будет наполнить остальные водохранилища до безопасного уровня, после чего уровень водохранилища в Рогуне понизится до 280 метров и, соответственно, уменьшится мощность ГЭС. Вот если бы расход Вахша был раза в полтора больше, тогда бы имело смысл строить такую высокую плотину. Это дало бы прирост электроэнергии.¹

Но все эти доводы на таджикских энергетиков никакого впечатления не произвели. Причем не помог и международный авторитет LI. Кстати, в конце 80-х годов многие таджикские геологи считали такую высоту плотины недопустимой, и Совет министров Таджикистана обратился в Совмин СССР и ЦК КПСС с просьбой понизить высоту Рогунской плотины до 280 метров. Добро было дано, но составить новый проект не успели. Так что с таджикской стороны это была надуманная причина для разрыва отношений с РУСАЛом.

В 2006-2007 годах ООО «Рогун-Сервис» планировало провести подготовительные работы (ремонт дорог, водопровода и так далее) и восстановительные, которые следовало осуществлять независимо от конструкции станции. На эти работы РУСАЛ выделил деньги. Но когда пошли разговоры об отказе РУСАЛу в строительстве ГЭС, бюджет на подготовительные работы был существенно сокращен.

¹ Самая большая в мире ГЭС – «Три ущелья» – построена в Китае. Мощность этой ГЭС в пять раз больше, чем максимальная мощность Рогунской, а плотина ее – бетонная.

Река Вахш (Кызылсу, Сурхоб) – река в Киргизии и Таджикистане, сливаясь с рекой Пяндж образует реку Амударья. Общая протяженность 786 км, площадь бассейна 39,1 тыс. км², средний расход воды 156 м³/с. Берет истоки на Памире, в районе пика им. Е. Корженевской (7105 м над уровнем моря). В устье Вахша находится заповедник Тигровая Балка. В бассейне Вахша насчитывается 569 горных озер общей площадью 17,37 км², в основном они расположены на высотах 2800–3500 м.

Рогунская ГЭС – шестая, верхняя ступень вахшского каскада гидроэлектростанций, расположена в 110 км от столицы Таджикистана Душанбе. Подготовительный период строительства Рогунской ГЭС с установленной мощностью 3600 МВт был начат в 1976 году. В 1987 году началось возведение каменно-земляной плотины, обещавшей стать высочайшей в мире (330 м), к 1993 году она достигла 40 м. Построено сорок два километра тоннелей, выполнена основная работа по машинному и трансформаторному залам. После распада Советского Союза строительство ГЭС было законсервировано, плотина практически размыва мощным паводковым потоком.

В октябре в ООО «Рогун-Сервис» пришло официальное письмо из «Барки Точик» о временной приостановке работ, а в конце прошлого года — об их полном закрытии. Между тем, подготовительные работы нужны были при любой конструкции плотины и пригодились бы даже в том случае, если Таджикистан нашел другого подрядчика. С трудом собранные в команду старые строители Рогуна были сокращены и остались без работы, в том числе и я. Так что, уважаемый Искандер, строительство Рогунской ГЭС затягивается, и может быть совсем сорвется по вине Таджикистана.

Меня приняли в ООО «Рогун-Сервис» как геофизика, много лет проработавшего в Таджикистане и хорошо знающего инженерную геологию. В 2006 году я по электронной базе данных РУСАЛа, по отчетам LI и по материалам прошлых изысканий ознакомился с инженерно-геологическими проблемами строительства для составления программы изыскательских работ на последующие годы. Ежеквартально я писал директору отчет о геологических проблемах. Все перечислять не буду, остановлюсь только на некоторых из них. Если при строительстве Нурекской ГЭС сейсмичность района была основной опасностью для сохранности плотины, то на Рогуне не меньшую, а, может быть, и большую опасность, чем сейсмичность, представляет наличие толщи соли. Разработана оригинальная система солезашиты, но она должна действовать непрерывно без сбоев. Иначе - размыв соли и прорыв воды.

Кроме того, в верхнем бьефе Рогунской плотины есть грандиозный правобережный оползень, объемом 0.9 кубических километров. Обрушение с этого склона отдельных блоков этого оползня будет приводить к образованию в русле Вахша в верхнем бьефе плотины перекрытий (плотин) высотой 60-70 метров. И каждый раз будет возникать аварийная ситуация, как на Байпазинской ГЭС. Изыскания под строительство проведены в 1968-1978 годах и морально устарели. В 1997 году в России, а в западных странах — гораздо раньше, были приняты «Положения о декларировании безопасности гидротехнических сооружений». Наверное, к концу строительства Рогунской ГЭС такое Положение появится и в Таджикистане. Так вот для того, чтобы выполнить все пункты этого Положения декларации, нужно выполнить большой объем изысканий самыми современными методами. И выполнить их нужно до начала проектирования основных сооружений. И каждое из таких геологических открытий будет удорожать и осложнять строительство. Когда наши работы были закрыты, один из опытейших проектировщиков из нашей команды сказал: ну правильно, а то рогунские проблемы нас раньше времени в гроб загонят, пусть нервы тратит кто-нибудь другой. Так что новый подрядчик или донор на строительство, после того, как он детально разберется во все проблемах, может и отказаться от договора.

У меня в Душанбе много знакомых, есть среди них и работники «Барки Точик». Так вот еще два года назад один из них говорил мне: «РУСАЛ отправят в отставку — американцы обещали нам найти инвесторов, которые построят ГЭС даром». Потом были иранцы, затем норвежцы, китайцы, еще кто-то и все — задаром. Затем стали говорить о РАО ЕС. При этом утверждали, что финансировать РАО ЕС нужно из российского стабилизационного фонда и так далее. И тут российский вице-премьер Д.Медведев заявил, что в ущерб себе Россия Рогунскую ГЭС строить не будет. И это правильно, так как с помощью РАО ЕС, пока я ездил помогать Таджикистану, в моей московской квартире стоимость электричества возросла в два раза.

Но пока реальных инвестора два — это РУСАЛ и Всемирный банк. И, как инвесторы, они хотят знать, во что они вкладывают деньги, и какова вероятность их возвращения и получения прибыли в будущем. Главный Подрядчик — РУСАЛ (пока есть перспектива приобретения ТадАза). Он отвечает не только за строительство, но и за безопасность станции. Ведь это самая большая и самая верхняя ГЭС Вахшского каскада, и если на ней случится крупная авария, то Таджикистан в одночасье может потерять всю свою энергетическую отрасль со всеми своими насыпными плотинами.

Уважаемый Искандер, всех своих «тяни-толкаев» вы оцениваете с точки зрения бесплатных кредитов и гуманитарной помощи. Эту помощь вы растратите, и завтра будете просить новую. Пословица гласит, что можно накормить человека рыбой, он скажет вам спасибо, а завтра снова придет просить есть. Лучше подарить ему удочку, чтобы он всегда был сыт и ни от кого не зависел. Если вы создадите в Таджикистане благоприятный инвестиционный климат, заинтересуете инвесторов доходами, тогда они сами придут к вам, настроят все, что необходимо для жизни, Вот тогда вы будете по-настоящему независимы.

Кстати, если говорить о помощи России, то три четверти таджикского бюджета привозится в Таджикистан из России, в виде зарплаты ваших гастарбайтеров, и это будет продолжаться еще очень долго. А заработать они бы смогли еще больше, если бы в достаточной степени владели русским языком и имели более высокую квалификацию. А реальности сейчас таковы: без русского языка высокую квалификацию не получить сегодня ни в России, ни в Таджикистане. Таджикская элита обучает своих детей только в школах с русским языком обучения. И это также — просто эпизод современной геополитики. Не знаю, правда, как вы его оцениваете: как «тянущий», или «толкающий».

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О ПОИСКАХ ПУТЕЙ ИНТЕГРАЦИИ 3 июля 2007 года

Как «Фергана.Ру» уже сообщала ранее, 26-29 июня в Худжанде (Таджикистан) прошла международная конференция «Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы». Наш корреспондент взял интервью у одного из ее участников – профессора Новосибирского университета Владимира Никитовича Пластуна.¹

Фергана.Ру: – Владимир Никитович, насколько подобные конференции, семинары полезны в плане влияния на политические процессы в регионе?

В.Пластун: – Такие конференции будут полезны и смогут оказать влияние в том случае, если наиболее ценные предложения, содержащиеся в выступлениях участников, будут суммироваться и выкладываться на стол каждому из умных руководителей аппарата правительств стран-участников. Резолюции по итогам, принимающиеся на конференциях-встречах, тоже, конечно, нужны, но, в основном, для СМИ.

Фергана.Ру: – Насколько политизирована была данная конференция? То есть насколько высок уровень беспристрастности?

В.Пластун: – Конечно, политизирована! Ведь речь шла не о проблемах мелиорации или урожае хлопка. Хотя и эти вопросы, при большом желании, тоже можно «политизировать». Мы рассматривали важнейшие проблемы роли центральноазиатских государств в геополитическом ракурсе. А как его отделить от геоэкономического, когда все упирается в богатейшие ресурсы региона? И уровень пристрастности присутствует, он не может не присутствовать. А как же иначе? Исламистский терроризм, к примеру, не в Азии зародился. Его сюда «задвинули», а вслед за ним прибыли и «борцы с терроризмом», которые теперь с ним борются. И будут еще долго бороться в надежде оторвать Центральную Азию от России, что дало бы им возможность: а) ослабить Россию, б) не допустить интеграции стран Центральной Азии и в) подобраться к ресурсам, которые иссякают в других точках Земли.

Фергана.Ру: – Возможна ли серьезная, продуктивная интеграция в принципе? К примеру, по примеру союзного государства Россия-Белоруссия...

В.Пластун: – В принципе, возможна. Однако, Россия-Белоруссия – не тот образец. Центральная Азия – это Азия, и здесь нужны совершенно другие подходы.

Фергана.Ру: – Каковы, в таком случае, наиболее перспективные и доступные для реализации направления сотрудничества между странами региона? Двусторонние, в рамках ШОС или иные формы?

В.Пластун: – Годятся любые направления при условии достижения взаимопонимания сначала на двустороннем, а затем – на многостороннем и перекрест-

¹ Владимир Никитович Пластун – историк-востоковед, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета. Более двадцати лет проработал в Иране, Афганистане, Индии; опубликовал около трехсот научных работ, посвященных исследованиям социально-политических событиях в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Индия, сопредельные страны). В последние годы занимается анализом левозэкстремистских движений и проблемами терроризма в странах ислама

ном уровнях. И ШОС — чем она и интересна — в своей короткой истории имеет уже достаточно много примеров достижения такого рода взаимопонимания.

Фергана.Ру: — Какую роль в этих процессах играет Афганистан? Стал ли он полноценной частью Большой Центральной Азии или же все-таки останется вполне самостоятельной единицей на политической арене?

В.Пластун: — Сегодня Афганистан не играет в региональной политике самостоятельной роли. И не будет играть в обозримом будущем, поскольку и в финансовом отношении, и в военном его судьба зависит от воли иностранных государств. Каждому, кто не согласен с этой точкой зрения, предлагаю посмотреть свои собственные взгляды — выступления, статьи — в период пребывания в Афганистане советских войск. В западной прессе все афганские правительства тех лет — Тараки, Амина, Кармаля, Наджиба — именовались «марионетками Москвы», поскольку наши войска воевали сначала с «бандформированиями», затем наши же политики призывали к «национальному примирению» с теми же «бандформированиями». Кстати, я сам принимал участие в подготовке проектов речей для руководства НДПА (Народно-демократической партии Афганистана. — Ред.)

Сейчас все абсолютно то же самое, даже афганскую конституцию написали американцы, которые ее и «реализуют» при помощи натовских войск. Воеют против инициированного самими США движения «Талибан», созданного в свое время на американско-саудовские деньги. В ходе войны появляются новые руины, вот только финансовую помощь на восстановление страны теперь собирает международное сообщество. А в период «нашей» афганской войны все оплачивал только Советский Союз. И надорвался.... Так что о самостоятельной роли Афганистана говорить не приходится.

Фергана.Ру: — Возможна ли выработка единой линии ШОС в отношении Афганистана, и если да, то в какой форме? Военной, оказание экономической помощи, гуманитарной?

В.Пластун: — Помощь, несомненно, нужна. Только необходимо тщательно разработать методы ее оказания, и именно так, чтобы она была адресной. Предварительно согласовать с афганским правительством, подписать документы, просчитать реакцию на оказание помощи от имени ШОС. США будут делать выводы.

В ШОС в качестве наблюдателей входят еще и Иран, Пакистан, Индия и Монголия. Если бы и они присоединились к оказанию помощи, то эффект был бы сильнее. Главное, чтобы ее не разворовали, как это происходит с [той] помощью [что приходит] от Запада.

Фергана.Ру: — Станет ли следующий саммит ШОС, в Бишкеке, неким шагом вперед на пути интеграции? Насколько высока вероятность полноценного вхождения Ирана в состав ШОС? Поддержка этой идеи со стороны Душанбе и Бишкека является всего лишь попыткой разыграть выгодную для каждого из них партию или они выступают всего лишь застрельщиками уже подготовленного шага?

В.Пластун: — Идея заманчивая, и даже очень. Особенно, если хочется «насолить» американцам. Но Российская Федерация не рвется особенно напрягать отношения с Западом из-за Ирана, особенно с Европой. А сейчас вот, смотрите, новый президент Франции Николя Саркози объявил себя безоговорочным сторонником американской политики.

Иран изо всех сил цепляется (пока еще) за лозунг Хомейни «Ни Западу, ни Востоку», но выбирать ему все-таки придется. А пока он ведет себя «неустойчиво»,

все время «выделяет коленца». Тегеран, судя по всему, также склоняется к Центральной Азии, так как чувствует, что будущее за этим регионом. Думаю, иранцы полагают, что союз с Центральной Азией это и есть «третий путь», через который можно выйти на ШОС. В этом случае все будет выглядеть так, что Тегеран, в принципе, напрямую не «просился» в ШОС, но зато в итоге оказался в нем в качестве полноценного члена вместе с Россией и Китаем. Что и требовалось. Но приличия соблюдены, так как их пригласили Душанбе и Бишкек.

Э. Кабулов¹

¹ URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5209>. Английская версия на URL: <http://enews.ferghana.ru/article.php?id=2021&PHPSESSID=2b4e623aceb2127f24c5b173a764499d>

КАТРИН ПУЖОЛЬ: «В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЕВРОСОЮЗ ЩЕДРЕЕ, ЧЕМ США»

11 июля 2007 года

Одним из участников международной конференции «Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы», которая прошла 26-28 июня в Худжанде, была Катрин Пужоль – профессор истории Центральной Азии во французском Институте восточных языков и цивилизаций в Париже, президент Европейского общества исследования Центральной Азии (ESCAS). Более двадцати пяти лет Катрин Пужоль занимается изучением Центральной Азии, неоднократно бывала во всех странах региона.

Фергана.Ру: – Что, кроме заинтересованности в энергоносителях, связывает Европу и Центральную Азию?

Катрин Пужоль: – Связи Европы в частности, и Франции) и Центральной Азии зародились не в этом веке, даже не в прошлом. Они традиционны, им уже шесть-семь столетий. О Центральной Азии писали Монтень, Монтескье, Вольтер, другие европейские авторы. Например, интерес к Тамерлану был всегда велик. И потом Азия всегда была для европейцев загадочной страной, мифом, где стоит побывать и увидеть все своими глазами: Бухара, Самарканд, Шелковый Путь...

Фергана.Ру: – А если говорить о современной истории, сегодняшнем дне? Буквально на прошлой неделе Евросоюз возвестил о новой стратегии по отношению к Центральной Азии...

Катрин Пужоль: – Речь идет, конечно, не только об энергоносителях, хотя здесь, действительно, находятся запасы нефти и газа, потребность в которых есть и сегодня, и останется в ближайшем будущем. Европа хочет быть самостоятельным игроком в регионе, наряду с Россией, Китаем, Ираном и другими странами, которые его окружают. В Центральной Азии и соседних странах живет огромная часть населения планеты, а это рынок. Вдобавок, конечно же, Европу волнуют проблемы безопасности, а регион соседствует с Афганистаном, источником определенных проблем для Европы, которая заинтересована в стабильности, хотя этот регион и довольно далеко расположен и с ним у Евросоюза нет общих границ. Добавьте сюда проблему распространения наркотиков, и вы поймете, что хотим мы, то есть европейцы, или не хотим, но приходится обратить внимание на этот регион. Если не оказывать помощь странам Центральной Азии, то от этого не станет лучше никому.

Фергана.Ру: – На этой политической площадке под названием «Центральная Азия», где уже много игроков, Соединенные Штаты для Евросоюза являются союзником или соперником?

Катрин Пужоль: – Естественно, соперником. США уже давно объявили регион зоной своих интересов, их волнуют вопросы собственной безопасности, прежде всего. Планы Соединенных Штатов и Европы относительно, как теперь называют американцы, Большой Центральной Азии во многом не совпадают. Евросоюз уже давно присутствует в регионе, но в меньшей степени.

Фергана.Ру: – Вы сказали, что США для Евросоюза соперник в регионе, а есть ли у него потенциальные партнеры или союзники? Китай? Россия? Шанхайская Организация Сотрудничества?

Катрин Пужоль: — Трудный вопрос... Европейский Союз, в принципе, — самостоятельный игрок. Но, если без оговорок, он был бы им, если бы представлял единое целое. Пока трудно представить себе Евросоюз как единый организм. Он растет, принимаются новые члены. Да и многие другие страны пока именно так его еще не воспринимают. Для них пока есть отдельно Франция, Германия, Италия, другие страны. Но, я повторюсь: если Евросоюзу удастся стать единым организмом, хотя это и трудный и долгий процесс, то он будет выступать как вполне самостоятельный игрок. Хотя союзники нужны всегда. Россия, в силу того, что от нее зависит энергоснабжение Европы, является наиболее предпочтительным союзником... А Китай? Это совсем другой вопрос.

Насчет ШОС могу сказать, и это мое личное мнение, что рядовому европейцу словосочетание Шанхайская Организация Сотрудничества мало что говорит, в отличие от политиков, журналистов, которые в курсе всех событий. Вначале, когда организация объединяла только Китай и Россию, к ней относились если не с настроженностью, но и без особого интереса. Но сейчас, когда ШОС выступает за многополярный мир против гегемонии Соединенных Штатов, интерес к ней быстро растет. Тем более что уже говорят о возможном вступлении в организацию таких стран, как Туркмения, Иран и Пакистан. Не считаться с такой организацией нельзя, надо с ней сотрудничать. Надо посмотреть, как будет разрастаться организация, как будет проходить процесс интеграции, как будут взаимодействовать новые члены со старыми, выйдет ли ШОС за существующие рамки, когда взаимоотношения пока сводятся лишь к обмену информацией по борьбе с терроризмом.... Если страны-члены организации придут к более тесному экономическому сотрудничеству, то вполне возможно, что ШОС будет иметь гораздо больший вес. Пока же остается только наблюдать, как она развивается.

Фергана.Ру: — Соединенные Штаты, говоря о Центральной Азии, как о зоне своих интересов, оказывают финансовую помощь Центральной Азии. А помощь Европейского Союза значительно меньше...

Катрин Пужоль: — Это вовсе не так. Реально Евросоюз направил в страны региона гораздо больше денег, чем США. Я сейчас не могу назвать точных цифр, но вы можете сами проверить, допустим, в Интернете, и убедиться, что Европейский Союз дал больше денег, чем ООН. США — часть ООН. Просто у Соединенных Штатов богатая практика по созданию своего положительного имиджа. Все знают, как выглядит их звездно-полосатый флаг, но не все знают, что синее полотнище с белыми звездами является флагом Европейского Союза. Американцы действуют довольно хитро, они позиционируют себя так, будто ООН и есть Америка. То есть, у людей помощь ООН ассоциируется с Соединенными Штатами, а о помощи Европы как-то забывают. Наверное, это наша, то есть европейцев, беда. Наверное, нам тоже стоит, как и американцам, побольше говорить о себе, объяснять людям, что такое Европейский Союз и как он помогает Центральной Азии.

Беседовал Э. Кабулов¹

¹ URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5227&PHPSESSID=50e807ab7bc454055cd2b78faa8441a1>

АЛЕКСАНДР КНЯЗЕВ: «БОЛЬШАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ — ЭТО ВПОЛНЕ ОЧЕВИДНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРАЗМ»

5 июля 2007 года

Итоги представительной международной конференции «Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы», прошедшей 26-28 июня 2007 года в городе Худжанде, комментирует один из ее главных организаторов, доктор исторических наук, профессор Александр Князев.

Фергана.Ру: — Вы ставили перед конференцией задачу обсудить и сравнить все идеи, варианты и возможности сотрудничества и интеграции в регионе. Задача решена, или, другими словами, цели достигнуты?

Александр Князев: — Интеграция — лишь один из образов современного политического мифотворчества. И не более того. По-крайней мере, для Центральной Азии. Симптоматично, что подавляющее большинство докладов на конференции — и в дискуссиях мы это все вместе отметили — были выдержаны в тональности скорее критической, негативистской... Мы говорили о том, о чем и собирались: об объективных потребностях в региональном и субрегиональном сотрудничестве, о существующих на сегодня проектах, либо оформленных уже институционально (как ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС), либо существующих в виде концепций, как недавняя идея президента Казахстана о некоем Центральноазиатском союзе или американский проект «Большая Центральная Азия»... Прошлись и по ряду других проектов и концепций.... У конференции с такой тематикой не может быть каких-то общих решений в виде, скажем, резолюции, которая содержала бы общие для правительств всех причастных стран рекомендации...

Фергана.Ру: — В нашем интервью накануне конференции Вы говорили об ожидаемом высоком уровне представительства. Ожидания оправдались? Насколько авторитетны те оценки и мнения, которые составляют главный итог работы?

Александр Князев: — Значительное число участников конференции — люди, которые по роду своей основной деятельности способны в какой-то мере влиять на принятие политических решений. Скажем, директор пакистанского Института стратегических исследований Фазл Ур-Рахман, или руководитель программы по России и Евразии Международного института стратегических исследований из Лондона Оксана Антоненко.... Ну, а для аналитических центров других стран, не представленных в Худжанде, полезен окажется, надеюсь, сборник материалов конференции, который будет издан в самые кратчайшие сроки.... Вообще, прислушиваться к мнениям представителей экспертного сообщества — задача правительств. К сожалению, они все достаточно нечасто это делают. Наша задача — обнародовать свои мнения, предложить их тем, кому необходимо. И в этом плане цели конференции однозначно достигнуты.

К слову сказать, одна из задач любой конференции — стимулировать продолжение тех или иных дискуссий. На днях вы опубликовали мнение одного из участников нашей конференции профессора Искандара Асадуллаева, тут же вызвавшее весьма заинтересованный и компетентный, на мой взгляд, ответ со стороны эксперта «Фергана.Ру», в конференции не участвовавшего. То есть, круг участ-

ников продолжающейся дискуссии расширяется, и это тот путь, который должен помочь найти новые необходимые ответы на важные для всего региона вопросы.

И еще: обсуждая итоги конференции еще с одним из участников, профессором В.Н.Пластуном, вы говорили о пристрастности-беспристрастности подобных обсуждений. Знаете, не может быть абсолютно беспристрастной науки о текущих политических процессах. И это нормально, когда эксперт находит аргументы для отстаивания интересов своей страны. А затем его оппонент находит более убедительные аргументы противоположного свойства, затем появляется новая аргументация, и так далее. Это нормально, только так и достигается общая для всех истина. И когда еще один из участников худжандской конференции, эксперт из Турина Фабрицио Виельмини, гражданин Италии, пытается определить интересы Европы в Центральной Азии через призму сотрудничества с Россией, во главе угла он держит все-таки интересы Европы... Другое дело, что по меньшей мере странно, когда эксперт, имеющий в кармане российский паспорт, начинает лоббировать американские, скажем, интересы... Вот это для меня выглядит более чем странным...

Фергана.Ру: — Оценивая то позитивное, пусть и небольшое, что достигнуто странами региона, можно ли говорить о каком-то устоявшемся формате интеграционных процессов?

Александр Князев: — Я думаю, что главным на сегодняшний день является сформировавшееся уже понимание того, что различные интеграционные концепции и схемы должны реализовываться в конкретных проектах. Период надуманных лозунгов и деклараций об историческом прошлом — а это фактически весь постсоветский период — закончился. Такой подход, кстати, прослеживается и во многих из тех реакций из Узбекистана, в меньшей степени — из Киргизии и Таджикистана, которые последовали на недавнюю инициативу президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о создании некоего нового союза. Посмотрите, ведь в общем и целом реакция не положительна, я бы скорее назвал ее «сдержанно критической», так это еще и с учетом необходимой дипломатичности... Союзы как таковые никому не нужны. Нужны практические действенные соглашения и механизмы для решения водно-энергетических проблем, приграничных вопросов, для решения общих задач обеспечения безопасности, в области коммуникаций и т.д. При этом, учитывая неоднотипность, даже разнообразие политических режимов и социально-экономических систем, сформировавшихся в государствах региона за шестнадцать лет, чрезвычайно важным представляется поиск таких форм сотрудничества, которые никоим образом не затрагивали бы принципиальных основ внутреннего развития каждой страны. Другими словами, недопустимо вмешательство во внутренние дела друг друга. Это чрезвычайно важный вопрос. Любые попытки повлиять извне на политические процессы вызывают резкое отторжение со стороны правящих элит. Я не даю сейчас оценку этим элитам, хороши они, или плохи... Это абсолютно неважно в данном контексте. Любые такие попытки заканчиваются давлением со стороны элит на внутренних оппонентов и усилением изоляции страны от внешнего мира. За примерами далеко ходить не надо. Внутриполитические процессы должны развиваться сами по себе, безо всякого внешнего воздействия, только тогда какие-то происходящие изменения будут отвечать национальным интересам. Любое внешнее вмешательство ломает естественный ход событий и вызывает последствия порой весьма непредсказуемые. Яркий пример тому — Киргизия с ее «революционными» событиями.

Вот в таком контексте возможно благожелательное сотрудничество. Сотрудничество по конкретным направлениям, по конкретным многосторонним или

двусторонним направлениям. И ничего более. Для этого, кстати, ничего институционально нового не нужно. Есть рамочные организации — все те же ОДКБ и другие, не думаю, что необходимо что-то еще новое. Пока неплохо бы научиться реализовывать те неплохие в основной массе решения, которые уже есть и которых множество.

Фергана.Ру: — Тем не менее, проблема интеграции обсуждается, и среди других вопросов, связанных с ней, часто обсуждается вопрос о региональном лидерстве. Эта проблема наверняка обсуждалась в Худжанде? Что Вы об этом думаете?

Александр Князев: — Не может быть никакого регионального лидерства. Ведь внутри самого региона нет страны, которая объективно могла бы выполнять эту роль, и чтобы с этим смирились бы все остальные. Да, есть две страны, которые по ряду критериев — экономических, политико-территориальных, демографических и некоторых других — выделяются в регионе. Понятно, что это Казахстан и Узбекистан. Но проблема в том, во-первых, что ни одна, ни вторая не обладают полным набором таких критериев. У Казахстана сегодня есть деньги. А Узбекистан — это эдакий коммуникационно-географический «становой хребет» региона плюс более половины регионального населения.... А во-вторых, к восприятию кого-то одного в роли лидера не готовы находящиеся еще в стадии своего становления национальные политические элиты... Грубо говоря, элиты должны пресытиться властью, они, как верно отметил на конференции Алексей Малашенко, пока слишком однозначно отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными.... А интерес — это всегда эгоизм. Для того чтобы этот эгоизм стал разумным, учитывающим интересы партнеров, нужно немало лет...

Фергана.Ру: — Ну, а внешние игроки? Кто-то из них мог бы взять на себя роль катализатора интеграции?

Александр Князев: — Есть одна страна в мире, которая, говоря словами бывшего ее госсекретаря Мадлен Олбрайт, «стоит выше и видит дальше», а заодно «бескорыстно трудится в поте лица» во благо всего человечества. В переводе с птичьего на человеческий язык это означает: реализация стратегических установок США в Центральной и Южной Азии призвана обеспечить долговременный характер американского военно-политического присутствия здесь. В этом регионе, помимо интересов нефтегазовых корпораций, сосредоточился грандиозный конфликтогенный потенциал, умелое управление которым могло бы обеспечить статус США как «единственной сверхдержавы», к которому они так стремятся. Нейтрализация России и Китая, превращение Ирана в непосредственный объект американской политики, учет определенных интересов союзников — Пакистана, Саудовской Аравии, Турции, вовлечение в этот круг Индии — таковы основные компоненты предполагаемого регионального устройства. Все остальное — детали. Параллельная разработка двух сценариев — по организации управляемых конфликтов и по созданию «дружественных режимов» — ведет к хаотизации процессов на евразийском пространстве. Понятно, что интересы народов региона здесь абсолютно не при чем... Основная суть американской геостратегии для центрально-азиатского региона была сформулирована Збигневом Бжезинским: США должны быть способны контролировать процесс возможного усиления других региональных держав с тем, чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Вашингтона в мире. Одним из средств такого контроля является создание «управляемых конфликтов». Под этим углом нужно рассматривать и проект «Большая Центральная Азия».

Что касается Китая, то на протяжении всей своей длительной истории он осуществлял внешнюю политику посредством двусторонних договоренностей и контактов: многосторонняя политическая деятельность противоречит духу и традициям китайской дипломатии и политики. Не случайно со странами-участницами ШОС КНР имеет параллельные двусторонние договоры о партнерстве и сотрудничестве. Так что, китайский фактор здесь особой роли не играет...

Без России и вопреки России сегодня уже невозможно решить ни одной сколько-нибудь значимой международной проблемы вообще в мире, тем более — в центральноазиатском регионе, объективно представляющем для России сферу национальных интересов, где, несмотря на все потери постсоветского времени, Россия сохранила наибольшее число факторов влияния. Но важно понимать, что Россия на протяжении последних лет все больше переходит в своей внешней политике на позиции здоровой экономической логики. Период иждивенчества за счет России для стран бывшего СССР закончился. Заклинания про общую судьбу больше не работают. Как и заклинания про многовекторность. Сегодня необходимо говорить о четкой структурной поляризации бывших советских республик — никакой общей судьбы нет, мы идем в современный мир разными путями. Весь мир вновь жестко поляризуется, обостряется конкуренция за иссякающие ресурсы, за контроль над коммуникациями, идет процесс реформатирования мировой системы международных отношений, всего существующего после распада СССР миропорядка. Вот и на постсоветском пространстве кто-то идет в ГУАМ, в НАТО, кто-то видит свое будущее с ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС, кто-то пытается остаться на позициях «позитивного нейтралитета»... Вряд ли для России какая-то интеграция в Центральной Азии представляет интерес сама собой. Как и любая нормальная страна, Россия в каждой из стран региона реализует свои интересы и какое-либо объединение возможно только по конкретным направлениям сотрудничества, исходя из конкретных задач. Как, например, в формате ОДКБ...

Фергана.Ру: — А вот «Большая Центральная Азия» и казахстанская инициатива создания Центральноазиатского Союза.... Давайте к ним вернемся?..

Александр Князев: — Проект «Большая Центральная Азия» можно рассматривать в нескольких измерениях. С точки зрения науки это вполне очевидный геополитический маразм, если обойтись безо всякой часто вредной для дела политоректорности. С точки зрения жизненных интересов стран Центральной Азии это выглядит почти как диверсия. Какая может быть интеграция с сегодняшним Афганистаном?! Любая либерализация пограничного режима со страной, производящей 90 процентов опиума и героина, со страной, продолжающей оставаться прибежищем для экстремистских и террористических группировок, с воюющей, наконец, страной, малейшая либерализация превратит весь регион в один огромный Афганистан!... Пакистан строит на своем участке афганской границы стену, президент Таджикистана призывает к созданию «пояса безопасности», по сути — санитарного кордона вокруг Афганистана, Узбекистан поддерживает де-факто жесткий режим изоляции.... А американские лоббисты «Большой Центральной Азии» рассуждают о том, что, де, «торговля в этом регионе процветала на протяжении двух с половиной тысячи лет, пока южная граница Советского Союза не разрезала его пополам». Не думаю, что автор этого проекта, профессор Фредерик Старр, не понимает того, что пишет. Он просто обосновывает то основное содержание, которое заложено в этом проекте, иногда, кстати, его и не скрывая. Критики проекта «Большая Центральная Азия» обычно пишут о том, что его суть — переориентировать страны Центральной Азии в сторону, противоположную Китаю и

России. Но это же только часть поставленных перед проектом задач!.. Главное — распространить влияние Афганистана в регион, не случайно тот же Старр предлагает «воссоздать Большую Центральную Азию как значительную экономическую зону с центром в Афганистане». Не в Ташкенте, не в Алма-Ате.... А оно состоит в том, чтобы превратить регион в сплошную конфликтную зону, зону управляемого конфликта, который составил бы постоянную головную боль основным геополитическим конкурентам США, имеющим действительно жизненные интересы в центральноазиатском регионе — России и Китаю.

Фергана.Ру: — Казахстанский проект столь же вредоносен?

Александр Князев: — Казахстанского проекта нет. Есть сформулированная в предельно общем виде инициатива. Эта инициатива была бы просто безобидно наивна, если бы она был тем, чем она в основном и является — очередным пиар-проектом казахстанского руководства. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Евразийский союз, программа «Десять простых шагов навстречу простым людям», Туркестанский союз, Мини-ОПЕК, Форум лидеров мировых и традиционных религий, Центрально-Азиатский экономический союз, Проект реформирования СНГ — не слишком ли много? И я же назвал еще не все исходившие из Астаны инициативы, ни одна из которых не стала чем-то действительно реальным, способным повлиять на происходящие в регионе процессы.... Все они изначально концептуально несостоятельны, утопичны, хотя, надо признать, на казахстанское руководство работают неплохие пиар-специалисты, звучит каждый раз довольно убедительно. Правда, недолго звучит... В апреле во время визита Нурсултана Назарбаева в Бишкек была озвучена идея союза Казахстана и Киргизии, а уже в июне отношения между двумя странами характеризуются разрастанием ранее имевшихся и появлением новых противоречий в двусторонних отношениях.

Казахстанские инициативы можно было бы рассматривать как чистый пиар. Только если бы не было очевидно стремление американской администрации обыграть амбиции Астаны в противовес российским планам в регионе. Астану пытаются противопоставить Москве. И дело здесь не столько в интересах, скажем, России, сколько в том, что объективно российско-казахстанские взаимоотношения не являются делом только двух этих стран. Это фактор стабильности для пространства куда более широкого, чем Центральная Азия. И подвергать их надуманному испытанию — дело весьма и весьма опасное. Для США многочисленные проекты американо-казахского сотрудничества имеют именно эту направленность. В сфере энергетики это попытки создания оси Астана-Баку-Тбилиси, все другие планы подключения Казахстана к многочисленным антироссийским коммуникационным проектам.... Для США реализация этих планов означала бы достижение существенного ограничения российского влияния в вопросах добычи и транспортировки энергоносителей — *idée fixe* администрации Буша. В этом же контексте нужно рассматривать и попытки вовлечь Казахстан и другие страны региона в систему «коллективной ответственности» по Афганистану, в полном соответствии с концепцией «Большой Центральной Азии».

Фергана.Ру: — А нужна ли в таком случае вообще интеграция в центрально-азиатском регионе или это только дань популистской моде?

Александр Князев: — Интеграция, повторяюсь, — один из образов современного политического мифотворчества. Само понятие происходит от латинского *integratio* — восстановление, восполнение целого. Восстановление того, что было? Но ведь это были исключительно Российская империя и Советский Союз! Никогда,

я подчеркиваю, никогда больше в истории население региона не было объединено в рамках единого государства... Бухара воевала с Хивой, Коканд воевал с Бухарой и прочее-прочее-прочее... Советская власть дала возможность возникнуть ныне существующим этносам, подарила, по сути, им государственность. Но восстановление какого-либо единства по советскому образцу уже невозможно. Многими экспертами, особенно западными, подчеркивается, что интеграционной основой для стран Центральной Азии может служить историческая общность различных народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи.... Не могут эти признаки быть базисом объединения. К тому же уже практически сформировались новые формы отношений с учетом новых границ, их ломка только негативно может сказаться на жизни населения...

Кроме воспоминаний об СССР сколько-нибудь обоснованной могла бы, на первый взгляд, выглядеть идея исламского интегризма. Мне самому так раньше казалось, но вот на нашей конференции известный исламовед и политолог из Ташкента Бахтияр Бабаджанов окончательно развеял мои сомнения на этот счет. Несмотря на пропагандистскую активность «халифатистов» в регионе, нет никаких оснований в настоящее время говорить о том, что их идеи приняты большинством населения. Идея «единого исламского государства» даже многими собственно исламскими интеллектуалами рассматривается лишь эффективная форма противостояния идеологическому и культурному влиянию и политическому давлению Запада. И не более того.... К слову, ведь и в дороссийский период ислам был преимущественно идентификационным признаком, но никак не интегрирующим.... Никогда.

Вообще, говоря о внутрирегиональных двусторонних или многосторонних отношениях, лично я предпочел бы вообще обходиться от понятия «интеграция», пусть от его звучания радостно трепещут души западных консультантов и местных придворных идеологов. Я бы предпочел сконцентрировать внимание вокруг другого понятия, также вынесенного в название нашей прошедшей конференции — «сотрудничество». Почему-то все участники сосредоточились именно вокруг «интеграции» и, как я уже говорил, преимущественно критически. Наверное, это тоже симптом. Симптом того, что в сфере сотрудничества все так же неблагополучно, раз уж и говорить об этом никто даже не захотел...

Беседовал Даниил Кислов¹

¹ URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5214>. Английская версия на URL: <http://enews.ferghana.ru/article.php?id=2039&PHPSESSID=394cb61f103e8506ee52979d1cebb1b7c>

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление Посла России в Таджикистане Р.Г. Абдулатипова	6
А.А. Князев. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии.	9
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ: ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ	
А.В. Малашенко. Тупики интеграции в Центральной Азии	16
Р.Ш. Сайфулин. Центральноазиатская интеграция: сложный путь от деклараций к реалиям	21
М.А. Олимов. Интерпретация национальных историй как препятствие региональной интеграции	29
Л.И. Сумароков. А.Е. Снесарев о «третьем факторе» и миролюбии в среднеазиатском вопросе	34
М.Н. Суюнбаев. Проблемы идентичности, пределов целесобразности интеграции и неоднородности ее процесса	43
В.С.Бойко. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия	50
ВНЕШНИЕ ИГРОКИ И МОТИВАЦИЯ ИХ ИНТЕРЕСОВ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ИНТЕГРАЦИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА	
В. Н. Пластун. Интеграция в Центральной Азии и влияние внешних факторов	58
Генри Платер-Зиберк. Как так называемый «Запад» видит так называемую «Центральную Азию»	70
Фабрицио Виельмини. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений	75
Л.И. Бондарец. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Евразии	85
Рева С.И. Антитеррористический центр СНГ в международной системе безопасности	100
В.Ю. Летов. Историческая роль пограничных войск России в обеспечении безопасности южных рубежей СНГ	105
ОСНОВНЫЕ ПРОЕКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
М.Ш. Губайдуллина. Казахстан и государства Центральной Азии в межрегиональных отношениях: проблемы и перспективы	109

Г.М. Майтдинова. Модели интеграции государств Центральной Азии: за и против	123
Оксана Антоненко. Европейский Союз не должен игнорировать Шанхайскую Организацию Сотрудничества. Пер. с англ. И. Халдаровой	131
Катрин Пужоль. Центральная Азия и вопрос региональной интеграции: состояние проблематики спустя шестнадцать лет после распада СССР	149
В.В. Парамонов, А.В. Строков. Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии – ключевой вопрос для будущего ЕврАзЭС и ШОС	153
Е.Т. Сейлеханов. Инициатива Республики Казахстан по формированию Союза центральноазиатских государств: перспективы и проблемы	161
А. Дундич. Казахстан: политика многовекторного проецирования евразийства	169
Рашид Г. Абдулло. Интеграция Центральной Азии – кому это выгодно?	177
С.Ю. Ножкин. Межрегиональное сотрудничество в Центральной Азии (Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай»)	185
А.Н. Медведев. Когда экономический расчет возьмет верх над политическими противоречиями.....	190
Б.М. Бабаджанов. Халифат глазами местных богословов: история и современность (тезисы к докладу)	196
Б.М. Бабаджанов. Джихад как идеология «изгоев» (<i>ghuraba'</i>). По документам и публикациям Исламского Движения Узбекистана.....	199
АФГАНИСТАН (ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ) В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ КОНТЕКСТЕ	
В.Г. Коргун. Афганистан и проблемы интеграции Центральной Азии	220
Д.Л. Латифов. Афганская политика США и безопасность Центральной Азии	228
Ш.И. Акмалов. Афганский фактор и региональное сотрудничество в Центральной Азии	232
А.А. Князев. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополитических реалий	237

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ

- Н.М. Омаров.** Будущее интеграционных процессов в Центральной Азии: проблемы и перспективы 245
- Р.У. Ульмасов.** Некоторые тенденции внешней трудовой миграции из Таджикистана 256

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

- Конференция в Худжанде, посвященная путям интеграции стран региона, соберет профессионалов. Интервью с **А.А. Князевым** от 4 июня 2007 года 261
- А.В. Малашенко:** Польза от интеграции стран Центральной Азии – вопрос спорный. Интервью от 14 июня 2007 года 265
- Маятник распада пошел в обратную сторону. Интервью с **А.Д. Собяниным** от 22 июня 2007 года 267
- И.К. Асадуллаев.** Геополитика «тяги-толкай» в Центральной Азии 271
- Л.П. Папырин.** Планы по строительству Рогунской ГЭС тормозятся в правительственных кабинетах Таджикистана (Ответ И.К. Асадуллаеву) 277
- Центральная Азия: Продолжение разговора о поисках путей интеграции. Интервью с **В.Н. Пластуном** от 3 июля 2007 года 281
- Катрин Пужоль:** В Центральной Азии Евросоюз щедрее, чем США. Интервью от 11 июля 2007 года 284
- Александр Князев:** Большая Центральная Азия – это вполне очевидный геополитический маразм. Интервью от 5 июля 2007 года 286

Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии:
сравнительный анализ, возможности и перспективы. Материалы
международной конференции. Худжанд, 26-28 июня 2007 года

Корректор А. В. Пилюгина
Компьютерная верстка А.С. Шелестова

Подписано к печати
Формат 60x84 ¹/₁₆
Печать офсетная. Объем 18,5 п. л.
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Общественный фонд Александра Князева
Киргизия, г. Бишкек, ул. Киевская, 44, КРСУ, к. 327.
<http://www.knyazev.org>

Институт Центральной Азии и Кавказа
Россия, г. Москва, Лубянский проезд, д. 7, строение 1.
<http://www.fnimb.org/icaik.htm>

Отпечатано в типографии Издательского дома «Printhouse»
Киргизия г. Бишкек, ул. Шевченко, 1